

В. А. Петровский

Личность в психологии: парадигма субъектности (1996)

Монография

СОДЕРЖАНИЕ	
<i>Часть I. Теоретические основы психологии субъектности</i>	
Введение	7
Глава 1. «Сообразность» как принцип психологии личности	13
Глава 2. Феноменология неадаптивности человека	25
Глава 3. Парадокс исчезновения деятельности	30
Глава 4. Категория активности в психологии	44
Глава 5. Двуделие деятельности	59
Глава 6. Неадаптивность как неизбежность	81
Глава 7. Деятельность самополагания субъекта (по ту сторону постулата сообразности)	86
Глава 8. Активно-неадаптивные тенденции жизнедеятельности человека	96
Глава 9. Активно-неадаптивные тенденции в предметной деятельности	123
Глава 10. Активно-неадаптивные тенденции в общении	153
Глава 11. Неадаптивная мотивация действия	163
Глава 12. Личность в своих отражениях	172
Глава 13. Мотивация воспроизводства себя как субъекта	214
Глава 14. Развитие личности	230
Глава 15. Идея свободной причинности в психологии личности	269
Заключение	282
<i>Часть II. Феномены субъектности (работы разных лет)</i>	
Присутствие группы как фактор индивидуальной деятельности	287
Личность как субъект активности	297
О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности	320
К пониманию личности	338
Предпосылки психологии личности в свете идей Л.С.Выготского	342
Индивид и его потребность быть личностью	347
«Ролевое» и «субъектное» в личности	357
Субъектность и самосознание личности	370
О возможности субъектогенеза в условиях жесткотехнологизи- рованного обучения	384
Системно-деятельностная парадигма: концепция персонализации	393
Неадаптивность эмоций в развитии личности	404
Соотношение адаптивного и неадаптивного в саморегуляции больных с ишемической болезнью сердца	440
Личность учителя с позиции персонализации	456
Развитие личности и одаренность	475
Вместо заключения. Притча о волшебной смеси	485

Часть I

Теоретические основы психологии субъектности

Введение

Будущий историк психологии советского периода, обращаясь к 70-90-м гг. XX в. , вероятно, с должной беспристрастностью аналитика отметит признаки особой приверженности исследователей к проблеме личности человека, подметит при этом не столько возрастающий интерес к чертам, особенностям, проявлениям, качествам и свойствам личности, которые питали многочисленные эмпирические исследования в предшествующие годы, сколько стремление охватить и осмыслить в собственно психологических понятиях саму личность как особый социальный феномен. Историк сумеет

сопоставить волну интереса к личности в 70-е и 80-е гг. (Б. Г. Ананьев, В. М. Мясищев, Л. И. Божович, В. С. Мерлин, К. А. Абульханова-Славская, И. С. Кон и др.) с периодом 30-40-х гг. , когда в центре внимания советской психологии оказалось сознание (Л. С. Выготский, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн), и периодом 60-70-х гг. с его пристрастностью к изучению деятельности (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн и др.). Возможно, будет показан не только теоретический, но и историко-психологический смысл названия рубежной для психологии книги А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность».

Современный психолог вправе почувствовать себя очевидцем и участником исключительно важного процесса — интеграции двух генеральных направлений: общей психологии, с ее вниманием к порождению, строению и функционированию индивидуального сознания в связи с исследованием предметной деятельности, и — социальной психологии, раскрывающей деятельностно опосредованные связи между людьми, в которых они проявляют себя как личности. В результате рождается особая предметная область — **психология личности**, несовпадающая с областью дифференциально-психологических разработок, посвященных индивидуальным особенностям людей, и традиционных социально-психологических исследований, имеющих своим предметом межличностные связи.

Опору для построения этой особой предметной области психологических исследований мы усматриваем в идее субъективности человека, что означает здесь свойство самодетерминации его бытия в мире; в философии, как известно, для обозначения этого особого рода причинности используется термин *causa sui* — «причина себя».

Субъектность человека проявляется **в его деятельности**, — особой активности, посредством которой человек воспроизводит себя, свое собственное бытие в мире. Смысл слова «деятельность» раскроется нам постепенно, в ходе анализа, а пока ограничимся тем, что перечислим некоторые сферы человеческой деятельности, хорошо известные нам по опыту. Это, во-первых, жизнь человека как воспроизводство его психофизической целостности, — иначе говоря, его жизнедеятельность. Во-вторых, воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов, — это так называемая *предметная* деятельность (или — «деятельность» в узком смысле этого слова). В-третьих, воспроизводство общности с другими людьми, — деятельность *общения*. И, наконец, в-четвертых — это воспроизводство себя как носителя сознания — деятельность *cogito* («Я мыслю», — самополагание в рефлексии).

Итак, во-первых, быть личностью — значит быть субъектом собственной жизнедеятельности, строить свои витальные (в широком смысле) контакты с миром. Это означает не только физический аспект существования человека, но его бытие как психофизического целого. В частности, «благополучие — неблагополучие» в витальной сфере понимается как переживаемая человеком мера его безопасности во взаимоотношениях с природным и социальным окружением: на ранних ступенях онтогенетического развития она может проявляться в «базисном доверии» или «тревоге» (Эриксон), а позднее — в переживании слияния с миром (А. Камю) или «онтологических страхов» (Ж. П. Сартр).

Психологические исследования личности как субъекта витальности — это изучение биологических предпосылок под держания человеком своих взаимоотношений с миром (с этой точки зрения могут быть проанализированы работы Б. М. Теплова, В. Д. Небылицина, В. С. Мерлина, И. В. Равич-Щербо и др.), жизненного пути человека (способов реализации человеком своей судьбы), путей и способов реставрации человеком своих отношений с миром в кризисные моменты жизни (Э. Линденманн, В. Франкл, Ф. В. Василюк).

Среди возможных подходов к исследованию личности в этом аспекте мы выделяем изучение поведения перед лицом реальной или **потенциальной угрозы**.

Эта линия исследований, имеющая свою историю в зарубежной психологии, была намечена нами как один из путей исследования активности личности в связи с анализом тенденции к риску (В. А. Петровский, **1971-1975, 1977** г.). Уровень личности как «авторствования» человека применительно к построению им собственной жизни может быть зафиксирован в термине *индивидуум* или *индивидуальный субъект*.

Во-вторых, быть личностью — это значит быть субъектом предметной деятельности. Последняя может быть раскрыта как производство человеком предметов духовной и материальной культуры и представлена в виде процессов опредмечивания и распредмечивания человеческих «сущностных сил» (Г. С. Батищев, В. В. Давыдов, Э. В. Ильенков, А. Н. Леонтьев, Н. Н. Трубников, Э. Г. Юдин и др.).

Психологические исследования личности как субъекта предметной деятельности посвящены: зависимости протекания психических процессов человека от того места, которое он им придает в организации собственной деятельности (А. Н. Леонтьев, П. И. Зинченко, А. В. Запорожец, А. А. Смирнов, В. Я. Ляудис и др.), смысловой детерминированности психических процессов (Н. А. Леонтьев, С. Я. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе), «ценности» как фактора отношений субъекта с миром (Н. И. Непомнящая), «смысловой установке», шире — «смысловым образованиям» (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Д. А. Леонтьев и др.). «активности образа мира» (С. Д. Смирнов и др), общим механизмам саморегуляции как «особого контура» организации информационных процессов, регулирующих деятельность (О. А. Конопкин, Ю. А. Миславский, В. И. Степанский и др.). В работах этого направления личность выступает в значении «*деятель*».

В-третьих, быть личностью — это быть субъектом деятельности общения. Необходимо различать собственно *общение* и *коммуникацию* (последняя может иметь чисто служебный характер). Общение же — это производство индивидами их *общего* (В. А. Петровский), что предполагает достижение взаимной идеальной представленности взаимодействующих сторон (в отличие от коммуникации, которая может иметь чисто инструментальный характер). Специальный анализ категории общения позволяет отличить ее также от категории «предметная деятельность» (А. В. Петровский, В. А. Петровский, Л. А. Радзиховский и др.).

Психологические исследования личности как субъекта общения представлены работами в области символического интеракционизма (базирующегося на работах Дж. Мида), трансактного анализа (Э. Берн и его школа), социальной перцепции (А. А. Бодалев, Г. М. Андреева, А. У. Хараш и др.), социального влияния и власти (Картрайт, Танненбаум, Тибо и Келли и др.), деятельностного опосредования межличностных отношений (А. В. Петровский и его сотрудники), а также исследованиями диалогичности сознания (М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. У. Хараш и др.).

Особый путь, практически не проложенный, ориентирует на анализ феноменов и механизмов идеальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других индивидов. На этом пути исследования для других бытие индивида выступает как относительно автономное (отцепленное, независимое) от него самого. По существу, перед нами проблема инобытия индивида, или иначе — его *идеального бытия* (отраженной субъектности). И речь тут, понятно, идет не столько об образе кого-либо в сознании других людей: образ людей выступает лишь частным возможным фрагментом представленности, скорее — об изменении смысловых образований другого индивида; в них как бы записаны эффекты воздействия первого (условно мы обозначили их термином «вклад»). Необходимо особо подчеркнуть, что вклады не сводятся к любым, пусть даже существенным с точки зрения первого индивида, изменениям поведения и сознания второго, но только те изменения, которые существенны для второго, выявляют свою значимость для его самоопределения, для постановки и решения его собственных проблем и задач. При такой постановке вопроса в качестве специального предмета анализа выступает не

зеркальный эффект, а эффект присутствия индивида в «Зазеркалье» общения с другим индивидом. Итак, особое направление исследований личности как субъекта общения мы видим в разработке проблемы «отраженной субъектности» (В. А. Петровский, 1981; 1985 и др). Строго говоря, быть личностью как субъектом общения невозможно без той или иной степени *идеальной репрезентированности (отраженности) человека в жизни других людей*.

Наконец, в-четвертых, быть личностью — означает быть субъектом деятельности самосознания. За этим пониманием — богатая традиция философского анализа. В европейской философии: работы Фихте, Гегеля и других философов.

Предмет психологических исследований личности как субъекта самосознания — это «открытие» человеком собственного *Я* в процессе возрастного развития (И. С. Кон и др.); самооценка личности (Н. С. Неймарк, А. И. Липкина и др.); моральная саморегуляция поведения (С. Г. Якобсон); «конфликтные смыслы» (В. В. Столин, Ю. М. Пилипченко), строение системы самоотношений (концепция трех компонент самоотношения, разработанная В. В. Столиным). В этих исследованиях личность выступает как *Я*.

Как видим, конституирующей характеристикой личности человека (и выделения соответствующих областей психологии личности) является его субъектность. Взгляд на личностное в человеке как проявление его субъектности не является прерогативой психологической мысли. Таково представление о личности в философии, социологии, педагогике; литература, искусство, политика, да и сам язык обыденной жизни наделяют личность силой активности. Кто не активен, тот обезличен. В этом сходятся научные и интуитивные концепции личности в сознании людей. *«То, чего не достаёт рабу, — писал Гегель, — это признания его личности; принцип же личности есть всеобщность. Господин рассматривает раба не как личность, а как не обладающую самостоятельностью вещь, сам раб не числится «Я», его «Я» есть господин»*. Личность есть господин самого себя, — такова максима ценностного осмысления феномена личности в культуре.

В пределах настоящего исследования, мы не рассматриваем самое генезис идеи «личности» в истории культуры, — что могло бы составить предмет специальных философских, историко-психологических¹, культурологических разработок. Свою задачу мы видим в том, чтобы оценить правомерность (выполнимость) максимы: «личность есть субъект активности» в отношении эмпирического индивида—его реальных жизненных проявлений. Но исследование, имеющее предметом испытание истинности своих собственных предпосылок, есть, как известно, исследование *логическое*. Путь же искомой оценки лежит не в сфере «чистого разума», а в материале *эмпирического* познания: наблюдений и психологических экспериментов. Поэтому избираемый автором жанр исследования может быть назван *«логико-психологическим»*.

На языке философии исходный вопрос мог бы быть сформулирован так: возможна ли личность? В психологическом плане нас интересует: способен ли индивид быть личностью, субъектом своего бытия в мире, а именно — свободным, целеустремленным, целостным, развивающимся существом, в каких эмпирических формах индивид обнаруживает свою личность?

Эту проблему можно поставить и так: если верно в личности человека видеть такие формы субъектности, как причинность по отношению к своим собственным, витальным предметным и социальным отношениям, проявление активности самосознания, то не является ли понятие личность всего-навсего собирательным, не заключающим в себе особой реальности? В этом случае понятие личность лишается своего категориального статуса, а соответствующий предмет как бы разваливается на куски. Далее. Если личность образуют различные субъекты активности, а каждый, очевидно, включает в себе свой спектр «свобод», то что представляет собой свобода человеческой личности как целокупности этих субъектов? И не ограничивают ли они друг друга, проявляя каждый — себя? В каком виде могла бы

быть сохранена идея целеустремленности человека как личности, если в нем соединены многие целеустремленные существа? И, наконец, — что могло бы направлять в таком случае развитие личности?

ГЛАВА I. «СООБРАЗНОСТЬ» КАК ПРИНЦИП ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Одним из существующих подходов к решению поставленных вопросов является принятие «постулата сообразности» — особого принципа понимания активности индивида, лежащего в самом фундаменте эмпирической психологии. Говоря о постулате сообразности (В. А. Петровский, 1975), мы имеем дело с определенной методологической предпосылкой, объективно представленной в мышлении исследователей. Вводимый нами в контекст психологической теории термин *сообразность*, согласно В. Далю, означает «соответствие чего-то чему-то». В данном случае речь идет о соответствии, сообразуемости того, что происходит с индивидом, предустановленному в нем. Итак, суть постулата заключается в том, что индивиду приписывается изначальное стремление к внутренней цели, в соответствии с которой приводятся все без исключения проявления его активности. По существу, речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. *Адаптивная направленность* трактуется здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования и т. д.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует полноценность субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также процессы самоприспособления: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т. п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет также о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентации: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т. д.

Приспосабливает ли индивид себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам, — в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, базис для которых уже сложился, определился в прошлом. Отсекается все, что избыточно по отношению к этим исходным ориентациям.

Но это, в свою очередь, значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос «зачем?» — Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как адаптивные и неадаптивные. Постулат сообразности и заключается в открытом или скрытом признании такой Цели и приписывании ей роли основного вдохновителя и цензора поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивид в каждый момент времени хочет сделать что-то, т. е. устремлен к какой-то цели; смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая, в конечном счете, движет поведением, какими бы противоречивыми и неразумными не представлялись при поверхностном наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

В этом-то и состоит возможный ключ к пониманию личности как целокупного субъекта активности, ибо выдвигается единый принцип его бытия, охватывающий все возможные формы и проявления его как целеустремленного существа. *Витальность*,

деятельность, общение, самосознание — все это сферы реализации предустановленной Цели. Говоря о субъектах в каждой из этих сфер как сторонах личности, мы не должны ни на минуту забывать о том, что перед нами лишь частичные субъекты активности, должны помнить, что есть и верховный субъект, властвующий над ними. Имя этого существа известно — *трансцендентальный субъект*. В нем — источник интенций, данных нам в наших целях. Он — *законодатель эмпирических форм субъектности*: нашего витального, деятельного, общающегося, рефлектирующего Я.

Эмпирическая психология отнеслась без должного внимания к идее существования трансцендентального субъекта, однако не затруднилась предложить принципы организации психической жизни и доведения, содержащие в себе эту идею имплицитно. Именно эти принципы, в сущности, и выдвинули постулатсообразности, а теперь могут быть рассмотрены как варианты реализации данного постулата в концептуализации мира человеческой жизни исследователями.

В зависимости от содержательной интерпретации изначальной Цели в психологии выделяются следующие версии постулатасообразности.

Гомеостатический вариант. В концепциях гомеостатического типа, восходящего к Кеннону (рефлексология в ее различных формах, «динамическая» психология К. Левина, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера и пр.), постулатсообразности выступает в форме требования к устранению конфликтности во взаимоотношениях со средой, элиминации напряжений, установлению равновесия и т. д. Считается, что какое-нибудь событие, будь то изменение температуры окружающей среды или перемена в социальном статусе человека, выводит его из состояния равновесия, поведение же сводится к реакции восстановления утраченного равновесия.

Гедонистический вариант, восходящий к платоновскому «Протагору», в открытой форме выдвинут в концепции *аффективного возбуждения* (Мак Клелланда и др.). Согласно принятым здесь взглядам, действие человека детерминировано двумя первичными (prīmaгу) аффектами — удовольствием и страданием, все поведение интерпретируется как максимизация удовольствия и минимизация страдания.

Прагматический вариант. В качестве ведущего здесь рассматривается принцип оптимизации. Во главу угла ставятся утилитарные интересы (польза, выгода, успех). Подобным же образом формулируется постулат экономии сил, трактующий поведение по образцу принципа наименьшего действия, почерпнутого из физики. Последний утверждает, что если в природе происходит само по себе какое-нибудь изменение, то необходимое для этого количество действия есть наименьшее возможное. Так же и человеческое поведение: *«Если данной возникшей у человека цели можно достичь различными путями, то человек использует тот, который, по его представлениям, требует наименьшей затраты сил, а на избранном пути он расходует не больше усилий, чем, по его представлениям, необходимо»* (Ершов П. М. Режиссура как практическая психология. М., 1972. С. 23).

Действие *постулатасообразности* охватывает не только выраженные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно или, если воспользоваться более точным выражением М. Г. Ярошевского, «надсознательно» используемых и глубоко укоренившихся в мышлении установок и схем.

Сфера применимости постулатасообразности в форме тех или иных его модификаций как будто бы не знает исключений, возможности его приложения кажутся бесспорными. В самом деле, на первый взгляд кажется очевидным, что всякий акт деятельности ведет к какому-либо согласованию, приближает к предмету потребности, преднастраивает к будущим воздействиям среды и т. д. Одним словом, преследует непременно полезную цель, отвечает исключительно адаптивные задачам. Все, что угрожает благополучию (нарушает гомеостазис), расценивается как вредное, нежелательное, и потому те действия индивида, которые устраняют

возникший «разлад», представляются естественными и единственно оправданными.

Когда все-таки встречаются «немотивированные» действия, то они выглядят либо следствием всякого рода отклонений субъекта от нормы, либо следствием ошибок в работе, которые, в свою очередь, объясняются неподготовленностью деятельности, дефицитом информации, отсутствием достаточной прозорливости, незрелостью и т. д., либо, наконец, действием какого-то скрытого мотива, который наряду с другими также преследует задачу обеспечения гармонии индивида с внешней средой.

Понятно, что постулат сообразности легко распространяется и на анализ тех действий, которые продиктованы, казалось бы, исключительно внешними требованиями и выглядят строящимися на иной основе — в соответствии с чужими интересами и по чужой воле. Здесь также поведение индивида выводился из его автономных приспособительных устремлений, разве что более глубоких и существенных (сохранение жизни, имущества, престижа и т. д.). Что же касается внутренних проявлений активности, таких, как установки, эмоциональные сдвиги, целостные и фрагментарные психические состояния и т. д., то и они, в конечном счете, согласно скрытому велению постулата сообразности, отвечают задачам индивидуального приспособления, хотя и затруднены для интерпретации. Так, отрицательные эмоции «нужны» индивиду для того, чтобы указывать на незаконченность действия или на его неадекватность исходной программе, сон нужен для того, чтобы просеивать текущую за день информацию и отбирать полезную, сновидения — чтобы давать «разрядку напряженным системам головного мозга» или, если иметь в виду его роль «в далеком филогенетическом прошлом» человека, для физиологической мобилизации организма в условиях внезапно возникшей во время сна опасности, «для закрепления опыта повседневной жизни» (по И. Е. Вольперту) и т. д. Если же что-либо трудно или невозможно объяснить, исходя из постулата сообразности, соответствующее явление рассматривают либо как болезненное, т. е. случайное для представителей вида, либо его провозглашают уходящим из жизни вида как что-то лишнее, ненужное: «Эмоции — цыгане нашей психики» (В. Джеймс) и т. п.

Примеры нарушения постулата сообразности как будто бы мы находим в филогенезе, на различных ступенях организации жизни. Известны факты «жертвенного» поведения (муравьи), «бескорыстной» исследовательской и поисковой деятельности. В опытах американских ученых было показано, что крысы, помещенные в условия, где мог быть сполна удовлетворен широкий круг потребностей, выходили на «неосвоенную» территорию. «Искателями», впрочем, была лишь некоторая часть крыс. Было рассчитано, что если бы вся популяция крыс вела себя подобным образом, то она была бы обречена на уничтожение. Вместе с тем, если бы все крысы придерживались консервативного стиля поведения, то есть не выходили за пределы освоенной территории, то это бы привело к истощению пищевых ресурсов, и следовательно, к гибели животных. Нет смысла специально разъяснять, что примеры «неадаптивного» поведения той или иной особи имеют вполне очевидный приспособительный смысл, если рассматривать их с позиций реализации в поведении особи адаптивных интересов рода, то есть отказаться от «организмоцентрического» взгляда на эволюционные процессы в пользу «популяционно-центрического»¹.

Постулат сообразности, подобно декалькомани, проступает даже в таких теоретических построениях, которые, казалось бы, призваны самим своим существом составить альтернативу ему: так, на первый взгляд, само предположение, что человек, «в поисках смысла», («самотрансцендирующее существо») (В. Франкл) может быть осмыслен как существо адаптивное, — кажется предположением абсурдным. Но факт состоит в том, что сама по себе рокировка телеологии влечения (мотивация) и телелогии долга, сведение человеческого в человеке к утверждению «ситуативных ценностей» (В. Франкл) есть все та же адаптивная парадигма понимания действительности человеческого поведения. Не составляет исключения из

телеологической схемы и концепция Г. Оллпорта («стремление к напряжению»): являясь предметом устремлений человека, напряжение вполне представимо как гедонистическая образующая его поведения, а уход от напряжения — как нарушение гомеостаза в сфере переживаний удовольствия (то есть, отклонение от «гедонистического оптимума» — ср. данные исследований в области теории активация Д. Хебба).

Толерантность телеологических моделей к возможной критике могла быть проиллюстрирована и высказываниями Э. Фромма, — одного из признанных исследователей феномена человеческой свободы: «феномены социальной психологии должны быть объяснены как процессы активной и пассивной адаптации инстинктивного аппарата к социально-экономической ситуации» Э. Фромм, 1978).

О такого рода концепциях А. Г. Асмолов справедливо писал как о « внешне противоположных» отдельным разновидностям постулата сообразности (А. Г. Асмолов, 1990).

Теперь надлежит оценить адекватность постулата сообразности как принципа психологии личности.

На первой ступени анализа в поле нашего зрения — концептуальные возможности исторически сложившихся форм постулата сообразности: гомеостатической, гедонистической, прагматической. Здесь перед нами вопрос: можно ли, приняв за исходное и определяющее какое-либо одно из отмеченных жизненных отношений («равновесие», «наслаждение», «польза»), представить все факты психической жизни укладывающиеся в рамки данного отношения? Если бы **это** было действительно так, то некоторую часть индивида нужно было бы считать главной, существенной, а оставшуюся «часть» подчиненной и лишь «адаптирующейся» к первой. Критика этого взгляда, следовательно, должна была бы заключаться не в том, чтобы установить возможные противоречия между различными жизненными отношениями индивида, а в том, чтобы показать, что любое из них, став главенствующим, неизбежно вступило бы в противоречие с самим собой, стало бы как говорят в этом случае юристы, «свидетельствовать против себя».

Гомеостатическая парадигма. Ей без труда могут быть противопоставлены факты поиска активно-неравновесных отношений индивида со средой, приносящих наслаждение (торжество гедонизма). Нас, однако, интересуют не эти внешние оппозиции между парадигмами, а внутренние ограничения каждой (В. А. Петровский, 1977, 1992). Так, не отходя от принципов гедонизма, мы замечаем, что поиск «нулевой отметки» на шкале дискомфорта превращается в фактор немалого риска для ищущего. Незащищенность, как следствие такой стратегии жизни, хорошо известна не только из клинической практики (акцентуация по 7 шкале MMPI — «ограничительное поведение»), но и исходя из жизненных наблюдений, обобщенных в известной сказке «Премудрый пескарь». Несостоятельность гомеостатической парадигмы могла бы быть продемонстрирована на примере «выученной беспомощности» и т. п. Важно, что речь здесь идет об имманентной критике, а не о критике только «извне» (со стороны гедонистических или прагматических концепций).

Точно так же *гедонистической парадигме* (принцип удовольствия) легко может быть противопоставлена *прагматическая* (принцип реальности), легко, разумеется, поскольку это было уже сделано некогда З. Фрейдом. Труднее, а мы пытаемся здесь сделать именно это, оценить объяснительные возможности гедонизма как бы изнутри — согласно его собственной логике, в его же собственных терминах. И сразу же в поле нашего зрения попадают такие собственно человеческие переживания, как чувство вины, стыд, ностальгия, тревога. Можно ли без насилия над фактами объявить их проявлениями устремленности человека к наслаждению? Сомнительно? Переживания эти способны подчинить себе весь строй жизни человека и в определенных условиях запечатлеться в виде негаснущих очагов страдания. Трудно не посчитаться с этими фактами, имеющими отнюдь не рудиментарный и не патологический характер, при оценке взгляда на стремление к удовольствию как основе организации

психической деятельности субъекта.

Но, может быть, говоря о гедонистических ориентациях, следует иметь в виду прежде всего нормативный план, определяющийся ответом на вопрос о том, к чему *должен* стремиться субъект? Тогда, приняв гедонистический идеал за конечную цель, следовало бы отбросить все, что не имеет отношения к этой цели, как неадаптивное и потому излишнее. Анализ показывает, однако, что при этом эмоциональная жизнь человека упрощается, ограничивается все более предсказуемыми переживаниями, — эмоциями без новизны. Нельзя, конечно, исключить, что человек может питаться и эмоциями «второй свежести», но станем ли мы настаивать, что это и есть путь к наслаждению? Однако для того, чтобы вкус новизны поддерживался, необходимо расширение опыта за пределы изведенного, а это означает риск. Теперь, даже если мы введем в число гедонистических целей вкус к новизне, все равно сохранится сомнение, оправдывает ли себя поиск ощущений как способ достижения удовольствий. Ведь если иметь в виду действительную новизну, подлинное неизведенное, то будут заранее неизвестны не только знак грядущей эмоции, но также ее интенсивность и, более того, сама вероятность позитивных или негативных исходов опыта. Поэтому идеальный субъект гедонистической организации устремлений неизбежно бы сталкивался с альтернативой: либо подверженность пресыщению, либо сомнительный по своим последствиям риск. Гедонистическая парадигма, так же как и ранее рассмотренная гомеостатическая, вступает в противоречие сама с собой.

Если придерживаться того же принципа анализа, что и прежде, то есть оценивать объяснительные возможности вариантов постулата сообразности как бы изнутри, то мы заметим, что еще одна его разновидность — *прагматическая* — также не состоятельна, если ее рассматривать как самодостаточную. «Идеальный субъект» прагматического отношения к миру живет не настоящим, а будущим, его сегодняшнее всецело посвящено завтрашнему. Положим, точка успеха достигнута. Если бы речь шла о гедонистическом человеке, мы сказали бы, что он насладится сейчас чувством успеха. Но не таков человек прагматический. Точка успеха для него мгновенно превращается в запятую, и вот она уже теряется где-то в прошлом. В прошлое убывает также и то, что некогда могло бы быть пережито как успех. Но теперь оно всего лишь промежуточный результат на пути к другому, столь же промежуточному результату. Прагматична ли эта стратегия жизни? Знаток человеческой природы Э. Берн говорил о человеке, чье сознание озабочено будущим и находится «не там», где его тело, и максимально удалено от последнего, что такой человек ни жив, ни мертв, кроме того, склад его жизни, весьма вероятно, доставляет «наиболее благоприятные условия для развития коронарной недостаточности и гипертонии» («Не успокаиваться на достигнутом» — входит в симптомокомплекс черт «коронарносклонных»). Эта теория был предметом оживленной дискуссии в медицинской и психологической литературе). Помышляя о будущем и обретая, наконец, предмет своих устремлений, прагматический человек тут же упускает достигнутое, — во имя того, что будет упущено им позже. Открывающиеся ему виды на будущее упраздняют для него ценность происшедшего. Устойчиво следовать прагматическим идеалам — все равно, что пытаться наступить на черту горизонта. Заманчиво, но неосуществимо, что не может не учитываться при оценке адекватности прагматической парадигмы, — она, подобно ранее рассмотренным, свидетельствует против себя, выявляет свою внутреннюю противоречивость и ограниченность. В диссертационном исследовании В. К. Калининко, выполненном под нашим руководством совместно с Г. И. Косицким и В. Д. Карвасарским, показано, что ишемическая болезнь сердца развивается у людей, которые в молодые годы были склонны к риску (имеется в виду исследуемое нами стремление к непрагматическому риску), но в последнее время сменивших стиль жизни на более благоразумный (прагматическая парадигма). Многоликость постулата сообразности — а выше были перечислены, очевидно, не все его формы, — не только свидетельство реальности его в мышлении исследователей,

это еще и объяснение кажущейся неуязвимости его для критики. Допустим, мы сомневаемся в истинности гомеостатической трактовки и принципов организации поведения, но ведь при этом вне критики продолжает оставаться гедонистическая трактовка. Переходим и к ней, но на примере прагматической. Как в сказке с драконом, на месте упраздненной альтернативы рождаются две новые. Где гарантия, что круг возможных вариантов постулатасообразности исчерпан? Такова судьба критики, которая проводится индуктивно. Поэтому на второй ступени анализа постулатасообразности мы имеем дело с чистой схемой мышления исследователей, отвлекаясь от обсуждения конкретных форм представленности его в отмеченных выше парадигмах — гомеостатической, гедонистической, прагматической.

Здесь нас пока интересует исключительно ответ на вопрос, в какой мере принятие постулатасообразности позволяет интерпретировать бытие индивида как проявление его личности, существование в качестве действительного субъекта активности. Возможность «личности» определяется такими критериями, как свобода, целеустремленность, развитие.

Свобода. За счет существования Цели индивид выглядит значительно более свободным существом, чем любая вещь в «цепях причинности». Говоря «Я хочу», «Я стремлюсь», «Я совершу это», человек видит себя как причину происходящего — причину среди причин, — но в этом же акте он противопоставляет себя всему остальному миру причинности, выделяет себя из причинно-следственного ряда как независимую силу, Но здесь же и иллюзия свободы: воспринимая себя как причину, человек не замечает, что он *зависим*, — это Цель, которая изначально присутствует в нем, диктует ему путь и ориентир действий, и только в рефлексии, — а «постулатсообразности» направляет ее, — он будет вынужден признать свою несвободу, действие не зависящей от него, по обязательной для него Цели.

Целеустремленность. Она здесь не более, чем заданность, — преддетерминированность целеполагания и целедостижения исходным телеологическим отношением. Говоря, что человек ставит перед собой ту или иную цель, мы должны каждый раз иметь в виду, что, в сущности, речь идет только о многоликих воплощениях одного и того же: Цель (с большой буквы) кристаллизуется во множестве «промежуточных целей», каждая из которых — лишь средство осуществления вышестоящей или вышестоящей. Но тогда любой индивидуальный акт есть, в конечном счете, проявление *внешней* целесообразности — все есть лишь средство для осуществления чего-то и лишено самоценности.

Целостность. «Постулатсообразности» гарантирует *единство* всевозможных форм проявления активности человека. Все они, как если бы это была ось, вращаются вокруг теологического отношения, принимаемого за основное. Но идея целостности («целокупности») есть, как известно, идея, не простого единства, а единства в многообразии. Сомнение — как раз в этом пункте: о каком многообразии может идти речь, если проявления активности трактуются как существенно совпадающие между собой по своему действительному предназначению? Независимо от того, будут ли они рассматриваться как равнозначные с точки зрения главенствующей Цели или иерархизированные, существенная однородность их гарантирована. Используя метафору В. П. Зинченко, можно сказать, что личность выступает здесь как «административное учреждение», правда, в одном случае в виде одноэтажного здания с мезонином, а в другом — как пирамида с неизменным «хозяином» на верхнем этаже. Целостность индивида при этом редуцируется, выступает как «одномерность» его бытия, *единообразие* его активности.

Развитие. «Постулатсообразности» удобен тем, что он предreshает взгляд на человека как на самоорганизующееся существо. Имеющиеся холистические трактовки личности вполне адекватны этому постулату, что, несомненно, возвышает его в наших глазах. Однако существует и другое слово, не менее точно выражающее суть — *преформизм*, принцип которого и состоит в «саморазверстке», «самораскрытии» того, что предзадано, предвосхищено в Цели. При подобном взгляде идея развития

личности сводится к представлениям о росте ее изнутри. Предметно-социальная среда существования человека выступает при этом в роли обстоятельств развития, имеющих внешний и случайный характер. Таковы последствия открытого принятия идеи *трансцендентального* субъекта для понимания личности как особой инстанции в организации эмпирического индивида. В представлении о личности как целокупном субъекте активности вносятся существенные ограничения. По сути, мы стоим на пороге отрицания свободы, целостности, устремления, развития человека как носителя личности: свобода здесь выступает как иллюзия самосознания, устремленность сводится к заданности целостность — к единообразию, развитие — к самодетерминации в рамках предсуществующего.

Иной взгляд на личность, который мы развиваем как действительное решение проблемы, состоит в том, чтобы мыслить личность человека как порождаемый движением его деятельности, общения и самосознания *идеальный субъект* — средоточие целокупной активности человека. Личность как идеальный субъект в движении человеческой жизни не изначален по отношению к деятельности, общению, самосознанию, не предшествует их эмпирическим субъектам, а как бы вырастает из них. **Совершенная личность** — не трансцендентальный, но *трансцендентный субъект*. Это, в свою очередь, означает, что в проявлениях деятельности, общения, самосознания их эмпирические субъекты выходят за пределы себя, — трансцендируют. В психологическом плане происходящее может быть описано как *неадаптивность*.

ГЛАВА 2. Феноменология неадаптивности человека

За последние 15-20 лет слово *неадаптивность* приобрело особое значение и звучание. Если прежде оно воспринималось под углом зрения болезненных отклонений от некой формы, то теперь оно как заключающее в себе и некоторый позитивный смысл ассоциируется с активной позицией человека в жизни. Постановка такого смыслового акцента все же недостаточна для понимания неадаптивности, а пояснить ее значение (и противоположного термина *адаптивность*), как выясняется, непросто. Понятию *адаптация*, например, посвящена обширная литература (опыт обобщения ее содержится в коллективной монографии «Философские проблемы теории адаптации» (Под ред. Г. И. Царегородцева. М., 1975), но обобщенного представления о адаптивности и неадаптивности мы там не находим. Наиболее четкая разработка этого вопроса встречается у Г. Акоффа и Ф. Эммери, но трактовка адаптивности индивида сводится к компенсаторному повышению эффективности системы, что сужает значение этого термина. На категориальном уровне анализа адаптивность— неадаптивность, как нам представляется, могут быть раскрыты как тенденции функционирования целеустремленной системы, определяющиеся соответствием — несоответствием между ее целями и достигаемыми результатами. Адаптивность выражается в согласовании целей и результатов ее функционирования. Идея адаптивности (или иначе сообразности, сообразуемости целей и результатов активности) составляет, как показывает анализ, фундаментальную предпосылку разработки основных направлений эмпирической психологии личности. Постулату сообразности мы противопоставляем идею неадаптивности.

Неадаптивность состоит в том, что между целью и результатом активности индивида складываются противоречивые отношения: намерение не совпадает с деянием, замысел — с воплощением, побуждение к действию с его итогом. Прежде всего, у Гегеля мы находим указание на существование подобною противоречивого тождества; идея противоречия между целью и результатом резко выделена В. Вундтом; в отечественной психологии эта мысль была по достоинству оценена В.

Н. Пушкиным. В настоящей работе идея несовпадения цели и результата активности человека выступает в особом качестве — как определяющая характеристика неадаптивности. Отмеченное противоречие, как предполагается, неизбежно и неустранимо, но в нем источник динамики индивида, его существования и развития. Так, если цель не достигнута, оно побуждает продолжить активность в данном направлении (ср. парадоксальное утверждение А. В. Брушлинского о том, что мышление не делает ошибок). Если же результат богаче исходных устремлений, то это противоречие стимулирует развитие отношений индивида к действительности и воспроизводит его целостность.

Феноменология неадаптивности раскрывается нами подробнее, когда мы выделяем особый аспект анализа деятельности, названный нами «диахроническим», то есть берем деятельность со стороны ее собственного движения (отличая его от «синхронического» аспекта анализа деятельности — исследования процессов реализации уже имеющихся мотивов, целей, задач деятельности).

Впервые идея существования внутреннего движения деятельности, не реализующего ее исходную нацеленность, была высказана мною в двух работах двадцатилетней давности; одна из них — «К пониманию творческой активности субъекта» — была опубликована в сборнике трудов, посвященных методологическим проблемам творчества («Семинар по методологическим проблемам творчества», под ред. М. Г. Ярошевского, М., 1974).

Я приведу текст этой публикации полностью, не внося каких-либо изменений:

1. *Деятельность ученого чаще всего отождествляется с конструктивной направленностью его творчества. Однако объективно в ней присутствует и деструктивная тенденция, ведущая к отрицанию тех ограничений, которые лежат в самом фундаменте конкретного вида деятельности. Таким образом, наличным формам деятельности как бы сопутствует их двойник — негативная «снимающая» активность субъекта. Последняя, однако, не имеет самостоятельной формы и образует невидимую сторону деятельности. Поэтому переход к новым структурам творческой деятельности имеет вид скачка, внезапно следующего за этапом «подготовительного» движения мысли в рамках предшествующих парадигм. При этом достаточная освоенность предыдущей ступени в развитии научного знания выступает в качестве необходимого условия для спонтанного перехода к последующему этапу (как это следует из работ Б. М. Кедрова).*

2. *Итак, существует путь имплицитного устранения стесняющих мышление теоретических посылок, автоматическое функционирование которых приводит к их естественному концу. Этому ходу событий может быть противопоставлен особый способ движения мысли в котором активность играет роль особой деятельности по преодолению ограничений, присутствующих в творческой деятельности. Эта активность имеет эксплицитный характер.*

3. *Данное предположение отвечает нашему представлению об активности вообще как о тенденции к снятию внутренних ограничений деятельности, тенденции, первоначально представленной в деятельности в качестве ее скрытой динамической стороны, способной, однако, далее обособляться в самостоятельную деятельность субъекта.*

4. *Очевидно, что создание универсального алгоритма творческой активности невозможно хотя бы потому, что деятельность по применению этого алгоритма уже оказывается отягощенной заключенной в ней внутренней революционной тенденцией к снятию исходных посылок. Осознание этого факта, однако, не может препятствовать поиску условий, в которых творческая активность выступала бы как особым образом организованная деятельность по предвидению и устранению существенных ограничений научной мысли, зримые формы которых еще не успели бы сложиться в ходе естественного становления научной системы.*

5. Эта активность проявляется многообразно: рефлексия «подсознательного» (М. Г. Ярошевский) понятийного и операционального аппарата науки; поиск альтернативных вариантов к утвердившимся канонам и стереотипам мышления; «отстранение» (если воспользоваться термином В. Шкловского) предмета исследования; «презумция» противоречивости объекта и т. д.

6. В дополнение к этому в качестве возможной вспомогательной техники, реализующей преодоление предустановленных концептуальных схем, вероятно, окажется допустимым использование предложенного нами особого приема «последовательной акцептации» условий, в которых задана конкретная деятельность субъекта. Это — процедура последовательного вычленения отдельных элементов ситуации и действие с ними как «изолированно взятыми» с попыткой отрицания тех наглядных моделей, в которых они выступают.

Я решился воспроизвести полностью текст этой ранней статьи, потому что она дорога мне как своего рода пролог ко многим последующим разработкам в области психологии активности. Увы, техника «последовательной акцентации» при решении творческих задач так и осталась для автора этих строк соблазнительной, но не осуществленной возможностью.

Другая работа, — первоначальный вариант которой был подготовлен для журнала «Вопросы философии» (1974), — по предложению А. Н. Леонтьева и после его правки была передана в журнал «Вопросы психологии» и в нем же опубликована (см. «К психологии активности личности», Вопросы психологии, № 3, 1975). Далее эта идея была развита нами в рамках первого диссертационного исследования («Активность субъекта в условиях риска», М., 1977), и отражена в совместной с А. Г. Асмоловым статье «О динамической парадигме в исследовании деятельности» (Тезисы Всесоюзного съезда общества психологов, М., 1977) и в последующей совместной публикации «О динамическом подходе в психологическом анализе деятельности» («Вопросы психологии», М., 1978). В последующие годы мне неоднократно приходилось слышать, что предложенная концепция «надситуативной активности» (где момент движения деятельности положен как основание особой деятельности, о чем — дальше) идейно противостоит леонтьевской теории деятельности. Все сказанное свидетельствует скорее о противоположном — о развитии общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Подтверждение — слова самого А. Н. Леонтьева в одной из последних прижизненных его публикаций, в которых он подчеркнул перспективность исследования «установки» и «надситуативной активности» как моментов движения деятельности для построения общепсихологической теории деятельности.

Неадаптивная динамика деятельности рассматривается в этой книге как собственная характеристика деятельности. Это положение обосновывается в контексте сравнения обыденных и научных представлений о деятельности. Здесь-то и выявляется альтернатива: либо движение деятельности (не совпадающее с актами удовлетворения потребностей, целенаправленного действия, решения задач) есть один из определяющих признаков самой деятельности, либо деятельность безвозвратно исчезает под натиском построений теоретиков. Именно таким был бы эффект столкновения обыденных представления о деятельности, крепко держащихся постулата сообразности, и — научных, которые объективно (может быть, даже независимо от воли самих теоретиков) противостоят этому постулату. Только допустив, что деятельность закономерно подвержена неадаптивным метаморфозам, мы сможем совладать с «шоком исчезновения».

Глава 3. Парадокс исчезновения деятельности.

Возможно, вам это покажется каким-нибудь логическим фокусом, но деятельность

исчезает. Действительно, исчезнет!.. Мы сейчас с вами увидим, как это происходит. Но должен сказать твердо: не я придумал эту странность. Просто — я суммировал взгляды своих коллег, считая, — а почему бы и нет? — что *все они правы*. Правы — каждый по-своему. И тогда выяснилось, что с деятельностью происходит что-то похожее на загадочное исчезновение жильцов из квартиры за номером 50 по известному московскому адресу.

Оговорим сразу же, что «деятельность» здесь и в дальнейшем трактуется широко. Это и жизнедеятельность человека (витальность), и его предметная деятельность, и деятельность общения и, наконец, — деятельность *cogito*, — о которых уже шла речь выше. Объединяются эти различные виды активности человека под именем *деятельность*, в силу существенной общности их природы: все они, как уже отмечалось, имеют воспроизводящий характер, — как бы творят человека вновь, в каждом из особенных измерений его бытия в мире. Само собой разумеется, в дальнейшем, когда потребуется, мы будем различать эти формы, — например, проверяя, насколько сказанное о деятельности вообще может быть распространено на каждую из них в отдельности. Но сейчас для нас важно подчеркнуть, что в этой обобщенной трактовке деятельности как воспроизводящей активности обыденные представления людей и воззрения теоретиков *едины*. Поэтому в обоих случаях становится возможным соотнесение двух точек зрения на деятельность. Если бы не отмеченное обстоятельство, то и не разразился бы скандал исчезновения деятельности.

Мало кого в наши дни мог бы удивить очередной пример существования конфликта между тем, как тот или иной объект предстает перед очами «здорового смысла», и тем, как тот же объект раскрывается в рамках научной теории. Скорее, наоборот, — когда теоретические и обыденные представления, специфически выражающие особенности данного объекта, не сливаются между собой и даже противостоят друг другу, то это закономерно и все с большей готовностью воспринимается широкой аудиторией как своеобразная норма «научности» соответствующих теоретических взглядов. В противном случае говорят, что теория бедна, что ее методологические предпосылки неконструктивны или что она не располагает эффективными средствами анализа исследуемых явлений.

Как будто с этих позиций можно было бы взглянуть и на проблему деятельности, которая в последнее время оживленно обсуждается в философии и психологии. Между тем, если коснуться вопроса о соотношении теоретических и обыденных представлений о сущности деятельности, то выяснится, что к сегодняшнему дню здесь сложилась поистине гротескная ситуация: обыденный взгляд на деятельность сталкивается не с какой-нибудь устойчивой и целостной системой ревирующих его научных воззрений, а с принципиально разными, подчас активно противоборствующими и реально противостоящими друг другу взглядами. Это относится и к определению сущности и деятельности, и к описанию ее структуры и функций, и к установлению ее специфических детерминант и т. д. В результате возникает весьма любопытный парадокс, достойный специального обсуждения.

Обратимся поначалу к довольно привычному *обыденному* пониманию деятельности — для того только, чтобы затем установить, какие метаморфозы он претерпевает, когда становится объектом методологического и теоретического анализа.

В том интуитивном понимании деятельности, которое соответствует обычному и повседневному словоупотреблению, традиционно различается ряд признаков:

Субъектность деятельности. Обычно говорят: деятельность субъекта, реализуется субъектом, определяется субъектом. В рамках обыденного сознания субъект трактуется как индивидуальный субъект: как особь, индивид, личность.

В идее индивидуального субъекта фиксируются эмпирические представления об активном, целостном, телесном существе, живом теле, которому противостоят, наряду с окружающей средой, другие такие же существа. Перенимая опыт других,

человеческий субъект способен «сам» структурировать свое поведение во внешней среде и защищать свои собственные интересы, отличимые от интересов других, что, собственно говоря, и означает его «деятельность».

Всякое иное понимание субъекта приобретает в наших глазах до определенной степени условный, метафорический смысл. Конечно, мы вполне уверены в своем праве говорить: «коллективный» субъект, «общественный» субъект и т. п. Мы не испытываем никаких лексических затруднений, говоря, например, об обществе как «субъекте» деятельности или что-либо подобное этому. Но всякий раз в таких случаях мы все же опираемся на идею индивидуального субъекта как первоначальную и как будто бы единственно достоверную, такую, которая дает как бы прообраз всех будущих возможных представлений о субъекте вообще.

Объектность деятельности. Образец деятельности в обыденном сознании включает в себе представление о том, что она *объектна*. Что же представляет собой при этом объект деятельности? Во-первых — это то, что противостоит живому одушевленному субъекту как вещь, на которую направлена его активность, и в рамках этого противостояния выступает как ни в чем не подобная субъекту. Из этого следует и второй эмпирический признак объекта, — содержащееся в нем «разрешение» на два основных способа отношения к нему со стороны субъекта: преобразование или приспособление. И здесь, таким образом, деятельность сводится к проявлениям адаптивной активности субъекта, различаемых лишь по тому, приспособляется ли субъект к вещи или вещь приспособливает его к себе. Впрочем, в педагогике и педагогической психологии нередко говорят об учащемся как об объекте учебной деятельности. Однако обычно сразу же следует оговорка, что ученик также и субъект учения. Тем самым подчеркиваются особое место и своеобразие данной деятельности в ряду других ее видов, рассматриваемых как реализация «субъект-объектного» отношения.

Деятельность — процесс. Мысль о деятельности как *процессе* кажется не требующей специального обсуждения: разве не движение живого тела в пространстве, не динамика кинематических цепей его, не некая непрерывная кривая в субъектно-объектном «пространстве—времени» определяет собой деятельность? И разве можно представить себе деятельность как-то иначе? Ответом на эти вопросы является убеждение, что деятельность есть процесс.

Предваряемость деятельности сознанием. На основе чего, спрашиваем мы, повинуюсь традиции здравого смысла, осуществляется та или иная деятельность? Что исходным образом регулирует ее течение? Что задает направленность конкретной деятельности? Ответ на эти вопросы как бы напрашивается: сознание — вот что регулирует деятельность!

Деятельность, — развиваем мы ту же мысль — в основе которой не лежало бы какое-то знание, какое-то ясное представление **внешнего** мира, осознанный образ этого мира или цель субъекта, это — говорим мы — уже не есть деятельность, а есть не более чем «пустая фраза». Поэтому для того, чтобы конкретно охарактеризовать и понять деятельность, необходимо заглянуть в субъектный мир человека, осветить, так сказать, глубины его сознания, чтобы именно там отыскать «конечные» истоки и детерминанты наблюдаемой деятельности.

Деятельность есть то, что необходимо предваряется психикой и, в частности, ее высшим проявлением — сознанием.

Помимо указанных четырех характеристик деятельности, описывающих ее так, будто бы это признаки самой деятельности, а не наши представления о ней, можно выделить еще один признак, который, в отличие от предыдущих, «онтологических», описывает деятельность в гносеологическом плане.

Наблюдаемость деятельности. Она, деятельность, считается наблюдаемой, «видимой», фиксируемой в восприятии наблюдателя, причем фиксируемой именно непосредственно, «глазом», подобно тому, как непосредственно воспринимаются обычные вещи. Безразлично, какой наблюдатель при этом имеется в виду: «внешний»,

т. е. наблюдающий со стороны, или же «внутренний», т. е. сам субъект деятельности, выступающий в роли наблюдателя.

И так с точки зрения обыденного сознания, деятельность субъектна, объектна, является процессом, предваряется сознанием и непосредственно наблюдаема.

Таково, на первый взгляд, наиболее естественное и вполне оправданное понимание деятельности, которое как будто бы не требует никакого пересмотра со стороны теоретика и могло бы в таком «готовом» виде войти в общую картину мира, в круг теоретических представлений о деятельности. Кто, казалось бы, мог посягнуть на эти положения, которые имеют облик неоспоримых истин? Между тем именно они нередко становятся объектом теоретических посягательств.

Вглядимся, во что превращается построенный выше макет деятельности под прицельным огнем методологической критики. Для этого суммируем некоторые «экспертные оценки», даваемые теоретиками.

Деятельность бессубъектна. Напомним, что «субъект» есть индивид как носитель и творец деятельности — единое, неделимое существо, производящее деятельность. Всякое другое понимание субъекта, как было подчеркнуто, представляется условным и метафоричным и, более того, *«само предположение, что вопрос может ставиться как-то иначе, например, что деятельность носит безличный характер, кажется им (большинству людей—В. П.) диким и несуразным»*¹. «Но есть, — продолжает цитируемый автор, — совершенно иная точка зрения. Работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, на наш взгляд, более глубокое. Согласно ему, человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем он сам. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот, она сама «захватывает» их и заставляет вести себя определенным образом». По отношению к частной форме деятельности, речи-языку, В. Гумбольдт, как известно, выразил эту мысль так: *«Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми»*. Деятельность трактуется, таким образом, как - то, что по существу своему надиндивидуально, хотя, безусловно, и реализуется индивидами (в соответствующих актах деятельности). Не деятельность принадлежит людям, а сами люди оказываются «принадлежащими деятельности», «прикрепленными к деятельности». Приведенная цитата наиболее точно выражает собой позицию основателя одной из достаточно влиятельных школ, объединяющей к настоящему времени представителей различных специальностей: философов, логиков, психологов, системотехников и др. , развивающих особую теорию, которая обозначается в их трудах как «общая теория деятельности».

И этот взгляд побуждает усомниться в традиционном «субъекте» деятельности, поскольку она—должны сказать мы, следуя логике такого подхода, — безлична, т. е. *индивид не выступает в качестве ее субъекта.*

Деятельность не направлена на объект, согласно обыденным представлениям, как мы помним, и деятельности реализуется субъект-объектное отношение к миру. Развитие деятельности не мыслится иначе, как результат практических или теоретических актов, направленных на объект. Ставится ли кем-нибудь под сомнение правомерность подобной точки зрения, сводящей деятельность и связанные с нею процессы развития к реализации субъект-объектных отношений? Да, ставится!

В известном нам выступлении (к сожалению, устном) одного из видных советских философов, Г. С. Батищева, подчеркивалось, что до сих пор не слишком распространена манера обсуждать проблематику деятельности даже внутри философии при непоставленности под сомнение и непреодоленности сведения «деятельности» к представлениям о «технокогнитивном отношении» субъекта к объекту. При этом субъект-объектное отношение рассматривается лишь как ветвь на древе отношений субъект-объектных, что совершенно недопустимо.

«Сомнение», о котором идет речь, конечно, не есть одно лишь *мнение* или одно из

мнений частного философа. За этим сомнением вырисовывается *позиция*, которую начинает разделять все большее число современных философов и психологов. Тем самым формируется особая «субъект-субъектная» парадигма в трактовке деятельности. Сущность формирующегося подхода заключается в том, что в качестве нового предмета анализа выделяется та сторона деятельности, которая интенционально ориентирована на другой субъект. Конечная ориентация здесь — не преобразование вещи или сообразование с вещью в целях насыщения тех или иных интересов агента активности (деятеля), а другой человек, «значимый другой», которому первый адресует свои проблемы и ценности.

Таким образом, деятельность отнюдь не всегда «вещна», «объектна» (хотя без вещи, по-видимому, в ее трактовке не обойтись — что, впрочем, не всегда специально оговаривается). Наоборот, собственно человеческая деятельность, реализующая его «сущностные силы», есть деятельность, ориентированная на другого человека, реализация субъект-субъектных, а не субъект-объектных отношений.

Деятельность не есть процесс. Можно усомниться в субъектности или объектности деятельности. Но можно ли усомниться в том, что деятельность есть процесс? В результате проведения строгого анализа содержания понятия «Процесс»¹ было убедительно показано, что деятельность не может быть непосредственно представлена как процесс. Мы бы изложили этот взгляд так.

Первое. О «процессе» разумно говорить лишь тогда, когда есть что-то, что подвергается изменению. Развитое научное мышление не может обойтись без представлений, фиксирующих происходящую во времени смену некоторых состояний вещи при относительной неизменности самой вещи. Тем самым фиксируется некоторый объект — «носитель процесса».

Деятельность же открывается нам в виде переходов, происходящих между различными объектами-носителями. Например, индивидуальная деятельность выступает как движение субъекта, переходящее в движение ее объекта, которое в свою очередь переводится в новые формы движения субъекта, и т. п.

При более дифференцированном взгляде на субъект и объект деятельности, например, при разделении ее материала и средств деятельности, она выступает перед нами как еще менее гомогенная по своему строению, как «разноосновная». Еще более демонстративным образом гетерогенность деятельности (отсутствие чего-то единого, что подлечит изменению) выступает в коллективной деятельности, в деятельности, реализация которой требует техники, вычислительных машин и т. п. Все это примеры, когда деятельность одна, но реализуется разными агентами, предстает как эстафета процессов.

Второе. Тот факт, что «процессу» отвечает один и тот же объект, рассматриваемый как носитель процесса, вовсе не означает, что последний внутренне не дифференцирован, что он не выступает той или иной своей стороной или частью) что он в наших глазах как бы аморфен. Нет, наоборот, идея процесса, позволяющая сказать: «Вот перед нами тот же самый объект, но в нем изменяется что-то», — непосредственно указывает на существование, по крайней мере, одной выделенной части объекта, а именно той его части, которая рассматривается как его *изменяемая* часть. Примерами таких «частей» (качеств, сторон, свойств) могут служить: температура, электропроводность, вес, **цвет**, положение кил в **пространстве** и т. п. Процесс, затрагивая какую-нибудь одну **часть** объекта, выражается в последовательности смен состояний этой . части во времени. С этой точки зрения, деятельность в отличие от процесса непосредственно нельзя представить в виде последовательности состояний какой-либо одной фиксированной части объекта (или строго параллельно изменяющихся многих его частей). Так, этапы программирования и осуществления той или иной индивидуальности деятельности реализуются разными «частями» индивида и, кроме того, взаимообуславливают друг друга, частично перекрещиваясь, частично расходясь друг с другом. Тем более, сказанное

относится и к характеристике массовой деятельности, в целом реализующей движение общественного производства. Последнее может быть описано двояким образом: и в виде переходов от одних изменяющихся объектов к другим, и в виде переходов от одних изменяющихся «частей» к другим «частям» в пределах одного и того же объекта, в данном случае того, что может быть названо «обществом». В обоих случаях для описания всего происходящего, очевидно, непригоден термин «процесс».

Третье. Помимо отмеченных двух моментов, должен быть назван еще один, характеризующий процесс со стороны его *непрерывности*. В этом аспекте рассмотрения понятие процесса предполагает возможность выделения сколь угодно мелких (мелких) переходов между определенными состояниями выделенных «частей» этого объекта, так что из этих переходов как из единиц может быть реконструирован любой фрагмент процесса. Из этого следует, что при каждом таком разбиении процесса на последовательность переходов между его состояниями каждое предшествующее состояние переходит в одно и только одно последующее, и наоборот, каждому последующему соответствует одно и только одно предшествующее. Цепочка переходов, таким образом, не раздваивается и, кроме того, не сводит в один два ряда переходов между состояниями. Процесс, таким образом, представим сколь угодно мелкой, в пределе непрерывной, линейной цепочкой переходов между мгновенными состояниями объекта в предшествующих и, соответственно, в последующих моментах времени. Соответствует ли «деятельность» этой идее «процесса»?

На одном только примере речевой деятельности проиллюстрируем достаточно общую черту: разветвление процессов, реализующих деятельность. Не требуется специального знания психолингвистики, чтобы понять, что здесь мы имеем дело со сложным динамическим образованием, одну процессуальную «часть» которого образует собственно фонетический ряд, другую «часть» — планирование речевого высказывания (план мышления), между процессами мышления и произнесения слов выделяются процессы, реализующие взаимозависимость слова и мысли (порождение слова мыслью и становление мысли в слове). Речь, таким образом, не «выстраивается» в линейную цепочку, процессы, ее реализующие, переплетаются и ветвятся. Но картина этих переплетений и ветвлений еще богаче. Достаточно рассмотреть существующие модели порождения высказываний: «артериальные» переходы от мысли к слову и «венозные» от слова к мысли еще сложнее, чем было показано и, если иметь в виду, что они лишь связывают между собой характеризующиеся своими специфическими закономерностями процессы мышления и произнесения слов, то становится разительней расхождение между этой картиной речевой деятельности и схемой процесса.

Одна из моделей порождения высказывания: *«Первая ее ступень — конструкция линейной внеграмматической структуры высказывания, его внутреннее программирование. Вторая ступень — преобразование этой структуры в грамматическую структуру предложения. Третья ступень — реализация последней. Если мы имеем дело с достаточно сложным высказыванием, есть основания предполагать, что на первой ступени мы имеем нечто вроде набора «ядерных утверждений» Остуда, конечно, как поручик Кижее, «фигуры не имеющих», т. е. еще не оформленных ни лексически, ни грамматически, ни тем более фонетически. При восприятии речи все происходит в обратном порядке. . . »*¹ Здесь, однако, еще не рассматривается феноменология «самослышания», «самоинтерпретации»: всегда ли обратная развертка собственного высказывания тождественна его исходным посылкам? Если бы это было всегда так, мы бы никогда не замечали случайной двусмысленности произнесенных нами слов.

Поднимаясь от этого частного примера к общей оценке динамических особенностей деятельности, приходится констатировать, что деятельность непосредственно непредставима как процесс.

Деятельность не предваряется сознанием. В ходе разработки проблемы деятельности в советской психологии представление о «первичности» сознания по отношению к действительности было радикально пересмотрено в работах А. Н. Леонтьева и его школы. Первые шаги «деятельностного подхода» в психологии были ознаменованы восходящей к Ж. Пиаже и Л. С. Выготскому идеей «интериоризации» (перехода извне вовнутрь) объективных отношений, существующих в природе и обществе. А. Н. Леонтьев при этом сосредоточил свое внимание на исследовании становления психического образа мира, теоретически и экспериментально обосновав тот тезис, что в основе любых форм психического отражения, от элементарных до наисложнейших, находится активность субъекта, причем последняя в своих генетически ранних проявлениях должна быть понята как внешне-предметная, регулируемая не изнутри (теми или иными готовыми психическими содержаниями), а извне — объектами и отношениями окружающего мира. *«Согласно внутренней логике этой теории, — отмечает В. В. Давыдов¹, — конституирующей чертой деятельности должна быть ее предметность. Она обнаруживается в процессе преобразования деятельности через ее подчинение (в других местах говорится об «уподоблении») свойствам, явлениям и отношениям от нее независимого предметного мира. Поэтому может быть оправдан вывод о том, что это качество деятельности выступает как ее универсальная пластичность, как ее возможность преобразовываться в процессе принятия на себя, впитывания в себя тех объективных качеств предметов, среди которых и в которых должен существовать и действовать субъект. Преобразованиями такой деятельности управляют сами предметы в процессе практических контактов субъекта с ними. Иными словами, превращения и преобразования деятельности человека как целостной органической системы, взятой в ее полноте, происходят при ее пластичном и гибком подчинении объективным общественным отношениям людей, формам их материального и духовного общения. Таков один из «явно непривычных моментов», характеризующих деятельность, и таково одно из положений, выражающих «глубокую оригинальность и подлинную нетрадиционность его (А. Н. Леонтьева) подхода к проблеме построения психологической теории».*

Тем, кому посчастливилось слушать яркие лекции Алексея Николаевича Леонтьева, памятен пример, который не был бы так доходчив, если бы не удивительная пластика жеста лектора. *«Понимаете, — говорил он, как всегда, с подкупающей доверчивостью к понятливости слушателей, — рука движется, повторяя контуры предмета, и форма движения руки переходит в форму психического образа предмета, переходит в сознание».* И его длинная узкая ладонь легко скользила по краю стола.

«На первоначальных этапах своего развития деятельность необходимо имеет форму внешних процессов. . . Соответственно, психический образ является продуктом этих процессов, практически связывающих субъект с предметной действительностью». Если же отказаться от изучения этих внешних процессов как генетически ранних форм' производства образа, то *«нам не остается ничего другого, как признать существование таинственной «психической способности», которая состоит в том, что под влиянием внешних толчков, падающих на рецепторы субъекта, в его мозге — в порядке параллельного физиологическим процессам явления — вспыхивает некий внутренний свет, озаряющий человеку мир, что происходит как бы излучение образов, которые затем локализируются, «объективируются» субъектом в окружающем пространстве».* В работах А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Л. А. Венгера, Ю. Б. Гиппенрейтер, В. П. Зинченко, их сотрудников и учеников идея порождения психического образа в деятельности, производности сознания от чувственно практических контактов субъекта с окружающим миром прослеживалась экспериментально и в значительной мере была обобщена в формуле «восприятие

как действие». Такой подход к психологии восприятия составляет необходимое условие понимания генезиса сознания в деятельности, служит конкретно-психологической формой реализации того положения, что «идеальное есть материальное, пересаженное в голову человека и преобразованное в ней» (К. Маркс). Человеческая чувственная предметная деятельность рассматривается как производящая основа, «субстанция» (А. Н. Леонтьев) сознания. Таким образом, отвергается универсальность тезиса, согласно которому сознание предвосхищает деятельность и наоборот, — утверждается, что деятельность предшествует сознанию. Еще одна «бесспорная» характеристика деятельности теряет силу.

Деятельность невидима. Достаточно внимательно познакомиться с основными работами А. Н. Леонтьева, чтобы понять, что деятельность в них ни в коей мере не может быть отождествлена с поведением, если его понимать чисто бихевиористически. Принцип предметности и, соответственно, круг феноменов предметности («характера требований», «функциональной фиксированности» объектов и т. п.) «позволяют провести линию водораздела между деятельностным подходом и различными натуралистическими поведенческими концепциями, основывающимися на схемах «стимул-реакция», «организм-среда» и их модификациях в необихевиоризме» (А. Г. Асмолов)¹. Выразительный пример того, что предмет деятельности отнюдь не тождествен вещи, с которой в данный момент непосредственно взаимодействует человек и которая непосредственно доступна стороннему наблюдателю, приводит А. У. Хараш, напоминая об одном примечательном эпизоде, рассказанном К. Лоренцом. Известный этолог однажды водил «на прогулку» выводок утят, замещая собой их мать. Для этого ему приходилось передвигаться на карточках и, мало того, непрерывно кричать. *«Когда я вдруг взглянул вверх, — пишет К. Лоренц, — то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц: группа туристов стояла за забором и со страхом тарщила глаза в мою сторону. И не удивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и кричал — а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой»*. Страх на лицах зрителей — это не что иное, как их невербальный самоотчет о том перцептивном впечатлении, которое так хорошо воспроизвел сам К. Лоренц. Его деятельность наблюдалась в урезанном виде — из нее был полностью «вырезан» предметный, смыслообразующий кусок².

Нетождественность деятельности поведению по критерию воспринимаемости данности, «видимости» — не единственный дифф признак соответствующих понятий. Мы же отмечаем его в связи с нашей основной задачей: показать, что и этот признак — «наблюдаемость» деятельности — критически переосмысливается методологами.

Но, может быть, речь идет только о том, что деятельность всегда наблюдаема со стороны, и достаточно встать на позицию «внутреннего» наблюдателя, как картина деятельности мгновенно откроется наблюдателю и деятельность станет «видимой»? Увы, и это не всегда так! Если бы все обстояло именно таким образом, то, пожалуй, была бы совсем неоправданна критика интроспективного метода исследования психических явлений (этот метод претендовал на прямое изучение сознания «изнутри», глазами внутреннего наблюдателя), не нужны были бы какие-либо специальные приемы, позволяющие человеку понимать самого себя; да и вся современная психология, не слишком-то доверяющая непосредственным свидетельствам внутреннего опыта человека, должна была бы быть существенно упразднена. В действительности же деятельность «изнутри» воспринимается и переживается далеко не во всей ее целостности, зачастую искаженно, видение деятельности нередко выступает в качестве особой деятельности субъекта (рефлексии), иногда не приносящей, в сущности, никаких иных, кроме негативных, результатов.

Исчезла ли деятельность? Мы приблизимся к ответу на этот вопрос, обратившись еще к одной психологической категории. Это — «активность», в соотношении с

которой полнее раскрывается категория деятельности. Отмечая смежность, и вместе с тем несовпадение двух указанных **категорий**, мы приступаем к критике постулата сообразности, ставящего знак тождества между процессами осуществления деятельности и активностью. Категория «активность» должна высвободить деятельность из телеологического панциря обыденных представлений выявить в ней что-то иное, существенное. Что именно, — мы увидим в дальнейшем.

Глава 4. Категория активности в психологии

Понять развитие категориального строя науки значит, как показано в работах М. Г. Ярошевского и его школы, раскрыть не только импульсы логического самодвижения научной мысли, но и социокультурный контекст возникновения и взаимодействия категорий науки. Анализируя социокультурную ситуацию становления, а точнее «остановления» научной мысли в нашей стране в 30-70-е годы, мы констатируем, что активность не получила своего достаточного освещения, находясь в тени других категорий. (Движение категории «активность» в истории психологии, соотношение ее с другими категориями подробно освещены в кандидатской диссертации автора и в его книге). Динамика ее статуса может быть метафорически описана в терминах *защитных механизмов*, с той лишь разницей, что в данном случае речь идет не об индивидуальном, а об общественном сознании (сознании научных сообществ).

Вытеснение. *Активность* (как общепсихологическая категория) и *активность личности* (понятие частное) вплоть до самого последнего времени не освещались ни в общенаучных, ни в философских, ни в специальных психологических энциклопедиях и словарях. Книга Н. А. Бернштейна (Очерки по физиологии активности. М., 1966), оказавшая существенное влияние на развитие психологии, могла послужить примером, однако этого не произошло. Первые словарные публикации на эту тему (Краткий психологический словарь, 1985) подготовлены нами.

Мысль о «защитных механизмах» сознания научных сообществ и о том, что их функционирование позволило категории «активность» сохранить себя в трудной истории психологии советского периода, была высказана автором впервые на II конференции по социологии личности Всесоюзной социологической ассоциации (Паланга, 1988) и затем в докладе на VII Всесоюзном съезде общества психологов СССР (Москва, 1989). Попытка проанализировать движение категорий науки в терминах психоанализа, как выяснилось позже, не оказалась беспрецедентной. На одном из недавних совещаний психологов

Ограничение. Бытует не вполне справедливая шутка, что психология 60-70-х гг. представлена в основном работами из области уха, горла, носа и зрачка; однако нельзя не признать, что определенный крен в область **познавательных** процессов в эти годы имел место. Закипавшие в «коллективном бессознательном» импульсы исследовать активную человеческую природу находили выходы в области психологии восприятия, хотя и здесь должны были быть надежно защищены от возможных упреков в витализме. Эта линия разработок, чрезвычайно плодотворная для психологии, способствовала выживанию в ней категории активности.

Рационализация. Методологически богатая категория *предметной деятельности* также давала убежище для разработки категории активности — иногда за счет обращения к таким, казалось бы, самораспадающимся, внутреннепарадоксальным понятиям, как например, уподобительная (!) активность.

Действие этих защитных механизмов (а их список мог быть, безусловно, расширен за счет таких, как изоляция, отрицание и т. п.) предотвращало исчезновение, а точнее — торжественное выдворение из отечественной психологии целого класса явлений активности. И, таким образом, категория *активность* продолжала существовать в психологии подспудно — иногда в виде фигур умолчания, а иногда — в симбиозе с

другими категориями.

С именем Л. С. Выготского связано, как известно, представление о культурно-историческом опосредовании высших психических функций. В историко-психологических исследованиях, освещающих взгляды Л. С. Выготского, обычно подчеркивается, что активность выступала для него как обусловленная использованием «психологических орудий». В целях нашего анализа укажем, что в работах Л. С. Выготского и его сотрудников активность раскрывается также и со стороны становления ее как знаковой, орудийной. С особенной рельефностью этот план представлений об активности выявляется при анализе черт, присущих «инструментальному методу», развитому в работах Л. С. Выготского и его сотрудников. Как известно, экспериментальный метод предполагал создание ситуации свободного выбора относительно возможности обращения к «стимулу-средству» при решении поставленной перед испытуемым задачи. Необходимость использования в деятельности «стимула-средства» не навязывалась испытуемому извне. Действие со «стимулом-средством» являлось результатом свободного решения испытуемого. В зависимости от уровня развития субъекта, внешние «стимулы-средства» выступали существенно по-разному. Они могли как соответствовать, так и не соответствовать возможностям их использования; их применение могло выступать как во внешней, так и во внутренней форме. «Психологическое орудие» означало не столько принудительно *воздействующее* на субъекта начало, сколько точку приложения *сил самого индивида*, которые как бы «вбирают» в себя знак. Индивид тем самым рассматривался, по существу, как активный.

Ни один исследователь проблемы активности не может пройти мимо теории установки Д. Н. Узнадзе. Ядро научных исследований и основной акцент в понятийном осмыслении «установки» приходится на указание зависящего характера активности субъекта от имеющейся у него установки, т. е. готовности человека воспринимать мир определенным образом, действовать в том или ином направлении. Активность при этом выступает как направляемая установкой и благодаря установке как устойчивая к возмущающим воздействиям среды. Вместе с тем объективно в психологической интерпретации феномена установки содержится и другой план, определяющийся необходимостью ответа на вопрос о происхождении («порождении») установки. Этот аспект проблемы разработан значительно меньше, чем первый. Основатель теории установки Д. Н. Узнадзе, подчеркивая зависимость направленности поведения от установки, призывал к изучению генезиса последней, и этим — к изучению активности как первичной. Этот призыв не ослаблен, а, наоборот, усилен временем. Трудность, однако, заключается в недостаточности простого постулирования активности как исходного условия для развития психики. Поэтому некоторые современные исследователи в области теории деятельности (А. Г. Асмолов, 1974, 1976), видя в установке механизм стабилизации деятельности, подчеркивают, что установка является моментом, внутренне включенным в саму деятельность, и именно в этом качестве трактуют установку как порождаемую деятельностью. Это положение представляется нам особенно важным для понимания связи активности и установки. При исследовании предметной деятельности субъекта открывается возможность специального разграничения двух слоев движения, представленных в деятельности: один из них структурирован наличными установками, другой первоначально представляет собой совокупность предметно-неоформленных моментов движения, которые как бы заполняют «просвет» между актуально действующими установками и выходящими за их рамки предметными условиями деятельности. Именно этот, обладающий особой пластичностью слой движения (активность) как бы отливается в форму новых установок субъекта.

Быть может, сейчас более, чем когда-либо, раскрывают свой конструктивный смысл для разработки проблемы активности теоретические взгляды С. Л. Рубинштейна. Ему принадлежит заслуга четкой постановки проблемы соотношения «внешнего» и «внутреннего», что сыграло важную роль в формировании

психологической мысли. Выдвинутый С. Л. Рубинштейном принцип, согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой. С данным принципом тесно связаны представления о направленности личности (понятие, которое вошло в обиход научной психологии после опубликования «Основ общей психологии» в 1940 г.), идея пассивно-активного характера потребности человека. Еще ближе к обсуждаемой проблеме стоит положение, рассмотренное в последних работах С. Л. Рубинштейна, о выходе личности за рамки ситуации, который мыслился в форме разрешения субъектом проблемной ситуации.

Особый подход к проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» утверждается в работах А. Н. Леонтьева. В книге «Деятельность. Сознание. Личность» предложена, по существу, формула активности: «Внутренне (субъект) воздействует через внешнее и этим само себя изменяет». Потребовалось введение категории деятельности в психологию и вычленение в деятельности особых ее единиц, чтобы подготовить почву для постановки вопроса о тех внутренних моментах движения деятельности, которые характеризуют постоянно происходящие переходы и трансформации единиц деятельности и сознания.

Деятельность, сознание, отражение, установка, значимость, отношения и т. п. — все это категории и понятия, принявшие в свой состав идею активности. Позволим себе высказать мнение, что сама их привлекательность для психологов и, следовательно, жизнеспособность была вызвана этим союзом. Но в нем активность как бы утратила часть собственной энергии жизни. Ушло таинство особого рода причинности, — присущее ей одной, активности, положение «между»: детерминацией со стороны событий прошлого (*стимул*) и образами потребного будущего (*цель*).

Отрицая *стимул-реактивную* схему интерпретации поведения и сознания, мы привычно обращаемся к телеологическим схемам, возможность которых сохраняется даже в таких концептуальных альтернативах, как «пристрастность психического отражения», «первичная установка» и др. Преодоление парадигмы детерминации Прошлым составило целую эпоху становления психологической мысли в мире.

В 70-е гг., на «старте» разработки проблемы активности в нашей стране, интерес исследователей к категории активности был обусловлен, помимо собственно научных «импульсов», неприятием некоторых тенденций в общественной жизни, заключал в себе аргументы *против*: «полного единомыслия» в сфере идеологии; представлений о возможности вывести цели бытия каждого отдельного человека из «правильно осмысленных» целей общественной жизни; постоянно декларируемой гармонии личных и общественных интересов и т. д.

Протест заключал в себе особую эстетику отрицания: личность как «специально человеческое образование. . . не может быть выведена из приспособительной деятельности», «созидание одно не знает границ. . . » (А. Н. Леонтьев); «психика — не административное учреждение» (В. П. Зинченко); ЖИЗНЬ человеческой культуры и человека в ней как «диалогика» (В. С. Библиер); «Не человек принадлежит телу, а тело — человеку» (Г. С. Батищев); «Индивидом — рождаются, личностью — становятся, индивидуальность — отстаивают» (А. Г. Асмолов). Формировался особый взгляд на человека как преодолевающего барьеры своей природной или социальной ограниченности существа.

Пафос отрицания, по существу, совпадал здесь с пафосом провозглашения Будущего, — в виде предмета стремлений, — детерминантой происходящего. Но нельзя обойти вопрос о природе самих этих стремлений: что они, по сути и откуда берутся?

Один из возможных путей исследования здесь заключается в том, чтобы адекватно осмыслить своеобразие того типа причинности, который скрывается за

феноменом активности человека. Речь идет об актуальной причинности, о детерминирующем значении момента в отличие от других форм детерминации, будь то детерминация со стороны прошлого (обычные причинноследственные отношения: *действующая* причинность) или со стороны возможного будущего (в виде *целевой* причинности). Корректную форму описания такого типа причинности мы встречаем у И. Канта в его представлениях о *взаимодействии* (или *общении*) субстанций. С этой точки зрения активность системы есть детерминированность тенденций ее изменения теми инновациями, которые возникают в ней актуально (здесь и теперь) — это детерминизм именно со стороны настоящего, а не прошлого (в виде следов предшествующих событий), или будущего (в виде модификации этих тенденций событиями, с которыми еще предстоит столкнуться).

Актуальная причинность может быть раскрыта на примерах таких психологических понятий, как «первичная установка» (Д. Н. Узнадзе), «детерминирующая тенденция» (Н. Ах), «значимость» (Н. Ф. Добрынин), «настроение» (В. М. Басов), «схема» (У. Найсер) и др. Особняком стоит понятие «поля» К. Левина. Каждое из этих понятий фиксирует роль текущего момента в детерминации происходящего, однако специфика актуальной причинности видна еще в них неотчетливо: прошлое и будущее все еще властно заявляют о себе в смысловом контексте их использования. Некоторые из этих понятий, например, настроение, могут рассматриваться как посредники, промежуточные переменные в схеме стимул — реакция; другие — обслуживают схемы (телеологической) причинности, выступая или инструментом для достижения цели (схема), или в качестве целевой ориентации (первичная установка, детерминирующая тенденция и т. п.) Таким образом, в идее актуальной причинности мы вновь оказываемся перед альтернативой: либо старая стимул-реактивная схема, обновленная промежуточными переменными, либо телеологическая парадигма, предлагающая нам только один способ видения актуальной детерминации — цель, выступающую в каждый момент в том или ином обликах (уже знакомый нам постулат соотносительности). Левиновское понятие «поле» свободно от указанных ограничений. Однако принцип «здесь и теперь» в интерпретации «сил», действующих на субъект, не объясняет рождения подлинно новых целей. Даже в тривиальных случаях действия в поле побуждений, связанных с хорошо известными предметами, определение цели — особый акт, поднимающийся над «полем», хотя и обусловленный им (так, рука, берущая вещь, не промахивается, не оказывается между предметами, хотя в той или иной степени привлекательными могут оказаться многие. Поведение в редких случаях представимо как движение согласно равнодействующей многих сил. Но признавая ограниченность принципа «поля» для понимания целеполагания, необходимо отметить продуктивность самой идеи «здесь и теперь» для причинного истолкования поведения, открывающей путь к преодолению телеологического подхода. Правда, эта возможность в должной мере не оценена в психологии, может быть, потому, что и сам К. Левин дал основания для отождествления результирующей многих валентностей с целью (и форме интенции, «квазипотребности»).

Причинность «здесь и теперь», принцип актуальной детерминации, содержит в себе, как мы считаем, возможность объяснить полагания таких целей, которые не предваряются ранее принятыми целями.

При обсуждении этой третьей возможности, указывающей самый корень активности целеполагания, необходимо дать обобщенное представление о *цели*, не сводя ее к «образу необходимого» как предшествующему самому акту действия (хотя это и непросто в связи с общепринятым в психологии отождествлением цели с «моделью потребного будущего» (Н. А. Бернштейн).

В общем виде мы могли бы определить цель, исходя из категорий возможного и действительного. Цель есть образ возможного как прообраз действительного. Возможное, применительно к индивиду, — это некоторое его состояние в будущем в

виде соотношения между его собственными свойствами и свойствами окружения (состояние). Опираясь на это общее определение, мы придерживаемся здесь весьма широкого представления о цели, включая сюда и мотивацию действия (она не может быть осмыслена иначе, как «внутренняя цель стремлений», согласно Хекхаузену); и цель как сознательно предвосхищаемый результат действия; и задачу как цель, выступающую в некотором контексте условий деятельности. Кроме того, необходимо допустить (а отказ от постулата сообразности вынуждает нас к этому), что существуют и особого рода цели, не выводимые из предшествующих (первоцели активности).

Существенно важный вопрос состоит, на наш взгляд, в том, чтобы понять сам источник рождения новой цели. Ведь прежде чем цель будет воплощена в действии, более того, прежде чем цель будет принята индивидом как следствие «опрозывания цели действием» (А. Н. Леонтьев), она должна быть вчерне представлена им (первоцель); но рождение первоцели само должно быть понято как детерминированное. И такая детерминанта есть. Мы полагаем, что это — переживание человеком возможности действия (состояние *Я могу*).

Возможности как таковые — еще не цели, но лишь условия их достижения и постановки. Но, будучи переживаемыми возможности непосредственно, то есть без содействия дополнительных стимулов, превращаются в движение мысли или поведения, — воплощаются в активности. Переживания — и в этом мы глубоко солидарны с В. К. Виллюнасом (1990) — образуют ту часть «образа мира» (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов), которая служит реальной детерминантой активности человека. Обратимся к опыту самоанализа и рассмотрим переживание *Я могу*. Мы увидим, что чувство возможного неудержимо в своих превращениях; оно как бы заряжено действием, производит его «из себя». И в той же мере переживание беспомощности (*Я не могу!*) как бы поглощает активность, делает человека беспомощным.

Актуальный детерминизм в форме переживания собственных возможностей действия как причины целеполагания объясняет выдвигание индивидом действительно *новой* цели, не выводимой из уже принятых целевых ориентации (будь то мотив, предшествующая цель, задача или фиксированная установка). В ином случае, идея активности как целеполагания либо просто повисает в воздухе (новая цель появляется, как кролик в шляпе у фокусника), либо не содержит в себе никакой новизны, как это иногда бывает, когда целевые ориентации одного уровня выводят из целевых ориентации другого.

Теперь можно вернуться к данному выше обещанию обсудить вопрос о соотношении «активности» и «деятельности». Этот вопрос — предмет оживленной дискуссии в философской литературе (Е. А. Ануфриев, А. Н. Илиади, Ю. Л. Воробьев, М. С. Каган, В. Ю. Сагатовский, Б. С. Украинцев, Л. В. Хоруц и др.). Сравнивая объем понятий «активность» и «деятельность», авторы приходят к контрастным решениям. Один полюс суждений: отождествление активности с самодвижением материи (в этом случае деятельность, разумеется, становится лишь частным проявлением активности). Другой полюс: интерпретация деятельности как «субстанции» (и тогда активность фигурирует в качестве ее «модуса»).

Предлагая свое решение, я не сравниваю объемы обсуждаемых понятий. Мне представляется более продуктивным — установить отношения взаимопреemptственности и взаимопроникновения между активностью и деятельностью.

Общее определение активности мы находим у И. Канта, в «Критике чистого разума». Активность определяется им как *причинность причины* (встречалась ли когда-нибудь читателю более лаконичная, исчерпывающая, интуитивно-достоверная дефиниция «активности»?). В психологическом плане активность может быть осмыслена как «причинность» индивида по отношению к осуществляемой им самим деятельности, — как ее «индивидуальная» образующая. Активность становится видимой в процессах инициации («запуска») деятельности, ее осуществления, контроля над

ее динамикой и др. К сфере проявлений активности относится, таким образом, совокупность обусловленных индивидом моментов движения деятельности.

Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности. Формулируя это положение, подчеркнем, что последняя трактуется здесь в широком смысле. Под деятельностью подразумевается динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира, выступающая в виде необходимого и достаточного условия реализации жизненных отношений субъекта «молярная единица жизни» (А. Н. Леонтьев). Могут быть рассмотрены 3 рода соотношений активности и деятельности.

Активность как динамическая образующая деятельности. Рассматривая деятельность в ее становлении, мы с необходимостью должны признать существование таких изменений, вносимых субъектом в систему его отношений с миром, которые выступили бы в виде основы возникающей деятельности. Особенность этих процессов заключается в том, что начало свое они берут в самом субъекте, порождены им, однако форма их всецело определяется независимыми от субъекта предметными отношениями. Активность раскрывается здесь как представленная в движении *возможность* деятельности. Обусловленное субъектом движение как бы впитывает в себя мир, приобретая формы предметной деятельности. Говоря о порождении психического образа, мы поясняли это на примере движения руки, копирующей форму предмета. Специальные исследования деятельности дают основания считать, что ее мотивы и цели первоначально также рождаются в результате «соприкосновения» живого человеческого движения и окружающих обстоятельств. Итак, активность — динамическая образующая деятельности в ходе становления ее основных структур.

Активность как динамическая сторона деятельности. Завершение **процесса** становления деятельности не означает ее эмансипации от активности. Последняя выступает теперь в двойном плане. Прежде всего — как то, в чем обнаруживает себя течение деятельности. В отличие от мотивационных, целевых, орудийных и других отношений, фиксирующих статическую («структурную») сторону деятельности, активность характеризует ее динамическую сторону. Активность — движение, в котором реализуются указанные отношения.

Динамическая сторона деятельности (активность) не исчерпывается, однако, лишь процессами течения последней, т. е. такими процессами, в которых разворачиваются уже накопленные в опыте субъекта (или присвоенные им) структуры деятельности. К явлениям активности следует также отнести и то, что было обозначено А. Н. Леонтьевым как «внутрисистемные переходы» в деятельности («сдвиг мотива на цель», превращение исходной деятельности в действие, реализующее отношения более развитой формы деятельности, и т. п.). В этих переходах осуществляется развитие деятельности.

Активность как расширенное воспроизводство деятельности. В самом общем плане расширенное воспроизводство деятельности может быть определено как процесс обогащения мотивов, целей и средств исходной деятельности, а также психического образа, опосредствующего ее течение. Но что значит «обогащение мотивов, целей, средств и психического образа?»

Речь, очевидно, должна идти не о том, что мотивы, цели, средства и психический образ в системной организации развитой деятельности аналогичны (равносильны, равноценны) исходным мотиву, цели, средствам и психическому образу и попросту расширяют их спектр: развитие деятельности выражается в углублении ее мотивов, возвышении целей, улучшении используемых средств, совершенствовании психического образа. Новые и предшествующие моменты деятельности — *несимметричны*. Так, новый мотив деятельности как бы вырастает из предшествующего и содержит его в себе в виде необходимой, но не исчерпывающей его части. Следование новому мотиву предполагает реализацию субъектом предшествующего мотива, но вместе с тем удовлетворение потребности, первично инициировавшей поведение, не гарантирует еще возможности реализации

нового мотива, возникшего в деятельности. Достижение первоначально принятой цели необходимо, но еще недостаточно для достижения вновь поставленной цели. Решение исходной задачи с применением доказавших свою пригодность средств стимулирует постановку новой задачи, но само по себе еще не дает средств к решению этой задачи. Складывающийся психический образ ситуации не только содержит в себе тот образ, на базе которого регулировалась исходная деятельность, но и превосходит его.

Развитая форма деятельности, таким образом, не только предполагает (подразумевает) возможность реализации основных отношений исходной деятельности, но и означает порождение отношений, выходящих за рамки первоначальных. Новая деятельность содержит в себе исходную, но устраняет присущие ей ограничения и как бы поднимается над ней. Происходит то, что мы определяем как расширенное воспроизводство деятельности.

Процессы, осуществляющие расширенное воспроизводство деятельности, охватывают собой течение последней и характеризуют ее внутреннюю динамику. Поэтому-то и понимание активности как динамической стороны деятельности здесь не утрачивает своей силы, однако принимает новую форму. Зафиксируем ее в следующем определении: активность есть обусловленное индивидом расширенное воспроизводство деятельности.

И, наконец, активность на высшем ее уровне определяется нами как переход предшествующей формы деятельности в высшей точке ее развития к новой форме деятельности. Этот переход иногда выступает в виде «скачка», знаменующего собой становление существенно новой деятельности.

Итак, активность в системной организации деятельности занимает различное место: 1. Активность — динамическая «образующая» деятельности (она обеспечивает опредмечивание потребностей, целеобразование, присвоение «психологических орудий», формирование установок, становление психического образа и т. д.); 2. Активность — динамическая сторона деятельности (процессы осуществления деятельности и «внутрисистемные переходы» в ней — сдвиг мотива на цель и т. д.); 3. Активность — момент расширенного воспроизводства деятельности (ее мотивов, целей, средств, психического образа, опосредствующего течение деятельности) и — «скачка» к качественно иным формам деятельности.

Сказанное позволяет следующим образом охарактеризовать связь активности и деятельности в пределах единого определения. *Активность есть совокупность обусловленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности.*

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов *реализации* деятельности и процессов движения самой деятельности, ее *самоизменения*. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых «единиц» и операциональных образующих деятельности и переходов между ними. Собственно *активность*, в отличие от процессов осуществления деятельности, образуют *моменты прогрессивного движения самой деятельности (ее становления, развития и видоизменения)*.

Моменты осуществления деятельности и моменты прогрессивного движения последней выступают как со стороны единого целого. Они группируются вокруг одного и того же *предмета*, который, согласно А. Н. Леонтьеву, является основной, «конституирующей» характеристикой деятельности. *«При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании как подчиняющийся себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может»*. Заметим, что здесь в определении предметности деятельности особо выделен факт первоначальной независимости ее предмета от

индивида, реализующего данную деятельность. Может быть, однако, выделен и другой полюс этой первоначальной независимости, а именно: автономия самого индивида от предмета его последующей деятельности. Ведь предмет этот возникает не «вдруг», а только как результат становления. Так, противостоящая индивиду «вещь» еще не есть непосредственно предмет его деятельности. Ее превращение в «предмет» опосредствовано особой активностью индивида, осуществляющей акт подобного «опредмечивания». Точно так же детерминирована самим индивидом динамика форм предметности (превращения предмета из внешней во внутреннюю детерминанту активности). И, наконец, видоизменение деятельности предполагает момент преодоления ее исходной предметности. Ведь деятельность рассматривается как развивающаяся, выходящая за свои собственные пределы. Но это преодоление не осуществляется автоматически, а требует борьбы с установками¹, сложившимися в предшествующих предметных условиях. Все эти процессы могут быть объединены единым термином «целеполагание».

Целеполагание понимается здесь как формирование индивидом предметной основы необходимой ему деятельности: ее мотивов, целей, задач. Понятие «целеполагание», как можно видеть, шире созвучного ему понятия «целеобращение». Последнее охватывает процессы постановки субъектом «целей» в обычном смысле этого слова — как осознанных ориентиров дальнейших действий, в то время как целеполагание будет означать для нас формирование исходной основы будущих проявлений активности, постоянное ядро в переходах: мотив — цель — задача. Соответственно вместо «целеполагания» мы иногда будем говорить о «постановке субъектом цели». Но в контексте анализа движения деятельности это будет означать возникновение именно новой целевой перспективы у индивида.

Тогда деятельность можно определить как *единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру.*

Целенаправленность — момент о с у щ е с т в л е н и я деятельности, целеполагание — момент д в и ж е н и я (собственной динамики) деятельности. Целеполагающая активность должна быть понята как внутренняя характеристика деятельности, как деятельность, выступающая в особом своем аспекте — со стороны собственного становления, развития, видоизменения. Мы называем такой аспект анализа диахроническим. Целенаправленность активности характеризует деятельность уже в другом аспекте ее анализа — синхроническом, а именно, в аспекте осуществления деятельности. Целенаправленная активность реализует наличную потребность индивида, в то время как целеполагающая активность порождает новую его потребность. Диахронический и синхронический аспекты рассмотрения деятельности, представленные процессами целеполагания и целеосуществления, равноправные, одинаково существенные определения деятельности. Они предполагают друг-друга и только в своем единстве характеризуют деятельность. Оба свойства (целеполагание и целенаправленность) не уступают друг другу по своей значимости в общей картине деятельности. С этих позиций попробуем вновь охарактеризовать деятельность, имея в виду обозначенную выше оппозицию обыденных и теоретико-методологических построений.

ГЛАВА 5. ДВУЕДИНСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Соотношение, истинную связь между обыденными и научными понятиями можно осмыслить поразному. Одно из решений состоит в том, чтобы просто отбросить точку зрения здравого смысла в пользу утверждения теоретических представлений. Но такой сциентизм, если он отчасти и уместен в сфере негуманитарного знания, в

области гуманитарного знания (философского, педагогического, психологического), как нам представляется, глубоко неоправдан. При всей внешней респектабельности лозунга: «Наука всегда права!» — насилие над здравым смыслом в области гуманитарного знания в действительности не лучше и не хуже обскурантизма поборников «здравого смысла» в отношении научных понятий. Подобно тому, как вещество и антивещество, сталкиваясь, уничтожают друг друга, воинствующий сциентизм и не менее воинствующий обскурантизм, сталкиваясь, не оставляют места ни для науки, ни для здравого смысла.

Теоретические представления, бесспорно, преодолевают представления обыденного сознания, но акт их преодоления вовсе не есть акт немилосердного отрицания — «голового, зряшного». Теоретическое преодоление здравого смысла удерживает или должно удерживать в себе моменты его исходной предметной отнесенности — моменты, закрепленные и мистифицированно освоенные в первоначальных донаучных представлениях людей. Порвать со здравым смыслом, как с чем-то заведомо несостоятельным, порочным, на корню ложным, — это значит порвать с самим предметом исследования, объявить его порочным или не стоящим внимания теоретика, поранить корни его. Теоретическое преодоление, очевидно, необходимо понимать лишь как снятие.

Наше решение проблемы имеет своим условием преодоление постулата сообразности и разграничение процессов реализации и собственно движения деятельности. Итак, вернемся к постановке все тех же вопросов.

Субъектна ли деятельность? Переформулируем этот вопрос следующим образом: если субъект — это индивид как целеустремленное существо, то всегда ли индивид действительно является подлинным субъектом (автором) происходящего? Здесь нужно подчеркнуть, что один из ответов, если только не будут сделаны необходимые уточнения, напрашивается сам собой: конечно, не всегда! Действительно, наряду с существенными всегда могут быть найдены и совершенно несущественные, случайные проявления активности, которые не являются изначально планируемыми и не оказывают никакого заметного влияния на процесс осуществления деятельности. Если они и не отбрасываются человеком, то исключительно в силу их видимой безотносительности к процессу целенаправленного действия. Например, решая ту или иную значимую для себя задачу, человек может импульсивно и без всякого участия сознания совершать что-то постороннее, нецеленаправленное. Его непроизвольные «действия» протекают как бы параллельно основному целенаправленному акту и являются, по существу, бессубъектными.

Точно так же бессубъектна форма осуществления целенаправленных актов, диктуемая теми или иными обстоятельствами. Речь здесь идет о крупных и мелких адаптивных операциях, извне задающих рисунок действия; по замечанию Н. А. Бернштейна, босая нога многое могла бы сообщить о неровностях почвы. В отличие от контролируемого содержания действий форма их реализации всегда в какой-то мере определяется не «изнутри» (субъектно), а «извне» — со стороны объекта. В той мере, в какой эти неизбежные привходящие моменты не оказывают существенного влияния на содержание действия, они ни в коей мере не упраздняют «субъектности» индивида, реализующего деятельность. Нас, однако, в данном случае, интересуют не случайные спутники деятельности и не неизбежные влияния на нее внешних условий, придающие деятельности тот или иной ситуативно неповторимый рисунок а именно существенные характеристики собственной динамики деятельности.

Когда мы переходим к анализу движения деятельности, ее становления и развития, бессубъектность деятельности превращается в совершенно особое явление, становится фактом, с которым нельзя не считаться. Субъект как бы рождается заново, на основе возникающих в деятельности предпосылок для постановки новых целей, новых задач, нового образа всей ситуации в целом. Переход из плана возможного в план действительного связан с радикальной перестройкой внешней и внутренней картин последующих актов действия. В этот

момент индивид пребывает в своеобразном состоянии, которое можно назвать переходным и которое именно в силу своего переходного характера имеет субъектно-неопределенный характер. Первый возможный здесь случай анализа касается деятельности, осуществляемой строго индивидуально, «наедине с собой». Становление деятельности в этом случае характеризуется тем, что в одном и том же индивиде как бы доживает свой срок автор завершающейся деятельности (он, однако, продолжает еще «жить» в установках) и рождается автор деятельности предстоящей, будущей. Подлинное междувластие! В этот момент, точнее, на этом интервале активности, индивид бессубъектен, переход от предшествующего субъекта к будущему происходит *в нем*, и сам по себе этот переход не может быть определен как реализация какой бы то ни было заранее поставленной, определенной цели. Чтобы подчеркнуть эту мысль, отметим, что к моменту окончания переходного периода произошедшая перемена может быть рационализирована самим индивидом как с самого начала руководимая некоторой целью. Но если бы переход от одной цели к другой действительно был связан с действием какой-нибудь цели более высокого порядка, то тогда нужно было бы объяснить, каким образом «пробуждается» эта цель более высокого порядка. . . Следуя избранному пути *телеологического* объяснения переходов от одной цели к другой, мы должны были бы либо все дальше отодвигать «конечную» цель, подчиняющую себе все межцелевые переходы, в бесславные дали «дурной бесконечности», либо добрались бы, наконец, до мифической верховной цели, провозглашенной постулатом сообразности. Подобная логика рассуждений была бы подобна попыткам философов определить «цель» движения мировой истории.

Однако мы придерживаемся противоположной точки зрения, и не пытаюсь искать конечную цель, управляющую межцелевыми переходами. И в этом смысле мы говорим о самодвижении деятельности. Но тогда необходимо признать, что в таком движении прежний субъект деятельности оттесняется новым, и само это обновление не предполагает существования верховного субъекта — демиурга происходящего. Факт межсубъектности (междувластия) может быть установлен не только объективно, но временами открывается также и в субъективном плане. Поэтической иллюстрацией могут служить строки японского поэта Исикава Такубоку: *«Не знаю, отчего я так много мечтал на поезде поехать. Вот — с поезда сошел и некуда идти»*¹. И — другое свидетельство, принадлежащее известному итальянскому философу Сильвано Тальягамбе, относящееся к явлениям вполне прозаическим: *« . . . Для введения и принятия новых факторов, новых эмпирических величин необходимо отстраниться и пренебречь данными, обосновавшими предшествующую теорию и интерпретацию. Но в ходе этого «ретроградного движения» мы попадаем в своеобразную западню: поскольку предыдущая экспликативная структура отвергнута и не выдвинуто какой-либо другой альтернативной гипотезы — вектора и конечной цели нашего поиска, постольку фрагменты наблюдения, события выглядят оторванными друг от друга, лишенными разумной связи и вообще не поддающимися прочтению»*².

Приводя столь разные по стилю изложения и тематике иллюстрации, подчеркнем то общее, что их объединяет: переживание временной невыявленности «альтернативы» тому, что оставлено в прошлом. Перед нами, таким образом, намечающаяся феноменология *трансубъектности* индивида.

Второй случай касается действий индивида в условиях «непосредственной коллективности». Тот факт, что один человек, как говорят, «выполняет волю другого», не может служить убедительным аргументом в пользу бессубъектности индивида. Во-первых, индивиды, принимая к исполнению цели других людей, как правило, формулируют их по-своему, достраивают, доопределяют, руководствуясь своими ценностями, пропуская их сквозь призму своих установок, и т. п. Во-вторых, самый способ осуществления деятельности, заданной некоторой системой требований извне, обычно в значительной мере индивидуален, связан с

темпераментом человека, особенностями сознания, уже имеющимися навыками и т. п. Неслучайно в психологии выделяется особое понятие, введенное Е. А. Климовым, характеризующее своеобразие выполнения человеком заданной ему деятельности — «индивидуальный стиль». Оно определяется как «обобщенная характеристика индивидуально психологических особенностей человека, складывающихся и проявляющихся в его деятельности, позволяющая в значительной степени прогнозировать эффективность выполнения деятельности».

Известный психологам еще со студенческой скамьи принцип «внешнее через внутреннее», сформулированный С. Л. Рубинштейном, помогает найти верный ориентир в понимании [того, что внешние требования (задачи, цели, предъявляемые человеку другими людьми) всегда преломляются системой «внутренних условий» личности и только так превращаются в собственные ее руководства к действию. Наше внимание, однако, привлекает иной аспект деятельности, а именно характеристики ее становления, развития и видоизменения, и в данном случае — это вопрос об обусловленности движения цели индивидуальной деятельности индивида другими людьми. В советской психологии проблема обусловленности деятельности общением очень активно и продуктивно разрабатывается (см. работы Б. Ф. Ломова, А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева и др.). Обширные разработки этой проблемы мы встречаем в работах зарубежных психологов (Г. Гибша, М. Форверга и др.). Общим итогом этих исследований является положение о том, что индивидуальные возможности людей в значительной мере возрастают в условиях непосредственного взаимодействия с людьми, решающими ту же задачу. Однако эта закономерность действует, как правило, в группах высокого уровня развития (А. В. Петровский). В контексте нашего анализа выделим важное понятие, введенное Л. А. Карпенко, — «движение мотива». Понимая под мотивом «предметнонаправленную активность определенной силы»¹, автор указывает, что в группах определенного типа (например, в группах, где учебная деятельность имеет коллективный характер) отмечается феномен развития индивидуальных побуждений к действию за счет присвоения мотивов партнеров по деятельности, что позволяет интерпретировать парадоксальный для «парной» педагогики факт повышения эффективности учебной деятельности в связи с увеличением размера группы (при традиционных методах обучения имеет место обратная зависимость)².

Наконец, здесь же опишем гипотетическое явление, которое обозначим как феномен «неразличимости автора». Представим себе взаимодействующих людей, вместе решающих какую-нибудь задачу. Форма их партнерских отношений может быть символизирована отметкой на некоторой условной шкале. На одном из полюсов этой шкалы — целенаправленное и одинаковым образом понимаемое обоими распределение ролей, предполагающее, что продукты активности одного из них («ассистента») выступают в качестве условия, а точнее, средства осуществления некоторой деятельности, целевой уровень которой контролируется другим индивидом («автором»). Взаимодействие между хирургом и операционной сестрой может служить примером: при одинаково ответственном отношении к делу обоих участников взаимодействия совершенно ясно, кто из них реализует уровень цели, а кто — уровень обеспечения средств. На другом полюсе шкалы мы уже не застаем «асимметрии автора» и «ассистента». Каждый выполняет свою задачу и может лишь косвенным образом стимулировать решение задачи, стоящей перед другим. В том случае, если первый, используя что-либо содеянное вторым в виде подсказки для своего собственного действия, приходит к решению, эта подсказка может иметь в его глазах (да и в глазах самого «подсказавшего») совершенно безличный характер подобно тому, как совершенно безлична была бы для него любая другая «деталь» ситуации (предмет, движение), совсем не обязательно контролируемая партнером и притом именно этим партнером.

¹ Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 115.

² Пределы ее количественного роста определяются возможностями кон-

кретного метода, реализуемого в условиях коллективнообразующей деятельности. - В. А.

Здесь также, безусловно, ясно, кто из партнеров — автор решения, а кто — фигурирует в чисто подсобной роли. Перед нами, тем не менее, случай, противоположный только что описанному: ведь «подсказка» — стихийна; а «подсказавший» никакой персональной ответственности за нее не несет.

Теперь предпримем следующий, чисто теоретический шаг: представим некоторый непрерывный переход между полюсами сознательного ассистирования и стихийного стимулирования деятельности другого человека. Если мы достаточно ясно вообразим себе этот переход, то мысленно мы с необходимостью должны будем убедиться в существовании особой «точки» на нашей гипотетической шкале, в которой опосредствование действий первого действиями второго носит полунамеренный — полустихийный характер¹. При этом тот, кто объективно стимулировал продвижение деятельности своего партнера, не может быть четко и однозначно оценен со стороны своей ответственности за производные от его активности достижения. Факт *соавторства* несомненен, но мера персонального вклада в целостный эффект деятельности не определена для обоих. Субъектность каждого, таким образом, здесь имеет «размытый» характер.

¹ Читатель, знакомый с элементами математического анализа, заметит, что приведенные соображения выстроены как своего рода аналог известной математической теоремы, утверждающей существование нулевого значения непрерывной функции в некоторой промежуточной точке интервала в случае, если на концах этого интервала функция принимает положительное и соответственно отрицательное значения. Правомерность этой аналогии должна быть, разумеется, обоснована специально и прежде всего — в экспериментальных исследованиях.

Таким образом, мы рассмотрели две разновидности интересующего нас явления — «исчезновения» традиционного субъекта деятельности. Первая из них описывает индивида в ситуации, когда он действует как бы «один на один» с объектами, вторая — ситуацию движения деятельности в условиях непосредственного взаимодействия с другими индивидами.

В первом случае — перед нами феномен «трансубъектности индивида», а в последнем «интериндивидуальности» субъекта. Все сказанное относилось к анализу движения деятельности в момент коренной перестройки принятой субъектом цели.

Понятно, что основные выводы проведенного анализа могут быть использованы как в тех случаях, когда исследователя интересует зарождение деятельности, так и тогда, когда в центре внимания — передача кому-либо результатов уже завершенной деятельности.

Объектна ли деятельность? Деятельность, раскрываемая в аспекте ее осуществления, может быть понятна только как проявление субъект-объектного отношения человека к миру. Индивид подчиняет своей роли вещество природы и придает активности других людей направление, соответствующее заранее принятой им цели. Такое соотнесение исходного предмета деятельности и цели и есть, собственно говоря, обнаружение субъект-объектной направленности активности человека. «Объект», как можно видеть, понимается при этом весьма широко, в частности, под категорию объектов деятельности может быть подведен и другой человек, и сам субъект деятельности, если он, например, осуществляет акты самопознания или подчиняет себя своей воле.

Но в самом акте осуществления исходного, субъект-объектного, отношения, специфика которого определяет конкретную направленность деятельности, складываются предпосылки для установления новых, субъект-субъектных, отношений, которые превращаются в основу будущих актов общения. Эти «накопления» в деятельности, расширение (или сужение) фонда возможного общения

с окружающими могут происходить в деятельности совершенно неприметно. Важно, однако, что в процессе осуществления деятельности человек объективно вступает в определенную систему взаимосвязи с другими людьми. Иначе говоря, он никогда не производит и не потребляет предметы, которые бы затрагивали лишь его интересы и ничьи более: точно так же он не производит и не потребляет предметы, отвечающие интересам других людей и оставляющие вполне равнодушным его самого. Игрушка, взятая одним ребенком, тут же становится особо притягательной для другого ребенка; поэт, делящийся сокровенным, рискует стать объектом пародии; философ, входящий, как ему представляется, в сферу «подлинного», отъединенного от других, бытия, увлекает за собой сонм адептов. Через предметы своей деятельности человек тысячами нитей и уз связан с другими людьми: обогащает или обедняет круг их потребностей, формирует новые взгляды, расширяет или ограничивает их возможности.

Являясь продуктом деятельности других, человек есть условие их собственного материального и духовного производства, он — предмет потребности окружающих и объект их интереса. Люди погружены в океан взаимных ожиданий и требований. Взаимосвязь между людьми в обществе — вечное условие и форма проявления их жизни. Человек, который никому-никому не нужен, — точно такой же миф, как и человек, которому не нужен никто. Речь, понятно, идет о нужде как объективной необходимости, а не о субъективном переживании и вообще не о метаморфозах субъективности.

Независимо от того, кому в начале своей деятельности индивид предназначает продукты своей активности — себе или другим людям, в ходе его деятельности осуществляется перестройка как собственной его социальной позиции, так и социальной позиции других людей. Заметим, что утверждать первое — значит утверждать и второе, ибо социальные позиции образуют связанное целое (так, изменение, к примеру, положения хотя бы одной из фигур на шахматной доске перестраивает позиции всех остальных). Целостное изменение социальной ситуации, производимое индивидом, при этом может выступать в его сознании лишь фрагментарно и, кроме того, им вовсе не планироваться. Индивид в своей деятельности *косвенно* производит многие преобразования в себе и окружающих, формируя новые возможности общения между собой и другими людьми. Генерация новых ресурсов возможных межличностных взаимодействий составляет пока еще *неявную, скрытую* от субъекта перспективу развития его деятельности (и развития его самого как личности).

Но вот цель деятельности достигнута. Что — за нею? Мы утверждаем, что индивид *продолжает действовать над порогом ситуативной необходимости*, причем делает предметом своей активности то новое, что было сформировано им косвенно, в ходе осуществления деятельности, актуализируя накопленный потенциал рожденных ею связей и отношений его к миру.

Почему это происходит? и в каком? конкретно направлении теперь развивается активность субъекта? Будем исходить из фактов, одна группа которых имеет достаточно общий биологический характер, другая — относится только к уровню организации человеческой жизни. Опора на эти факты образует две фундаментальные посылки всего дальнейшего хода рассуждений.

Первое положение заключается в том, что индивид строит образ тех условий ситуации, в силу которых предшествовавший акт привел к индивидуально значимому эффекту, а также — образ вновь созданной ситуации. Воспроизводство таких условий может иметь как реальный (в виде практического воссоздания условий), так и идеальный характер. В последнем случае индивид осуществляет ориентировку в плане образа ситуации, связанной с соответствующим исходом. Негативный эффект обычно сопровождается свернутой или развернутой ориентировкой в плане образа, что не исключает в ряде случаев практическое моделирование условий, ведущих к неуспеху. В любом случае индивид расширяет

поле своего опыта.

Какова бы ни была исходная направленность деятельности, вследствие ее осуществления преобразуется жизненная ситуация субъекта, меняется круг его возможностей, его предметное и социальное окружение. Процесс реализации деятельности завершается, угасает в цели, но активность субъекта не умирает, а вовлекает в свою сферу новые элементы действительности. Акт осуществления деятельности завершен, однако движение деятельности продолжается, находя свое выражение в активности по построению образа системы условий, которые способствовали бы достижению цели: осваиваются новые возможности, порожденные в уже осуществленном акте деятельности. Оба процесса — построение образа условий, приведших к цели, и освоение новых возможностей действия — являются в широком смысле проявлениями рефлексии. Первый — это рефлексия в форме ретроспективного восстановления истории акта деятельности, второй — характеризует проспективный момент рефлексии: относится к возможному будущему. Как ретроспективный, так и проспективный акты имеют строго необходимый характер. Ретроспективный акт есть проявление общебиологической закономерности, состоящий в том, что достижение существенного для жизнедеятельности эффекта в непривычных для особи условиях (типичной чертой человеческого существования является нетипичность, новизна обстоятельства деятельности) побуждает активность, направленную на ориентировку в системе условий, ведущих к жизненно значимому эффекту и построению соответствующего психического образа. Проспективная ориентировка в системе возможностей обуславливается фактом динамики переживания потребности в ходе осуществления деятельности (известные в психологии: феномен возрастания побудительной силы мотива по мере продвижения к цели, редукция побуждения после достижения цели и т. п.). Кроме того, фактором ориентировки является новизна в системе предметных условий, так как предметы могут открываться с новой и неожиданной стороны, побуждая активность в непредвиденном направлении. Новые побуждения заставляют индивида искать средства их реализации. Некоторые предметы, которые прежде не воспринимались индивидом как «средства» (будь то сфера прошлого опыта или актуально сложившаяся ситуация в результате предшествующего акта деятельности), выступают теперь в качестве новых возможностей действия как его избыточные по отношению к исходной цели деятельности возможности. В конечном счете индивид за счет ретроспективного и проспективного планов рефлексии расширенно воспроизводит исходный образ ситуации, первоначально направляющий действие, углубляет и обогащает образ мира, поэтому «деятельность субъекта богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» (А. Н. Леонтьев). Ретроспективные и проспективные акты выступают в форме построения индивидом нового, оформленного с помощью использования знаковых средств, образа мира — рефлексивного образа. В силу своего рефлексивного характера расширенное воспроизводство индивидуального опыта выходит за пределы лишь индивидуальной деятельности, находя свое завершение в акте передачи инноваций опыта другим индивидам. Объяснить необходимость подобной передачи позволяет второе положение, имеющее отношение только к человеку как существу **общественному**.

Второе положение. Имея в виду не просто активность особи, **направленную** к определенному предвосхищаемому результату, а деятельность человека, следует исходить из факта опосредованности ее осуществления другим человеком. Являясь реализацией субъект-объектного отношения, она выполняется на основе реального или идеального взаимодействия (общения) с другим человеком, т. е. по существу реализует субъект-субъект-объектное отношение. *«Производство жизни. . . — выступает сразу лее в качестве двоякого отношения; с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что здесь имеется в виду совместная*

деятельность многих индивидов, безразлично, при каких условиях, каким образом и для какой цели»¹ (подчеркнуто мною — В. П.). Но если так, то из этого с необходимостью следует, что индивид для того, чтобы иметь возможность опосредствовать свою деятельность усилиями другого индивида, должен сознательно или неосознанно побуждать этого другого индивида к сотрудничеству, т. е. оказывать на него прямое или косвенное влияние, транслировать ему тот или иной мотив.

Сейчас можно соединить две указанные посылки и рассмотреть, что происходит за порогом осуществленной деятельности. Индивидуально-значимое завершение деятельности радикально меняет направленность последующей активности. Теперь активность ориентирована не на исходный объект достижения, а на совокупность условий, в силу которых соответствующий результат был достигнут. Предметом активности становятся сами основания осуществленной деятельности, и так как общение с другим человеком является важной их составной частью, то и оно превращается в предмет реального или идеального воссоздания, т. е. рефлексии в двух выделенных ее формах — ретроспективной и проспективной. Рефлексия при этом касается двух «диалогизирующих» сторон: самого субъекта деятельности, а именно его знаний, способностей, побуждений, эмоций, воли, и — другого субъекта.

¹Маркс К. , Энгельс Ф. Избр. произведения. Т. 1. М. , 1985. С. 21.

В ретроспективном плане индивид осуществляет здесь акты самопознания и социальной перцепции, а в проспективном плане — целеобразования и трансляции потенциальных целей другим людям. Если прежде в деятельности стимулирование другого человека занимало подчиненное место и могло даже не выступать в качестве особой задачи, то в последнем случае оно выдвигается на первое место, проявляясь в форме самоценной активности индивида.

Приметы этой самоценности мы находим уже на ранних этапах онтогенеза. Ребенок, действуя в непосредственном контакте со взрослыми, вначале произвольно комментирует свои действия словом. Речь здесь выступает как «эхо» речи взрослого и как непреднамеренный аккомпанемент собственных действий. Именно на этой стадии развития ребенка мы сталкиваемся с первыми элементами рефлексии. Это именно первые проявления рефлексии; здесь нет еще, конечно, того уровня рефлексии, который отличает взрослых и высшей формой которого является *coqito*, появляющаяся значительно позднее (по нашим экспериментальным данным, на рубеже подросткового и юношеского возрастов)¹. Затем эгоцентрическая речь ребенка, произвольное рефлексивное проигрывание превращаются в преднамеренное действие ребенка, в способ общения его со взрослым. Такое «превращение» обусловлено тем, что на стадии произвольного словесного аккомпанеента ребенком своих действий взрослые в значительной мере воспроизводят за ребенком его речь, продолжают и поощряют ее. Для ребенка подобное поведение взрослого выступает как подкрепление, и в дальнейшем он произносит слова в расчете на то, что взрослые повторят их вслед за ним, иначе говоря, в расчете на резонанс. Рефлексия вследствие этого постепенно приобретает особую новую функцию — побуждения ответного (резонансного) действия взрослого.

Подобно ребенку, взрослый стремится к тому, чтобы разделить с близкими переживание новизны только что открытого им и познанного. Он «передает» значимые свои переживания другим людям не из стремления «самоутвердиться», не для того, чтобы покорить другого, и тем более не в обмен на какую-то иную, ценную для него вещь. Он делится с другим тем, что ценно для него самого, чтобы другой человек испытал то же, что и он сам, он производит общее. Но производство общего и есть, по существу, то, что мы можем и должны считать общением.

¹Петровский В. А. , Черепанова ЕМ. Индивидуальные особенности при организации самоконтроля внимания. — Вопр. психологии, 1987, №5. С. 48-56.

Таким образом, деятельность, осуществление которой определялось целевой ориентацией на объект, в ходе своего движения перерастает в рефлексию и далее открывается нам как трансляция другим людям приобретений собственного опыта, т. е. как общение.

Предваряется ли деятельность сознанием. Имея в виду процессы осуществления деятельности, со всей определенностью необходимо утвердительно ответить на этот вопрос. Действительно, раз целенаправленность приобретает для нас значение определяющей характеристики деятельности в синхроническом аспекте ее анализа, то сознание обязательным образом должно быть рассмотрено в качестве исходного условия протекания деятельности. *«Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является ее осознанность»*, — отмечают авторы статьи «Деятельность», известные философы и методологи А. П. Огурцов и Э. Г. Юдин в последнем (третьем) издании «Большой советской энциклопедии». Они, однако, не различают синхронический и диахронический планы анализа деятельности, и поэтому подобное понимание деятельности как предвосхищаемого сознанием процесса абсолютизируется, что совершенно закономерно приводит авторов к утверждению о том, что «деятельность как таковая не является исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих идеалов и ценностей». В одной из наиболее глубоких современных разработок, специально посвященных категории деятельности в науке, Э. Г. Юдин писал: *«Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна быть в результате деятельности»*.

Однако, когда предметом психологического анализа становится происхождение того, «ради чего она (деятельность) совершается», и того, «где формируются цели человека и строится образ действительности», в поле зрения исследователей вновь попадает деятельность, но представленная не столько моментами реализации тех или иных содержаний сознания (целей, образов), сколько выходом за их пределы, то есть процессами прогрессивного движения деятельности. На недопустимость смешения функционального (в наших терминах — «синхронического») и генетического («диахронического») аспектов анализа при исследовании деятельности справедливо указывали В. П. Зинченко и С. Д. Смирнов в связи с изложением взглядов Э. Г. Юдина.

Мы видим, как в психологических разработках, посвященных категории деятельности, прежде всего в исследованиях представителей школы А. Н. Леонтьева, сначала имплицитно, а потом все более явно выступает идея дифференциации процессов, реализующих те или иные содержания, имеющиеся в сознании, и процессов, порождающих инновации индивидуального и общественного сознания. Оба вида процессов характеризуют деятельность. Но первые суть процессы осуществления деятельности, вторые — самодвижения деятельности. В первом случае, следовательно, сознание должно быть понято как опережающее деятельность, во втором, наоборот, как производное от деятельности.

Является ли деятельность процессом? Признак целенаправленности осуществляемой деятельности служит опорным для понимания деятельности в синхроническом аспекте ее рассмотрения как процесса. Интуитивно, и без специального анализа, ясно, что цель, направляющая активность субъекта, придает ей планомерный характер, связывает воедино все постепенно вовлекаемые в деятельность элементы внешнего и внутреннего мира индивида, прочерчивает маршрут для непрерывно следующей по нему «точки» внимания. То, что казалось разрозненным (отдельные действия с различными вещами), теперь органически связано

друг с другом «мостиками» мысленных переходов. «Деятельность представима как процесс с привлечением механизмов сознания» (Г. П. Щедровицкий). Однако в этом пункте мы пока все еще остаемся в долгу перед исследователями, выделяющими три признака того явления, которое именуют «процессом». Что представляет собой объект-носитель процесса деятельности? Какие стороны этого объекта подвержены динамике? В чем заключается линейность и непрерывность осуществляемой деятельности?

Ни одна физическая вещь, существующая за пределами сознания субъекта, ни одна «вещь», налично существующая в его сознании, не представима в виде интересующего нас объекта-носителя процесса деятельности. Для того, чтобы такой объект предстал перед нами как объект-носитель процесса, его необходимо как-то «соединить» с целью, представить двояким образом: с одной стороны, как нечто, налично существующее, а с другой стороны, как нечто, существующее лишь потенциально и в своем потенциальном бытии соответствующее цели субъекта. «Как я создаю статую? Беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее. . . », — раскрывает «секреты» творчества скульптор. Мрамор, становясь скульптурой, выступает как носитель, точнее как один из носителей процесса деятельности (другие носители — орудия и сам творец). Шутка ваятеля иллюстрирует отмеченную двойственность носителя процесса деятельности. Упрощенно такой объект может быть представлен как своего рода «кентаврическое» образование, одна из частей которого существует в настоящем, а другая (предвосхищаемая согласно цели) — в будущем.

Но, конечно, подобного «кентавра» в природе не существует, и любые попытки как-то рационализировать (тут хочется сказать — «обуздать») эту метафору приводят нас к мысли, что носитель процесса деятельности не представим в виде вещи или обычного свойства какой-либо вещи. Перед нами не вещь, а особое отношение, существующее между принятой индивидом целью и наличной ситуацией его деятельности. Это отношение характеризуется, во-первых, тем, что цель, преследуемая индивидом, по своему предметному содержанию не идентична наличной ситуации деятельности и даже противоположна ей (момент противоположности), и, во-вторых, тем, что цель эта может быть воплощена на основе преобразования данной наличной ситуации и, следовательно, заключает возможность (прообраз) будущего изменения, отвечающего цели (момент единства). Последнее означает, что все элементы наличной ситуации: побудительные, ограничительные, орудийные, строительные — выступают как носители особого системного качества — «быть условием осуществления цели деятельности». Это системное качество не сводится к какому-либо их физическим, натуральным свойствам. Тем не менее оно объективно существует как обусловленная природными особенностями соответствующих элементов возможность превращения их в компоненты будущего синтезируемого продукта. Итак, перед нами отношение противоположности и единства между наличными и целевыми определениями бытия индивида, между данным и заданным, актуальным и потенциальным. Системные свойства элементов наличной ситуации деятельности в процессе ее осуществления превращаются в собственные свойства продукта, воплотившего в себе исходную ее цель. Процесс деятельности, следовательно, может быть осмыслен как постепенное преодоление этого противоречия, которое тем не менее сохраняется на протяжении всей деятельности. Это противоречие и является носителем процесса деятельности.

Необходимо принять во внимание и тот факт, что цель, реализуемая индивидом, всегда многоаспектна. В ней представлены состояния субъекта, объекта, способ обращения с орудиями, последовательность операций и т. д. Поэтому противоречие, образующее основу деятельности, также многоаспектно. Каждый из аспектов этого противоречия образует тот или иной параметр динамики осуществления деятельности, конкретную «сторону процесса». Так, можно говорить о динамике представлений и аффектов индивида, о физических, химических и других аспектах преобразования окружающих вещей и т. д. В ходе деятельности меняется образ мира в единстве его

когнитивных (познавательных) и аффективных сторон, и меняется сам мир, запечатлевающий себя в образе. Целостный процесс деятельности выступает перед нами в своих многочисленных динамических проекциях: во внешней динамике индивида, в его физических движениях, и во внутренней его динамике — эволюции сознания, постоянных изменениях окружающих индивида вещей и людей.

Наконец, каждый из этих параметров в каждый момент времени характеризуется мгновенным предметным «наполнением» — конкретной формой единства наличного и целевого, данного и заданного. Перед нами, таким образом, непрерывно происходящая актуализация потенциальных свойств, содержащихся во внешних и внутренних условиях, характеризующих как самого индивида, так и его предметно-социальное окружение, развернутое во времени превращение системных свойств элементов наличной ситуации деятельности в собственные свойства ее продукта, воплотившего в себе ее исходную цель. Осуществление деятельности — процесс.

Совсем по-иному предстает перед нами деятельность, когда мы рассматриваем ее в диахроническом аспекте. Движение деятельности есть порождение новых, идеально не предвосхищенных индивидом «сторон»: новой телеологии, которая раскрывается с каждым шагом развития деятельности и до выполнения этого «шага» не существует ни в виде какого-либо субъективного прообраза, ни тем более в виде какой-либо физически данной вещи. Деятельность выходит «за берега», воздвигнутые для нее имеющейся целью. Движение деятельности не есть процесс или, во всяком случае, не может быть удовлетворительно описано на основе прежде принятого нами способа описания процесса осуществления деятельности.

Видима ли деятельность? Можно ли ее наблюдать? Решение этого вопроса раздваивается. Если иметь в виду взгляд «со стороны», с позиции внешнего наблюдателя, то в конечном счете восприятие деятельности в ее осуществлении мало чем отличается от восприятия каких-либо других явлений действительности. Размышляя над очень простым, казалось бы, вопросом: «Что значит воспринять что-либо?», психологи дают довольно сложный ответ, выделяя в образе восприятия три слоя. Первый слой — «чувственные впечатления»: ощущения, доставляемые органами чувств и образующие то, что иногда называют «чувственной тканью сознания». Второй слой — это «значения», приписываемые воспринимаемому объекту, запечатленные в общественном или индивидуальном опыте идеальные «меры» воспринимаемых вещей, общественно-обусловленные категории сортировки элементов чувственного опыта. Они неотделимы от соответствующих знаков — в человеческом обществе преимущественно языковых (слова). Третий слой — «смыслы», определяющие место воспринимаемого объекта в человеческой деятельности, шире — в его жизни. Восприятие есть такой процесс чувственного отражения действительности, в ходе которого индивид не только приобретает те или иные чувственные данные, но и категоризует («означивает»), не только категоризует, но и осмысливает (в частности, оценивает) их. Восприятие никогда не есть только синтез ощущений, это еще и понимание, выявление личного отношения к воспринимаемому. Необходимым условием полноценного восприятия, как видим, является соотнесение чувственных впечатлений с некоторым эталоном, подведение их под определенную рубрику — категоризация.

Если бы мы захотели, конечно, очень грубо выразить эту мысль применительно к восприятию проявлений чьей-либо деятельности, то роль категоризации в восприятии могла бы быть проиллюстрирована обращением к *пантомиме*. Смысл пантомимы как жанра искусства во многом определяется тем, что зрители должны постоянно решать одну и ту же задачу категоризации своих впечатлений, приписывания определенных значений происходящему. Пока эта задача не решена, человек переживает какую-то интригующую его незавершенность, а если задача никак не решается, — то незавершенность, раздражающую «частичность» восприятия. И только возможность категоризовать, «означить» свои впечатления преодолевает это чувство неопределенности, делая восприятие полноценным.

Необходимость означения, понимания для переживания завершенности восприятия можно было бы проиллюстрировать ссылкой на многие другие примеры. Но о пантомиме мы вспомнили не случайно. Если бы мы захотели очень просто и кратко выразить отличие того, что мы называем деятельностью, от поведения, интерпретируемого в духе ортодоксального бихевиоризма, то последнее можно было бы назвать пантомимой, которую «зрители» (исследователи) не понимают и категорически не хотят понимать как *деятельность*, т. е. осмыслить как целенаправленный, сознательный акт. Но «деятельность», как уже было сказано, не тождественна бихевиористскому «поведению». Восприятие деятельности возможно в той мере, в какой наблюдателю доступно усмотрение ее цели, «прочтение» намерений, которые стремится осуществить в своем «поведении» субъект.

Все это справедливо применительно к сложившимся, «ставшим» формам деятельности. Но если предметом наблюдателя становится движение деятельности, то тезис о ее «наблюдаемости» уже не может быть принят. Ретроспективно, т. е. когда новая форма деятельности уже утвердилась, аналитик, возможно, и сумеет восстановить последовательность событий в «точках» становления и развития деятельности. Но пока, в ходе ее становления и развития, этого сделать нельзя. *Впечатления* о «чем-то происходящем» будут при этом накапливаться, но смысл и значение того, что происходит, приходят позже.

Исключение как будто бы составляют случаи, когда наблюдателю заранее известны возможные траектории движения деятельности, когда значения, которые можно было бы воссоединить с чувственными впечатлениями о «чем-то происходящем», уже выработаны и готовы. Так бывает, когда деятельность учеников складывается и развивается по законам, заранее известным учителю, и ему для этого как будто не составляет труда экстраполировать будущие перестройки знаний, побуждений, умений и т. п., о которых самим ученикам, может быть, ничего не известно. Точно так же опытный психолог, психиатр или просто человек, хорошо знающий людей, может заранее предугадать, что произойдет с кем-либо дальше, к чему сведутся те или иные усилия, с какими проблемами тот столкнется и т. п. Однако здесь перед нами, строго говоря, не «восприятие» движения деятельности, а мысленное прогнозирование будущих проявлений чьей-либо активности — прогнозирование, которое и генетически, и функционально противостоит «приписыванию значений» в актах восприятия. Суть различий может быть выражена так: в актах восприятия приписываемые значения «проецируются» субъектом в ту точку субъективного «пространства — времени», в которой это впечатление было получено. Мысленное же прогнозирование — это построение или актуализация возможных моделей будущего на основе данных о прошлом и настоящем объективного познания; это — опережение будущих возможных впечатлений моделями возможного будущего. Слова «возможное будущее» здесь очень важны. Прогнозирование есть всегда построение проблематического знания — в поле сознания прогнозирующего субъекта намечен и альтернативный вариант рассматриваемого объекта. В случае предварения будущей судьбы деятельности актуализируемое или конструируемое знание (модель будущего) всегда имеет более или менее условный характер, ибо любое подлинное знание динамики деятельности включает в себе также и знание принципиальной *неполноты* этого знания, невозможности жесткого и однозначного предсказания следующего «шага» развивающейся деятельности. Таков психологический аналог известных закономерностей движения физических объектов в микромире.

Итак, извне воспринять деятельность в ее движении невозможно, а удастся лишь развернуть веер возможных продолжений деятельности, да и то при достаточной компетентности наблюдателя. Но, может быть, эта трудность преодолима изнутри: самим индивидом-носителем деятельности? В том случае, если деятельность сформировалась, сложилась, он, как это очевидно, без труда рефлектирует то, что в практическом или теоретическом плане делает. Неслучайно некоторые авторы

обозначают деятельность как явление «интеллигентное», самопрозрачное, непосредственно открытое субъекту в момент действия¹. Восприятие деятельности обеспечено в данном случае имеющейся целью, которая, «как закон», определяет не только сам акт, но и направленность его интерпретации субъектом.

Однако в случае несформированной, только еще находящейся в состоянии становления деятельности или деятельности в «точке» ее развития, роста, рефлексия происходящего необходимо неполна, ибо условия для полноценной рефлексии (ясное представление цели, оперативный образ ситуации и т. п.) еще не сложились. Этим, в частности, объясняется безуспешность интроспективного познания творческого акта в момент порождения решения. Требуется кропотливый последующий анализ, позволяющий «означить» произошедшее.

Особо отметим тот парадоксальный факт (о котором еще пойдет речь дальше), что в том случае, когда поведение человека как будто бы вполне достоверно прогнозируется другим человеком и этот прогноз становится известным первому, соответствующее знание может деформировать перспективу дальнейшего развития деятельности. И так, «ни извне», «ни изнутри» движение деятельности непосредственно не выступает как адекватно воспринимаемое, или, если кратко, движение деятельности — «невидимо».

¹ Например, Ж.-П. Сартр. См. : Стрельцова Г. Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М. , 1974. С. 60-61.

Перед нами два портрета деятельности. На одном из них контуры деятельности четко очерчены. Мы различаем ее субъект и объект, признаки предвосхищаемости ее сознанием и представимости ее в виде процесса, качество открытости наблюдателю. Это — портрет деятельности, выступающей со стороны реализации индивидом имеющейся у него цели, т. е. процесса целенаправленной активности. На другом портрете — контуры деятельности теряют четкость.

Известно, что, когда в поле зрения наблюдателя оказывается быстро движущийся предмет, его очертания становятся нечеткими, «смазываются». В нашем случае утрачивают свою четкость, смазываются черты субъектности, объектности и другие характеристики деятельности. Таков портрет деятельности в ее движении. Подлинное представление о деятельности мы, конечно, можем получить только тогда, когда совместим в своем сознании оба изображения. Они образуют своего рода «стереопару», позволяющую нам увидеть деятельность рельефно, в единстве синхронического и диахронического аспектов анализа, в диалектике самоутверждения и самоотрицания деятельности. Обыденное сознание всегда имеет дело с одной только проекцией деятельности — с процессами целенаправленной активности и практически никогда — с другой ее стороной, выступающей в процессах целеполагания, в которых реализуется развитие деятельности.

Парадный портрет деятельности выполнен, скорее, в натуралистической манере, передающей видимую незыблемость форм, но уж никак не в импрессионистской, в большей мере схватывающей движение изображаемого, — «изменение вообще». Реализм в понимании и изображении деятельности, по-видимому, предполагает достижение синтеза этих двух начал. Причина того, что обыденное сознание не справляется с этим требованием углубленного изображения деятельности, заключается в том, что оно объясняет феномены самодвижения деятельности, руководствуясь представлением о некоей «конечной» цели, будто бы постепенно воплощающейся во всех без исключения актах деятельности.

Глава 6. Неадаптивность как неизбежность

Феноменология неадаптивности выступит перед нами рельефнее, когда мы

присмотримся к движению деятельности в таких специфических ее проявлениях, как «жизнедеятельность», «предметная деятельность», «деятельность общения», «деятельность самосознания».

Жизнь. Неадаптивность как неизбежность. Анализируя сферу проявлений витального отношения человека к миру, мы прежде всего обращаемся к известной формуле Ф. Энгельса: «Жить — значит умирать». «. . . **Отрицание жизни, по существу, содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью**». «Зародыш» смерти можно, конечно, интерпретировать и как «цель» («умереть»). Но, разумеется, автор «Диалектики природы» был далек от идеи телеологической интерпретации смерти, рассматривая последнюю как **результат** жизни в соответствии с гегелевским их различием. Если так, то из этой простой предпосылки следует важный для нас вывод: жизнь индивида в целом не может быть представлена в виде продвижения его к какой-либо одной, соответственной ему изначально цели, — рухнет фундаментальная опора постулата сообразности, ибо содержащееся в самой жизни отрицание жизни выходит за пределы объяснительных возможностей этого постулата.

Предметная деятельность. Неадаптивность как неизбежность. Давая характеристику предметной деятельности человека, А. Н. Леонтьев писал: «*Деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание*». Это положение обобщало и вместе с тем стимулировало особое видение деятельности как нередуцируемой к своим продуктам и к исходной цели или удовлетворению **соответствующей** потребности. В предметно-познавательной деятельности и косвенные последствия целеустремленной **активности фиксируются** в понятиях «побочный продукт» (Я. Л. Пономарев), при разработке теории «психического как процесса» (С. Я. Рубинштейн, А. В. Брушлинский и др.). Та же закономерность может быть прослежена и на примере анализа предметно-преобразовательной творческой деятельности, рождающийся результат которой выявляет свою несовместимость с начальным замыслом (может быть беднее или богаче) и таким образом заключает в себе неожиданный ресурс, что стимулирует продолжение и развитие деятельности.

Общение. Неизбежность неадаптивных исходов. То, что рождается в общении, оказывается неизбежно иным, чем намерения и побуждения общающихся людей (мы, как уже отмечено, различаем общение и коммуникацию). Действительно, если вступающие в общение занимают эгоцентрическую позицию, то сама эта установка обнаруживает свою несостоятельность, и кроме того, в тенденции такая позиция заключает в себе непреодолимое зло самоутраты, обращая индивидуальность в общении в ничто, подвигая другого (других) к той или иной форме эксплуатации первого (позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т. п.). Альтернативу как первому, так и второму пути как будто бы образует позиция конгруэнтности (Роджерс), которая — при видимых достоинствах — обнаруживает в себе при ближайшем рассмотрении элемент деиндивидуализации общающихся, ибо исключает *пристрастность* позиции оценки («любить всех — значит не любить никого», — рассуждает один из героев Л. Н. Толстого). Наконец, особое душевное проникновение друг в друга, иногда достигаемое в общении, о котором говорят как о слиянии душ, оборачивается взаимным привязыванием («Мы несем ответственность за тех, кого приручили». Сент-Экзюпери) или(и) страданием от рано или поздно происходящих потерь (недаром тема смерти неотделима от темы любви, когда одновременная смерть — благо для любящих, что зафиксировано в литературе, искусстве/фольклоре; а если даже кто-либо из любящих или любимых уходит из жизни раньше, это обрекает другого на страдания, которые тем сильнее, чем ближе они друг к другу были). (Виктор Франкл среди примеров логотерапии приводит установление смысла собственного страдания при потере близкого как своего рода платы за то страдание, которое

испытал бы умерший, если бы первым ушел из жизни не он).

Самосознание. *Неизбежность неадаптивных исходов*. Интересная возможность для психологического исследования — феномен неуловимости Я в рефлексии: любая попытка осознать свое Я приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что в свою очередь порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, чувство того, что главное остается за чертой осознания. При обсуждении этой проблемы кажется целесообразным вычленение качеств «первого» и «второго» рода (В. А. Петровский, 1979). Качества первого рода (геометрические представления, красное, боль и т. п.) в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации; качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (в данном случае — рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлектируемое оказывается небезучастным к самой рефлексии. К категории качеств второго рода может быть отнесено и чувство общности с миром (Ж. П. Сартр), в том числе — общности с другими людьми. Как то, так и другое в момент рефлексии ведет к распаду общности с миром, и таким образом рождается отношение *субъект—объект* или соответственно *Я и другие (другой)*. К той же категории относится и чувство $\wedge$ (несводимое к *Мы*), которое в момент самосознания трансформируется, вследствие чего цель построения внутренне достоверного образа *Себя* оказывается недостигнутой: образ *Себя* никогда нетождественен аутентичному переживанию самости.

Фиксация явлений неадаптивности лишь намечает возможность осмыслить человека как личность. Человек в данном случае не является субъектом трансценденции, выход за границы предустановленного осуществляется, так сказать, «мимовольно». Имея в виду это обстоятельство, я предпочитаю говорить, что неадаптивность имеет здесь характер чего-то неизбежного, что это — «*неадаптивноеть как неизбежность*».

Рассматривая в этом плане жизнедеятельность человека и все другие проявления его деятельности — предметные, коммуникативные, когитальные, мы вынуждены констатировать, что человек при этом утрачивает самое главное, что можно сказать о нем: он *утрачивает* качество «*быть субъектом*» в отношении себя самого, — способность свободно определять последствия своих действий.

Если этот пункт требует еще разъяснения, то поставим перед собой вопрос так: положим, я не способен контролировать последствия собственных действий, более того, знаю, что результаты моей активности неизбежно расходятся с ее изначальными целями, и что, кроме того, эти различия настолько велики, что даже противостоят этим целям; вправе ли я, в таком случае, положить руку на сердце, считать себя автором (или — хозяином) своих взаимоотношений с миром, подлинным субъектом самого себя? Без лукавства, как бы ни было это прискорбно для самолюбия нашего «эго», мы вынуждены ответить на этот риторический вопрос словом «нет». Нет — потому что *субъектность* и *бесконтрольность* в отношении последствий собственных действий — две «вещи» в нашем сознании несовместные.

Однако, признаем, что все-таки в нас что-то сопротивляется безоговорочному отторжению мысли о собственной значимости; логике противостоит самоощущение: «я — субъект собственной жизни». Природа данного сопротивления логике заслуживает специального анализа. Пока, однако, мы поставим вопрос о том, что могло бы обеспечить человеку саму возможность доказать себе свою же субъектность, или, иначе говоря, *состояться в качестве субъекта*, — состояться, несмотря на неумолимое, казалось бы, действие сил, лишаящих его этой возможности.

Для того, чтобы дать позитивный ответ на вопрос, возможна ли и чем могла бы быть обусловлена субъектность человека, подлинная самопричинность его во взаимоотношениях с миром, необходимо принять, по крайней мере, в качестве допущения, что человек сам (и вполне добровольно!) готов отвечать перед собой за неадаптивные последствия собственных действий; иными словами, что он *свободно*

может взять на себя ответственность за саму возможность несовпадения целей и результатов своей активности.

В контексте развиваемой на страницах этой книги концепции субъективности личности этот момент представляется мне центральным. Только что, признав неадаптивность человеческой деятельности в четырех ее основных формах, мы признали ее существенно неадаптивный характер. Если бы неадаптивность, позволим себе эту вольность, могла обрести речь, она сказала бы «нет» субъекту. Парадокс состоит в том, что субъект, желая обрести и утвердить себя, должен сказать «да» неадаптивности. Но только в этом особом случае последняя обнаружит себя в новом обличье. Она высвободится из-под власти неизбежного, и, освободившись, выступит как деятельность, в которой субъект обретет себя. И, если это так, то нам откроется, возможно, феноменология *активной* неадаптивности человека, а не просто неизбежного *дрейфа*, совершаемого им по отношению к цели его стремлений.

Вот **известная** гимназическая дилемма: «Господь всемогущ?» — «Всемогущ!» — «А может ли он создать такой камень, который сам поднять не сможет?» (Если Бог не сможет создать такой камень, то он не всемогущ, но если он сможет создать камень, который сам поднять не сможет, то он также не всемогущ) — Трудно сказать, могло ли входить в интересы Всевышнего создание подобного камня, но вот что замечательно: похоже, что за него эту проблему постоянно решают люди, обнаруживая парадоксальное свойство собственной деятельности — ее неадаптивность.

. . . В комнате две девочки¹. Первая девочка школьного возраста. Ей предстоит справиться с очень простой задачей: достать предмет, лежащий посреди стола на таком расстоянии от краев, отгороженных невысоким барьером, что дотронуться до него непосредственно рукой нельзя; для этой цели достаточно воспользоваться здесь же лежащей палочкой. Девочка ходит вокруг стола, совершает то одну, то другую пробу, а задача все не решается. . . Девочка меньшего возраста, лет пяти, сначала молча наблюдает, а потом начинает подавать совет за советом: «подпрыгнуть» (подсказка явно неудачная), «воспользоваться палочкой» (то, что единственно может спасти положение). Наконец, она сама берет палочку и пытается достать предмет. Однако старшая немедленно отбирает у нее это «орудие», объясняя, что достать палочкой нетрудно, что «так всякий может». В этот момент в комнате появляется экспериментатор, которому испытываемая заявляет, что достать со стола предмет она не может.

¹ Эксперимент талантливого харьковского психолога В. И. Асьнина, проведенный около сорока лет назад. Его работа является своего рода предтечей как наших исследователей надситуативной активности, так и изучения «интеллектуальной активности» в исследованиях Д. Б. Богоявленской.

Как же следует интерпретировать это явление? Может быть, школьница просто-напросто неверно понимает задачу (например, исходит в своем понимании ситуации из того, что палочкой «нельзя» воспользоваться)? Нет, оказывается. Достаточно несколько изменить условия опыта, а именно: не снимая объективной значимости цели, которая должна быть достигнута (предмет, лежащий на столе), искусственно изменить отношение испытываемого к возможному средству достижения (например, объяснить испытываемому, что он может действовать палочкой). Испытуемый, разумеется, не отказывается действовать, согласно инструкции, но стремится избежать условленной награды (пробует отклонить ее или берет явно неохотно, «случайно» забывает ее на столе и т. д.). С особенной яркостью это явление выступает тогда, когда привлекательность предмета достижения («цель-награда») растет, а уровень трудности задачи остается прежним.

О чем говорит эта своеобразная ситуация? Наиболее эффективный способ достижения цели — использование простейшего средства: находящегося под рукой орудия. Между тем избирается другой путь решения. Не следует ли предположить, что перед нами явление, по сути своей неадаптивное?

Фундаментальным признаком человеческой деятельности является то, что она не только реализует исходные жизненные отношения субъекта, но и порождает новые жизненные отношения; раскрывает свою несводимость к первоначальным зафиксированным жизненным ориентациям за счет включения «надситуативных» моментов.

Понятие о надситуативности может быть раскрыто в трех планах. В первом случае, определяя его, мы берем за основу понятие «ситуация». Когда речь идет о ситуации, то при этом подразумевается система внешних по отношению к индивиду условий, побуждающих и опосредствующих его активность. Качество «быть внешним» по отношению к индивиду означает: в пространственном отношении — воспринимаемую внеположенность субъекту, во временном отношении — сформированность к моменту начала действия. Ситуация деятельности объединяет в себе целевые, инструментальные, строительные (термины А. Г. Асмолова) и ограничительные элементы предстоящей деятельности. Таким образом, мы видим, что понятие «ситуация» описывает не только окружение, но и состояния самого субъекта, сложившиеся в предшествующий момент времени и «перешедшие» из прошлого в настоящее. В отличие от понятия «поле», разработанного в психологической школе К. Левина и означающего совокупность переживаемых субъектом актуальных (знаменитое «здесь и теперь!») побудителей активности, ситуация характеризует существование преемственности между настоящим и прошлым. Полное описание ситуации подразумевает выделение требований, которые предъявлены индивиду извне или (и) выработаны им самим и выступают для него в качестве исходных. Реализация требований ситуации создает предпосылки для ее преобразования или преодоления.

Выход за пределы ситуации — надситуативная активность (в широком смысле) — имеет место в той мере, в какой (при значимости данной ситуации) складываются и начинают воплощаться новые требования к себе, избыточные по отношению к первоначальным. В этом смысле можно говорить о действии «над порогом ситуативной необходимости»¹: человек признает обязательность реализации соответствующих требований, но необходимость их осуществления переживается при этом как определяемая извне — другими людьми, или им самим в прошлом («самообязательства» и т. п.). Оказаться «над» ситуацией — это значит действовать, превышая «пороговые требования» ситуации, как бы подниматься над ними. «Надситуативность» в пределах этого определения может означать сочетание моментов принятия требований ситуации и преодоления их. Моменты надситуативности рождаются в деятельности не «вдруг» и, конечно, не могут быть истолкованы в духе индетерминизма. Внутренняя необходимость формирования этих моментов движения деятельности определяется тем, что в ходе целенаправленного действия субъект вынужден осуществлять поиск средств реализации цели, что означает опробывание различных элементов ситуации в качестве потенциальных условий осуществления действия. Как постановка, так и реализация цели невозможна вне построения более широкого, чем это было бы необходимо, образа предметных условий осуществления предстоящей деятельности. В итоге у индивида накапливается резерв нереализованных возможностей, которые избыточны относительно исходного отношения, побуждавшего деятельность. Кроме того, по мере осуществления деятельности, индивид необходимым образом, как мы уже прежде отмечали, осуществляет ретроспективную и проспективную оценку процессов и результатов собственных достижений (так, сам факт признания деятельности завершённой предполагает осуществление подобного рефлексивного акта). Следовательно, отраженными оказываются намеченные и отброшенные альтернативы. Возникновение их и возврат к ним, как нам думается, и образуют действительную предпосылку надситуативной активности. Мысленно «проигрывая» некоторое возможное действие, индивид делает первый шаг к его осуществлению. Этот шаг может оказаться единственным, последним. Если этого не происходит, то есть если мысленный прообраз действия воплощается в реальное действие, мы констатируем

акт движения деятельности, проявление надситуативной активности. Итак, при надситуативной активности индивид строит образ возможного, но избыточного преобразования ситуации, что и становится для него целью деятельности.

Можно различать мотивационные, целевые, операциональные, ориентировочные моменты надситуативности. Надситуативный момент характеризуется побуждениями, избыточными с точки зрения потребности, первично инициировавшей поведение, и, возможно, находящимися иногда в противоречивом единстве с данной потребностью. Надситуативная цель — это такая цель, принятие которой не вытекает непосредственно из требований ситуации, однако, реализация которой предполагает актуальную возможность достижения исходной цели. Надситуативный образ включает в себя (в качестве подчиненного и, возможно, «снятого» момента) исходный образ ситуации, однако им не исчерпывается и т. д. Соотношение ситуативности надситуативности может быть понято по аналогии взаимосвязи «задачи» и «сверхзадачи» в терминах К. С. Станиславского. *Psici te* «сверхзадачи» предполагает осуществимость решения «задачи», однако само по себе решение «задачи» не **означает разрешения** «сверхзадачи». Психологический парадокс состоит в том, что субъект первоначально следует ситуативной необходимости, но в самом процессе следования рождаются надситуативные моменты, способные вступить в противоречие с ситуативной необходимостью.

Еще одно значение понятия «надситуативность». До сих пор речь шла прежде всего о процессах расширенного воспроизводства деятельности, и такие понятия, как «ситуация», «ситуативная необходимость», «надситуативность» связывались, главным образом, именно с процессами развития деятельности в пределах ее исходной формы. Подразумевалось, что деятельность, изменяясь, сохраняет свою качественную определенность, отвечая в конечном счете той потребности, которая вызвала ее к жизни. Но развитие деятельности, вызывая изменение как субъекта, так и предметных условий его деятельности, приводит к коренному преобразованию самой исходной формы деятельности. «Скачок» к новой форме деятельности, определяющейся существенно новыми условиями и требованиями ее, также выступает в виде явлений надситуативности. Субъект как бы порывает с предшествующей ситуацией, находя себя измененным в новой ситуации деятельности.

Теперь можно сформулировать принцип, противостоящий постулату сообразности и подчеркивающий активную, относительно независимую от задач адаптации направленность деятельности человека — «принцип надситуативной активности». Согласно этому принципу, *субъект, действуя в направлении реализации исходных отношений его деятельности, выходит за рамки этих отношений* и, в конечном счете, преобразует их. Производство действий над порогом ситуативной необходимости дает нам начальную характеристику активности как момента прогрессивного движения деятельности. Подобное понимание активности было совершенно невозможно в рамках постулата сообразности, но именно оно позволяет конкретизировать и экспериментально обосновать идею движения деятельности вообще и существования феноменов неадаптивности в частности.

Напомним, что об адаптивности уже шла речь прежде. Критически анализировалась возможность сведения актуальных побуждений, целей, норм, установок, ценностей и т. п. к некоему изначальному «корню» — телеологическому основанию жизнедеятельности; а оно, в зависимости от того, каких теоретических установок придерживается тот или иной автор, выступает в различных вариантах — прагматическом, гедонистическом, гомеостатическом. Постулату сообразности, в рамках, главным образом, теоретического анализа, противопоставлялся тезис об универсальном характере движения человеческой деятельности и приметах этого движения в индивидуальной деятельности человека.

Возникает возможность привести экспериментальные данные, которые могли бы быть привлечены к обсуждению проблемы неадаптивности деятельности индивида.

Основная трудность заключается в том, что необходимо задать некоторый критерий неадаптивности, который мог бы представлять ценность для эмпирической оценки справедливости критики постулата сообразности. Такой критерий, на наш взгляд, мог бы быть построен на основе соотнесения цели и результата деятельности субъекта. Адаптивность — в самом широком смысле — характеризуется соответствием результата деятельности индивида принятой им цели. Неадаптивность — расхождением, а точнее — противоположностью результата деятельности индивида ее цели. Следовательно, речь идет не только об избыточном действовании (надситуативность в широком смысле), но и о существовании конфронтационных отношений между запланированным и достигнутым. Основной вопрос касается возможности намеренных предпочтений неадаптивной стратегии действованию адаптивной.

В первом случае (адаптивная стратегия) имеются в виду такие действия, которые базируются на прогнозе соответствия между целью и ожидаемым результатом осуществления этого действия. Во втором случае (неадаптивная стратегия) в качестве условия предпочтения будущего действия выступает прогноз возможного несоответствия, вплоть до противоположности, между исходной целью и будущим результатом данного действия.

В фактах активно-неадаптивного выхода человека за пределы изведенного и заданного проявляется, как мы полагаем, собственно субъектность, тенденция человека действовать в направлении самоиспытания, оценки себя как носителя «свободной причинности».

Метод, который мы предлагаем для выявления тенденции человека обнаруживать себя в качестве субъекта активности, может быть назван методом *виртуальной субъектности* (В. А. Петровский, 1993).

Осознание того факта, что методический прием, еще в студенческие годы предложенный автором для выявления тенденций к «бескорыстному риску» (1971), заключает в себе нечто большее, чем «просто» методику исследования склонности к риску, что прием это представляет собой частный случай более общего принципа, имеющего значения для «схватывания» собственно личностного в человеке, — осознание этого появилось не сразу. Потребовалось время, для того чтобы осмыслить специфику того вида активности, которая, будучи избыточной по отношению к заданной испытываемой деятельности, есть деятельность, движущая исходную («надситуативная активность»), что эта особая деятельность побуждается самой возможностью несоответствия цели и результата в ней («активной неадаптивности»), и наконец, что она являет субъекту способность выступить перед самим собой наяву, — в качестве свободного самоопределяющего существа.

Термином «виртуальность» мы подчеркиваем возможность самопроявления человека как субъекта в некоторой наблюдаемой ситуации. Обратим внимание на то, что термин этот почти не используется в психологии.

Известное нам исключение — книга А. Н. Леонтьева, где это слово вводится для обозначения несостоятельной попытки преформизма объяснить личностное в человеке как результат вызревания его генотипических черт. Между тем этот термин в ином контексте использования исключительно точно подходит для обозначения интересующего нас явления — самостановления индивида как личности.

Виртуальный означает, согласно «Словарю иностранных слов» (М., 1979), — «возможный; могущий проявиться; который должен проявиться», — что отличает этот термин от синонимичного «потенциальный» («возможный, существующий в потенци; скрытый не проявляющийся»). Отличие — в самой идее переходности возможного в действительное: *виртуальное*, по сравнению с *потенциальным* — как бы ближе к действительному самообнаружению возможности. Этот смысловой оттенок решает для нас проблему выбора нужного имени для обозначения метода исследования личности человека как трансцендирующего субъекта.

Метод *виртуальной субъектности* состоит в организации условий, в которых мог

бы стать наблюдаемым сам переход возможности быть субъектом активности в действительность человека как субъекта активности.

Метод виртуальной субъектности предполагает создание или отбор для исследования таких ситуаций, которые в известной мере могли бы быть названы *проблемные ситуации*, но только при учете того факта, что они резко отличаются от традиционных ситуаций исследования человека перед лицом *проблем*.

Во-первых, — и это дало начальное название методу («метод надситуативной активности», В. А. Петровский, 1976), речь идет о проблемах, которые ставит перед собой сам человек, без побуждения или принуждения его к этому извне. Иначе говоря, экспериментальная ситуация, или ситуация специального наблюдения, должна содержать в себе некоторые условия, располагающие человека к постановке цели, избыточной по отношению к требованиям этой ситуации, — такую цель мы обозначили как «надситуативную». Наличие надситуативной цели сближает метод виртуальной субъектности с некоторыми экспериментальными ситуациями исследования познавательной активности личности в оригинальных работах З. И. Аснина, В. Н. Пушкина, Д. Б. Богоявленской. Имея в виду наши собственные исследования «бескорыстного риска» (В. А. Петровский, 1971) и соотнося их с работами в области изучения познавательной активности, мы попытались выделить родовую характеристику класса подобных исследовательских ситуаций. Суть — в том, что человек выходит за пределы требования ситуации, проявляя, как мы говорили, надситуативную активность. Иначе говоря, человек действует здесь «над порогом ситуативной необходимости» (В. А. Петровский, 1975).

Однако, для метода виртуальной субъектности специфично, что деятельность, осуществляемая испытуемым по его собственному почину, отличается самым своим содержанием от ситуативно заданной. Например, при решении мыслительных задач, выполнении сснаторных тестов и т. п. сам человек ставит перед собой качественно другую задачу (хотя бы в момент своего выполнения она совсем необязательно должна быть формулируема им); это — задача производства себя как субъекта, — испытание своей личности. Свобода здесь — не просто условие продолжения начатой деятельности за пределы заданного; свобода здесь — самоценна, она входит в «состав» самого содержания надситуативного акта.

Но «быть свободным» — только одно из условий «субъектности». Другое условие — отвечать за свой выбор, нести бремя ответственности за исходы собственных действий.

Во-вторых, это ситуация ответственного выбора. Если бы эти последствия были заранее известны и предсказуемы, иначе говоря, если бы они были предрешены, данная ситуация не воспринималась бы человеком как ситуация принятия ответственного решения. Иначе говоря, ситуация наблюдения или эксперимента должна заключать в себе возможность фрустрации тех или иных потребностей человека, — будь то наслаждение, душевное благополучие, выгода, успех и т. д. Предполагается, что сама непредрешенность этих значимых исходов действия способна побуждать выбор надситуативной цели.

Свободное принятие на себя ответственности за непредрешенный заранее исход действия и есть для нас показатель самопорождения человека как субъекта активности. В равной мере оно может быть описано как свободный выбор ответственности или как ответственный выбор свободы. То, что делает человека субъектом в подлинном смысле этого слова, — здесь налицо: ибо он противостоит ситуации, поднимаясь над заданностью и овладевая шансом. Выход за границы предустановленного в данном случае уже не пассивное проявление неадаптивности, но действительная самотрансценденция человека, свободное полагание им себя как субъекта.

Итак, обеспечим нашим будущим испытуемым возможность ситуативно-успешного выполнения того или иного экспериментального задания и в то же время возможность поступать неадаптивно: без всякого принуждения извне предпочитать

действия, исход которых им заранее неизвестен и может быть неблагоприятен в гедонистическом, прагматическом или гомеостатическом смысле. Действительно ли удастся экспериментально установить круг неадаптивных предпочтений, выявив существование подобных проявлений надситуативной активности? В каких экспериментальных условиях они могли бы быть зафиксированы? Что можно сказать о людях, проявляющих или же не проявляющих надситуативную активность в конкретных условиях деятельности? Какую особую задачу решает человек, не довольствующийся обретением лишь ситуативного успеха и добровольно подвергающий себя всевозможным испытаниям и проверкам «на прочность»?

Мы обсудим эту возможность, имея в виду проявления деятельности человека в уже выделенных нами выше: витальных, предметных, коммуникативных и когитальных «измерениях» его бытия.

ГЛАВА 8. Активно-неадаптивные тенденции жизнедеятельности человека

Парадоксально, но факт: «постулат **сообразности**» выявляет свою ограниченность при интерпретации тех феноменов активности субъекта, по отношению к которым его объяснительная сила должна была бы проявиться в наибольшей мере. Имеются в виду особенности психических проявлений субъекта в ситуациях, связанных с возможной опасностью, которые, в соответствии с постулатом, оставляют единственно возможным вариант поведения — собственно адаптивный. В этих условиях, однако, возникает своеобразное явление: иногда человек испытывает острое влечение к опасности и предпринимает, на первый взгляд, ничем не оправданные действия навстречу опасности. Эти факты подмечены и неоднократно описаны в художественной литературе. Хорошо известны, например, следующие пушкинские строки (из «Пира во время чумы»):

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Подобные факты активности не получали, однако, научно-психологического освещения. Поиску экспериментальных аргументов в пользу существования подобной «немотивированной» активности был посвящен ряд наших исследований, начиная с 1971 г. Общая гипотеза состояла в том, что одной из возможных форм активности, к которым предполагает ситуация потенциальной угрозы, является активность, направленная навстречу опасности и выступающая как результат свободного выбора субъекта. Иными словами, предрасполагалось, что человек способен идти на риск, не извлекая при этом каких-либо ситуативных преимуществ; в этом случае риск должен был бы выглядеть как «бескорыстный», «спонтанный».

Основной замысел эксперимента заключался в том, чтобы создать условия, в которых действия испытуемых могли бы реализовать двоякое отношение: к тому, что предъявлено как цель деятельности, и к ситуативному фактору угрозы, включенному в условия деятельности. Последний мог выступить в качестве особого

момента, побуждающего активность субъекта.

При построении методики исследования были приняты за исходное следующие соображения:

1. Деятельность испытуемого должна быть практической, осуществляемой во внешнем плане и позволяющей варьировать способы достижения основной цели;
2. Элемент опасности вводится в контекст деятельности испытуемого так, чтобы ситуация могла выступить в равной мере как угрожающая и как нейтральная, в зависимости от проявлений активности испытуемого. Таким образом, мера подверженности риску предполагалась зависимой от самого испытуемого;
3. По возможности, должно быть элиминировано ценностное отношение испытуемого ко всему тому, что связано с элементом опасности в ситуации;
4. Истинные цели исследования предполагаются скрытыми от испытуемых.

В качестве модели использовалась деятельность наблюдения за движущейся целью с задачей эстраполяции движения. Эксперимент проходил под видом определения способностей испытуемого действовать в условиях перцептивной неопределенности. В некоторых случаях испытуемый был включен в соревнование с другими участниками эксперимента.

Петровский В. А. Экспериментальное исследование риска как тенденции личности. Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси, изд. «Мецниереба», 1971.

Перед испытуемым находилась панель с прорезью круговой или линейной формы. В прорези с постоянной скоростью перемещался объект наблюдения — «цель». Прорезь разделена на две части: в меньшей из них цель движется открыто для восприятия испытуемого, большая же часть прорези закрыта и представляет собой своеобразный «тоннель». Испытуемый заранее выбирает пункт остановки «цели» (возможные пункты остановки отмечены на поверхности тоннеля) и, экстраполируя движение «цели» в невидимой части прорези (в тоннеле), должен уловить нужный момент и остановить «цель», нажав специальную кнопку.

Существенно, что в эксперимент было введено следующее условие. В заранее определенной экспериментатором и выделенной им части «тоннеля» остановка «цели» была запрещена и наказывалась. Наказанием могли служить как физические раздражители (резкий звук в наушники стрессовой силы или электростимуляция), так и санкции социального характера (резкое порицание или даже угроза снятия испытуемого с соревнований как «несправившегося»). Место запретной зоны в «тоннеле» варьировалось в зависимости от задачи эксперимента. Так как по условиям деятельности испытуемый по своему усмотрению выбирал место очередной остановки «цели», а они могли находиться на разном расстоянии от зоны запрета, то тем самым мера возможного риска зависела от самого испытуемого. Понятно, что чем ближе к запретной зоне выбрано место остановки, тем выше риск попасть в запретную зону и, таким образом, быть наказанным.

Подчеркнем, что предпочтение «рискованных» выборов «нейтральным» не давало испытуемому каких-либо видимых преимуществ (наград, поощрений и т. п.) в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом, создавались условия для «бескорыстного» риска.

В эксперименте принимали участие школьники (14-16 лет), студенты (20-25 лет) рабочие (25-40 лет). Всего было исследовано по описанной методике свыше 400 человек. В результате получены следующие данные. Свободное сближение с опасностью наблюдалось во всех экспериментах, независимо от характера применявшегося стрессора, т. е. многочисленные случаи «бескорыстного» риска встречались как при условии наказания физическим раздражителем, так и при санкциях социального порядка. В среднем во всех видах экспериментов к числу «бескорыстно» рискующих можно было отнести приблизительно 20% всех испы-

туемых. Однако общее число рискующих, а также выраженность тенденции к риску значительно возрастают, когда объектом исследования становятся лица, профессиональная деятельность которых включает в себе элемент опасности. Об этом свидетельствуют данные, полученные при исследовании электриков-монтажников высоковольтных сетей, работающих на высоте от 10 до 15 м при угрозе поражения электрическим током. Большинство из них (75%) хотя бы однажды в эксперименте выходили в зону повышенного риска (которая была определена на основе данных субъектов шкалирования), и для многих из них были характерны настойчивые попытки действия в этой зоне.

Наблюдения за поведением участников всех проведенных нами опытов свидетельствуют о том, что выбор мишеней, находящихся вблизи черты запрета, сопровождался признаками эмоциональной напряженности. Состояние испытуемых характеризовалось понижением (а в некоторых случаях повышением) общей двигательной активности, наблюдалась скованность позы, испытуемые стискивали зубы, прищуривали глаза; в некоторых случаях появлялась напряженная улыбка, блеск глаз; выбор «рискованных» мишеней совершался либо мгновенно по завершении предшествующей попытки (так, будто бы решение о нем было принято задолго до момента самого выбора), либо ему предшествовала заметная пауза; некоторые испытуемые, прежде чем сделать соответствующий выбор, глубоко вздыхали и потом решительно перемещали ориентатор, громко называли номер «рискованной» мишени, резко перемещали ориентир к черте запрета (бывали и противоположные по знаку реакции: испытуемые весьма неуверенно называли «риск» — мишень); многие испытуемые, проследившая движение сигнал-объекта, как бы подавались вперед, «проводжали» скрыто движущийся объект не только глазами, но и всем корпусом; совершив рискованную попытку, обычно расслаблялись, вздыхали с облегчением, спокойно указывали очередную (как правило, «безопасную» мишень).

Интерес представляет анализ свободных высказываний участников эксперимента в момент принятия решения о выборе «рискованных» мишеней. Вот некоторые из этих высказываний: «Ну-ка, теперь вот эту, поближе к звуку!», «Была ни была!», «А теперь рискнем!», «Ну ладно, поставим здесь, на границе с аварией!», «Испытать, что ли!» . . . и т. п. В некоторых высказываниях фигурирует указание на «интересность» работы в зоне риска, например: «Ой, если все равно, где выбирать, то я могу все время здесь (показывает начало тоннеля — вдали от черты угрозы). . . а вообще интересно подальше (у черты угрозы — *В. П.*). В ряде высказываний непосредственно выражено ожидание наказания или готовность принять наказание: «Ладно уж, треснет так треснет», «Пусть, пусть шарахнет!», «Ну ладно, пусть ударит — выдержу!» Бывали случаи, когда участник эксперимента вначале заявлял свое намерение выбрать «опасную» мишень, а потом отказывался от риска: «Попробую-ка я у границы; нет, лучше вот здесь (уводит из зоны риска)». Некоторые испытуемые, весьма недвусмысленно оценивая угрозу («А зачем этот страшный звук? Пугаете людей, варвары!!!», «Сломать бы наушники!»), к сожалению, затем не комментировали вслух свои же нередко отчаянно рискованные выборы, и оставалось лишь пожалеть, что нельзя «подслушать», как испытуемый мысленно характеризует свои действия.

Все множество стратегий действия испытуемых можно подразделить на две части: в одном случае в поле выборов оказываются «рискованные» мишени, в другом случае участники эксперимента действуют исключительно в области «нейтральных» мишеней. Отметим, что в основных экспериментальных подгруппах число вариантов, когда «рискованные» мишени предпочитались испытуемыми, было обычно меньше, чем соответствующее число «нерискованных» вариантов действия. Вместе с тем рискованные стратегии действия были явлением достаточно частым, что позволяло говорить о наличии тенденции к риску в пределах данной группы испытуемых.

В исключительном положении оказывались группы испытуемых, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с опасностью, риском. В

этих группах рисковало подавляющее большинство участников эксперимента.

Опишем наиболее характерные стратегии действия испытуемых, хотя бы однажды выбравших рискованную мишень. Весьма часто встречаются последовательности выборов, которые графически могут быть представлены в виде ломаной линии, восходящей к черте запрета и круто обрывающейся вниз, к безопасным мишеням после рискованного выбора. Следующий по распространенности тип работы: испытуемый с первых же попыток выбирает рискованную мишень и, рискнув, несколько раз подряд действует в районе безопасных мишеней, после чего вновь рискует и т. д. Наиболее редкий вариант среди рассматриваемых заключается в том, что на протяжении всего эксперимента испытуемые действуют исключительно в районе безопасных мишеней, но, когда опыт подходит к концу, решаются напоследок рискнуть: заказ опасной мишени выглядит как бы оставленным «на закуску».

Хотя нет существенного единообразия в динамике предпочитаемых испытуемыми выборов-целей, — нет, не лишне подчеркнуть существование одной весьма общей черты, характеризующей структурное место рискованного выбора в ряду выборов нейтральных. Факт, обративший на себя внимание еще в ходе проведения эксперимента, а также подтвержденный данными выборочных проверок, состоял в том, что «рискованным» мишеням, как правило, соответствует своеобразный пик в общей динамике предпочтений — они резко выступали над всеми остальными, значительно отступая как от предшествующих, так и от последующих выборов. Избрание рискованной мишени выглядело не столько результатом постепенного приближения к черте запрета, сколько «скачком» в зону риска. Совершив «рискованную вылазку», испытуемый производил резкий переход к **безопасным мишеням**; создавалось впечатление, что испытуемый «дает себе передышку».

В ситуации, предшествовавшей фактическому сближению с опасностью, — иногда задолго до принятия решения о риске — у некоторых испытуемых возникало своеобразное состояние, названное нами «психологической прикованностью к опасности» (чувство беспокойства, тревоги, подверженности угрозе). Переживалось также «влечение», «тяга» к опасности. Непосредственно перед риском и в момент самого риска у некоторых возникали так называемые «острые ощущения». К сожалению, возможности их феноменологического анализа были ограничены. Однако, ближайшим образом переживания эти могли быть ассоциированы с чувством все возрастающего напряжения, которое в последний момент сменяется резкой разрядкой. По окончании действия могло возникать облегчение, будто бы что-то «отпускало».

Для целей исследования представляло интерес выяснение вопроса относительно зависимости изучаемой тенденции к «бескорыстному» риску от степени интенсивности стрессора. Если действительно опасность выступает в качестве фактора, предрасполагающего к проявлению «надситуативного» риска, то ее усиление (разумеется, не безграничное!), вероятно, приведет к возрастанию случаев риска. Поставив перед собою цель проверить это предположение, мы следующим образом организовали эксперимент. Общее число испытуемых — студентов в возрасте от 20 до 25 лет — было разделено на 4 группы. С ними проводился «тоннельный» вариант методики. В качестве стрессора использовался звук четырех уровней интенсивности: 90 дб, 100 дб, ПОдб, 120 дб. Каждая из участниц эксперимента могла осуществить 5 выборов (по две попытки на каждый выбор). Выбор двух мишеней из пяти был связан с риском наказания звуком. Как показал опыт, увеличение «стрессогенности» ситуации приводит к возрастанию случаев рискованных выборов. В этой же связи упомянем наблюдение И. В. Ривинной, проводившей исследование по описанной методике с монтажниками контактных сетей. Согласно ее данным, при переходе значения стрессора от 120 к 150 дб тенденция к риску не падала!

Таким образом, там, где согласно постулату сообразности должно было бы неизменно наблюдаться падение тенденции к риску (чем выше уровень угрозы, тем

«оптимальнее», «адаптивнее», «благоразумнее» уход от опасности!), на деле наблюдается либо рост, либо сохранение частоты случаев риска. (Конечно, тенденцию эту нельзя абсолютизировать: должны существовать некоторые пределы повышения интенсивности стрессора, за которыми проявление тенденции к «бескорыстному» риску будет закономерно и неуклонно падать). Далее, в ходе исследования, были рассмотрены три вопроса, ответ на которые мог прояснить статус феномена «бескорыстного» риска в ряду других форм активности индивидов, и в частности прагматически ориентированных (мотивированный риск, уровень притязаний, стремление произвести должное впечатление).

Когда говорят о «риске», то обычно имеют в виду действия, направленные на особенно привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности. Именно в этом аспекте изучается риск большинством исследователей. С участниками вышеописанной экспериментальной серии были проведены дополнительные испытания, побуждающие к риску, который трактуется именно в этом традиционном смысле, т. е. как мотивированный риск.

В итоге выяснилось, что практически все испытуемые, рисковавшие в условиях обычного, «мотивированного» риска, проявили тенденцию к «бескорыстному» риску; вместе с тем не все, кто рисковал «бескорыстно», обнаруживали склонность к «мотивированному» риску. Таким образом, тенденция к «бескорыстному» риску является необходимой предпосылкой принятия рискованного решения. В то же время эта тенденция не является достаточным условием обычного риска, так как последний определяется, по-видимому, еще и заинтересованностью в успехе и субъективной оценкой возможности успеха (гипотетическим фактором «везения»).

В каком отношении к явлению активности навстречу опасности находится уровень притязаний личности? Косвенный (отрицательный) ответ на этот вопрос был уже получен с помощью теста Хекхаузена (мотивацию достижения, измеряемую тестом, принято считать основным фактором уровня притязаний). Вместе с тем, мы считали необходимым развести в эксперименте две возможные тенденции: «бескорыстное» влечение к риску и стремление к выбору труднодостижимых целей, соответствующее ситуативному уровню притязаний личности. Отметим, что в эксперименте на экстраполяцию движения трудность остановки движущейся цели была неодинаковой в различных местах «тоннеля»: чем дальше от начала невидимой зоны выбран пункт остановки, тем труднее своевременно уловить необходимый момент.

По замыслу опыта, в одном случае зона «запрета» располагалась в конце невидимой части прорези (там останавливать «цель» было труднее), а в другом случае — в начале «тоннеля» (точная остановка здесь практически не вызывала затруднений). Высокий уровень притязаний, очевидно, должен был быть связан с предпочтением труднодоступных пунктов остановки, а менее высокий — более легких.

В целом наблюдалось смещение тенденции выбора пунктов остановки вслед за изменением места зоны запрета в «тоннеле». Как «трудные», так и «легкие» пункты начинали «притягивать», как только вблизи от них появлялась запретная зона. Таким образом, сам по себе ситуативный уровень притязаний (оцененный по степени трудности избираемых целей) не является решающим фактором «бескорыстного» риска.

Связано ли интересующее нас явление с действием поверхностных мотивов «самоутверждения»? Проблема «бескорыстного» риска имеет имплицитно представленный в ней социально-психологический аспект: до проведения специального исследования неясно, действительно ли наблюдаемое в эксперименте явление есть проявление бескорыстия или оно определяется побуждением испытуемого следовать каким-либо скрытым от исследователя групповым нормам или приписываемым некоей «референтной группе» ожиданиям.

Если подобное допущение справедливо и «бескорыстный» риск в действительности

является своеобразной нормой поведения, принятой среди испытуемых данного круга, то включение в экспериментальную ситуацию группы наблюдателей того же круга (сокурсники и т. п.) должно привести к возрастанию тенденции рисковать. Если же включение той же аудитории в экспериментальную ситуацию не повышает стремления рисковать или, тем более, снижает его, то исходное допущение не является справедливым. При этом мы различаем нормы поведения и ценности, принятые индивидом и распространенные в среде его общения. Ценности, в отличие от норм, представляют личности большее число «степени свободы». Ценности не принуждают, но побуждают к деятельности. Неся в себе нормативный и оценочный момент, — «должно» и «хорошо» (О. Г. Дробницкий), — ценности выступают прежде всего своей оценочной стороной, которая несет в себе основание нормативной («должно», потому что «хорошо»). Ситуация свободного общения между людьми, как можно предполагать, способствует проявлению именно ценностных отношений личности. С этой точки зрения интерес представляют факты, полученные нами в ситуации, когда общение между участниками эксперимента в достаточной мере не регламентировалось.

В этих условиях (эксперимент проводился с физическим типом стрессора) наблюдался следующий факт. В присутствии аудитории имело место заметное учащение рискованных выборов. Однако эти же испытуемые действовали в целом осторожно (т. е. останавливали подвижную точку вдали от зоны запрета). Испытуемые вне контакта с аудиторией реже выбирали рискованные пункты остановки, но зато, выбрав, не избегали действий в зоне опасности. Факт влияния аудитории, очевидно, заключался в усилении «ценностного» момента риска, что, однако, далеко не всегда обуславливало обеспечение реально-практической предрасположенности к риску. В силу этого возникали «ножницы» между намерением рисковать и способностью идти на риск.

Перейдем теперь к освещению экспериментов с регламентацией общения, основных в плане решения вопроса о нормативности риска. Учитывая возможное своеобразие поведения испытуемых в присутствии группы при учете того, каков характер угрозы, опыты проводились с двумя видами стрессоров — с физическим наказанием (звук в наушники) и социальными санкциями в случае неуспеха.

Вот как проходил эксперимент с применением физического стрессора. Испытуемые — 82 человека, студенты — были разделены на 2 экспериментальные группы. Участники I экспериментальной подгруппы (50 человек) действовали в изоляции от группы сокурсников. С испытуемыми II экспериментальной подгруппы (32 человека) опыты велись в присутствии аудитории, состоявшей из 4-6 человек, входивших в ту же, что и испытуемый, учебную группу. Испытуемый должен был назвать номера выбранных мишеней при всех, вслух! Возможные коммуникации между испытуемым и группой прямого наблюдения были жестко ограничены: случаи прямого обращения представителей аудитории к испытуемому и переговоры с ним были исключены; точно так же регламентировались всевозможные невербальные реакции, которые могли бы так или иначе повлиять на испытуемого: жесты, восклицания и т. п.; наблюдателям запрещалось также переговариваться между собой. Лица, образующие «аудиторию», не знали о действительной цели испытания и о подлинной причине, по которой они были привлечены в качестве наблюдателей. Таким образом, организация эксперимента была подчинена задаче создания ситуации такого своеобразного «давления» группы на испытуемого, когда фактором воздействия должны были бы стать имеющиеся у субъекта представления о нормах поведения в данной ситуации, выступающие в форме приписываемых группе ожиданий.

Повлияет ли факт присутствия группы на частоту случаев «бескорыстного риска»? Будут ли наблюдаться изменения в сторону повышения тенденции к риску? Сопоставим ли процент рискующих среди испытуемых I и II экспериментальных подгрупп? Данные таковы. Испытуемые, действовавшие в изоляции от аудитории, выходили в зону риска (46% случаев). В группе участников испытания, работавших

на глазах у товарищей, число рисковавших было меньше и составляло 33% от общего числа испытуемых в группе. Таким образом, включение наблюдателей в экспериментальную ситуацию не приводит к росту числа случаев риска (и ведет даже к некоторому его снижению). Это ставит под сомнение исходное допущение о том, что тенденция к «бескорыстному» риску вызвана стремлением субъекта действовать в соответствии с некоторыми нормами, интернализированными им из ближайшей среды общения. Эксперимент с социальным типом стрессора (угроза снятия с соревнования как «несправившихся») проходил по аналогичной схеме; однако при планировании эксперимента учитывался дополнительно и пол испытуемых (как один из возможных факторов «бескорыстного» риска).

В эксперименте участвовали 40 юношей и 40 девушек. Они были распределены по 4 экспериментальным группам, каждая численностью в 20 человек.

В первой группе юношей и третьей группе девушек эксперимент проводился без наблюдателей. Во второй группе юношей и четвертой группе девушек эксперимент проводился в присутствии трех наблюдателей.

Полученные экспериментальные данные не подтверждают предположения о нормативности «бескорыстного риска». В условиях индивидуального эксперимента юноши проявляют большую тенденцию к риску, чем девушки. С другой стороны, введение группы наблюдателей того же пола в эксперимент существенно снижает тенденцию к риску у юношей, но этого в аналогичных условиях не происходит в группе девушек.

Таким образом, во-первых, допущение о «нормативности» риска в одном случае, когда испытуемые — девушки, не находит убедительного подтверждения, а в другом случае, — когда испытания проходят юноши, должно быть отвергнуто. Во-вторых, в группе юношей, действующих индивидуально, факт повышенного риска (в сравнении с девушками) тем более не может быть принят как следствие ориентации на некие специфические «мужские» нормы («мужество, «смелость» и пр.), которые якобы актуализируются ситуацией: введение группы сверстников испытуемых приводит к существенному снижению тенденции к риску. Следовательно, мы вынуждены отклонить версию о нормативном характере наблюдавшихся проявлений риска. Надситуативный риск, таким образом, не является формой приспособления к возможным групповым ожиданиям и к интериоризированным групповым нормам.

Кроме того, сопоставление тенденции к «бескорыстному» риску и силы «мотива достижения» (по Хекхаузену), как мы уже отметили, не обнаружило существенной связи между ними. Этот факт также давал основание судить об относительной независимости феномена активности навстречу опасности от тех форм самоутверждения личности, которые обычно вплетены в деятельность, ориентированную на достижение успеха (определяющегося отношением результата к групповым стандартам).

Итак, рискованные действия, избыточные в рамках принятых испытуемым условий задания, нельзя объяснить склонностью испытуемых к прагматическому риску, высоким уровнем притязаний, стремлением самоутвердиться в глазах окружающих. Наблюдавшиеся в эксперименте проявления риска были «бескорыстны» не только в том смысле, что они не были вызваны ни экспериментальной инструкцией, ни критерием успешности действия, введенным экспериментатором, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматическими фиксированными «внутренними» переменными — стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали вопреки адаптивным побуждениям; они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Таким образом, в фактах выхода субъекта за рамки требований ситуации и прояснилось то, что мы называем надситуативной активностью субъекта, возможные детерминаты которой рассмотрим ниже.

Существенной чертой ситуации, нашедшей адекватное отражение в созданных нами

экспериментальных условиях, является то, что индивид при выборе цели каждого будущего действия должен принимать в расчет фактор угрозы. Процесс целеполагания здесь оказывается взаимосвязанным с построением образа возможных неблагоприятных последствий соответствующих действий.

Действительно, задача, решаемая индивидом в экспериментальной ситуации, заключается в том, чтобы выбирать цели очередного действия — те «мишени», под которыми должен быть остановлен сигнал-объект. Но для того, чтобы выбрать очередную цель, необходимо произвести более широкую ориентировку в поле возможных выборов, чем это потребует непосредственно для реализации выработанной цели, так как постановка цели предполагает формирование представлений об альтернативах, включая оценку последствий предпочтения каждой из них. Мысленно «проигрываются», в частности, и те альтернативы, которые оцениваются как «рискованные».

Рассмотрим вначале возможные формы реагирования человека на объект, который предварительно оценивается им как заключающий в себе элемент угрозы возможных неблагоприятных последствий. Могут быть выделены две противостоящих друг другу и вместе с тем, как можно показать, предполагающих друг друга категории реакций на потенциальную угрозу. Каждая из них, в свою очередь, представлена тремя группами побуждений.

Реакция избегания. Нельзя сказать, что тенденции, входящие в эту категорию реагирования на ситуацию потенциальной угрозы, хорошо исследованы. Тем не менее работы, которые были им посвящены, многочисленны, и само выделение защитных форм поведения в ситуации возможной угрозы не является сколько-нибудь новым. Объектом внимания являются следующие варианты реагирования индивида на элемент угрозы.

А. Врожденные защитные реакции. Существуют многочисленные примеры защитных форм реагирования живых существ на угрозу в виде ухода от опасности (бегства). Большинство из таких реакций имеют видоспецифический характер. Но существует и, в известной мере, универсальный тип реагирования — так называемый «оборонительный рефлекс»: реакция на экстраординарный раздражитель (Е. Н. Соколов). Оборонительный рефлекс выступает в характерных защитных, двигательных и вегетативных «ответах» организма на подобный раздражитель.

Б. Индивидуально-приобретенные реакции ухода от опасности — возникают как результат перенесенной ранее травмы и представляют собой, следовательно, продукт собственного опыта взаимодействия индивида с некоторым угрожающим объектом; субъективно выступают в виде страха и стремления к бегству.

В. Ценностно-обусловленные реакции избегания. Проявление социальных установок, побуждающих к осторожности. Ценность осторожного поведения — часть родового опыта человечества, усваиваемого индивидом в общении с другими людьми и выходящая за рамки индивидуального опыта контакта с потенциально угрожающими объектами. Иллюстрацией могут служить пословицы: русская — «Умный в гору не пойдет. . . », японские — «Огонь не обжигает тех, кто на него не ступает», «Прежде чем дать подзатыльник, посмотри чей затылок». Это, как видим, относится к факторам сознательной саморегуляции деятельности субъекта.

Стремление навстречу опасности. Детерминация активности навстречу опасности значительно менее очевидна, и, насколько нам известно, в интересующем нас ключе (как прагматически не мотивированная тенденция) систематически не анализировалась. Выделим следующие три группы побуждений.

А. Врожденная ориентировочная реакция. Можно предположить, что именно эта реакция в определенных условиях может служить основой появления «иррационального» влечения человека к опасности, которое мы неоднократно отмечали в ходе эксперимента. «Иррациональность» здесь, безусловно, лишь кажущаяся. Само собой разумеется, коль скоро индивид сталкивается с объектом,

мера опасности которого неизвестна, возникает необходимость построения образа этого объекта, притом именно со стороны тех его свойств, которые составляют предмет опасений. Соответствующая гностическая активность и переживается как влечение к опасности. Кроме того, здесь можно предположить, что особая эмоциональная окрашенность ориентировочно-исследовательской активности, которая делает ее «влечением к опасности», обусловлена тем, что под воздействием страха последняя теряет свой свернутый (говорят — «идеальный») характер и как бы разворачивается, приобретая форму движения, осуществляемого во внешнем плане. (В основе такого рода «экстериоризации», как можно предполагать, лежит механизм возрастной регрессии, о котором пойдет речь далее).

«Опасен объект или нет» и «чем (и в какой мере) данный объект опасен? Ответ на эти вопросы в конечном счете определяется мерой «совместимости» данного объекта с субъектом. Объект опасен — это значит, что контакт с ним чреват травмой для субъекта. В том случае, если контакт с «подозреваемым» объектом допустим без ущерба для субъекта, объект выступает как безопасный.

На этот-то критерий стихийно и ориентируется человек, выходя «один на один» с опасностью. Стремясь к потенциально угрожающему объекту, он устанавливает свою «совместимость» с этим объектом, что и символизирует для него отсутствие реальной угрозы. Как только достаточный для этой цели контакт достигнут, бывший сигнал угрозы, данный индивиду в форме беспокойства, тревоги, страха, утрачивает свою сигнальную функцию, и опасения устраняются. «Прямо страху в глаза, и страх смигнет!» — гласит русская пословица. В этом случае перед нами особый путь символического преодоления опасности, завершающийся, в случае благоприятного исхода, эффектом освобождения от переживания угрозы.

Этот эффект может быть отнесен к категории эмоциональных реакций, сходных с катарсисом — особой эмоциональной разрядкой переживаемой как «очищение» от неблагоприятных эффективных фиксаций. В дальнейшем, имея в виду эмоциональные реакции, возникающие вследствие преодоления опасности, условно мы будем говорить о «катарсисе». Однако столкновение индивида с угрожающим объектом в действительности может иметь двоякий исход: один из них — только что обозначенный («катарсис»), другой — «фрустрация». Термин «фрустрация» здесь используется в достаточно широком смысле: для обозначения факта неблагоприятия вообще как результат предпринятого индивидом действия.

Как можно видеть, активность индивида навстречу опасности, на первый взгляд кажущаяся «вполне адаптивной», ибо она решает полезную задачу ориентировки в свойствах потенциально опасного объекта, в действительности выявляет всю противоречивость истолкования поведения в духе постулата сообразности. Ведь адаптивные интересы индивида здесь как бы вступают в противоречие с собой, смыкаются с противоположной познавательной направленностью индивида, имеющей открытый, по существу, «неадаптивный» характер. Атрибутом подобной гностической активности является принципиальная непредсказуемость исхода предприняемых действий — их возможный (и заведомо неизвестный) позитивный или негативный исход. Заметим, что как переживание фрустрации, так и «катарсис» в генетически ранних формах не предзаданы индивиду в виде избегаемого или потребного аффективного состояния. Они первоначально представляют собой сопутствующий эффект произведенного действия («катарсис» — «оплату», фрустрация — «расплату» за приобретенное знание). Так, чисто метафорически, рыбу, сорвавшуюся с крючка, можно было бы вообразить испытывающей «катарсис»; однако на крючке-то она оказалась по другой причине, отнюдь не во имя того, чтобы пережить аффект «преодоления», а в силу действия совсем других побуждений (поиск пищи). «Фрустрация» и «катарсис» как бы возвышаются над предшествующими гомеостатическими, гедонистическими и прагматическими интересами индивида, являясь результатом того, что произошло незапланированно, и лишь впоследствии начинают функционировать в качестве возможных мотивов де-

тельности субъекта. В случае, если прежде индивид испытал фрустрацию при реализации активности навстречу опасности, снижается вероятность того, что в аналогичных ситуациях он будет осуществлять развернутую ориентировку в свойствах угрожающего объекта. Вместо побуждения к построению образа потенциального угрожающего объекта у него будет возникать парализующий действие страх (одна из реакций, внесенных в «рубрику» реакций избегания опасности). В том случае, если фактический исход действия есть символическое преодоление опасности, «катарсис» повышается вероятность сходных проявлений активности в аналогичных условиях, и влечение к опасности скорее разрешается риском, чем уходом от риска.

Б. «Жажда острых ощущений» как побуждение, обусловленное опытом преодоления опасности. Данное побуждение (о нем еще иногда говорят: «вкус к риску») есть ожидание и вместе с тем тенденция к воспроизводству пережитого «катарсиса». Если в борьбе со страхом преимущества на стороне потребности в острых ощущениях и если тенденция к риску не будет заторможена со стороны ценностей осторожного поведения, то индивид проявляет склонность к «бескорыстному» риску.

Напрашивается вопрос: если катарсис — разновидность наслаждения, а риск есть способ достижения катарсиса, то может ли феномен «бескорыстного» риска рассматриваться как аргумент против гедонистических концепций поведения? Не стремятся ли рискующие испытуемые к наслаждению? Не потребность ли в наслаждении побуждает к риску? В ответ можно сказать следующее: да, действительно, рискующие могут стремиться к наслаждению и эта потребность может создавать дополнительные побуждения к риску. Суть критики гедонизма не в отмене потребности в наслаждении, а в ограничении ее объяснительных возможностей. Действительно, следует ли считать потребность в наслаждении и потребность избегания страдания достаточными условиями для объяснения стремления к риску? Если бы индивид стремился только к тому, чтобы удовлетворить свою потребность в наслаждении, то он стремился бы к повышению вероятности этого наслаждения, то есть исключал возможность противоположного исхода. Но тут-то и открывается несводимость потребности в «катарсисе» к потребности в наслаждении. Потребность в «катарсисе» — нечто большее. Ведь достичь состояния катарсиса можно только тогда, когда вероятность его достижения не слишком велика, а, точнее, уравнивается с возможностью недостижения желанного состояния, то есть возникновения противоположного исхода опыта, — фрустрации. Здесь — и коренное отличие адаптивного статуса потребности в катарсисе и соответствующих ей действий, от осторожности побуждаемых страхом. Страх — ограничитель развития деятельности, глубоко адаптивное побуждение, предотвращающее порождение инноваций опыта. Действовать, руководствуясь страхом, значит осуществлять только такие шаги, в которых минимизируется возможность непредсказуемого исхода действия (ведь он может оказаться неблагоприятным!). Страх принуждает индивида ограничиваться пределами освоенного, познанного. Возникнув как неадаптивный исход опыта, своего рода гедонистический «минус», он превращается в верного поборника адаптации индивида к среде и главного «идеолога» той картины мира, основу которой образует постулат сообразности. Совсем другую роль в жизнедеятельности индивида играет побуждение к риску, также неадаптивное по происхождению. Рождаясь как «незапланированный» гедонистический «плюс», оно ведет действие дальше, расширяет горизонты активности и вновь обнаруживает феномен несводимости человеческой деятельности к поддержанию адаптивных отношений с миром, парадоксальное единство адаптивного и неадаптивного отношения к действительности: стремясь к катарсису, индивид формирует такую ситуацию, где возможность противоположного исхода (фрустрации) уравнивается с вероятностью достижения побуждающей действия цели (то есть с вероятностью возникновения самого катарсиса). Понятно, что действие, предпочтение которого основано на возможности недостижения реализуемой в нем цели, не может быть

отнесено к разряду адаптивных.

В. Ценностно-обусловленное стремление к опасности. Здесь перед нами то, что может быть названо «ценностью» риска: социальные установки, диктующие предпочтительность рискованных действий в противоположность осторожным в некоторой произвольной ситуации выбора («риск — благородное дело» и т. п.).

Особо могут быть выделены и проанализированы характерные проявления активности человека в ситуации запрета, то есть социально заданных ограничений возможности осуществления личного выбора. Угрожающие последствия осуществления запрещенных действий могут быть более или менее известны индивиду или же совсем неизвестны («запрещено и все! . . .»). Ситуация социального запрета так же, как и ситуация встречи субъекта с естественным объектом, воспринимаемым в качестве потенциально угрожающего, может вызвать усиление исходного, уже имеющегося у индивида, побуждения к действию или спровоцировать тенденцию осуществления запрещенных действий («Запретный плод сладок»)¹. Герой знаменитой сказки Шарля Перро, Синяя Борода, строго-настрога требовал от своих жен не пытаться открыть дверь в потайную комнату, и ни одна из них не могла справиться с искушением. . . В экспериментах с маленькими детьми мы пытались создать ситуацию, в которой без каких-либо разъяснений детям запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половины комнаты² от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. В обеих группах наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли убедиться дети, пробегая по комнате вдоль и поперек до введения запрета, ничего интересного не было (она была пуста), а в «разрешенной» половине комнаты находились игрушки и даже рояль, на котором детям было разрешено «музицировать». Младшие дети выбегали за запретную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали: выходить или нет, а потом все-таки отваживались переступить через разделительную черту.

¹ «Сладок» — в буквальном смысле. Это было показано в опытах Брема. Детям запрещали есть одно из нескольких лежавших перед ними пирожных. В итоге, когда детям все-таки разрешали потом попробовать это пирожное, оно оценивалось как более вкусное, чем в обычных условиях (без запрета) — см. : Jack W. Brehm and Elena Rosen. Attractiveness of old alternatives. When a new attractive alternative is introduced. Journal of personality and social psychology. Vol. 20. № 3, p. 261-267, Washington.

- Эксперимент проводился под нашим руководством Е. И. Кузьминой

Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое «законное право» проследовать за ним. Предприняв этот «маневр», они возвращались в разрешенную часть комнаты.

При анализе переживаний и поведения людей в ситуации социального запрета могут быть выделены те же варианты «импульсов», отталкивающих от осуществления запретного действия и подстегивающих к нему, что и в случае столкновения человека с объектом, представляющим некоторую непосредственную возможную угрозу для него. Так, влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности в том отношении, что оба представляют собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом — неопределенных последствий какого-либо запрещенного действия и т. п. Общность данных форм реагирования объясняется тем, что запрет представляет собой символ некоторого потенциального угрожающего объекта (таким объектом, в частности, может быть и человек как источник негативных санкций). Но реакция на запрет обладает также определенной специфичностью, заключающейся в том, что выполнение запрета требует, чтобы индивид мысленно нарушил его. Попробуем провести небольшой опыт. Пусть читающий эти строки постарается в точности выполнить следующее тре-

бование. Оно, возможно, покажется очень простым: «Сосчитайте до семи и постарайтесь десять секунд после того, как вы сказали «семь», не моргать! Если Вы хорошо поняли инструкцию, начали!». . . Получилось? теперь согласимся, что для того, чтобы выполнить это требование, Вам необходимо было сначала представить «запрещенное» действие. Согласимся также и с тем, что до того, как Вам был предъявлен запрет, Вы не замечали, что время от времени делали то, что вдруг оказалось запретным. Наконец, можно предположить, что у кого-то из читателей в течение этих десяти секунд появилось побуждение нарушить запрет, хотя это и не является сколько-нибудь необходимым согласно естественному ритму данного произвольного движения, и это естественно! Вето на действие не может вызвать представления, мысленного проигрывания запрещенного действия, иначе запрет будет нарушен! Для того, чтобы физически наяву не осуществить какое-то действие, необходимо осуществить это действие мысленно — хотя бы вчерне. . .

Предложим теперь, что нарушение запрета, как представляется человеку, может быть связано с весьма неблагоприятными для него последствиями. Мысленное проигрывание запрещенного действия в этом случае включает в себе также и образ возможного их результата, то есть включает в себя предвосхищение возможного неблагоприятного эффекта этого действия. В результате у человека рождаются опасения, тревоги, а они в свою очередь, как можно предположить, пробуждают действие особого механизма, который может быть назван механизмом «самоподражания».

О том, что образ может руководить движением, известно очень давно: с тех пор, как стали известны так называемые идеомоторные реакции. Сделав из небольшого грузика и нитки маятник, легко проверить это, повторив опыт Шевреля. Удерживая нитку в руке и закрыв глаза, следует только в течение некоторого времени представлять себе круг — и грузик будет двигаться по кругу и т. п. *«Движение, присущее образу, содержится в нем, — писал Рибо. — Знаменитый опыт с маятником Шевреля может считаться типичным. Нужно ли приводить другие? Возьмем для примера людей, бросающихся в пропасть из страха упасть в нее, ранивших себя бритвой из опасения пораниться; возьмем «чтение мыслей», которое есть не что иное, как «чтение» мускульных состояний, и массу других фактов, прослывших необычайными только потому, что публике неизвестен элементарный факт, что всякий образ содержит стремление к движению»¹.*

При всей «элементарности» данного факта, во всем ходе рассуждения Рибо, однако, остается какая-то недоговоренность. Если каждый образ и включает в себе элемент движения, то все-таки необходимо согласиться с тем, что последний может сохранить себя в виде лишь возможности движения, не превращающейся в исток (или росток) реального движения, прорывающегося вовне.

¹ Р и б о Т. В кн. : Внимание (хрестоматия). С. 89.

В противном случае, то есть если бы каждый образ непосредственно переходил в движение, человеческое тело было бы обуреваемо сонмом импульсов, внутренне не связанных между собой и переживаемых в виде неупорядоченных, лишенных какой-либо логики побуждений (нечто подобное происходит и при так называемом «полевом поведении», которое наблюдается в детстве а также у взрослых — при поражении лобных долей мозга.)¹ Не исключено, что только те представления, которые активно «проигрываются» индивидом, являясь объектом мысли, заключают в себе импульс действия, «заряжены действием». Этот взгляд согласуется и с позицией Иммануила Канта, который со всей определенностью подчеркнул глубокую связь, существующую между мысленным образом предмета и действием. *«Мы не можем, — писал Кант, — мыслить о линии, не проводя ее. . . ».* В этом, надо думать, и есть корень того, что образ может переходить в действие. Но он для этого должен быть проигрываемым в голове, т. е. быть образом именно мысленным. Тогда становится понятным условие возникновения соответствующего внешнего

движения (или побуждения к нему): движение, реально осуществляемое индивидом во внутреннем плане, может рассматриваться как исток движения, осуществляемого вовне (тенденция к последнему может переживаться как побуждение, стремление к действию). Но и это — еще не окончательное решение проблемы. Ведь далеко не любой образ, составляющий содержание активного представления, выражает себя в реальном движении тела. В маятнике эффект повторения во внешнем действии действия внутреннего достигается за счет того, что испытуемый лишен возможности осуществлять зрительный контроль за производимым действием. Здесь, кстати, нет и никакого выбора действия, постановки какой-либо цели. Далеко не все то, что рисуется в воображении (или, если воспользоваться термином Дж. Мида — «репетируется» в воображении), проигрывается наяву. На то и существует, согласно Миду, воображение, чтобы, воображая что-либо, то есть проигрывая альтернативные варианты действия, производить впоследствии выбор, предпочитать один и отбрасывать другие — те, что не представляются годными.

' Л у р и я А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. — М. , 1962.

Почему же все-таки некоторые «репетиции» оказываются роковыми: высвобождают заключенный в образе «заряд» движения? Дорого поплатился гоголевский Фома за то, что не смог сдержаться и взглянул на Виля! Фома не смог не выполнить наяву то, что проделал в мысли; услышав настоящий совет: — «Не смотри!» — посмотрел Парадокс остается парадоксом: почему так непросто противопоставить «иррациональным импульсам», коль скоро они возникают, «разумную волю»? Нам представляется, что одним из возможных здесь факторов является **страх** (определенная степень страха — беспокойство, тревога и т. д.) Он-то как раз и возникает при «проигрывании» воображаемых последствий опасного или запрещенного действия. В этих условиях мысленный образ рискованного действия превращается в действующую причину реального движения навстречу опасности (разумеется, и здесь нужно иметь в виду, что эта причина может проявиться вовне, обнаружить свое действие лишь при определенных условиях; но главное, как мы увидим, заключается в том, что на саму способность субъекта ограждать себя от «иррациональных» импульсов влечения к опасности как бы изнутри накладывается ограничение). Чем же все-таки можно объяснить «заряженность» образа опасного или воображаемого действия движением?

Мы связываем этот факт с тенденцией регрессии возраста, которая может проявляться в условиях, заключающих в себе элемент реальной или гипотетической угрозы.

Известно, что в ситуации повышенной опасности, угрозы люди стремятся быть рядом друг с другом, при этом единообразие их поведения растет, иначе говоря увеличивается тенденция межиндивидуального подражания. Не включается ли тот же самый механизм в ситуации реальной или воображаемой опасности, когда испытуемый в идеальном плане проигрывает варианты рискованных действий? В этом случае у взрослых могут пробуждаться «детские» подражательные формы поведения. Дети, в отличие от взрослых, с трудом дифференцируют мысль и действие; мысленное исполнение ребенком запрещенного действия поэтому часто превращается в нарушение запрета (не надо считать, что ребенок поступает так «в знак протеста», «из злого умысла» или «проявляет негативизм»: просто для того, чтобы освоить запрет, ребенок должен многократно нарушить его). Если сказанное верно — а здесь, конечно, необходима эмпирическая проверка, — то в круг побуждений в ситуации запрета должен быть введен и особый механизм «самоподражания»: подражания мысли действием как своего рода катализатор активности субъекта навстречу возможной угрозе (к понятию «самоподражания» мы еще вернемся на страницах этой книги).

Итак, могут быть выделены как побуждения, отталкивающие индивида от

опасности (реакции избегания), так и побуждения навстречу угрозе (реакции стремления к опасности). Взаимодействие между этими тенденциями в одних случаях склоняет человека к осторожному поведению, а в других случаях предрешает рискованный способ действия.

Остается неясным, сосуществуют ли эти тенденции (принадлежащие различным категориям и уровням реагирования) одновременно и при этом относительно автономно друг от друга или «высшие» как бы снимают в себе «низшие». Существование и противоборство означало бы, например, возможность таких сочетаний: оборонительный _____ «жажды **острых** ощущений»,

рефлекс «ценность риска» и т. п.

Все-таки более оправданной нам представляется другая гипотетическая модель принятия решения в ситуации потенциальной опасности — назовем ее моделью «восходящего движения к риску» или «восхождения к риску» (см. рис. на с. 120).

В этой иерархически организованной модели активному импульсу к бегству на каждом уровне восхождения (врожденные реакции, индивидуально-приобретенные, ценностно-обусловленные) противостоит неадаптивный «прорыв» к опасности. Победа «адаптивного» над «неадаптивным» импульсом приводит к отказу от риска. Когда же верх одерживает неадаптивная тенденция — субъект рискует.

Последовательно выявляющееся доминирование: оборонительной реакции над ориентировочной, страха перед фрустрацией над предвосхищением катарсиса, ценности риска над ценностью благоразумия — обуславливают отказ от риска. Противоположное соотношение (которое также может раскрываться «пошагово») последовательно выступает как фактор риска. Но эти тенденции могут быть и уравнены по «силе». Заметим, что такое «уравнивание» весьма возможно в силу действия механизма «самоподражания»: чем более угрожающими представляются последствия рискованных действий, тем интенсивнее переживание страха («отталкивание») и в то же время тем крепче спаяны мысленный выход и выход действенный в зону риска («притяжение» к опасности). Это и есть ограничение на защитные тенденции «изнутри», о котором мы говорили выше. Когда различия между силами «отталкивания» и «притяжения» стираются, то выбор вариантов поведения оказывается, естественно, затрудненным.

В этом случае анализируются побуждения, соответствующие более высокому уровню «восхождения». Так, «баланс» между оборонительной и ориентировочной

реакциями индивида на неопределенную угрозу (поддерживаемый, возможно, механизмом самоподражания) служит фактором «включения» более высокого уровня регуляции поведения, отвечающего индивидуальному опыту субъекта. Затронутыми здесь оказываются страх перед фрустрацией и предвосхищение катарсиса («жажда острых ощущений»). В случае баланса между указанными тенденциями актуализируется ценностный уровень регуляции поведения, обусловленный усвоением социального опыта. Индивид при этом пытается в социальных ценностях найти опору для принятия и осуществления решения. Волевой акт вообще предполагает поиск дополнительных побудителей действия, в данном случае аргументов «за» и «против», относящихся как к поддержке, так и к отклонению побуждения к риску. Потребность пережить катарсис тогда находит опору в ценностях преодоления трудностей, бесстрашия и т. п., а страх — в соображениях здравого смысла и благоразумия. Принятие риска, равно как и отказ от него представляют собой акты, в которых проявляется воля индивида; ведь в обоих случаях необходимо преодоление конкурентного побуждения¹. Преобладание ценностей риска над ценностями благоразумия выступает в форме активно-неадаптивного действия; противоположное соотношение — в гарантирующем сохранение status quo отказе от риска как «неоправданной авантюры». Здесь следует особо отметить, что ценности риска (по крайней мере в европейской культуре) всегда сочетаются с ценностями осторожного поведения, иначе говоря, ценности риска не функционируют в виде всеобщих норм. По-видимому, так же, как и ценности благоразумия, осторожности, они не могут быть «положены» в качестве всеобщих норм ни в одном обществе (хотя, безусловно, здесь есть и свои культурно-исторические особенности).

¹ И в а н н и к о в В. А. К сущности волевого поведения. — Психологический журнал, 1985, т. 6, № 3. С. 47-55.

В связи с этим, особый интерес представляет случай возможного уравнивания ценностей стимулирования как осторожного, так и рискованного поведения. В этом случае испытуемый может прибегнуть к выполнению совершенно особого действия, призванного преодолеть саму невозможность выбора, что составляет высший уровень проявления активности в ситуации потенциальной угрозы. Суть происходящего заключается в том, что человек испытывает саму способность осуществить выбор в ситуации испытываемых ограничений свободы выбора, то есть в такой ситуации, когда свобода выбора ограничена со стороны его собственных противоречивых побуждений к действию. И тогда обоснование своей способности осуществить выбор превращается для него в особую задачу самопознания.

Но что значит проверить и обосновать свою способность осуществить выбор — именно выбор, а не что-то другое? Это значит — убедиться в своей способности реализовать каждую из альтернатив. Поэтому, в частности, отказ от риска означал бы, что индивид не справился с решением этой внутренней задачи. Кроме того, оценка индивидом своей способности осуществить волевой акт предпочтения, представляющая собой своеобразную «пробу себя», не может быть выполнена только во внутреннем плане: акт пробы себя осуществляется не «про себя», не «в уме». Только реально осуществляемое индивидом рискованное действие может быть для него аргументом в решении этой особой задачи самопознания, порождения себя как субъекта.

Остановимся теперь на других формах проявления надситуативной активности как процесса «разведки боем» своих возможностей, которые раскрываются в деятельности и ведут ее за собой.

ГЛАВА 9. Активно-неадаптивные методы в предметной деятельности

Рассмотрим теперь вопрос о существовании актов самополагания субъекта в предметной деятельности. Переформулируем этот вопрос, учитывая все сказанное ранее о способе восстановления в правах субъектности человека перед лицом разрушительного действия неизбежно-неадаптивных тенденций его деятельности.

Действительно ли возможные неадаптивные последствия собственных предметных актов обладают для человека побудительным смыслом, и в чем могло бы состоять существо последнего? Мы обсудим этот вопрос на материале анализа познавательной деятельности человека.

Возгонка уровня трудности задачи и поиск необычных решений. Один из примеров мы уже рассмотрели. Я имею в виду эксперименты В. И. Аснина. Напомню: девочка старшего возраста не справляется с решением весьма простой задачи, хотя эта задача вполне доступна ребенку младшего возраста, также участвующему в эксперименте; простые способы решения, предлагаемые младшим участником, с негодованием отвергаются («Так каждый может!»); испытуемый озабочен поиском неординарного решения. Заметим, что такие действия по форме отвечают стоящей задаче; однако по своему содержанию они представляют собой активности особого рода — строительство себя как субъекта, активность самополагания.

Эксперимент оживляет в памяти другую подобную же ситуацию, где отчетливо видно, как подросток намеренно повышает уровень трудности задачи, хотя к тому его никто и ничто не обязывает. Имеется в виду так ярко описанная Марком Твенем феерическая акция «освобождения» негра Джима из неволи фантазером и романтиком Томом Сойером. Том:

«А, ей-богу, все это до того легко и просто, что даже противно делается! Потому и трудно придумать какой-нибудь план потруднее. Даже сторожа нет, поить дурманом — а ведь сторож обязательно должен быть! Даже собаки нет, чтобы дать ей сонного зелья. Цепь у Джима длиной десять футов, только на одной ноге и надета на ножку кровати; всего и дела, что приподнять эту ножку да снять цепь. А дядя Сайлас всякому верит: отдал ключ какому-то безмозглому негру, и никто за этим негром не следит. Джим и раньше мог бы вылезти в окошко, только с десятифутовой цепью далеко не уйдешь. Просто досадно, Гек, ведь глупее ничего быть не может! Самому приходится выдумывать все трудности. Что ж, ничего не поделаешь! Придется как-нибудь выкручиваться с тем, что есть под руками! Во всяком случае, один плюс тут есть: для нас больше чести выручать его из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для нас не приготовил, и мы сами должны все придумать из головы, хоть это вовсе не наша обязанность. . . Первым делом надо разыскать что-нибудь такое, из чего можно сделать пилу». Гек: «А для чего нам пила?» Том: «Ведь нужно отпилить ножку кровати, чтобы снять с нее цепь!» Гек: «Да ведь ты сам сказал, что цепь и так снимается, надо только приподнять ножку». Том: «Вот это так на тебя похоже, Гек Финн! Непременно выберешь самый что ни на есть детский способ» и т. д. и т. п.¹

Готовность к пересмотру собственных решений. В большом числе случаев нам приходится менять свои представления об объекте познания под влиянием внешней необходимости (новая информация, опровергающая ту, которой мы располагали раньше; замеченное противоречие в рассуждениях, вытекающих, казалось бы, из бесспорных посылок; отмечаемая другими людьми неэффективность выдвинутых предложений, в которых реализуется то или иное знание об объекте и т. п.) Однако о пересмотре собственных решений можно говорить, имея в виду случаи и другого рода, когда готовность к этому может быть особой формой выражения познавательной активности людей, выявляющих свой действительный интерес к объекту познания.

'Т в е н Марк. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльбер-ри Финна. Принц и нищий. Библиотека мировой литературы для детей. М. , Детская литература, 1978. С. 426.

В этих случаях преобразование человеком собственных взглядов не вытекает из требований «момента» или очевидной ошибочности имеющихся представлений. Речь идет о том, что человек преобразует свои взгляды без принуждения извне, руководствуясь внутренним побуждением к достижению наиболее полного и истинного знания об объекте.

Проведем следующий эксперимент. Испытуемому предлагают пройти в кинозал, где его ждет необычный «киносеанс». Вместо нового художественного фильма ему показывают только один небольшой фрагмент. Требуется, проявив фантазию, построить рассказ о происходящем, вникнуть в суть ситуации, психологию героев, словом, дать интерпретацию того, что увидишь. Кадр или отрывок из фильма экспериментатор конструирует таким образом, чтобы могла «разыгаться» фантазия испытуемого, чтобы происходящее было интересно, быть может, даже необычно, и главное, чтобы провоцировались бы стереотипные решения, предоставляя возможность «извлечь» множество различных сюжетов из увиденного. Далее, в точности так же, как и при проективных исследованиях личности, испытуемым предлагают рассказать, что здесь происходило раньше (как возникла эта ситуация) и что произойдет потом (чем все это кончится). Наконец, — ив этом уже отличие от проективных тестов, — испытуемым разрешено убедиться в правильности своих предположений, посмотрев предшествующий и последующий фрагмент этого «фильма». Как можно видеть, слово «фильм» взято в кавычки. Это объясняется тем, что подобного «фильма» как единого законченного художественного целого не существует, а показанный эпизод имеет множество «начал» и множество «продолжений» (о чем, конечно, испытуемый не знает). Большинство испытуемых может захотеть удостовериться в том, что сюжет угадан правильно, и, кроме того, если происходящее на экране не увлечет, то желание увидеть весь фильм будет вполне естественно. Поэтому экспериментатор вводит дополнительное условие: если предыдущий или(и) последующий фрагменты не совпадают по смыслу с теми, которые ожидал увидеть испытуемый, то придется переделывать всю построенную прежде интерпретацию ситуации. Раньше, чем испытуемый согласится или откажется сопоставить свой рассказ с действительными событиями фильма, ему предлагают сразу посмотреть весь фильм, и тогда ему уже не придется ничего «угадывать». В этих условиях испытуемый стоит перед альтернативой: либо отказаться от уточнений (выходящих за пределы решения исходной задачи), посмотрев при этом интересный фильм, либо подвергнуть свои решения сомнению, продолжив самостоятельный поиск истины. Если испытуемый отказывается от сопоставления своего сочинения с реальным «текстом» картины, то его благодарят за участие в эксперименте и, объяснив смысл исследования, отпускают. Если же испытуемый соглашается сделать «шаг назад» — посмотреть предшествующий фрагмент «фильма» и «шаг вперед» — посмотреть последующий фрагмент, то экспериментатор предлагает ему такие варианты «начал» и «продолжений», которые резко отличаются от предложенных самим испытуемым. Теперь участнику эксперимента надлежит выполнить свой долг — повторить заново интерпретацию всей ситуации в целом, и в частности, сказать, как она возникла и что произойдет потом. Тогда экспериментатор вновь предлагает посмотреть, как обстоит дело в действительности, то есть что было и что еще будет в «фильме», но при этом напоминает испытуемому, что тому придется вновь все переделывать, если окажется, что в фильме все «не так» и т. д. Согласится ли испытуемый проверить истинность своих решений или он будет довольствоваться выполнением только поставленной задачи, требующей от него лишь проявления фантазии (которая необязательно должна соответствовать «сюжету»? Согласится ли он принимать «вызов» неопределенности, подставляя под удар собственные

построения во имя достоверного знания о происходящем, или быстро успокоиться на достигнутом? В каких пределах будет проявляться упорство испытуемого и его стремления «докопаться» до истины, — ведь за любопытство придется платить? . . . Здесь, правда, могут возразить: может быть, просто интерес к фильму как к таковому, а не испытание своих предположений «на прочность» побуждает испытуемых к продолжению поиска? Предусматривая эту возможность, перед каждым очередным выбором, как было сказано, испытуемому предлагается посмотреть сразу весь фильм. Отказ от подобной возможности и готовность продолжить работу будет свидетельствовать о надситуативной тенденции испытуемых к пересмотру собственных решений. В данном случае, при описании готовности личности к пересмотру своих собственных решений в пользу наиболее истинных, мы сталкиваемся с особым проявлением «открытости», когда личность не просто ассимилирует новую информацию об объекте, а сама активно открывает себя опыту и для этого готова поступиться своими собственными представлениями и взглядами. И это — волевой шаг, способность осуществить который свидетельствует об определенном уровне развития познавательной активности и может служить одним из индикаторов активности личности в познавательной деятельности.

Спонтанные обобщения и непрагматическая постановка проблем. Активность самополагания может быть специально исследована в ситуациях, провоцирующих переход от решения поставленных задач к самостоятельной постановке и к решению проблем в исходном задачном «поле». В исследованиях В. Н. Пушкина перед испытуемым многократно в разных вариантах ставилась одна и та же задача (известная игра в «5»). Решение этой задачи подчинялось одному и тому же правилу. Экспериментатора интересовало: догадаются ли о существовании такого правила испытуемые и, главное, — станут ли самостоятельно его открывать. Понятно, что необходимость обнаружения такого правила ни в коей мере заранее не оговаривалась. Гипотеза о существовании спонтанного обобщения подтвердилась! Нас здесь мог бы заинтересовать вопрос о том, *какую* задачу, в действительности, ставит перед собой и решает испытуемый: только ли интеллектуальную (осуществление предметно-познавательного акта) или дополнительно какую-то иную, например лежащую в *субъектном*, а не предметном пространстве? Та же дилемма — при обсуждении феномена «интеллектуальной активности» (Д. Б. Богоявленская). Испытуемому многократно предъявляются разные варианты одного и того же задания (поставить мат шахматному королю на цилиндрической шахматной доске при различном исходном расположении фигур). Обобщение, которое выглядело в экспериментах В. Н. Пушкина как спонтанное, здесь выступает как результат развернутого во времени и вполне намеренного целеполагания.

Факты «надситуативности» в познании и в особенности проявления «интеллектуальной активности» значили для становления психологии активности нечто большее, чем дополнение к известному о мышлении как таковом: становились все более зримыми ранее скрытые от исследователей целеполагающие формы активности вообще, — инициация нового действия. В глазах исследователей активности оно стало утрачивать, а теперь уже фактически утратило статус «единицы», «клеточки» психики (С. Л. Рубинштейн). Окончательный вердикт был вынесен О. К. Тихомировым в разработках, специально посвященных проблеме целеобразования: «Обдумывая эту формулировку (согласно которой «в действии. . . психологический анализ может вскрыть зачатки всех элементов психологии» — В. П.), сегодня мы могли бы ее продолжить следующим образом: «. . . кроме порождения новых действий» (О. К. Тихомиров, 1984). И вновь мы сталкиваемся с главным для нас вопросом: в какой плоскости ставится эта новая цель: в предметной (вместо задачи — проблема, вместо поиска простого решения — попытка найти «эвристики») или испытуемые как бы параллельно ставят другую задачу, избыточную к первоначальной: порождение себя как *субъекта!* Если бы этот вопрос был специально поставлен, а исследование предпринято, то оно, на наш взгляд, имело бы

своим особым предметом диагностику виртуальной субъективности, что могло бы составить перспективу изучения феномена *интеллектуальной активности*.

Тенденция к автономии при решении задач. Нетрудно представить себе ситуацию, когда человек в течение длительного времени решает достаточно трудную для него задачу и не может найти решения. Его деятельность давно уже лишена радости поиска и часто приобретает для него мучительный характер. Поставим теперь такой (пока мысленный) эксперимент: попробуем предложить человеку готовое решение этой задачи или подсказку, обеспечивающую достижимость решения. Естественно предположить, что далеко не всякий захочет воспользоваться подсказкой. Многие откажутся от этой возможности и продолжат поиск решения. Стремление к поиску решения не может быть истолковано как побуждение к ослаблению познавательного напряжения. По-видимому, идет активное строительство образа *Я*, построение себя как *субъекта* познания (подсказка отменяет мою *субъектность*). Прежде чем обратиться к экспериментальным данным, поставим еще один мысленный эксперимент, относящийся к иной гипотетической форме активности порождения себя как субъекта познания.

Презумпция существования решения. Далеко не всегда задача в том виде, в каком она сформулирована, обладает реальным решением (примером могли бы послужить поиски доказательства 5-го постулата Евклида; до сих пор неизвестно, может ли быть доказана Большая теорема Ферма и т. п.). Острые науки образуют не только так называемые открытые вопросы, т. е. на сегодняшний день нерешенные, но и вопросы, относительно которых не только неизвестен ответ, но и неизвестно, существует ли он в принципе. Поэтому, если иметь в виду не учебные задачи, ответ на которые существует и известен, а широкий класс проблем, поднимаемых в практике исследований, то следует допустить существование особого отношения людей к таким проблемам и перспективам их решения. Анализ этого специфического отношения дает нам новый признак познавательной активности, который мы называем «презумпцией существования решений»: человек исходит из того, что решение *существует*, и до тех пор не отказывается от проведения исследований в подтверждение принятой гипотезы, пока не исчерпаны все субъективно возможные и достоверные аргументы. С самого начала вопрос об *объекте* здесь — это, по существу, вопрос о *субъекте*. В самом деле, что могло бы означать сказанное об исчерпанности всех субъективно возможных аргументов в пользу гипотезы? Не есть ли это исчерпанность «самого себя» в качестве источника допустимых решений? А именно — достигнутый ответ на вопросы: не обманулся ли я? Не подвела ли меня интуиция? Верны ли мои предчувствия? Презумпция существования решения означает, что первоначально это решение существует именно во мне, за счет чего ситуация начинает восприниматься как проблемная, требующая своего разрешения. Сам человек — субъект этого превращения предметной ситуации в проблемную, а разрешение этой проблемы будет означать для него состоятельность его как субъекта, которому дано либо укоренить свои взгляды, либо искоренить их как неадекватные ситуации.

Какова же природа интересующих нас форм проявления активности человека?

Начнем с анализа условий, в которых задан предмет познавательной деятельности, и проанализируем его с содержательной стороны. В первом случае перед нами вопрос о том, в какой форме — «извне» (со стороны окружающей субъекта ситуации) или «изнутри» (со стороны самого субъекта) — задан предмет познавательной деятельности. Во втором случае — вопрос о специфическом отношении, которое реализуется человеком в ходе познавательной деятельности, а именно, о направленности субъекта на внешний к нему объект («объектная» ориентация или «Sw-ориентация») или направленности субъекта на самого себя в процессе познания (субъектная ориентация или «Sw-ориентация»).

Основываясь на выделении и разграничении отмеченных моментов, мы приходим к выделению четырех типов в широком смысле задач, решаемых личностью в процессе

познания.

Первый тип задач определяется системой требований, предъявляемых человеку со стороны окружающих его людей и выражающих необходимость в ряде познавательных действий, цель которых — построение адекватного образа внешнего к субъекту объекта. Перед нами, таким образом, объектно-ориентированные, извне обусловленные задачи. Таковы традиционно описываемые «предметные» задачи — математические, физические и т. п. Само понятие «задача» сложилось на основе анализе подобного рода ситуаций, где цель познавательного действия оказывается как бы погруженной во внешний к субъекту объект, и ее возникновение обязано принятию субъектом заданных ему извне требований. Когда педагоги и психологи говорят о проблемных ситуациях, то чаще всего они имеют в виду именно этот класс ситуаций.

Второй тип задач характеризуется, в отличие от первого, субъектной ориентированностью познавательной деятельности при условии, что требования к выполнению этой деятельности возникают, главным образом, в сфере общения и задаются извне.

Не будет преувеличением сказать, что старая интроспективная психология, вся без исключения, строилась по принципу решения личностью именно этих задач, задаваемых извне и требующих от субъекта умения строить образ самого себя в ситуации. Современная феноменологическая психология в этом смысле продолжает традиции интроспективной психологии (расширяя, однако, «задачное» поле субъекта). В психолого-педагогических экспериментальных работах, а также при психотерапии указанный круг задач (субъекта ориентированных, извне обусловленных) выступает в основном в виде заданий на определение самооценки людей.

Третий тип задач определяется тем, что субъект самостоятельно ставит перед собой познавательную цель, ориентированную на внешний к нему объект познания; это объектно-ориентированные субъективно-обусловленные задачи. Теоретическое выделение этого круга задач является необходимым начальным этапом общей постановки проблемы активности личности в познавательной деятельности. Здесь отчетливо видна и жива связь с классическими исследованиями деятельности человека в проблемной ситуации. Уже при рассмотрении «ситуативного познавательного мотива» (А. М. Матюшкин) обнаруживается его несовпадение с ситуативно-заданной целью: побуждая к решению предъявленной человеку извне задачи, этот мотив — условие выдвижения новых целей, формулирования новых задач, лежащих в исходном проблемном поле. Так, именно с «действием» ситуативного познавательного мотива могли бы быть связаны особенности деятельности ряда испытуемых, проявляющих «интеллектуальную активность» (Д. Б. Богоявленская) как инициативу в постановке проблем, выходящих за рамки исходной задачи. Подобное понимание соответствует, на наш взгляд, выдвинутому в рамках общепсихологической теории деятельности положению об иерархическом, многоуровневом строении системы установок субъекта как «стабилизаторов» деятельности и ее консервативных («инерционных») моментов (А. Г. Асмолов)¹. Установки, связанные с заданной испытуемому целью деятельности, могут оказаться исчерпаны, в то же время установки, характеризующие мотив деятельности, сохраняют свою силу и проявляются в том, что субъект действует над порогом внешне заданных требований.

¹ А с м о л о в А. Г. Личность как предмет психологического исследования. — М. , Изд. Московского ун-та, 198-1.

Задачи четвертого типа — это субъектно-ориентированные внутренне-обусловленные задачи. Областью поиска решений в такого рода задачах выступает сам субъект; он же является инициативной стороной их постановки. Существенно важные подходы к выделению данного круга задач мы находим в работах А. Н. Леонтьева. Анализируя в книге «Деятельность. Сознание. Личность» проблемы

осознаваемости — неосознаваемости мотивов деятельности, А. Н. Леонтьев рассматривает процесс их осознания как особую задачу, решаемую личностью. *«Осознание мотивов, — пишет А. Н. Леонтьев, — есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития».* Но возможности для постановки и решения этой задачи связаны с определенным уровнем развития личности; *«для совсем маленьких детей э т о й з а д а ч и просто не существует»* (разрядка моя — В. П.)

В контексте анализа проблемы осознаваемости мотивов и метода изучения (раскрытия) подлинных мотивов деятельности субъекта, в отличие от ее мотивировок, А. Н. Леонтьев описывает подобные задачи как **«задачи на Личностный смысл».**

Иллюстрируя свою мысль, А. Н. Леонтьев пишет: *«День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный «эмоциональный осадок». На фоне забот дня этот осадок едва замечается, и когда в памяти человека всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал и вот оказывается, что не вполне так, и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед задачей на «личностный смысл», но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как личность. Нужна особая работа, чтобы решить такую задачу».*

При решении этих задач предметом деятельности человека является он сам и условия, вызывающие к жизни эту деятельность; они как бы погружены в самого человека, скрыты от наблюдения. Потому процессы постановки и разрешения данного типа задач могут быть охарактеризованы как «имплицитные», «внутренние», что и составляет их существенную черту. Латентность этих задач есть признак, характеризующий прежде всего их своеобразие с точки зрения внешнего наблюдения, например, экспериментатора, которому непосредственно не доступно знание внутренних познавательных усилий, затрачиваемых личностью при работе над этими задачами. Но, говоря об имплицитном характере этих задач, мы имеем в виду также и их первоначальную нераскрытость для самой личности.

Необходимость постановки этих задач образует момент определенного несоответствия или несовпадения осознаваемых и неосознаваемых мотивов осуществляемой деятельности. Актуально неосознаваемый мотив, как видно уже из приведенного примера, как бы утаивает от субъекта действительную направленность его действий, скрывает от человека подлинную «формулировку» задачи, которую он реально решал в деятельности.

Решение вопроса о том, что в действительности представляет собой выдвигаемая личностью и обращенная «на себя» задача, является каждый раз особой проблемой, которую решает как сама личность (в плане самопознания, рефлексии), так и психолог, строящий теоретическую модель деятельности субъекта.

Отмеченные здесь задачи на «личностный смысл» не исчерпывают всей области познавательных ситуаций, рассматриваемых нами при анализе субъектно-ориентированных внутренне-обусловленных задач. Ведь решение задач на «личностный смысл», отвечая на вопрос о том, чего я хочу, желаю, к чему я в действительности стремился или стремлюсь, направлено на воссоздание образа **исходных** мотивов деятельности и позволяет реконструировать уже сложившуюся, хотя и «зашифрованную» в форме тех или иных эмоциональных состояний систему смыслов, образующих наличное Я субъекта.

Мы имеем в виду задачи, направленные на построение адекватного образа

потенциального Я. Ставя перед собой и решая эти задачи, человек как бы отвечает на вопрос: «Что во мне есть из того, что я в себе еще не выявил, не успел или не смог открыть?», «К чему я реально способен, что я могу? и т. п.

Здесь мы отметим «экзистенциальные» задачи и задачи на определение уровня своих возможностей.

Решая «экзистенциальную» («жизненную») задачу, субъект определяет и особым образом осваивает качества, характеризующие его потенциально и ассоциируемые им с его «подлинным» («не отчуждаемым») бытием. Совершая поступок, он получает возможность самоопределения — ответа на вопросы «Что я есть в действительности?», «Свободен ли я?», «Готов ли к тому-то» и т. п. Ответ на эти вопросы невозможен вне акта деятельности, вне конкретного поступка, имеющего социальный смысл. Рассмотрение одной из таких задач было уже предпринято нами в связи с поиском объяснения феномена «надситуативного риска»: активность субъекта интерпретировалась как попытка преодоления субъектом его «природных» границ и реализация его «родовой» (общественной) сущности.

Нет необходимости специально подчеркивать, что решение «экзистенциальных» задач является существенно важным аспектом развития личности. Между тем в психологии данный круг задач практически не изучен. В тесной связи с ними находится другая разновидность задач, на которой мы остановимся подробнее.

Это задачи на определение уровня своих предметно-практических, функциональных, познавательных и др. видов возможностей. Понятие «предметно-практические возможности» характеризует сферу возможностей личности в процессе практической, прежде всего трудовой деятельности. Понятие о «функциональных возможностях», в определенной мере соответствующее понятию «функциональная тенденция» (Д. Н. Узнадзе), раскрыто в работах В. С. Асеева. Понятие «познавательные возможности», представляющее специальный интерес в связи с анализом творческой познавательной активности, выделяется в работах А. М. Матюшкина при анализе проблемных ситуаций. Помимо названных, могут быть эстетические, коммуникативные и другие возможности. Обобщенно мы стали говорить о возможности осуществления деятельности.

Возможности в таком случае выступают как источник его активности, то есть как обладающие силой побуждения к действию¹. Мы приходим к необходимости специального выделения этой разновидности S-ориентированных S-обусловленных задач прежде всего в связи с необходимостью описания конкретных механизмов развития деятельности, ее самодвижения. Кроме того, именно на основе обращения к задачам подобного рода мы рассчитываем приблизиться к понятию глубинных основ познавательной деятельности личности.

Условием самодвижения деятельности, как мы только что отметили, выступает накапливание потенциальных возможностей осуществления деятельности. На определенном этапе они перерастают уровень требований, первоначально предъявляемых к деятельности «извне» — со стороны внешней ситуации, и «изнутри» — со стороны исходных внутренних побуждений субъекта. Избыток потенциальных возможностей образует предпосылку и динамическое условие расширенного воспроизводства деятельности. Каким образом, посредством каких психологических механизмов осуществляется реализация накопленных возможностей, ведущая к фактам надситуативного поведения?

Складывающиеся в деятельности потенциальные возможности динамичны, изменчивы; подвижна и изменчива граница между тем, что объективно доступно субъекту в деятельности, и тем, что в данный момент недоступно ему. Подвижность этой границы ставит субъекта в ситуацию неопределенности при оценке собственных возможностей, порождая в сознании конфликт между переживаниями «могу» и «не могу» и специальную задачу его разрешения. Потенциальные возможности при этом выступают в сознании в «неопределенно-чувственной» форме.

¹ Гипотеза об «избыточных возможностях» как источнике (побудителе) активности была высказана нами в работе «Активность личности на этапе постановки проблем». В кн: «Проблемное обучение при подготовке инженеров». — Рига, 1976.

Осознание этих возможностей, придание им «определенно-чувственной» формы и тем самым как бы «вписывание» их во внутренне достоверный образ себя есть прежде всего внутренний диалог, который-то и позволяет различить в плане самосознания реальное, истинное и мнимое, неподлинное Я.

Однако этот диалог оказывается неконструктивным, когда в нем не содержится выхода за его собственные рамки, когда субъект замыкается в своем внутреннем диалоге. Действительное разрешение проблемы и внутреннего конфликта «могу—не могу» требует выхода в область предметно-практической деятельности и реального человеческого общения.

Эти процессы, разрешающие порождаемую самой деятельностью субъекта внутреннюю задачу «могу — не могу», мы описываем как деятельность самооценивания личности. Анализ показывает, что самооценивание как особая форма деятельности отличается от традиционно изучаемого в психологии явления самооценки.

Как уже было отмечено, в экспериментальных исследованиях явление самооценки выступало в условиях предъявляемого испытуемому извне задания и не рассматривалось как разрешение «внутренне-обусловленной» субъектом задачи. Однако в данном случае для нас существенно иное. Самооценка рассматривается обычно как процессуально и результативно оформленный акт, совершающийся непосредственно в самосознании субъекта и направленный на адекватное отражение наличных возможностей субъекта. При этом исследователи отвлекаются от тех проявлений деятельности самооценивания, цель которых — оценка потенциальных, для самого субъекта неопределенных возможностей, требующая «размыкания» круга сознания и выхода в область предметно-практической деятельности. Но именно эта, строящаяся на основе знания результатов собственной деятельности, иначе говоря, деятельностно-опосредованная, самооценка и выступает в виде конкретного решения задачи «могу — не могу».

Данный круг задач, в особенности задачи на выявление уровня потенциальных возможностей, привлекает наше внимание в связи с изучением природы познавательной активности личности, и поэтому в дальнейшем мы подробнее остановимся на характеристике этих задач.

Итог предпринятого нами анализа приведен ниже. Типы выделенных ситуаций отвечают преимущественной направленности теоретических, экспериментальных исследований, которые резюмированы в таблице.

Показатель	О-ориентированность	S-ориентированность
Внешняя (О)-обусловленность	Исследования «проблемных ситуаций»; предметных задач	Традиционные интроспективные исследования самооценки
Внутренняя (S)-обусловленность	Исследования феноменов «постановки проблем», различных типов инициации познавательной активности	Выделение задач на личностный смысл, «экзистенциальных задач», «задач на определение уровня возможностей»

Приводя эту таблицу, специально отметим, что данные конкретных исследований, полученные при изучении тех или иных вышеописанных вариантов познавательных ситуаций, могут выступать продуктивной основой анализа «представителей» других типов познавательной ситуации. Так, общие характеристики «проблемных ситуаций» приложимы не только к рассмотрению «извне обусловленных» задач, но и к задачам «внутренне обусловленным», которые постоянно ставятся и решаются личностью в ее повседневной жизни; «опыты» самооценки возникают и по собственному почину, без всякого принуждения извне (в то время как в психологическом эксперименте мы

ставим перед личностью эту задачу) и т. д.

Дело здесь не только и не столько в том, что рассматриваемые познавательные ситуации, сохраняя свою специфичность, сближаются по некоторым формальным признакам. Основное, что объединяет эти познавательные ситуации между собой и позволяет интерпретировать их в едином ключе, это внутренние, содержательные связи между ними: генетическая преемственность, функциональная связь, взаимная опосредованность и т. п. Здесь мы поставим вопрос о связи и взаимопроникновении О-ориентаций и S-ориентаций в познавательной деятельности личности. Гипотеза, выдвигаемая здесь, состоит в том, что «субъект-объектная» ориентация (построение адекватного образа предмета) при разрешении проблемных ситуаций, мыслительных задач и т. п. образует лишь один из аспектов познавательной деятельности. Другой аспект — «субъект-субъектная» ориентация как направленность личности на выявление, проверку и реализацию своих познавательных возможностей (построения адекватного образа самого себя — «образа Я»). Иначе говоря, в условиях решения личностью мыслительных задач возникает особая — личностная — задача. Возникновение этой второй задачи является специфическим выражением присутствия в деятельности познавательного мотива. Вторая задача создает дополнительное побуждение к осуществлению деятельности и придает ей характер личностной значимости, делает ее внутренне мотивированной. В том случае, если нет рождающейся в деятельности второй задачи, на наш взгляд, нет и собственно познавательного мотива. Эта вторая сторона деятельности, не всегда осознаваемая самим человеком, составляет задачу самопознания, самовыражения, самооценки. «Решение» второй задачи не является целью или подцелью решаемой мыслительной задачи. Они лежат как бы в разных измерениях: первая — в субъект-объектном, вторая — в субъект-субъектном. И тем не менее, как можно предположить, они связаны. Не случайно процесс решения первой задачи вызывает к жизни вторую задачу. И, наоборот, появление второй, личностно ориентированной задачи, влечет за собой постановку новых, не требуемых ситуацией, мыслительных задач.

Мы можем предположить также, что *условия постановки и решения первой и второй задач не совпадают*. Так, уверенность в том, что я без труда справляюсь с предложенной мне задачей, может возникнуть задолго до того, как я фактически решу эту задачу или сумею представить себе конкретные пути ее решения. В этих условиях — условиях решенное™ «личностной» задачи — к мыслительной задаче утрачивается интерес, и она превращается для человека в рутинную задачу. Наоборот, мыслительная задача может быть успешно разрешена, в то время как возникшая на ее основе внутренняя личностная задача еще далека от решения. Именно в таких случаях проявляется познавательная активность личности.

В итоге предпринятого ранее обсуждения проблемы активности мы пришли к выводу, что собственно активность, в отличие от других характеристик субъектов, выступает в актах выхода субъекта за рамки ситуативно заданной деятельности, в частности — в осуществлении неадаптивных действий над порогом ситуативной необходимости. Это положение было первоначально обосновано нами на примере анализа явления «бескорыстного» риска. Теперь нам надлежит рассмотреть некоторые из возможных проявлений надситуативной активности на материале анализа познавательной деятельности.

Удастся ли выделить соответствующие формы активности в познавательной деятельности и в чем они будут состоять? Этот вопрос определяет собой первую ступень решения указанной исследовательской задачи.

В специальных экспериментах¹ по предложенной нами схеме были затронуты некоторые из предположительно выделенных форм познавательной активности, а именно: тенденция к автономии при решении задач и обусловленность познавательной деятельности презумпцией существования решения. Испытуемым — школьникам старших классов (всего в эксперименте было занято 70 человек) — предъявлялись группы пословиц русского языка. Нужно было найти общее основа-

ние, критерий, по которому пословицы могли бы быть объединены в эти группы.

Приведем, в качестве примера, некоторые из групп пословиц, чтобы читатель составил представление о мере интересности и трудности этой задачи для школьников. Итак, перед нами пословицы, извлеченные из книги Владимира Даля «Пословицы русского народа», основание классификации которых должно быть установлено. Одна из групп пословиц:

«Аленький цветок бросается в глаза».

Петровский В. А., Шарага Я. Построение проективной методики исследования динамики мотивации самопознания при решении интеллектуальных задач. Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзный научно-практической конференции в г. Новосибирске. — Новосибирск, 1985. С. 45-46.

«Плохо лежит — брюхо болит».

«Всяк уста, где вода чиста».

«Мимо пройти — дураком назовут».

«Видит волк козу — забыл и грозу».

«Худые пряжки портят и доброго человека».

«Да, дело это нехорошее. . . А дай-ка попробуем!»

Другая группа:

«Глаза даны на пагубу человеку».

«Глаза — ямы, руки — грабли».

«У кого нет голоса, тот и петь охоч».

«Люди живут, как ал цвет цветет, а наша голова вянет, как трава».

«Там хорошо, где нас нет».

«Звонки бубны за горами, а к нам придут, как лукошки».

«У людей и шило бреет, а у нас и ножи неймут».

Что образует основание, критерий объединения пословиц в такие группы?

Если читателю определение оснований образования этих групп и не доставило особых хлопот, хотя автору это не кажется таким уж очевидным, — то школьникам приходится хорошо потрудиться, прежде чем они догадаются, что в первом случае пословицы объединены критерием «искушение», «соблазн», а во втором случае — критерием «зависть» (таковы основания группировки, указанные самим Далем). Подчеркивая, что задача достаточно трудна, экспериментатор разрешает испытуемым свободно пользоваться подсказкой; в качестве подсказки выступают пословицы из того же ряда, только более очевидным образом связанные с конечным решением. Создаются, как видим, условия для изучения тенденции испытуемых к автономии при решении задач. Каков процент испытуемых, отказывающихся принимать подсказку, и чем определяется тенденция отклонения помощи? Ниже мы рассмотрим соответствующие данные.

Во второй серии эксперимента испытуемым предъявляются наборы пословиц, об одном из которых заранее известно, что он содержит единое основание для их классификации. Относительно другого набора подобной информацией испытуемые не располагают. Предлагается сделать выбор, с какой из двух групп испытуемый хотел бы иметь дело; регистрируется время, затрачиваемое на поиск нужного основания классификации (в группе пословиц с «неопределенным» решением последнее в действительности имеется, но его очень трудно найти; проще решить, что его вовсе не существует). Таким образом, создаются условия для изучения возможных фактов презумпции существования решения.

Количественные данные по обеим сериям экспериментов следующие.

Отказываются принимать подсказку 78% испытуемых (соглашаются 22%).

Обнаруживают потребность искать решение в ситуации с неопределенным исходом 80 % (противоположную ориентацию, соответственно, 20%). Нельзя не обратить внимание на высокое сходство полученных количественных показателей, что, как тут

же и выясняется, обусловлено высоким совпадением числа случаев, когда испытуемый, проявляющий автономию при решении задач, обнаруживает также и готовность решать задачу с неопределенным исходом, и наоборот, когда презумпция существования решения в деятельности испытуемого согласуется с его же желанием не принимать подсказку.

Однако остается все же известный процент испытуемых (и не малый — около 20%), которые проявляют противоположную ориентацию в познавательной деятельности. Что представляет собой соответствующий личностный «коррелят», объясняющий как наличие, так и отсутствие подобных проявлений познавательной активности? Вернемся к предложению о «второй задаче».

Проверка гипотезы о возникновении и действенности второй, внутренней, задачи, в которой проявляется познавательная направленность индивида на самого себя в ходе решения первой, внешней, задачи, составляет другую ступень экспериментального анализа феноменологии познавательной активности.

Была разработана специальная проективная методика исследования, заключающаяся в следующем. Первоначально группа экспертов (100 человек) оценивает 30 фотографий-портретов взрослых людей с точки зрения направленности мысли изображенных на фотографии людей. Оценка осуществлялась по ряду оснований, которые далее обобщались в одно: «Думает ли человек, изображенный на фотографии, в данный момент о себе или же он думает о чем-то другом». Фотографии оценивались по девятибалльной шкале (максимальная оценка — 9 баллов — означала воспринимаемую сосредоточенность человека на самом себе, оценка 1 балл — минимальную направленность на себя).

Для второй, основной, серии — собственно экспериментальной — из 30 предложенных фотографий было отобрано 3 фотографии, удовлетворяющие следующим двум условиям: 1) наличие высокой корреляции между ними по указанному основанию; 2) оценивание фотографий подавляющим большинством экспертов средними баллами (то есть эксперты не относили людей, изображенных на фотографиях, ни к явно сосредоточенным на себе, ни к сосредоточенным на чем-то ином). Именно эти фотографии в силу их «нейтральности», неопределенности могли выявить скрытые тенденции испытуемых.

Далее в эксперименте основной группе испытуемых предлагалось последовательно оценить 3 отобранные фотографии также по девятибалльной шкале. Первая фотография оценивалась ими до осуществления познавательной деятельности, то есть до начала работы над интеллектуальной задачей. Вторую из трех фотографий испытуемому предъявляли после первых неуспешных попыток решения (задание было трудновыполнимым и заключало в себе неоднозначность возможных решений). Третья фотография предлагалась тогда, когда испытуемый накопил опыт неудач, но все же еще напряженно продолжал поиск решения. Порядок предъявления фотографий чередовался.

В итоге были получены следующие результаты. По мере погружения испытуемых в процесс решения задачи, изменяется восприятие и оценка изображенных на фотографиях людей, а именно: при предъявлении второй и третьей (по порядку) фотографий наблюдалась тенденция завышения оценок (приближение к 8 баллам), т. е. люди, изображенные на фотографии, оценивались как явно думающие о себе, сосредоточенные на своем внутреннем мире.

При предъявлении последней, третьей, фотографии наблюдался еще более заметный сдвиг в указанном направлении; человек на фотографии оценивался максимальными баллами по шкале направленности на свое «Я». Этот факт может быть интерпретирован как появление и усиление активности самооценивания в процессе решения личностью интеллектуальной задачи. Проведение контрольной серии, в которой фотографии «прорезали» решение испытуемыми сложной, но достаточно скучной и однообразной работы (выполнение сложных подсчетов, требующих преобразования дробей), не дало характерной картины усиления

познавательной самоориентации.

Именно те испытуемые, в познавательной деятельности которых выявлялась данная тенденция, в экспериментах с пословицами обнаруживали самостоятельность, отказываясь от подсказки, а также, как правило, готовность осуществлять настойчивый поиск решений, которых, как им хорошо было известно, могло и не быть вовсе. Наоборот — испытуемые, в познавательной деятельности которых не выявлялась активность самооценки, как правило были более пассивными при выполнении задания с пословицами: не отклоняли подсказок, выбирали только те задания, которые имеют решения, а выбрав задание с неопределенным решением, быстро отказывались продолжать поиск. Итак, приоткрывается взаимосвязь между проявлениями активности в познавательной деятельности при решении поставленных перед испытуемыми задач и возникновением внутренней задачи, «решением» которой является построение индивидом образа своего Я.

Какие же внутренние задачи личность решает в процессе осуществления деятельности, в основе которой лежит познавательный мотив? Старые заповеди — «познай самого себя», «человек есть мера всех вещей» — служат самым общим ответом на поставленный вопрос. Суть этих задач состоит в том, что в процессе их решения человек строит или перестраивает образ самого себя, реализуя деятельность *самопознания, самоопределения, то есть некую самоустремленную деятельность*.

Проанализируем теперь психологическое строение субъектно-ориентированных задач. Целью их решения, как уже говорилось, является построение адекватного образа своего Я, образа себя в ситуации.

В то время, как требования, реализуемые в ходе решения обычных мыслительных задач, касаются лишь достигаемого предметного результата, искомого знания, здесь необходимо выделить новую плоскость требований, предъявляемых индивидом к самому себе в процессе решения мыслительной задачи. Эти требования могут рассматриваться как объединяющие в себе два «вектора», один из которых характеризует желаемую связь между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя, а второй «вектор» — связь между начальным и формируемым образом своего Я. Следовательно, существует два возможных основания конкретного анализа внутренних задач.

Вначале опишем некоторые разновидности внутренних задач, определяющихся особенностями первого из двух названных оснований анализа — требованиями, выражающими нужное соотношение между результатами познавательной деятельности и искомым образом себя. Здесь решение внутренней задачи служит соотношению представлений о себе с возможностью решения данной предметной задачи. Успех в решении задачи есть момент самоопределения. В зависимости от того, какие требования к себе предъявляет личность (какую конкретную цель преследует, на что в конечном счете рассчитывает и т. п.), мы выделяем следующие три ступени самоопределения в рамках осуществления данной познавательной деятельности.

Первая ступень самоопределения — это оценка своих ситуативных возможностей. Решая стоящую перед ним предметную (например, учебную) задачу, человек отвечает для себя на такие вопросы: готов ли он к тому, чтобы действовать в направлении поставленной цели, доступно ли ему решение стоящей перед ним задачи и т. п. Приобретаемая при этом оценка своих возможностей («Я могу или не могу сделать что-то») не обязательно выступает для него как личностно значимая. Иными словами, оценка своих ситуативных возможностей может иметь для личности характер преходящий, случайный.

Вторая ступень самоопределения — это оценка себя как носителя определенных познавательных возможностей. Здесь предметом оценки выступают уже не сами по себе познавательные возможности субъекта, а он сам в качестве обладателя этих возможностей. Субъект как бы стремится прийти к решению «Я есть

тот, кто. . . (способен, может и т. п.)». Здесь деятельность самооценивания отмечена чертой отчетливой личностной значимости. Как решенность, так и нерешенность задачи выступают в качестве существенно важного признака в плане оценки собственной личности.

Наконец, третья, выдаваемая нами ступень — это оценка своих атрибутивных (глубинных, сущностных) возможностей, самоопределение личности в собственном смысле этого слова. Здесь в трактовке самоопределения мы следуем аристотелевской «теории предикабелей». В этой теории определение выступает не только как собственный признак объекта, но как выражающий сущность обозначенного именем объекта. «*Определение, — указывает Аристотель, — есть высказывание, обозначающее сущность вещи. . .*» Для нас важно то, что определение по Аристотелю допускает «простое обращение», т. е. высказывание «S есть P» делает необходимо истинным высказывание «P есть S» (в случае, если признак P есть определяющий признак).

Применительно к задачам нашего рассмотрения это положение следует трактовать следующим образом. Личность, решающая какую-либо задачу, переживает возможность (невозможность) ее решения, как существенную неотъемлемую характеристику своего Я. Это такой особый пример отношения личности к своей деятельности, когда о своих существенных особенностях человек заключает, исходя из оценки своих познавательных, творческих возможностях при решении стоящей перед ним проблемы. Возможности ее решения представляются человеку «эквивалентом» его Я. «Весь Я в своих творениях», — говорил Л. Толстой.

Укажем теперь некоторые разновидности задач, обусловленные особенностями второго из двух выделенных оснований анализа — требованиями к установлению удовлетворяющего индивида соотношения между наличным и искомым образами себя.

Конституирующим признаком познавательной деятельности и, в частности, рассматриваемого личностного аспекта является, как мы полагаем, ее направленность на формирование, расширенное воспроизводство и преобразование исходного образа ситуации. С отмеченными моментами мы связываем специфику таких внутренних задач, как задачи, решаемые субъектом в плане *самопроявления, самореализации и внутреннего самоутверждения*. Эти задачи различаются как по характеру начальных «условий», так и по роду «требований», предъявляемых личностью к себе.

В задачах, заключающих в себе момент самопроявления, имеющийся у субъекта исходный образ себя, относящийся к начальным условиям задачи, объединяет в себе два ряда **переживаний**: «определенно-чувственные», составляющие, с точки зрения субъекта, как бы органическую часть его Я (с легкостью идентифицируемые и составляющие устойчивое ядро его личности), и «неопределенно-чувственные» (сомнения, предчувствия, ожидания, надежды и т. п.), осознание и идентификация которых невозможны лишь в рамках рефлексивных процессов, а требуют выхода в область предметно-практических действий и общения. Поясним, что выделяемые нами «определенно-чувственные» переживания отчасти соответствуют тем психологическим феноменам, которые традиционно относятся к «сознательному» или так называемому «предсознательному», а «неопределенно-чувственные» переживания — к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом. Обращаясь к понятиям практической деятельности и реального общения, мы пытаемся ввести критерий разграничения «определенно-чувственного» — как переживаний, остающихся тождественными при их осознании, и «неопределенно-чувственного» — как переживаний, «смещающихся», «ускользающих» в процессах их непосредственного осознания и требующих для своей фиксации выхода за рамки самосознания субъекта.

Требования, принимаемые личностью при решении задачи самопроявления, заключаются в стремлении как бы избавиться от «неопределенно-чувственных»

элементов путем «перевода» их в область «определенно-чувственного».

Акты объектно-ориентированной познавательной деятельности могут интерпретироваться при этом как механизм реализации процессов самопроявления.

Очевидно, что решение рассматриваемой задачи есть процесс **формирования** образа Я. В качестве «материала» построения этого образа могут быть указаны исходные «неопределенно-чувственные» элементы переживаний, а его «формы» — особенности результативной стороны познавательной деятельности.

Итак, говоря о «самопроявлении» как особой личностной задаче, мы подчеркиваем, что эта задача оформления образа Я, обогащения его конкретностью. Но мы не хотим сказать этим, что при разрешении этой задачи происходит — в терминах Р. Мейли — «расширение территории Я». Наоборот, отличительным признаком этих задач является то, что субъект придерживается рамок исходного чувственного Я.

В решении задач самореализации человек исходит из уже достигнутого сложившегося представления о себе и о своих возможностях. Однако, реализуя в деятельности рождающиеся в ней самой избыточные потенциальные возможности, он постоянно выходит за рамки исходных представлений о себе, осуществляя расширенное воспроизводство образа Я.

Задача самоутверждения личности представляют собой весьма сложный для анализа случай. Здесь мы различаем два варианта. Первый из них это, так сказать, внешнее самоутверждение, когда человек стремится к тому, чтобы окружающие оценили его по достоинству, иначе говоря, чтобы был построен должный образ его способностей в глазах окружающих. Внешнее самоутверждение не является задачей самопознания, т. к. личность исходит здесь из некоторых наличных представлений о своих возможностях, не ставя перед собой вопроса об их адекватности и не стремясь к их изменению. Поэтому данная форма самоутверждения может быть рассмотрена лишь как дополнительный стимул познавательной деятельности.

С точки зрения анализа собственно познавательной деятельности интерес представляет другая форма самоутверждения. Это «внутреннее» самоутверждение. Исходное чувственное Я субъекта в данном случае представляет собой соединение находящихся в противоречии «частей». Отмеченный ранее конфликт «могу — не могу» дает пример подобного противостояния двух равноправных начал; разрешить этот конфликт и, тем самым, установить истинность одной из посылок и ложность другой может лишь действие.

Таким образом, исходный образ себя объединяет два момента. Первый из них характеризует наличие Я субъекта, т. е. в данном случае сложившееся в его опыте представление о своих реальных возможностях, реализуемых в деятельности. Другой момент—это потенциальное ^субъекта, то есть некоторые предвосхищаемые им возможности, возникшие в условиях выполнения данной деятельности.

Задача, которую здесь решает субъект, направлена на особое преобразование исходного образа Я, позволяющее, так сказать, отделить «злаки от плевел»: трансформировать «потенциальное» Я в Я «наличное»; придать статус «неподлинности» наличному Я. Субъект утверждает в своих глазах и это значит, что он как бы порывает с неустраивающим его образом себя и строит удовлетворяющий его образ. Процесс трансформации образа себя поэтому включает момент преодоления, что непосредственно характеризует высшие формы активности. Данный вид самоутверждения может рассматриваться как существенно важный **внутренний** компонент познавательной мотивации.

Деятельность самопостроения обнаруживает себя не только в перестройке мотивационно-смысловых отношений, проявляющихся в феноменах инициативы, самостоятельности, готовности «докапываться» до истины, «открытости» неизвестному и т. п.

В результате постановки и решения индивидом «второй» задачи, изменения могут затрагивать также и уровень собственно когнитивных процессов при выполнении

«первой» задачи. Появляется новый взгляд на познаваемый объект и *действительно новые решения*.

Прежде чем подробнее остановиться на этом, напомним читателю условие задачи «Четыре точки» (хорошо известной по материалам классических исследований Я. А. Понаморёва). Экспериментатор рисует на листке четыре точки в вершине некоторого воображаемого квадрата. Требуется, не отрывая карандаша от бумаги, соединить все точки тремя прямыми линиями так, чтобы начало движения совпадало с концом. «Секрет» решения состоит в преодолении некоторого ограничения, которое испытуемый непроизвольно устанавливает для себя сам: область поиска ограничивается контурами квадрата. Действительное же решение состоит в очерчивании треугольника, вершины которого выходят за пределы квадрата.

Итак, не может ли стремление испытуемых решить внутреннюю задачу, отвечающую потребности построения образа себя как субъекта, вызвать **качественную** перестройку в мыслительной деятельности — переход от шаблонного к нешаблонному пути решения? В этом случае мы бы также фиксировали «выход», но только не за рамки требований задачи, а за рамки мысленной модели искомого, ограничивающей область возможных решений контурами квадрата. Но что представляет собой модель искомого? Это определенный прогноз, истинность которого должна быть проверена¹. Поэтому можно и в такой форме обозначить вопрос исследования: не проявится ли принятие внутренней задачи (как и в только что описанном эксперименте) в факте деформации поведения испытуемых в сторону «неподтверждения» прогноза ожидаемого от них решения? Хотя это очень легко проверить, подобное экспериментальное исследование проведено не было, и можно было бы только предложить читателю провести его самостоятельно. Вот «рецепт». Предложите вашим знакомым задачу «Четыре точки». До того, как они примутся за решение, сообщите им, что вы совершенно не сомневаетесь в том, что сейчас они будут делать. Сделайте один или, может быть, два рисунка, соответствующие возможным неадекватным действиям ваших испытуемых, то есть действиям, ограниченными контурами квадрата. Отметьте время и число в случае образования правильных решений. Сравните эти данные с результатами контрольной выборки, то есть группы тех, кто решает эту задачу, не зная о ваших прогнозах. Думается, результаты будут достаточно интересными. Не станем, однако, предварять их: во избежание «неподтверждения прогноза!»

Могут быть приведены также данные одного исследования, фактически проведенного, в котором прослеживалась возможная зависимость правильных решений задачи «Четыре точки» от актуализации внутренней (второй) задачи в общении². Изучалось влияние тенденции к индивидуализации («быть непохожим») на организацию мыслительной деятельности. Экспериментальные группы состояли из пар испытуемых.

¹ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.

² Петровский В. А., Уварина Е. Ю. Психология учебной деятельности школьников. Тула, 1982.

Эксперимент протекал следующим образом. Вначале задачу решал первый испытуемый, а второй в это время отсутствовал. Далее, после того как первый испытуемый накапливал опыт неудач, ему разрешили оставить задачу, и тут же приглашали второго испытуемого, которому давали ту же задачу. Пока второй испытуемый решал задачу, первый находился рядом и наблюдал за действиями второго (как правило, тоже неуспешными). Гипотеза состояла в том, что восприятие шаблонных неуспешных действий второго испытуемого в ряде случаев будет стимулировать правильное решение первого испытуемого. Это должно наблюдаться в «гетерогенных» группах, то есть группах, где индивиды резко отличаются в глазах друг друга по своим возможностям успешно справиться с задачами такого рода, и менее выражено в «гомогенных» группах, где испытуемые, скорее, отождествляют

свои возможности с возможностями других. Эксперимент проводился с шестиклассниками московских школ. В каждом были образованы четыре группы диад. Первая группа была образована парами хорошо успевающих учащихся («отличники»), вторая группа — слабо успевающими учениками (условно — «двоечники»), третья группа определилась сочетанием: «успевающий» — «неуспевающий» («отличник» — «двоечник»), четвертая — сочетаниями: «слабо успевающий» — «хорошо успевающий» («двоечник» — «отличник»). В итоге исследований выяснилось следующее. В парах «отличник» — «двоечник» достаточно часто наблюдался эффект стимуляции деятельности первого неудачами второго. Иначе говоря, когда отличники видели, как с трудной для них задачей не может справиться слабо успевающий ученик, их как бы «вдруг» осеняло решение. Этот эффект стимуляции «сильного» «слабым» мы, прежде всего, и ожидали получить в исследовании (хотя он и не казался авторам исследования таким уж бесспорным и очевидным). Подтверждающим гипотезу было и то, что аналогичный эффект наблюдался в парах «двоечник» — «отличник». Наблюдая за неудачными попытками «сильных», многие слабо успевающие ученики достигли успеха. Эффект повышения креативности (творческих возможностей) наблюдался в основном в «гетерогенных» парах и значительно реже — в «гомогенных» парах: «отличник» — «отличник», «двоечник» — «двоечник» (различия статистически значимы). Члены «гетерогенных» диад, как можно предположить, опирались в поиске решения мыслительной задачи на представление об определенной «дистанции», которая сложилась в их сознании между представлениями о себе и другом. Воспринимаемая ими одинаковость действий своих и другого актуализировала тенденцию проявить свою отличительность, «непохожесть», что и вело к преодолению шаблонной схемы решения¹.

Теперь еще раз задумаемся над тем, что есть общего у всех внутренних задачах, решаемых индивидом в ходе выполнения исходной внешней задачи; не скрывается ли за ними какая-либо единая потребность, и притом потребность совершенно особая, выделяющаяся среди всех прочих потребностей индивида? Думается, что такая потребность есть и может быть обозначена как потребность самополагания, то есть производства индивидом своего Я, себя как субъекта деятельности. В потребности самополагания представлены и переплетены моменты самопознания и самотворчества, самореализации и самоопределения. Познавая внешнюю вещь, мы не обязательно преобразуем ее. Познавая же себя, мы вместе с тем преобразуем и создаем себя. Реализуя возможности, заключенные в техническом устройстве, мы стремимся к тому, чтобы устройство это оставалось сохранным, «себе-тождественным». Но осуществляя самореализацию, мы неизбежно определяем себя заново, перестаем быть «себе-тождественными». Каждый из перечисленных моментов действительно взаимосвязан с другими. Кроме того, полагая себя, индивид утверждает свое бытие в мире, свою субъектность; источником происходящего является сам индивид. Поэтому, в частности, он стремится к автономии, нередуцируемости своих творческо-познавательных сил к действию чьей-либо воли или суждениям, которые даются ему другими людьми.

Итак, приоткрывается взаимосвязь между проявлениями активности в познавательной деятельности при решении поставленных перед испытуемым задач и возникновением внутренней задачи, решением которой является построение индивидом образа своего Я, самополагание субъекта познавательной деятельности.

¹ В пользу данного предположения могут быть приведены и дополнительные данные. Тенденция проявить «непохожесть», регистрируемая по особой методике, повышала вероятность оригинального решения.

Глава 10. Активно-неадаптивные тенденции в общении

Рассматривая витальные отношения человека с миром, мы отмечали, что рискующий, при всей, казалось бы, иррациональности собственных действий, отстаивает перед собой свою субъектность. «Оппонентский круг», представленный всевозможными страхами, среди которых верховодит страх смерти, здесь налицо. Готовность свободно сближаться с опасностью — это аргумент, используемый в актах символического противоборства со страхами, в которых человеку в разных ликах открывается страх смерти. Вспомним, как рассуждал некто Кириллов в «Бесах» у Достоевского: *«Я хочу заявить свое своеволие. . . Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия — это убить себя самому. . . Но безо всякой причины, а только для своеволия. . .»* Можно спорить о действенности аргументов подобного рода, но страх как сила, в противоборстве с которой человек отстаивает свою возможность *быть собою*, в данном случае несомненна. Точно так же очевиден и «противник» в познавательных единоборствах с миром — невозможность достоверного знания как «вызов», который объект бросает субъекту.

А что же — с общением? Выше мы говорили о том, что и в общении «неадаптивность» имеет характер роковой неизбежности. В развитие этой темы поступим так же, как и в предшествующих случаях. Возьмем в качестве «тестируемой» «переменной» ту, которая, казалось бы, создана для того, чтобы сокрушить доводы автора. Речь могла бы идти о том, что обычно рассматривается как вершина гармонии во взаимоотношениях людей. Это — любовь.

Не свойственно ли нам думать примерно так: любовь — абсолютна, а всевозможные катаклизмы, ей, увы, сопутствующие, — случайны?

Мне представляется подобная точка зрения сомнительной. Я думаю: дисгармонии, ведущие к разрывам, присущи самой природе любви.

Говоря на шахматном языке, любовь сама попадает в ситуацию пата.

Ход первый — ложная идентификация на старте любви. Иначе говоря — переживание иллюзорного равенства между собой и человеком, которого любишь. Ложность совпадения между собой и кем-то очевидна при беспристрастном анализе. Но любовь — это страсть; где уж тут место анализу? . Иллюзии рушатся, накапливается опыт различий.

Ход второй. На смену ложной идентификации или, точнее, в добавление к ней приходит нивелировка различий (все еще памятно ощущение близости). «Если я тебя придумал, стань таким, как я хочу!» И вот начинаются всевозможные пристройки и подстройки. Советы искушенных друзей и многоопытных психологов. Манипуляции. Но все это не помогает, ибо вне переживания уникальности своего «Я» («субъектности», «самости») нет и любви. Остается еще одно средство, казалось бы, спасительное: «обмен различиями» — «Смотри, что есть у меня и чего нет у тебя», «Будем открыты друг другу!» Но увы, подобное познается подобным — «передача» различий, возможно, и мыслима в теории, но не состоятельна на практике. В результате — подозрительность, ревность, ощущение отъединенное™, брошенности.

Ход третий — обретение симметрии в страданиях. Такова ступень кризисной идентификации. Продолжая любить, любящие стремятся продолжить себя, «отразиться» в другом самым главным — страданиями. . . И тогда совершается что-то, что позволяет выразить гнев, обиду или отчаяние. Помните у Цветаевой: «Да от всех пяти чувств, о чувствах добрых, через все вам лицо — автограф!»? Увы. Дальше «ходить» некуда. Пат!

Несколько **иллюстраций к сказанному**

Фрустрация. Известно, что агрессия в ситуации фрустрации различается по типу (фиксированность на травме, поиск виновных, нахождение конструктивного выхода) и по направленности (на себя, на другого, на обстоятельства). Но не мало ли

выделенных типов, не много ли, когда речь идет о любви? В самом деле, если «Я» (в силу идентификации) — это «другой», то агрессия, направленная на себя, а агрессия в адрес другого — это то же, что и самоагрессия. В таких случаях говорят: «Ведь режешь-то по живому. . . »

Ревность. Основу этого чувства образует, думается, не столько право собственности на другого, сколько идентифицированность с другим человеком. Когда ты любишь, а объект твоей любви находится с кем-то третьим, то в силу механизма идентификации, ты сам чувствуешь себя партнером этого третьего человека. При гетеросексуальной установке — это вызывает страдание.

Мечь. Мстящий (если, конечно, он или она — «порядочный человек») обычно стремится отомстить так, чтобы страдания другого были не больше, но и не меньше испытанных. В любви это именно так. Почему? Я настолько люблю, что я хочу, чтобы все значимое для меня было отражено в значимом другом, — в любимом человеке. Но что, в сущности, значимее для меня, чем мое собственное страдание, вызванное любимым (любимой)? Каков же путь? — Мечь!

Мрачноватая картина, не правда ли? Но, к сожалению, реалии любви (не говоря уже о любви в браке) еще менее лучезарны. «Идеальная модель» продвижения к пату выгодно отличается от действительной траектории динамики чувств. Сексуальные проблемы, а они возникают с ростом «стажа» любви, — здесь опущены. Материальные проблемы — не названы. Трудности общения с родителями и детьми — здесь даже не в счет. Словом, если даже вообразить (что не просто) идеальных любовников в идеальных условиях вместе с их идеальными родителями и не менее идеальными детьми, распад любви неминуем.

Итак, существует как бы «встроенный механизм» саморазрушения любви. В чем же выход, и существует ли он в принципе?

В свое время экзистенциалистами, и прежде всего Камю, было ясно показано: существование смерти придает особую ценность жизни. Острое осознание обреченности любви способно придать ей особую ценность, — ценность бытия вместе «здесь и теперь».

Присмотримся внимательнее к «супружеским парам», что были описаны Э. Берном.

Согласно Э. Берну, игры — это такие маневры в общении, которые направлены к заранее известному, однако не всегда осознаваемому результату. Критическое осмысление феноменологии, представленной на страницах книг и статей Э. Берна — а нам они открываются воистину как поэма дезадаптивности в общении между людьми! — убеждает в возможности неоднозначного истолкования побуждений, лежащих в основе игр. В частности, можно допустить, что не всегда игры детерминированы заранее предвосхищаемым (и потому выступающим в значении дезадаптирующего мотива) результатом. В ряде случаев (такие игры, как «Полицейские и воры», «Дай мне пинка», многочисленные «супружеские игры») можно допустить, что человек на деле стремится избежать неблагоприятных последствий своих действий; однако для него привлекательным является сам процесс избегания (что отличается от обычного адаптивного ухода, так как предполагает повышение вероятности неблагоприятных последствий действия до определенного уровня). Под тем же углом зрения может быть рассмотрен другой пласт общения, описанный Э. Берном как «близость». Тенденция самораскрытия всегда включает в себе элемент риска самоутраты (М. А. Медведева и др.); вместе с тем и сама близость как особая форма общения основана на доверительности, поэтому последняя может рассматриваться общающимися как своего рода тест на испытание близости доверием (антипод игры «Никому нельзя доверять», описанной Э. Берном)

Быть может, глубинный смысл, свойственный играм, — это своего рода мнемотехника воспоминаний о будущем, о предрешенном финале? Или, точнее, путь символического проигрывания, как бы «заклинания» будущего? Путь — заведомо неадекватный. Подлинное решение — в том, чтобы осознать ценность совместности,

при всей ее скоротечности, ценность мгновений, полноценно проживаемых вместе.

В эти мгновения приоткрываются каждому новое «Я», единые для обоих. Вместе: «Я — это я, ты — это ты, мы — неслиянны; как же любить нам друг друга?!» — рождается переживание общности, нерасторжимости: «Что я есть без тебя?»

И вполне тождественное ему переживание невозможности отдельного от себя бытия другого, как сказано об этом М. Кваливидзе: «И лишь одно страшит меня и угрожает непрерывно: ты — это я, ты — это я. А если бы меня не стало?» Предчувствие финальной сцены: «Мы друг без друга» должно выступить во сей его достоверности, и только тогда такие слова, как «Я — твой», «Ты — моя», «Я — это мы», обретут реальную силу, — силу преодоления неизбежного.

Открывается действительно новое «Я». И в то же время, им оно потаенно знакомо, мы всегда его чувствовали, оно — значимее нашего собственного «Я», которое мы почитаем за уникальное. Я, каков я есть для себя, в своей «неповторимости» и «непохожести», отделенный от других «Я» границами собственного тела, горизонтом своих желаний и взглядов, знанием своей биографии и предвидениями своей судьбы, своеобразием характера и т. п. , — все это отступает, освобождая место единому.

Есть черты, по-настоящему объединяющие любящих. Независимо от их пола и возраста. Независимо от особенностей их телесности, их характера и мировоззрения. Независимо от пути, прожитого до встречи друг с другом. Вот только некоторые. Ощущение беспредельной свободы. Щедрость («желание дарить»). Чувство истины. Переживание вневременности своего бытия. К этому прибавляется ясное и достоверное знание того, что и другой (другая) в любви чувствует то же, открывает в себе те же чувства. Все это — глубоко личное и, вместе с тем, переживается как что-то большее, чем просто «Я сам».

Таково наше «надындивидуальное» (всеобщее) «Я». Чувство общности, здесь испытываемое, — не иллюзия. Подобно тому, как не является иллюзией то, что каждый из двух человек, показывая на зеленое, знает, что другой переживает то же ощущение цвета. Конечно, сходство цветовых ощущений недоказуемо; но оно ясно переживается каждым и, кроме того, не может быть опровергнуто никем никогда. Есть разновидность общения — «без сообщения»: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Когда мы слушаем музыку, так же, как в простом случае с «зеленым», мы чувствуем, что другой чувствует то же, что чувствую я. Так же и в любви, когда нам раскрывается всеобщее «Я». Чувствуя, что другому в точности так же, как и мне самому, дано пережить чувство свободы, самоотдачи, истинности бытия, вечности, всей полноты жизни, — я не обманываюсь. Это действительно наши общие чувства* и, сверх того, каждое — несет в себе смысл общности, — несуществования границ «Я». В равной мере это относится к физической, душевной, духовной близости. Пребывающим в состоянии всеобщего «Я» нет нужды приравнивать себя к другому или другого к себе (равенство уже выяснилось). Нет необходимости «транслировать» свои страдания (предошущение гибели любви превосходит любые страдания на почве любви, а неизбежность финала уже приоткрылась любящим).

Умирующие — умирают. А любящие, если они осознают смертность любви, будут жить в любви вечно, — то есть пока живут.

Активно-неадаптивные тенденции самосознания. Здесь первоначально мы обращаемся к поставленному еще в античной философии вопросу о зависимости поведения системы от предсказаний (так называемой парадокс Эдипа): если отдельному индивиду или сообществу становится известным прогноз собственного поведения, то полученная информация перестраивает развитие событий. В психологии такого рода вопрос поднимается впервые. Между тем его решение имеет прямое отношение к выявлению предположительно присущих самосознанию человека активно-неадаптивных тенденций. В эксперименте, проведенном совместно с Т. А. Тунгусовой (1985), испытуемым предъявлялись параллельные эквивалентные формы теста Айзенка. Первая форма выступила как опорная для построения прогноза ответов на вторую форму. После того, как опрос по первой форме был

закончен, экспериментатор предлагал испытуемому (через определенный срок) ответить на вопросы второй формы. При этом испытуемый получал «прогнозируемый» вариант ответа. Прогноз представлял собой точное, выполненное самим экспериментатором воспроизведение ответов испытуемого на первую форму, о чем испытуемый, конечно, не знал. Ему сообщали лишь, что «ответы предсказаны хорошо знающим его человеком». Фиксировались возможные отклонения повторных ответов как по каждому из вопросов, так и по отдельным факторам. Параллельно проводился контрольный срез на тех же возрастных группах без предъявления прогнозов. В итоге проведенного эксперимента выяснилось, что испытуемые избегают повторения своих первых ответов, то есть обнаруживают динамику самооценивания при предъявлении им прогноза. Так, могут быть приведены достоверные ($P < 0,025$) результаты, свидетельствующие о повышении уровня интровертированности испытуемых при предъявлении им прогноза, в то время как в контрольной группе, в которой испытуемые заполняли параллельную форму опросника без предъявления прогноза, отмечалась стабильность соответствующих результатов.

Итак, не случайно мы вспомнили о «парадоксе Эдипа». Согласно легенде, оракул предсказал фиванскому царю Лаю, что его сын, рожденный Иокастой, убьет его самого, женится на собственной матери и тем самым покроет позором весь род. Поэтому, когда у Лая родился сын, родители, желая предотвратить исполнение зловещего пророчества, постарались избавиться от мальчика. «... Проткнув ему ноги и связав их вместе (отчего они опухли), отослали его на Киферон, где Эдипа нашел пастух, приютивший мальчика и принеший его затем в Сикион или Коринф, к царю Полибу, который воспитал приемыша, как собственного сына. Получив однажды на пиру упрек в сомнительности происхождения, Эдип обратился за разъяснениями к оракулу и получил от него совет — остерегаться отцеубийства и кровосмешения. Вследствие этого Эдип, считавший Полива своим отцом (подчеркнуто мной — В. П.), покинул Сикион. По дороге он встретил Лая, затеял с ним ссору и в запальчивости убил его и его свиту»¹. Далее Эдип совершает подвиг в пользу фиванских граждан, за что те в благодарность избирают его своим царем и дают ему в жены вдову Лая, Иокасту — его собственную мать. Вскоре двойное преступление, совершенное Эдипом по неведению, открылось, и Эдип в отчаянии выколол себе глаза, а Иокаста лишила себя жизни. Легенда о царе Эдипе, как известно, была использована Зигмундом Фрейдом при разработке идеи сексуального влечения ребенка к матери и враждебности к отцу («Эдипов комплекс»). В философии же — сказание об Эдипе рассматривается под иным углом зрения: как обозначение зависимости прогнозируемых явлений от факта осуществления прогноза (заметим, что Эдип совершил преступление именно вследствие того, что получил предостережение оракула). Трагедия Эдипа — пример так называемого «самоподтверждающегося» прогноза. Однако предполагается возможность и «саморазрушающихся» прогнозов. В обоих случаях знание (или узнавание) прогноза рассматривается как фактор, влияющий на действительный ход событий. До сих пор «парадоксом Эдипа» интересовались в основном исследователи развития общества — социологи, экономисты, футурологи. Имеющиеся здесь философские обобщения касаются в основном тенденций движения общественного целого. Общество, прогнозируя свое собственное развитие, может осуществить «поправку», она, в свою очередь, может войти в содержание нового прогноза, который также может повлиять на прогнозируемые события и т. д. и т. п. Но «парадокс Эдипа», как можно видеть, имеет силу и при анализе проявлений активности личности, за которыми вырисовываются закономерности движения человеческой деятельности.

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XI. Петербург, 1904. С. 173.

Личностный уровень саморегуляции поведения, как видно, может быть подчинен той же своеобразной логике. Здесь нам приоткрывается важнейшая особенность существования человека — его стремление постоянно открываться с новой стороны, нести людям новое знание о себе, быть идеально представленным некоторыми доселе неизвестными чертами. Достаточно дать человеку почувствовать, что его намерения, возможности, представления о себе заранее известны кому-либо, наперед заданы, что он сам как бы скользит по рельсам чьих-то ожиданий, предположений, прогнозов, как деятельность либо потеряет для него какой-либо смысл, либо будет кардинально преобразована им в сторону рассогласования с чьими-то «предвидениями». Так, творческий акт лишь тогда имеет в глазах индивида реальный смысл, когда он обнаруживает в этом акте свободу от чьих-либо предположений и схем. Истоки творчества следует искать не только в стремлении индивида «выплеснуть себя на холст», но и в желании сказать о мире и о себе в мире еще никем не сказанное слово. Индивид неадаптивно формирует свой новый образ Я в противовес ожидаемому и как будто бы единственно возможному. Это — и самоотрицание, и саморазвитие.

Другая форма проявления активно-неадаптивных тенденций самосознания — *поиск смысла собственной жизни*. Анализируя обширную литературу по этому вопросу (К. Обуховский, В. Франкл и др.), мы обращаем внимание не только на принципиальную неразрешимость этого вопроса, если ограничиваться сферой собственного физического бытия, но и на тот факт, что этот вопрос может приобретать особую побудительную ценность для человека, превращаться в основание специальной деятельности, способной занять одно из центральных мест в его жизни. Попытки решения этого вопроса — источник возникновения ноогенных неврозов (В. Франкл), проявляющихся в виде суицидальных побуждений (обратимся к «Исповеди» Л. Н. Толстого), отказа от рационального пути осмысления собственной жизни или вытеснения его из сознания, что порождает экзистенциальный вакуум. [

Наконец, еще одна форма проявления активно-неадаптивных тенденций в этой сфере — *стремление к переживанию себя в измененных состояниях сознания*. Такая устремленность действительно неадаптивна: если бы наше Я могло заведомо получить то, к чему оно стремилось заранее, то это бы означало самоидентичность его в момент получения; но в том-то и дело, что самоидентичности этой нет в измененных состояниях сознания, ибо основной определяющий их признак — необратимость саморефлексии (прибегая к термину Ж. Пиаже, говоря о «необратимости» применительно к саморефлексии, мы усматриваем в этом не только критерий измененных состояний сознания, но и основу их типологизации в противоположность состоянию ясного сознания, характеризуемого обратимостью саморефлексии). Характеризуя неадаптивность измененных состояний сознания, отметим неустойчивость баланса между переживаниями самотождественности (Я) и самонетождественности (не Я), что в одном случае ведет к переживанию эмоциональной дефицитарности (житейское «недоперепил» — «выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел»), в другом — к деперсонификации. Существенной особенностью здесь является факт привыкания к необычным переживаниям, что может вести к постепенному сдвигу границы между Я — «обыденным» и Я — «необычным», то есть к тому, что ситуации, прежде порождавшие необычные переживания, утрачивая новизну, лишают индивида этих переживаний, что побуждает его к поиску новых и т. д. Этот механизм может лежать в основе как регресса (наркотизация), так и развития личности (постановка все более высоких целей, ведущая к духовному росту и другим формам самосовершенствования).

ГЛАВА 11.

Говоря об активно-неадаптивных тенденциях, мы допускаем существование особой мотивации, суть которой в самой притягательности действий с непредрежденным исходом. Человеку известно, что выбор, который он собирается сделать, будет оплачен, возможно, разочарованиями или срывом, но это почему-то не отталкивает, а, наоборот, мотивирует выбор. Помимо «синицы в руках и журавля в небе», есть еще, как минимум, две привлекательные птицы: ястреб на горизонте и нечто, летящее за облаками. Непредрежденность эффекта как момент привлекательности нуждается в объяснении.

Искомое решение, по-видимому, не может быть найдено, если идти по традиционному пути поиска какого-то одного мотива, который рассматривался бы как необходимое и достаточное условие выбора. Каких только серьезных версий о том же «бескорыстном риске» не пришлось автору выслушать за двадцать прошедших лет! «Поиск ощущений», «проба себя», «самоутверждение», «ценности» и т. д. , и т. п. Все это, безусловно, так. . . Единственное «но» — и это подсказывает опыт исследования — заключается в том, что тенденция к «бескорыстному риску» не может быть редуцирована ни к одному из этих мотивов в отдельности (хотя не исключены «чистые» случаи проявления этих мотивов как побудителей риска). Подлинная проблема — в формуле их сопряжения, а она, вполне вероятно, весьма специфична для каждого человека. И, кроме того, даже объединение этих мотивов, по-видимому, еще недостаточно для того, чтобы исчерпать мотивацию неадаптивности.

В основе нашего понимания лежит идея гетерогенности неадаптивной мотивации действия. При анализе сложного состава этой мотивации обратимся к схемам анализа личности в работах Э. Берна, а также собственным представлениям об отраженной субъектности, описанным в этой книге. За неадаптивной мотивацией действия угадывается картина внутриличностных взаимодействий в системе «Я» — «отраженное Я другого». Это взаимодействие в свою очередь может быть раскрыто в терминах трансактного анализа Берна как осуществляющееся при участии трех эгосостояний, трех граней человеческого Я: «Родитель», «Взрослый», «Дитя».

«Родитель» — это экспертно-контрольная инстанция нашего «Я», средоточие схем и правил, ранее усвоенных индивидуумом, которые подлежат неукоснительному исполнению. «Взрослый» — когнитивно-активное начало, ведущей чертой которого является независимость, разумность (Берн говорит о «компьютере» и мимоходом о том, что у некоторых, кому повезет, это японский компьютер. . .). «Дитя» — аффективно-импульсивная и интуитивно-творческая инстанция нашего «Я». Существенным для трансактного анализа является положение о «переключениях», а также о том, что в поведении могут обнаруживать себя взаимодействия между инстанциями.

Два примера из нашей коллекции. Дело происходило в одном из столичных институтов повышения квалификации. Слушателями института были преподаватели, доценты, заведующие кафедрами. . . Объявлена лекция профессора N. Вдруг выясняется, что лекции не будет, болен профессор. «И тут, — рассказывал мне очевидец, — я вдруг увидел, как мой сосед, седовласый, почтенного вида зав. кафедрой областного педвуза, встрепенулся и, взявшись руками за откидную крышку стола, принялся громко хлопать ею и радостно в такт скандировать: «Заболел! Заболел! Заболел!». Произошло переключение — в нем ожило «Дитя». Другой пример иллюстрирует взаимодействие между инстанциями в момент принятия решения. Это знаменитая в 70-е годы сентенция: «Если нельзя, но очень хочется, то немножко можно». «Нельзя» исходит из «Родительской» инстанции личности, «очень хочется» — из инстанции «Дитя», а «немножко можно» — это компромисс, обеспечиваемый нашим «Взрослым».

Берн подчеркивает, что эгосостояние «Родитель», «Взрослый», «Дитя» — что-то действительное, феноменологически данное. Он как бы предостерегает мысленно оппонента: перед вами не просто удобный язык психотерапевтического общения и не просто теоретические конструкторы, искусственно вводимые для систематизации опыта.

Каждому из трех терминов нового описания личности соответствует свой круг явлений, особые психологические реалии. Но в этом случае понятия об эгосостояниях, переключениях и взаимодействиях между ними заключают в себе удобную возможность анализа неадаптивной мотивации действия.

«Родитель». Средоточие императивов, безусловное принятие которых не оставляет места вопросу «зачем». Они повелевают следовать существу своих предписаний всегда и везде. Они исключают саму возможность каких-либо исключений. И в этом безразличии к специфике конкретной ситуации действия угадывается, несомненно, один из вероятных источников неадаптивной активности. «Родительское»: «Будь всегда смелым, никогда не трусь!» — нечто большее, чем просто призыв к смелости в данных конкретных условиях. Человек может быть буквально обречен на бесстрашие независимо от того, есть ли в том для него хоть какой-нибудь смысл. Или, к примеру, «родительское»: «Будь лучше всех!». Чем не невротический компонент мотивации поиска трудностей? Или что-нибудь из советов старшего поколения ученым поколению, идущему на смену, скажем, иметь мужество признавать себя невеждой, не обольщаться достигнутым (И. П. Павлов) и т. д. Это ведь тоже элементы «родительского» программирования, но уже применительно к неадаптивным тенденциям в познании (см. описанный в этой книге феномен непрагматического пересмотра собственных решений).

Наряду с примерами самопринуждения могут рассматриваться и импульсы самораскрепощения, также определяемые «распоряжения» эгосостояния «Родитель». Автору, как и многим его московским коллегам, памятна встреча с основателем центрированной на клиенте терапии Карлом Роджерсом. То, что мы видели, можно сравнить с искусством филиппинских врачей. Проникая в глубокие пласты личности страждущего, психотерапевт удаляет из них «родительские» запреты и ограничения, внедряет веру в возможности роста, веру в саморазвитие. Коррекция «родительских» императивов, обновление инстанции «Родитель» содействуют здесь выбору активных (с непредрежденными последствиями) действий, неадаптивному выбору.

«Взрослый». С этой инстанцией личности могут быть связаны: тенденции самоопределения, поиск своего уникального «Я», построение образа своих возможностей. В тенденции уточнять, что есть «Я», строить образ себя и заложен, по-видимому, механизм самодвижения. Каждая новая проверка дает новые возможности, они вновь оцениваются — деятельность движется!

Особую роль играет то, что может быть обозначено как мотив границы. Когда мы хотим очертить границу чего-либо, мы неизбежно выходим (в мысли или действии) за границы очерчиваемого. В силу своих объективных («предметных») свойств граница таким образом побудительна для субъекта, она влечет к себе его деятельность. Конкретно же, в многообразных контактах человека с миром, предметом влечения становится граница между противоположными исходами действия, сама возможность противоположных исходных. Влечение к этой границе входит и в состав сложных форм мотивации поведения. В сфере познания человека побуждает граница между известным и неизвестным; в творчестве — граница между тем, что человек может создать, и тем, чего он не может; при риске — граница между благополучием и угрозой существованию; в общении — граница между открытостью другим людям и защищенностью от них; в игре — граница между воображаемым и реальным и т. п.

«Дитя». Здесь на передний план выходят: потребности в смене впечатлений и переживаний, функциональные тенденции, поисковая активность и т. п. Для того, чтобы подчеркнуть связь между вовлеченностью ребенка и неадаптивностью, приведем один пример из книги Берна¹, где речь идет об игре в прятки. . . Среди детей старшего возраста того, кому удается спрятаться так, что его невозможно найти, не считают хорошим игроком, потому что он портит игру. Он исключил детский элемент игры, превратив ее в процедуру для взрослого.

¹ Цитирую по русскому переводу книги Э. Берна: Gamys People Play. The Psychology of Human Relationships. London, 1966. P. 192. (русский перевод во Всесоюзном центре переводов научно-технической литературы и документации. Перевод № Ц-45434).

Он больше уже не играет ради забавы. . . Детское Я играющего стремится к разоблачению. Вспомним то разочарование, которое мы могли испытывать в случае, если мы спрятались слишком всерьез и не могли быть никем найдены. Взрослое Я, стремящееся к сокрытию, и детское Я, стремящееся к саморазоблачению, *сталкиваются*, создавая ситуацию неадаптивности по игровому типу. Сказанное применимо к некоторым взрослым людям, которые продолжают играть в эти игры в серьезной жизни. Это игра в «Полицейские и воры». Иногда она приводит к противоправному поведению, по существу, дезадаптивному. *«Среди обычных преступников можно выделить два отдельных типа: те, которые занимаются преступлением в первую очередь ради выгоды; и те, которых преступление интересует как игра».*

Воспринимая каждое из берновских эгосостояний личности как возможный источник неадаптивной активности, мы видим в будущей объяснительной модели мотивации неадаптивного действия обязательное сочетание и взаимодействие этих частей нашего Я и, кроме того, необходимость привлечь для объяснения *неадаптивной активности представление об отраженном Я* другого субъекта. Здесь возможны многообразные композиции «голосов» — собственных и чужих, которые могут быть рассмотрены как внутренние взаимодействия. «Да дело это нехорошее. . . А дай-ка попробуем!» В этой пословице-дилемме не только пример переключения и совместного вклада разных эгосостояний в формирование неадаптивной мотивации действия, но и задачка на определение принадлежности «голоса». Хотя в первой части высказывания явно слышна интонация «Родителя» («. . . дело это нехорошее!. . .»), а во второй «Дитя» («. . . попробуем!. . .»), остается вопрос, чьи позиции здесь озвучены: моя собственная (под эгидой «Родителя» или «Дитя») либо чужая («Родитель»? «Дитя»?).

Картина таких внутренних взаимодействий очень сложна и требует построения особого метода исследования. Один из подходов предложен автором и заключается в том, что на основе учета эгосостояний «Родитель», «Взрослый», «Дитя», а также взаимодействия и переходов между ними интерпретируются высказывания существующих в экспериментальной и клинической практике личностных опросников или строятся новые опросники, с самого начала ориентированные на эти категории анализа. Каждое высказывание опросника рассматривается как символ скрытого взаимодействия (транзакции) в системе «Я» — «отраженное Я другого», а само это взаимодействие трактуется как осуществляемое при участии эгосостояния «Родитель», «Взрослый», «Дитя». Это позволяет нам, имея перед собой ответы на пункты опросника, судить о типичных для испытуемого структурах взаимоотношений между различными инстанциями его личности. Совместно с В. К. Калиненко¹ мы подвергли такой транзактной реинтерпретации опросник 16 Кеттела, выделив 9 шкал. Каждая такая шкала характеризует степень принятия или отвержения одним эгосостоянием личности некоторого другого эгосостояния; а так как речь идет о взаимоотношениях в системе «Я» — «отраженное Я другого», то выделяется именно 9, а не 6 шкал (последнее было бы справедливо для суждения о внутренних взаимоотношениях между эгосостояниями в рамках берновского описания личности как триумвирата «Родитель», «Взрослый», «Дитя»). На одном из полюсов каждой шкалы — полное принятие (установка на союз, гармонию), а на другом — полное отвержение (установка на конфронтацию) во взаимоотношениях между эгосостояниями, правда, со стороны только одного из них. Установки в этих взаимоотношениях могут быть и не быть «взаимными»: например, на шкале принятия «Дитя» со стороны взрослого наблюдается высокий индекс принятия,

в то время как на шкале притяжения «Взрослого» со стороны «Дитя» обнаруживается высокий индекс отвержения и т. п. Используя транзактно реинтерпретированный опросник Кеттелла, мы пробовали проверить, существует ли связь между тенденцией к неадаптивному риску и возможными взаимоотношениями различных инстанций в «Я». Выяснилось, что за проявлениями неадаптивного риска вырисовывается конфликт между эгосостояниями «Дитя» и «Родитель», своего рода бунт первого против второго.

¹ Калинин В. К. Соотношения адаптивного и неадаптивного в психологической саморегуляции больных с ишемической болезнью сердца. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Л., 1989. С. 24.

Словом, «Легко плевать сверху, попробуй-ка снизу!».

Продвигая дальше исследования взаимоотношений между эгосостояниями в системе «Я» — «отраженное Я другого», мы надеемся приблизиться к пониманию строения неадаптивной мотивации действия, проявляющейся в самых различных контекстах человеческой жизни, будь то проявления его витальных отношений с миром, его предметной деятельности, его общения, его самосознания.

Метод *виртуальной субъектности* и ряд других приемов исследования, как видим, приоткрыл нам область малоизученных в психологии феноменов активной неадаптивности человека, — доподлинно, начало личностного в человеке.

Выделим несколько отмеченных нами слитно моментов самопорождения индивида как субъекта возможного выхода за пределы исходных форм устремленности.

Первое: непредрешенность исходов предстоящего опыта. **Второе:** возможность своего приближения к непредрешенному как влечение к нему. **Третье:** воплощение этой возможности в проявлениях активности. **Четвертое:** рефлексия (оценка, осмысление последствий своих действий с точки зрения их значимости для деятельности, общения, самосознания).

Первый из этих моментов — *непредрешенность* — содержит в себе отрицание внешней **сообразности** (душевное равновесие, наслаждение, выгода и т. п.) будущего действия. Второй момент — *возможность приближения к непредрешенному* как основа устремленности к нему — означает рождение новой цели (нового телеологического отношения — мотив, цель, задача, установка и т. п.). Эта цель рождается «здесь и теперь» — в поле актуального действования; она несводима к предшествующим телеологическим отношениям. Если первый отмеченный нами момент означал свободу от заданности — «свободу от», то второй момент есть «свобода для». Третий момент — *реализация открывшихся возможностей в действии* — соответствует тому феномену, который в русском языке называется волей. И, наконец, четвертый момент — *установление смысла произведенного открытия* для деятельности, общения, самосознания — есть ответ на вопрос о необходимости только что содеянного. В случае признания его ценности оно квалифицируется как внутренне необходимое, человек признает себя его автором, выступает перед собой как субъект. В противном случае человек отрицает внутреннюю причастность к деянию, ссылается на случай, обстоятельства, судьбу, находит в себе мистическое или шутовское оправдание: «бес попутал».

Таким образом, в актах самотрансцендентности индивида, активного выхода за пределы границ предустановленного, мы сталкиваемся с явлением, носящим название *свобода воли субъекта*. Именно этими актами строит себя личность, точнее — индивид выращивает в себе личность.

Соотнося феноменологию активности неадаптивности с другими проявлениями активности человека, отметим, что присутствие моментов «самополагания» представляется нам несомненным в способности человека подниматься «над полем» (К. Левин), осуществлять акты «самоактуализации» (А. Маслоу) и — в волевых актах (Н. Ах, Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготский, П. В. Симонов, В. А. Иванников). Но это

«присутствие» может быть установлено в рамках логического анализа, оно образует, в терминах И. Канта, скорее «умопостижимое» в этих явлениях. Другой вопрос — оформленность «самополагания» непосредственно в мотивации поведения (совершение действий, истинный смысл которых — в проявлении себя как субъекта). Исследуя этот вопрос, удалось бы показать существование таких актов «надполевого поведения», которые, в терминах самого Левина, могли бы быть осмыслены как определяемые самой «валентностью» быть «над», — самоценностью этой возможности, и — в том же контексте исследования, — «само-актуализация» предстала бы перед нами как высвобождение или, точнее, «высваивание» (в терминах Хайдеггера) своей самости; «воля» — в значении «свободы воли»: когда «произвольная мотивация действия» (В. И. Иванников) выступает как мотивация самой произвольностью («могу» как мотив) (В. А. Петровский, 1976, 1993).

Однако, мы не ответили здесь пока на вопрос о том, как существует порожденный субъект, о самой возможности его существования. И в этом пункте перехода от обсуждения вопроса о становлении субъектности в актах неадаптивного выхода к вопросу о существовании того специфического качества человека, которое мы именуем «субъектностью», — в этом логически поворотном пункте мы сталкиваемся с идеей воспроизводства или — «отраженности» человека в человеке.

Сейчас, когда вот-вот будет переброшен логический мостик между двумя родственными теоретико-экспериментальными разработками, такими как исследования «надситуативной» активности, с одной стороны, и — «отраженной субъектности», с другой, может выглядеть странным, почему автор, располагая всем необходимым для синтеза собственных исследований (разработка первой проблемы приходится, в основном, на 1970-1981, а второй — на 1981-1986 г.), почему автор так долго медлил с решением. Причина здесь, увы, субъективного порядка. Идея логического синтеза оформилась лишь к 1993 году, когда мне, с таким запозданием, приоткрылась гегелевская трактовка «существования» — «непосредственного единства **«рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое»** (Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики, М. — 1974. С. 287).

Вопрос, такими образом, состоит теперь в том, как существует субъект, коль скоро нам повезло застать его в момент самостановления. Мысль о существовании субъекта, наследующая мысль о его порождении, включает в себя, повторяем, идею воспроизводства. Возвращаясь к тексту этой книги, отметим, что первоначально идея воспроизводства была представлена в наших рассуждениях имплицитно.

То особое качество скрытого бытия субъекта, которое было обозначено как его виртуальность (долженствование к раскрытию), фиксировалось прежде только извне, как точка зрения исследователей; но уже в этой фиксации виртуальность приобретала действительность, ибо в мышлении исследователей рождающийся субъект находил форму своего идеального бытия, — форму воспроизведенности, продолженное™. Вообще существование предполагает возможность воспроизводства (хотя бы в представлении или мысли). Но говоря именно о субъекте, мы могли бы потребовать для него чего-то больше, чем просто «быть объектом перцепции, воображения или мышления». Подлинный субъект не может не быть субъектом для *самого себя* и вместе с тем субъектом своего бытия для *другого*. В обоих случаях мы говорим об «отраженной субъектности» человека.

ГЛАВА 12.

Восстановим последовательность сказанного. Личность первоначально была охарактеризована нами как субъект четырех форм деятельности: витальной (жизнедеятельность), «предметной» (духовно-практическая деятельность),

коммуникативной (деятельность общения), cogito (деятельность самосознания). Далее оказалось, что в каждой из описанных форм деятельности происходит (в силу неизбежности неадаптивных тенденций) самоутрата субъектности. Единственный путь «спасти» субъектность — свободно и ответственно действовать в направлении непредрежденного, иначе говоря, — выступить *субъектом* трансценденции за границы предустановленного (здесь нам открылась феноменология неадаптивной активности в четырех выделенных сферах деятельности человека). Далее мы различили процессы *становления* субъектности (за счет трансценденции в деятельности) и *существования* субъектности; последнее означает, что бытие индивида как субъекта деятельности воспроизводится, или, иначе говоря, отражается в чем-либо или в ком-либо, выступая как его *инобытие*.

Метафорически, проблема теперь может быть сформулирована так: если, отстаивая свою субъектность, человек преодолевает границы себя как деятеля в своих жизненных, предметных или социальных отношениях с миром, а также отношениях, сложившихся с «самим собой», то, спрашивается: «выходя», в какие миры он «входит», то есть, где обретает свою отраженность?

Воспользуемся здесь формулировкой того же вопроса, которая в другом контексте анализа предложена Э. В. Ильенковым. Вопрос этот звучит эпатающе просто: «Где (в каком пространстве) существует личность?»

Четыре ответа мы можем дать на этот вопрос: Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам — вот те «пространства», где существует личность. Речь, повторяю, идет о существовании личности как единомножия субъектов жизнедеятельности, предметной (культуропорождающей) деятельности, деятельности общения и, наконец, деятельности самосознания. Иначе говоря, мы предполагаем, что человек в каждой из своих субъектных ипостасей, трансцендируя, вступает в каждую из четырех этих сфер, обретая таким образом в них свое *присутствие* (термин «присутствие» — из словаря М. Хайдеггера).

Отраженность субъекта в пространстве витальности. Идея отраженности человека как личности в сфере проявлений его собственной жизни совершенно не разработана в экспериментальной психологии. Речь, подчеркиваю, не идет в данном случае о том, как человек сам строит свои отношения, с жизнью (существуют, и мы говорили о них, фундаментальные методологические разработки этого вопроса в трудах С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и др.). Вопрос заключается в следующем: каким образом субъектность человека как свободного и ответственного существа, выступающая в актах его трансценденции за границы заданного, манифестирует себя в его витальных отношениях с миром? Или, иначе говоря, что представляет собой отблеск субъектности (или, может быть, всего только тень субъектности) в самой жизни живущего?

Не имея еще отчетливого ответа на этот вопрос, мы все-таки видим, что в его постановке повинна не только собственная логика развертки понятия «субъектность», — логика, имеющая самодовлеющий характер (а это для нас, уж пусть простит нам читатель, не менее важно, чем собственные или чужие эмпирические данные, «имеющиеся в наличии!»), но и определенные факты, суждения, как бы намекающие нам: «что-то здесь есть!»

Среди предпосылок постановки этой проблемы отметим следующие. Прежде всего, это необходимость в субъектном плане осмыслить «контрастный» вопрос, обнародованный еще и фрейдовском психоанализе и ныне активно разрабатываемый специалистами в области психосоматической медицины и психологического консультирования. Я бы сформулировал этот вопрос так: «Если кто-то отказывается быть субъектом, то как подобный отказ воплощается в телесной жизни его?» Вот иллюстрация из замечательной книги Вильяма Шутца «Глубокая простота»: «*Мой друг рентгенолог, — повествует автор, — рассказывал мне, что в его профессии есть хорошо хранимый секрет. Многие опухоли выглядят как маленькие люди. Как если бы «пустые комнаты» заселились «новыми жильцами». Любое мышечное воспаление*

или другое болезненное состояние есть результат конфликта, который я не позволяю себе осознать. Если я предпочитаю ничего не знать о конфликте, моему телу приходится воплотить его (разрядка автора — В. П.). Если я позволяю себе полное осознание (продвижение в область непредсказуемого и неизведанного — В. П.), я могу сделать выбор не болеть» (стр. 38). Отметим, что для того, чтобы разрешить себе самосознание, надо поверить в возможность выбора по отношению к своему здоровью, а вера эта, в свою очередь, требует смелости самосознания, то есть возможности «очертя голову» броситься в неизвестное. «Поверит» ли, в свою очередь, организм тому, кто является его обладателем, — ибо ведь «не человек принадлежит телу, а тело — человеку» (Г. С. Ба-тищев), — возьмет ли тело на себя бремя контролировать свободу своих отправлений и, вместе с тем, свободно осуществлять этот самоконтроль? Вот — проблема, которая настоятельно требует эмпирического (а не только мифо-психотерапевтического) рассмотрения.

Другой источник исследования отраженности личности индивида в его собственной жизни — разработки, ведущиеся в области «терапии творчеством» (Бурно), содействия «творческим переживаниям» (Ф. Василюк) и др. На этом пути, мне думается, удастся осмыслить такую категорию чувствований, как «полнота жизни»: ощущение самостийного, как бы предоставленного своей собственной воле, «потока», цели которого не предначертаны, берега не очерчены.

Наконец, я сошлюсь на данные наших совместных, с В. К. Калининко, исследований, посвященных изучению зависимости между риском заболевания ишемической болезнью сердца и — склонностью человека к «бескорыстному риску». Оказалось, что если человек в предшествующие годы был склонен рисковать «бескорыстно» (риск как активно-неадаптивная тенденция), а потом прекратил рисковать, то у него увеличивается риск заболевания инфарктом миокарда. Складывается впечатление, что, в то время как индивид отказывает себе в риске, его организм сам берет на себя это право: иницирует риск, как если бы он действовал «за» (или «вместо») субъекта, а потом мстительно наказывал его за штрейхбрехерство.

Отраженность субъекта в социокультурном пространстве. Личность здесь как бы приобретает свое особое «телесное» бытие, отличающееся от «телесного» бытия индивида. «Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, — во внутреннем пространстве личности»¹.

В социально-психологическом аспекте рассмотрения интериндивидуальный подход к личности представлен теорией деятельностного опосредования межличностных отношений (А. В. Петровский). Уже в постановке вопроса о соотношении индивидуально-психологического и социально-типического в личности со всей отчетливостью выступила проблема несводимости личностного к интраиндивидуальному. Является ли «коллективистическое самоопределение» качеством личности или групповым феноменом? Подобно явлениям, возникающим при восприятии двойственных изображений («фигура и фон» и т. п.), изучаемый феномен появляется перед исследователем то как часть контекста групповых процессов, то как качество личности. Аналогичная ситуация возникала в связи с другими феноменами², например, «Действенной групповой эмоциональной идентификацией» (В. А. Петровский, 1973)¹.

¹Ильенков Э. В. Так что же такое личность. В кн. «С чего начинается личность?». М, 1979. — С. 216.

² Обо всех этих феноменах см. кн. : «Психологическая теория коллектива» (под ред. А. В. Петровского). М. , 1979. Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода. Вопросы психологии, 1981, № 1. С. 61.

В напряженной дихотомии «либо личность, либо группа», как теперь можно заметить, открывалась перспектива решения этой проблемы, но лишь при условии перевода понятия «личность» в плоскость интериндивидуального понимания. То были феномены собственно личности, однако не укладывающиеся в прокрустово ложе традиционного понимания. *«С точки зрения стратометрической концепции личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи и их носитель — конкретный индивид — практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей сверхчувственны. Они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним не сводимы, они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления. . . »².*

Но уже в рамках рассматриваемого продуктивного принципа намечается необходимость иного подхода, как бы замыкающего ряд анализируемых способов понимания личности. При всем богатстве путей психологического анализа соответствующего круга явлений интериндивидуальная ориентация характеризуется определенными ограничениями и побуждает к постановке новых вопросов, значимых для продвижения всей проблематики в целом.

Первое ограничение. Индивиды, о личности которых заключает исследователь, рассматриваются как включенные в психологически единую ситуацию — совместной деятельности и общения (психолог левиновской школы сказал бы о существовании общего «поля» для индивидов). Продолжает ли, однако, личность как системное качество индивидов, пребы вавших в ситуации взаимодействия, «существовать» и за пределами общей для них ситуации? «Живет» ли она и «по ту сторону» актуального взаимодействия?

¹ Петровский В. А. Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления. К вопросу о диагностике личности в группе. М, 1973.

Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода. Вопросы психологии, 1981, № 1. С. 61.

Второе ограничение. В рамках интериндивидуальной атрибуции бытие личности рассматривается как развертывающееся и фиксирующееся прежде всего в объектной (предметно-вещной или функционально-позиционной) стороне связей между индивидами. Существуют ли и в каких гипотетических формах выступают собственно-субъектные фиксации бытия данного индивида в других людях?

Третье ограничение. Интериндивидуальные представления о личности исходят из неявного допущения тождества социальной активности и эффектов воздействия одного человека на другого. Но это не всегда справедливо. Так, например, факты содействия индивида другим людям, их индивидуальному развитию, относясь к существенно важным обнаружениям личности данного индивида (И. М. Палей), могут быть психологически осмыслены весьма по-разному. В одном случае может идти речь о «содействии» как о проявлениях активности, отвечающей исходному намерению индивида оказать помощь людям. В другом случае могут иметься в виду значимые, скажем, для второго лица изменения, вызванные в нем первым, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо и даже вопреки его воле и желанию. В «Фаусте» Гете читаем: «. . . Так кто ж

ты наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Возможно и противоположное: активность, направленная на других, напоминает порой «семена, брошенные на асфальт» (Б. Сарнов). Не следует ли эффекты воздействия (как позитивные, так и негативные) выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествимых с проявлениями социальной активности воздействующих лиц?

Ответ на три поставленных вопроса я вижу в том, чтобы выделить еще один способ понимания личности как системного качества индивида. Здесь субъект инобытийствует в жизни других людей.

Отраженность субъекта в жизни других людей. Личность индивида на этот раз выносится не только за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы его совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз — в «другого» («других»). Речь идет о преломленности моих воздействий именно в другом индивиде, выступающем в своих отличиях от меня самого. Вместе с тем это и вклады субъекта в себя как в известном смысле «другого» (сравни — Э. В. Ильенков: *«Личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» — отношения «Я» к самому себе как к некоторому «Не-Я»*).

Следовательно, конкретно охарактеризовать личность, исходя из принципа метаиндивидуальной атрибуции, — это значит ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) во мне как личности, но и как я сам и в ком именно состою в качестве значимого «другого», вначале извне, а далее как бы изнутри, определяя чье-либо сознание и поведение.

По существу перед нами новая проблема — каким образом индивид обуславливает свое «присутствие» в других индивидах. Рассматривая вопрос о том, что представляет собой данный индивид для других и в других индивидах, как и вопрос, что они представляют для него и в нем, мы в первую очередь сталкиваемся с эффектами «зеркала», когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Данная линия исследований превосходно представлена во множестве исследований по социальной перцепции (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев и др.). Значительный интерес представляет анализ феноменов «субъектного» и «объектного» восприятия других людей (А. У. Хараш).

Особый путь, практически не проложенный, ориентирует на анализ феноменов и механизмов идеальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других индивидов. На этом пути исследования «для других-бытие» индивида выступает как относительно автономное («отщепленное», «независимое») от него самого. По существу перед нами проблема инобытия индивида, или иначе — его идеального бытия («отраженной субъектности»). И речь тут, понятно, идет не только об образе кого-либо в сознании других людей: образ людей выступает лишь частным возможным фрагментом «представленности», скорее — об изменении «смысловых образований» другого индивида; в них как бы записаны эффекты воздействия первого (условно обозначим их термином «вклад»). Необходимо особо подчеркнуть, что вклады не сводятся к любым, пусть даже существенным с точки зрения первого индивида изменениям поведения и сознания второго. Это только те изменения, которые существенны для второго, выявляют свою значимость для его самоопределения, для постановки и решения его собственных проблем и задач. При такой постановке вопроса в качестве специального предмета анализа выступает не «зеркальный эффект», а эффект присутствия индивида в «Зазеркалье» общения с другим индивидом.

Но тогда вырисовывается и проблема «возврата» индивиду его инобытия в других индивидах. Эта проблема может формулироваться также двояким образом. В первом случае речь может идти о самосознании, т. е. о раскрытии того, каким он представляется другим в зеркале их сознания и поведения (проблема соотношения

реальной и ожидаемой оценки, самооценки и т. д.). Очевиден, кстати, драматизм возможного несоответствия его «для-себя-бытия» и «бытия-для-другого». Второй случай — прослеживание того, как происходит экстериоризация идеального бытия индивида, «присутствующего» в других индивидах. «Возвращенное» субъекту бытие может быть как адекватно, так и не адекватно его действительным вкладам в окружающих; возможен даже факт возвращения вкладов совсем не тому индивиду (в гротескной форме это описано в новелле Т. Гофмана «Крошка Цахес»). И, наконец, наиболее интересный и сложный вопрос — о самой форме и механизме идеального присутствия индивида в другом индивиде. Мыслить ли его идеальное присутствие как что-то статическое или так же, быть может, как находящееся в динамике (подобно известному в психологии делению на «статическое» и «динамическое» бессознательное)? Статическая идеальная представленность означала бы относительно неизменные, не развивающиеся во времени отпечатки, оставленные субъектом в жизнедеятельности другого. Простая аналогия: мы многократно прибегаем к одному и тому же тексту, который предписывает нам определенную направленность и содержание активности. В таком случае идеально присутствующий в ком-либо индивид выступает, например, в качестве советника, референта и т. п. Динамическое идеальное присутствие — это как бы вторая жизнь субъекта в другом человеке. Инобытие рассматривается как обладающая собственным движением идеальная модель. Иначе говоря, субъект «продолжает жить» в другом индивиде, образуя в нем инстанцию идеально совершаемого движения (изменения), в котором настоящее его инобытие перетекает в будущее.

Итак, понятие отраженной субъектности (В. А. Петровский, 1981; 1985) в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения: «Человек отражен во мне как субъект» — означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования данной ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного человека в другом, мы прежде всего имеем в виду отмеченное обстоятельство: первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла¹. Опишем три основные, **генетически преемственные** формы проявления отраженной субъектности. В первом случае перед нами запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой. В третьем — как претворенный субъект.

¹ Понятно, что возникновение отраженной субъектности возможно только на основе реальной деятельности, при условии осуществления людьми поступков, которые выступают в качестве действительного источника преобразования жизненного мира другого человека, раскрываются в общественной жизни как деяния. В этой связи необходимо подчеркнуть, что индивид в аспекте отраженной субъектности может выступать не только как субъект.

Запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний.

Первый аспект анализа отраженной субъектности — это характеристика его в рамках проблематики межиндивидуального влияния, выступающего как эффект взаимодействия между людьми, непосредственно воспринимающими друг друга. Влияние,

оказываемое одним человеком на другого, может быть направленным и ненаправленным. В первом случае субъект, оказывающий влияние, ставит перед собой определенную задачу: добиться желаемого результата от объекта влияния, например, произвести на него впечатление, принудить сделать что-либо и т. д. Различают две формы подобного рода влияния: прямое — когда субъект влияния открыто представляет те или иные притязания; косвенное, когда он, имея цель модифицировать поведение другого, изменяет среду в расчете на получение требуемых ему откликов (от элементарных двигательных ответов до изменения личностных диспозиций другого лица). В обоих случаях влияние и воздействие относятся друг к другу как цель и средство, что составляет специфическую черту той категории явлений, которые традиционно описываются как феномены социального влияния и власти. Во втором случае влияние субъекта не связано с целью вызвать ту или иную запланированную ответную реакцию объекта влияния (ненаправленное влияние). Тем не менее эффект соответствующего действия может быть весьма ощутим. В значительной мере один из аспектов проблемы ненаправленного влияния разрабатывается в рамках изучения феноменов фасилитации — изменения эффективности деятельности одного субъекта в контакте с другим. При фасилитации направленность воздействий человека не связана с появлением у других людей каких-либо дополнительных моментов активности, например, целей, прямо не относящихся к решению ими исходной задачи. Таким образом, эффект влияния не относится здесь к целям того, кто оказывает влияние, но вполне соотносим с целями объекта влияния. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть особо, в силу того, что в значительной мере «незаполненным» остается тот участок проблемы межличностного влияния, который противостоит как феноменологии социального влияния, так и фасилитации. Это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека, обнаруживающихся в сфере не запланированных проявлений активности последнего. Именно этот аспект проблемы межличностного влияния представляет собой интерес для разработки феноменологии отраженной субъектности.

В частности, в этом пункте мы сталкиваемся с особой группой феноменов межличностного восприятия, прямо не соотносимых ни с объектными, ни с субъектными модусами социальной перцепции¹. Перед нами переживания индивидом того влияния, которое на него оказывает другой индивид и которое в данной ситуации фактического или воображаемого взаимодействия не вытекает из намерений этого последнего. Это переживание субъектом своей собственной динамики, характеризующее, как это ни парадоксально, личность другого человека, однако особую «часть» его личности — фрагмент его отраженной субъектности. Когда мы говорим: «Мне этот человек смешон» — то этим мы не хотим сказать, что этому человеку весело; наоборот, подобное высказывание может свидетельствовать об обратном. То, что происходит со мной (хочется смеяться над ним), выступает как характеристика не столько меня самого в присутствии другого, сколько именно его личности в моих глазах.

Переживание собственной динамики в контакте с другим человеком, по-видимому, выступает генетически начальной формой восприятия человека человеком.

О субъектном и объектном уровнях межличностного восприятия См. : Хараша . У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия. Вопросы психологии, 1980. С. 3.

Над ней далее надстраиваются уровни объектного и субъектного восприятия. Мы называем указанную форму социальной перцепции метасубъектной. Метасубъектный «слой» межличностного восприятия не является какой-либо внешней и необязательной «добавкой» к субъектному и объектному слою. Он составляет специфическое, неотъемлемое условие и продукт межличностного восприятия.

Идеальный значимый другой. Следующей формой проявления отраженной субъектности является феномен действительности идеального образа отражаемого индивида в системе реальных или воображаемых контактов с ним индивида — носителя отражения. В феномене действительности находит свое выражение эффект идеальной продолженности первого индивида во втором. В рефлексивном плане жизненная ситуация индивида, являющегося носителем подобного действительного идеального образа другого индивида, выявляет в себе как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра. Находясь на чужой «территории», другой человек образует «государство в государстве». Жизненный мир человека, заключающего чью-либо отраженную субъектность, может быть представлен в виде эллипса, имеющего два фокуса: Я и Другой во мне. Это психологическое строение жизненного мира может сохраняться даже тогда, когда другого значимого для нас человека фактически, наяву, нет рядом.

Точные слова для обозначения интересующего нас явления мы находим у Л. Н. Толстого в его «Трактате о жизни»: *«Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем. . . . Осталось воспоминание — не воспоминание его рук, лица, а воспоминание его духовного образа. . . . Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, что оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, действует на меня.*

. . . На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такую же, какая она была при плотском существовании моего брата, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни? . . . Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он все-таки держит меня и, следовательно, существует.

Перед нами не обычный способ воспоминания, а «что-то такое, что действует на меня», оно «не есть только представление». Воспоминание это описывается как «невидимая, невещественная атмосфера», которая наделена признаками действительности, динамичности, силы: она «действовала на меня и других» и «требует от меня» чего-то. Брат, запечатленный в переживаниях повествователя, составляет отныне часть его собственной жизни, часть, которая переживается «всем существом», но тем не менее не сливается с авторским Я, остается силой, действующей не только в нем, но и на него. Ни образ брата, ни объединение себя с братом, в котором оба стали бы неразличимы, не составляют, следовательно, сути того образования, которое столь тщательно описывает Л. Н. Толстой. Перед нами особая форма отраженной субъектности, которая должна быть и особым образом названа, психологически осмыслена, чтобы не был упущен главный определяющий ее признак, указанный Л. Н. Толстым: *«его (другого человека) отношение к миру, уясняющее мне мое отношение к миру».*

Для ее обозначения можно было бы прибегнуть к термину «интроект», который кажется значительно более адекватным для описания, чем многие другие.

Но термин «интроект», используемый прежде всего в психоаналитической литературе, интерпретируется уже, чем это нам необходимо, и при всей неодинаковости дефиниций в основном описывается как «производящая основа идентификации». Нас же интересует более широкий круг явлений межиндивидуального отражения, в которых отражаемый субъект выступает для отражающего его субъекта как идеальный значимый другой.

Присутствие идеального значимого другого создает почву для проникновенных феноменологических описаний соответствующего круга явлений. Причина здесь заключается в том, что духовный образ другого человека существует в переживании тех, кто является их носителем, относительно автономно от переживаний собственного Я, и поэтому может быть с той или иной степенью достоверности и дифференцированности рефлексирован как бы со стороны. В художественной литературе, в произведениях классиков содержатся характеристики отраженной субъектности на уровне идеального значимого другого (в русской литературе замечательные описания действенной идеальной представленное™ одного человека в другом встречаем у Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака и др.).

Но идеальный значимый другой характеризует лишь ступень восхождения к той форме отраженной субъектности, которая может быть обозначена как завершающая.

Претворенный субъект. В последнем случае опыт непосредственного самоанализа, опирающегося на актуально присутствующие в сознании субъекта переживания, уже невозможен. Только перед исследователем или перед человеком, фактически анализирующим себя как исследователь, выступает последняя, выделяемая нами форма, которую мы обозначаем как ступень претворенной субъектности. Отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что Я этого последнего оказывается внутренним и радикальным образом опосредствовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. В данном случае, на этапе претворенного Я, фактически теряется взаимоотноительность субъектов, и, следовательно, разрушаются диалогические формы взаимоотношения между ними: ведь Годного здесь уже неотделимо от субъективированного им Я другого. Точнее, диалогическая оппозиция другому в данном случае выступает как самоконфронтация, как проявление борьбы с собой. Теоретически могут быть выделены три разновидности претворенного Я: идентификации, конфронтация (представление о подобной форме претворенного Я иногда может быть осмыслено согласно формуле И. С. Кона: «Негативизм — это конформизм наизнанку»), конвергенция (в частности, становление *Мы*).

Какие же механизмы отражения должны быть приведены в движение, чтобы воспроизвести «чужое» отношение к миру, «уясняющее мне мое отношение к миру» и целостный эффект субъективации чужого Я, который выступает в феноменологии претворенной субъектности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать не с анализа самого акта отражения, а с того, что должно быть отражено в нем, то есть с «субъекта», понятие о котором фактически складывается у нас на протяжении всей этой книги.

Понятие «субъект» многопланово. Не сливаясь с понятием «индивид», оно выступает в психологии под разными именами: «Я», «Деятель», «Личность». За каждым из этих имен в психологии вырисовывается та или иная форма проявления активности человека. Имея в виду собственную «динамику индивида», его самоизменение, индивида как «*causa sui*» («причина себя») и порождаемую ими феноменологию субъективности, мы говорим о субъекте как «Я». Вовлекая в круг рассмотрения процессы опредмечивания, описывая индивида в аспекте предметной деятельности, мы выходим за пределы индивидуального Я, и субъект теперь выступает перед нами под именем «деятель». Но и это определение субъекта не

является завершающим. Следующее — это понимание субъекта как источника деяний: реальных изменений, которые он произвел в жизни окружающих его людей и в самом себе, — изменений, которые значимы не только для него, но и для окружающих его людей, даже если они выходят за пределы собственных его побуждений и намерений. В этом последнем аспекте субъект выступает собственно как «личность». Понятие «личность», как видим, необходимо включает в себе понятие «Я» и «деятель» (мы рассматриваем здесь зрелые формы деятельности, соотносимые с категорией «личность»). Различая имена субъекта, мы как бы объединяем их в единую «семью», выделяя в качестве общего для них — фамильного — признака представление о внутренней динамике как источнике внешней динамики, иначе говоря: признак некоторого перехода от внутреннего к внешнему, причинно-следственное отношение, в котором индивид выступает как инициативное, ведущее звено.

И, следовательно, «отраженная субъектность» должна быть теперь понята таким образом, что один индивид в своих психических состояниях и процессах, в проявлениях собственной субъектности воспроизводит причинно-следственные переходы и превращения, продуцируемые другим индивидом: что теперь эти определяющие субъектность другого человека переходы и превращения перенесены на новую почву — на «территорию Я» первого индивида, в его жизненный мир, и образуют то, что мы уже обозначили как «инобытие» одного индивида в другом.

Сказанное вплотную подводит нас к мысли, что **отраженная субъектность должна быть осмыслена как субъектность самого отражения**, что идеальной представленности одного человека в другом присущ активный, «незеркальный» характер. Да и может ли быть иначе, если термин «отражение» мы берем в его точном значении? Отразить что-либо — это значит воспроизвести **существенные**, определяющие черты отражаемого: в данном случае — признак действительности, активной причинности индивида по отношению к чему-либо, происходящему в нем самом, в других людях, в предметной действительности.

Вот почему «отраженная субъектность», немислимая вне актов и продуктов межличностного восприятия, к ним не сводима и должна быть выделена в особую категорию психических явлений. Тем не менее представляется, что природу интересующего нас образования характеризуют два психологических механизма, сближающих проявления отражающей субъектности и межличностного восприятия. Это, как нам кажется, механизмы каузальной атрибуции (приписывание причинности) и опережающего отражения (предвосхищения необходимого развития событий). Последний может быть назван еще механизмом «выведения следствий». Приписывая другому человеку стремления (каузальная атрибуция), мы отчетливо переживаем необходимость последующих его воздействий на окружающие его предметы (опережающее отражение) и, таким образом, отражаем индивида со стороны активности его Я. Наделая его определенными намерениями (каузальная атрибуция), мы предвосхищаем предметные результаты его деятельности (опережающее отражение) и с этой стороны он открывается нам как деятель. Наконец, приписывая ему функцию контроля над социальными последствиями производимой им предметной деятельности (опять-таки каузальная атрибуция), мы прогнозируем соответствующий социальный эффект (снова опережающее отражение), и в этой связи отражаем субъектность индивида со стороны его деяний, то есть в собственно личностном измерении.

Хотя механизмы каузальной атрибуции и опережающего отражения — каждый в отдельности — относятся к феноменологии социальной перцепции, охарактеризованное здесь их совместное, содружественное действие выходит за пределы перцептивных процессов и образований. Это и понятно: образы восприятия в собственном смысле всегда даны нам как что-то внешнее, внеположенное. Отраженная же субъектность не противостоит человеку, осуществляющему отражение как образ какого-либо предмета, как образ созерцания. (Заметим, что

понятие «познание», которым охватывается понятие «восприятие», уже по своему объему, чем понятие «отражение»). Понятие «познание» соотносимо по своему объему с понятием «субъективное», понятие же «отражение» — с более широкой категорией «идеального» (в значении, придаваемом этому понятию Э. В. Ильенковым). Подобно тому как субъектность индивида не есть сама по себе его интенциональность или осуществленность действия, а представляет собой необходимый переход от внутренней динамики к внешней, от события-причины к событию-следствию, то есть подлинным образом раскрывается как становление причины следствием, так и отраженная субъектность на каждой из своих ступеней и в движении от ступени к ступени представляет собой переход от акта каузальной атрибуции к акту опережающего отражения. Это движение сравнимо с развитием музыкальной темы: каждая новая музыкальная фраза, звучащая как бы самостоятельно и отдельно от воспринимающего, концентрирует в себе неизбежное движение перехода от предшествующей к последующей фразе. И этот переход переживается как осуществляющийся в самом воспринимающем субъекте; движение этого перехода не может быть противопоставлено субъекту как его созерцание.

Понятие отраженной субъектности выражает собой, таким образом, особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение. Это движение может совсем не осознаваться им, а в случае, если задача осознанная и возникает, то далеко не всегда оно обретает опору в образах и заключенных в них значениях. Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего. В этом движении непосредственно выявляется причинность первого по отношению ко второму, его субъектность как «авторствование».

Итак, отраженная субъектность, не являясь только образом, выступает как продолженность одного человека в другом, как смысл первого для второго, в динамике¹ определений бытия последнего. По существу речь идет об инобытии одного человека в другом. Эти соображения лежат в основе построения *экспериментального метода отраженной субъектности*.

Идея предлагаемого метода заключается в следующем. Экспериментатор оценивает или измеряет психологические особенности какого-нибудь индивида, выступающего в роли испытуемого, по тем или иным известным или новым методам (проективным, психосемантическим, «деятельностным» и т. д.) и выявляет устойчивые характеристики этого индивида в соответствующих измерениях. .

¹ Любая изощренная попытка «схватить» движение в созерцании — «бабочка света, красота ускользает. . . , а в руках остается одно очертание бегства» (Хименес) — всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя или лишь иллюзорно преодолевая извечную дистанцию между образом созерцания и неподвластным ему движением. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал «флогистон», то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу именно таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души; «субъектность», которая так напоминает живое пламя, так же, как и огонь, невещественна и неостановима в полете, и в образе воспроизводится приблизительно и условно.

Они принимаются за точку отсчета. Теперь предлагается включить другого индивида (мы его называем «*исследуемым*») во взаимодействие с первым. Сдвиг в проявлении индивидуальности испытуемого выступает в качестве исходной характеристики личности *исследуемого*. Предполагается, что мерой его личностности служит фиксируемая экспериментатором степень изменения

поведения и сознания других людей, которое значимо для этих других, для их собственного самоопределения. Таким образом, мы подступаем к явлениям отраженности, запечатленности *исследуемого* в системе индуцируемых им изменений жизненных проявлений испытуемых, что и обрисовывает личностный модус индивидуальности *исследуемого* как источника нового смысла для испытуемого. Подобный подход к изучению личности может быть, следовательно, обозначен как принцип отраженной субъектности.

Среди форм и способов «предъявления» *исследуемого* испытуемым можно выделить следующее: 1. Реальное взаимодействие *исследуемого* и испытуемого в пределах экспериментальной ситуации; 2. Фактическое присутствие *исследуемого* в ситуации осуществления испытуемыми той или иной деятельности при соблюдении условия невмешательства; 3. «Материализованные репрезентации» *исследуемого* испытуемому: предъявление фотографий, голоса, записанного на магнитофон, предметов, символизирующих присутствие *исследуемого*; 4. Включение *исследуемого* или его символических замещений в структуру экспериментального материала, например, включение их в саму «картинку» проективного теста; 5. Квазиприсуствие—гипнотическая актуализация образа *исследуемого*, «мысленное» присуствие и т. п.; 6. Субсенсорное предъявление стимулов, связанных с *исследуемым* (его имени, фотографий и др.); 7. Воспроизведение ситуаций, в которых имело место взаимодействие испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа последнего; 8. Экспериментальные условия, аналогичные только что описанным, при гипнотическом внушении испытуемому «забывания» *исследуемого*; 9. Включение испытуемых в такие ситуации, которые были бы сходны с предшествующими ситуациями взаимодействия испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа *исследуемого* (условие «нулевой» репрезентации).

Первый из названных способов «предъявлений» позволяет реализовать исследования прямого или косвенного, намеренного или ненамеренного влияния, улавливая соответствующие эффекты запечатленности *исследуемого* в проявлениях активности испытуемых. Формы репрезентации *исследуемого*, начиная со второй по шестую, нацеливают на выявления характеристик его отраженной субъектности, выступающей на уровне идеального значимого другого. Остальные формы репрезентации представляют интерес в плане оценки претворенной субъектности.

Основные методические трудности, обусловленные отсутствием какой-либо традиции соответствующего экспериментального исследования, возникают в основном при изучении отраженной субъектности во втором из выделенных ее вариантов, переходном между первым и третьим. В этом аспекте деятельность испытуемых актуально опосредствуется идеальными репрезентациями *исследуемого*. Поэтому главный акцент при описании того, как практически «работает» метод отраженной субъектности, мы здесь сделаем на основе освещения данных о том, как «вмешивается» идеальный значимый другой (*исследуемый*) в выполнение экспериментальных заданий испытуемыми.

Отметим в порядке иллюстрации несколько исследований, проводимых на основе предложенного автором метода. Так, в работах Ю. В. Янотовской и, независимо от нее, И. Г. Дубова изучалась мера идеальной представленности (персонализации) творческих учителей в учениках: в исследовании ученики включаются в словесный ассоциативный эксперимент, затем по частотному словарю выявляется уровень оригинальности ассоциаций. Показано, что в присутствии учителей, которые по экспертным оценкам описываются как творческие личности, оригинальность ассоциаций учеников возрастает.

В исследовании А. В. Воробьева школьникам предъявлялась игровая задача, которую требовалось решить самостоятельно, не отступая от правил. В одной из экспериментальных серий перед испытуемыми-шестиклассниками находился портрет их учителя. Выяснилось, что предъявление портретов некоторых учителей не вызывало изменений в добросовестности учащих, предъявление портретов других

учителей стимулировало более добросовестную работу. Примечательно, что портреты некоторых учителей оказывали неблагоприятное воздействие, вызывая падение правдивости учащихся, нарушение правил «исподтишка». В работах того же исследователя выяснено, что предъявление одного только голоса учителя (при полной стертости, невнятности содержания речи) вызвало изменение в интерпретации учениками сюжетных ситуаций проблемного типа; одни учителя повышали «доброжелательность» интерпретаций во взаимоотношениях между героями специально отснятого фильма, другие способствовали негативным интерпретациям взаимоотношений между героями. Та же техника репрезентации позволила выявить факты стимуляции познавательной активности учащихся при решении ими интеллектуальных задач учебного типа. (Было бы интересно выявить возможную динамику «зоны ближайшего развития» детей — расширение или сужение ее границ в условиях контакта ребенка с разными взрослыми).

С использованием предложенной А. Л. Крупениным техники «псевдовоздействий» значимых других удастся выявить факт изменения уровня «непрагматического риска» при условии подобного мнимого «воздействия» на субъекта-перцепиента. Участникам эксперимента сообщали, что будет проверяться гипотеза о существовании «биополей». «Субъектом-индуктором» становился *исследуемый*, «субъектом-перцепиентом» — испытуемый. *Исследуемый* должен был «воздействовать» на испытуемого, сидящего за прибором — «рискометром»¹, находясь рядом (за спиной испытуемого) или издалека (из другой комнаты). Обоим было известно, что вследствие «воздействия» должна быть «повышена точность» работы испытуемого, состоящая в экстраполяции движения сигнала-объекта в «тоннеле». Как первый, так и второй участники опыта не знали, что в эксперименте выявляется уровень стремления человека к риску, а также зависимость именно этой тенденции (а не самой по себе точности остановки сигнала-объекта в тоннеле) от факта идеального взаимодействия между испытуемым и «ассистентом» (т. е. в данном случае *исследуемым*).

¹ См. подробнее об экспериментальных условиях, располагающих к риску, на с. 87-88 данной книги.

В специальной экспериментальной серии было показано, что одного только внушающего влияния экспериментатора, повышающего уверенность испытуемого в точности его собственных действий, оказывается недостаточно для стимуляции тенденции к риску. В этой серии испытуемому вручали металлический стержень, соединенный проводом с корпусом прибора, на котором проводилось исследование, и сообщали, что по этому проводу будет «передаваться» определенное воздействие от особого устройства — «суггестометра», якобы повышающего точность выполнения задачи. Большинство испытуемых при этом оценивали свою работу как более точную, чем в предыдущих сериях (без суггестирующего воздействия), однако уровень стремления к риску оставался прежним. Кроме того, на значительной экспериментальной выборке (более 900 испытуемых) А. Л. Крупениным было показано, что колебания уровня стремления к риску у испытуемых необъяснимо естественными флуктуациями проявлений активности в экспериментальной ситуации, располагающей к риску (коэффициент корреляции между повторными сериями с интервалами: 2 недели, 3 месяца, полгода — не менее 0,82). В случаях, если эксперимент проводился с незнакомыми прежде участниками, наблюдалось приблизительно равное отклонение в сторону повышения или понижения уровня стремления к риску. Причем у трети испытуемых риск сохранял свое исходное значение. Однако в тех случаях, когда участники эксперимента были знакомы между собой, в условиях «воздействия» выявлялась значимая тенденция к повышению показателей прагматически немотивированного риска по сравнению с данными индивидуальной серии. Соответствующие сдвиги независимы от социометрического и

референтометрического статуса *исследуемых* и испытуемых в группах, из которых формировались экспериментальные диады. Таким образом, основным фактором сдвига к риску является наличие ранее сложившегося межиндивидуального контакта между испытуемыми и *исследуемыми* который можно интерпретировать как достигнутую опытом общения запечатленность исследуемого в системе «смысловых установок» испытуемого.

Для описания следующей группы фактов, полученных в том же исследовании, не имеющих пока вполне убедительного истолкования, мы используем заимствованный¹ из математической логики термин — «отношение эквивалентности». Последнее, как известно, удовлетворяет трем формальным условиям: «симметричности» ($ARB=BRA$), «транзитивности» ($ARB \& BRC = ARC$) и «рефлексивности» (ARA). В нашем случае это означает, что если индивид А в определенном направлении изменяет стремление к риску у индивида В, то последний (В) вызывает аналогичное изменение у первого (А) (условие «симметричности»); если индивид А индуцирует повышение или снижение уровня стремления к риску у индивида С, а В — соответственно у С, то с высокой вероятностью обнаруживается соответствующее влияние А на С (условие «транзитивности»).

Именно эти факты наблюдались в исследовании. Для проверки условия «рефлексивности» мы провели дополнительную серию, которая, возможно, могла бы вызвать возмущение у рьяных приверженцев представлений о магической силе «био-полей». Экспериментатор делал вид, что он «записывает» собственные «биополя» испытуемого (в действительности, конечно, никакой записи чего-либо и обратного предъявления не было). В результате оказалось, что участники исследования, не вызывающие изменения уровня стремления к риску у других лиц, в серии «самовоздействия» не изменяли собственного уровня риска; вместе с тем участники эксперимента, варьирующие уровень риска у других, вызывали аналогичные изменения у самих себя. Следовательно, подтверждалось и свойство «рефлексивности» производимых влияний, и в целом перед нами открывалось отношение эквивалентности, разбивающее множество испытуемых на два противостоящих друг другу подмножества: подверженных и вместе с тем подвергающих влиянию и — «независимых», находящихся вне отношения влияния. Приведенные данные нуждаются, конечно, в дополнительном исследовании и объяснении.

Трудно интерпретируемые факты получены нами также при исследовании динамики ряда феноменов восприятия, обусловленных идеальным присутствием значимого другого. Б. М. Величковский обратил наше внимание (в личной беседе) на возможную взаимосвязь персонализации и перцепции. Одна из таких иллюзий — вариант фигуры Г. Каниззы с иллюзорным контуром, несколько модифицированной нами, — послужила для нас предметом анализа.

В поле зрения испытуемого — четыре фигуры черного цвета, представляющие собой круги с вырезанными в них секторами. Иллюзия состоит в том, что условный квадрат, «наведенный» этими секторами, в глазах наблюдателя превращается в реальный белый квадрат, т. е. становится «видимым» (см. рис. 1,а).

¹ После окончания эксперимента с испытуемыми проводилась беседа, из которой они узнавали о задачах исследования, и в частности, о том, что гипотеза об экстрасенсорных воздействиях в эксперименте не проверялась и тем более не подтверждалась.

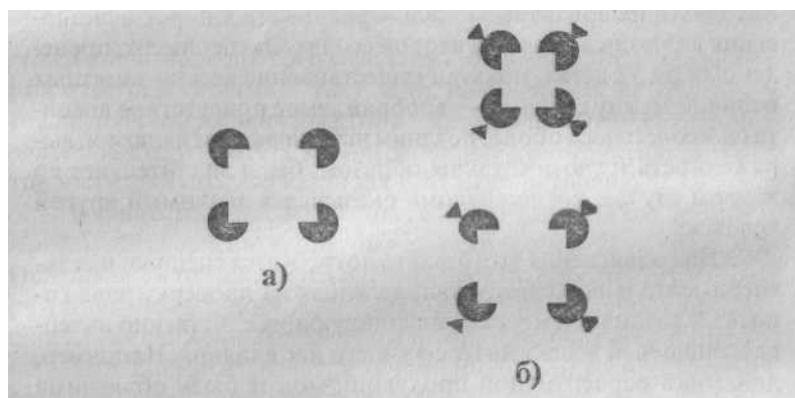

Рис. 1. Фигуры Канизсы: а — исходная фигура; б — модифицированный вариант для детей

Действительно ли «присутствие» значимого другого лица может отразиться на характере переживания этой иллюзии? Приведем некоторые данные, полученные в дипломной работе, выполненной под нашим руководством Е. И. Кузьминой.

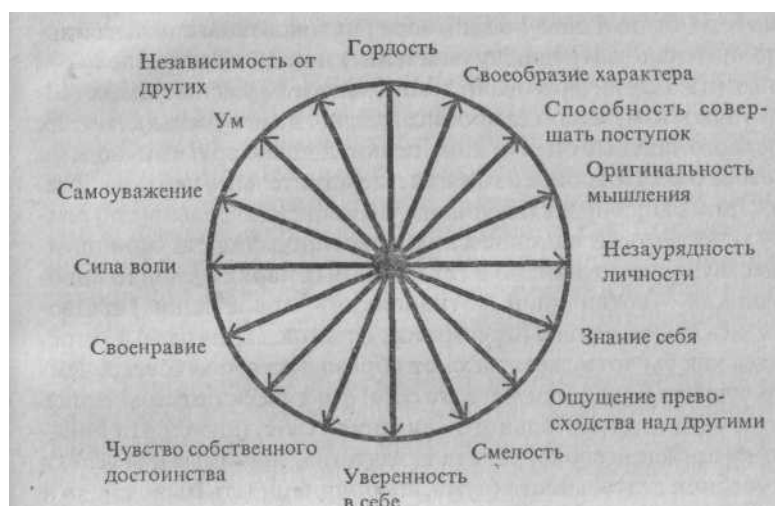

Рис. 2 Образец бланка, заполнявшегося испытуемыми на второй стадии исследования

Прежде всего необходимо было измерить силу иллюзии. Для этой цели мы предъявляли испытуемым слайды, где расстояние между черными кружками менялось от меньшего к большему; в некоторый момент иллюзия белого контура, весьма ощутимая при небольшом расстоянии между кружками, пропадала, тем самым мы устанавливали порог исчезновения иллюзии.

Далее, поскольку эксперимент проводился с детьми дошкольного возраста, необходимо было адаптировать для детей инструкцию и несколько модифицировать предъявляемый тест. Остроумное решение этой задачи предложила Е. И. Кузьмина. Кружки с вырезанными секторами были «превращены» в головы рыб с пририсованными «хвостиками» (см. рис. 1, б).

Четыре рыбки «держат платочек», который в определенный момент они выпускают изо рта. Требуется сказать, когда «платочек» «выскользнет». В первой серии дети многократно решают эту задачу в присутствии только экспериментатора. Во второй серии им предлагают представить, что рядом с ними находится их воспитательница. Сравнивается порог исчезновения иллюзии в первой и второй сериях. Эксперимент, проведенный на 52 детях, показал существование весьма заметных отличий между сериями — воображаемое присутствие воспитателя сочеталось с более поздним

исчезновением иллюзии; выраженность иллюзии, таким образом, была значительно выше во втором случае, когда «рядом» оказывался значимый другой человек.

Для объяснения этого факта потребуется специальная экспериментальная работа, направленная на проверку ряда гипотез, в различной мере специфицирующих собственно интерперсональный аспект интересующего нас влияния. Например, динамика перцептивной продукции может быть объяснима факторами, лежащими в стороне от процессов межличностного общения и не имеющими какого-либо прямого отношения к проблеме персонализации (распределение внимания между внешним стимулирующим материалом и внутренним, представленным в сознании субъекта значимым объектом вообще). Или — в большей мере «субъективно-центрическим» образом: как эффект снижения дифференцированности восприятия, обусловленный снижением критичности испытуемого под влиянием значимого другого (гипотезы «доверия», «распределения ответственности» и т. п.). Или, наконец, как проявление специфической интерсубъектной детерминации перцептивной деятельности (гипотеза «проигрывания» конструктивной активности другого, высказанная Б. М. Величковским).

В совместных исследованиях с Е. Ю. Увариной мы прослеживали обусловленную другим человеком динамику образа Я. Испытуемому предлагается оценить себя по некоторому набору (типа «звездочки» А. Ф. Лазурского) неградуированных шкал, расположенных перед ним и образованных веерообразно расходящимися из центра лучами (подобное расположение оправдано необходимостью проведения последующих серий). Предложенный набор качеств отражает весьма значимые для человека аспекты его бытия: «ум», «сила воли», «знание себя», «оригинальность мышления», «ощущение себя личностью» и т. п. (см. рис. 2).

Далее, во второй серии, испытуемому под видом самооценок другого человека предъявляли их же собственные самооценки (круговое расположение лучей «сбивало» испытуемых, не позволяя идентифицировать предшествующие ответы; кроме того, было изменено взаимное расположение шкал, что дополнительно затрудняло узнавание) и предлагали вновь себя оценить. Нас интересовало, не проявится ли у испытуемых тенденции к изменению самоописания, когда им предъявляют их первоначальные оценки как оценки, данные другими людьми самим себе. Подобное изменение, действительно, наблюдалось. Учащиеся при

предъявлении им «самооценок», равных по рангу успеваемости одноклассников, воспроизвели свои предшествующие оценки; но в гетерогенных парах (условно «двоечники» — «отличники», «отличники» — «двоечники») наблюдалась существенная перестройка ответов. Испытуемые, стремясь как бы «отмежеваться» от образа другого человека, чем-то существенно отличным от себя, фактически отказывались от своего первоначального «видения» себя, причем эта динамика прежде всего затрагивала качества, значимые для успеха в учебной деятельности («ум», «неординарность мышления» и т. д.); в целом сдвиг наблюдался по 10 из 16 параметров самоописания.

Один из путей фиксации влияний, оказываемых исследуемым на испытуемых, — использование модифицированных проективных тестов. Единицей анализа личности исследуемого здесь выступают изменения проективной продукции испытуемого, производимые исследуемым. Изменения, о которых идет речь, показательны для оценки личности исследуемого в случае выхода за рамки ситуативных индивидуальных вариаций проективной продукции испытуемого. Так, в совместном исследовании с И. П. Гуренковой динамика проективной продукции под влиянием другого лица нами прослеживалась на материале модификации фрустрационного теста Розенцвейга (см. рис. 3).

В частности, удалось выявить изменение направленности агрессии в ситуации фрустрации по характеру доминирования вплоть до смены на противоположный тип доминирования (экстрапунитивное доминирование замещается интрапунитивным и т. п.).

Характеризуя область явлений отраженной субъектности, мы отмечаем два момента, которые выделяют ее из более широкой категории эффектов межличностных взаимодействий.

Первый момент заключается в том, что отражаемый индивид запечатлевается в других людях именно своими *субъектными* чертами; иначе говоря, что его воздействие на других несет на себе печать индивидуального своеобразия, авторствования, свободно от каких-либо форм внеиндивидуального безличного влияния. Мы выделяем две основные формы: влияние человека вообще (эффект свидетеля) и — *статусно-ролевой эффект*.

Эффект свидетеля можно уловить, если, подобно тому, как это делалось нами с И. П. Гуренковой (1985), вводить в материалы теста символическое присутствие человека вообще (не разъясняя, кто он); в результате выявилась необходимость перенормировки «сырых» тестовых данных, получаемых без свидетеля; принимая за точку отсчета реакцию на человека вообще, можно оценить характер индивидуально-специфического влияния, конкретизируя для испытуемого, кто именно — этот другой. (При исследовании фрустрационного поведения были найдены различия в направленности и типе протекания фрустрационных реакций в трех указанных случаях. Говоря о *статусно-ролевом эффекте*, мы имеем в виду такой тип межличностного влияния, когда оно детерминировано, например, профессиональной принадлежностью исследуемого, его положением в социальной организации (авторитет власти), мнением, которое сложилось о нем (феномен Хлестакова), социальными стереотипами реагирования, связанными с его половой или возрастной ролью, национальностью и т. д.

В дипломном исследовании А. Н. Смирновой (1986) была предпринята попытка специально проследить роль индивидуальной и статусно-ролевой обусловленности проявлений самовосприятия студентов в присутствии преподавателей, ведущих один и тот же курс. В эксперименте выявились существенные отличия в самовосприятии студентов в тех случаях, когда они мысленно «проигрывали» ситуацию подготовки к экзамену вообще (перед абстрактным экзаменатором) и к сдаче экзамена конкретному лицу. Этот результат можно было бы объяснить актуализацией представлений, связанных со спецификой учебного материала (который может предъявлять различные требования к способностям учащихся, быть по-разному

интересным и т. д.), и подобное влияние, безусловно, имело место. Однако нас здесь интересовал не эффект абсолютного влияния конкретного лица в той или иной роли в отличие от эффекта влияния роли самой по себе, а сравнительный вклад разных людей, реализующих одну и ту же роль, в самовосприятие других. И действительно, наблюдались обусловленные каждым из двух преподавателей достоверные различия в са-моописании студентов как по отдельным шкалам, так и по категориям шкал «Личностного дифференциала» (разработке А. Эткинда). Картина индивидуально-специфического влияния открывается и в сериях воображаемого общения студентов с преподавателями во внеучебной ситуации. Однако направленность сдвигов в проявлениях самовосприятия у студентов в ряде случаев здесь иная, чем в ситуации представляемого учебного взаимодействия. Поэтому можно утверждать, что в эксперименте мы фиксируем эффект взаимодействия индивидуально-специфического влияния и влияния со стороны содержательной специфичности ситуации (ситуативный фактор). В исследованиях, проведенных под нашим руководством Л. В. Полежаевой (1988), нам удалось выявить такой тип межличностного взаимодействия, который всецело сводится к влиянию роли, то есть — вполне безличен {*эффект нейтрино*}.

Рельефную картину отличий индивидуально специфического влияния людей и эффектов фасилитации, обусловленных присутствием другого «вообще», открывают исследования И. Г. Дубова. Им был избран классический вопрос, разрабатывавшийся еще в ранних работах Г. Оллпорта, — о возможной динамике ригидности человека в присутствии другого лица. Однако в данном случае в цели исследователя входила оценка прежде всего характера отраженности одного человека в другом, где мог бы выступить не абстрактно-социальный момент влияния, а влияние индивидуальности первого на проявление ригидности (флексibility) второго. В качестве исследуемых были отобраны выпускники педагогических институтов, которые по совокупности известных и дополнительно разработанных автором исследования тестов оценивались как *гибкие (флексибельные)*. Далее по группе исследовательских методик и тестов оценивалась гибкость — ригидность учеников тех классов, в которые были распределены отобранные для исследования учителя (замеры со школьниками VIII и IX классов проводились в первых числах сентября). В конце учебного года в условиях непосредственного и воображаемого присутствия учителей и в независимой серии ученики вновь подвергались исследованию.

В итоге была подтверждена гипотеза, согласно которой «гибкие» учителя продуцируют сдвиг в сторону большей гибкости у учеников по сравнению с учителями, не акцентированными по этому качеству. Этот результат опровергает уже начинающую становиться традиционной (в результате исследования фасилитации) точку зрения, согласно которой присутствие другого лица повышает ригидность того, кто непосредственно действует. Эта точка зрения, вполне оправданная в рамках изучения фасилитации как влияния человека вообще, оказывается ограниченной при интерпретации индивидуально-специфического влияния, реализующего процессы межсубъектного отражения.

Второй момент, специфицирующий феноменологию отраженной субъектности, заключается в том, что воздействие одного человека на другого (отражаемого на отражающего) выступает в форме активности самого отражения — идеальной представленности первого о втором. То, что приоткрывается нам при этом, есть идеальное взаимодействие; так, в экспериментальных условиях «работает» не сам по себе исследуемый, — «работает» его образ в голове испытуемого. Это влияние не является ситуативно необходимым, превышает порог требуемого. Так, в одном из наших экспериментов успешные учащиеся («отличники») своими ошибочными действиями (при решении задач «четыре точки»), отнюдь не стремясь оказать помощь слабоуспевающим, тем не менее повышали уровень креативности последних (В. А. Петровский, Е. Ю. Уварина, 1982). В большинстве других

экспериментов исследуемый физически отсутствует в экспериментальной ситуации, однако как бы вводится в круг переживаний испытуемого (предъявляются, как уже было отмечено, его фотография, голос; символические замещения его вводятся в материалы проективного теста и т. п.).

В сочетании двух указанных моментов — запечатленности человека в другом своими «субъектными» чертами и действенности этого запечатления — выступает специфика отраженной субъектности как формы идеального взаимодействия субъектов: отражаемого и отражающего. Это взаимодействие «надситуативно», — не вытекает из требований ситуации, в которой находятся оба. «Надситуативно» здесь не только идеальное движение испытуемого к исследуемому, но и «исходящее» от исследуемого воздействие на испытуемого, так как оно (что уже отмечено нами) выходит за пределы социально предписанных или стереотипных форм взаимодействия между ними.

Надситуативный характер идеального взаимодействия между исследуемым и испытуемым открывает нам особую феноменологию активности личности, характеризующую уровень его отраженной субъектности в жизни других людей.

При построении конкретных экспериментальных методов, реализующих принцип отраженной субъектности, необходимо было учитывать два обстоятельства, которые мы проанализируем особо.

Первое из них состоит в том, что исследуемый должен выступить в проявлениях активности испытуемого именно своими субъектными чертами. Иначе говоря, его действие на испытуемого должно нести на себе печать индивидуального своеобразия, «авторствования», должно быть максимально свободно от проявления внеиндивидуального безличного влияния, которое один человек в ситуации социального взаимодействия мог бы оказать на другого.

Один из случаев подобного безличного влияния может быть обозначен как эффект присутствия «человека вообще», или, как еще можно о нем сказать, «эффект свидетеля». Примером экспериментального разведения «эффекта свидетеля» и эффектов собственно отраженной субъектности может послужить исследование динамики фрустрационных реакций в присутствии другого. В работе И. П. Гуренковой была предпринята попытка «перенормировки» сырых тестовых данных, характеризующих тип и направленность протекания фрустрационных реакций в связи с введением в материалы теста третьего лица как наблюдателя «вообще» (изображенного на каждой из 24 картинок теста Розенцвейга пунктиром). Первоначально испытуемым сообщалось, что это просто человек, находящийся в данной ситуации, который видит все происходящее, но сам в разговор между действующими лицами не вступает. Далее безличная фигура «третьего» индивидуализировалась: испытуемым сообщалось, «кто» этот третий. Оценка изменений проективной продукции строилась на основе сравнения серии с персонифицированным другим и серии с «другим вообще» (групповые нормы реагирования в которой оказываются иными, чем в ситуациях без свидетеля — «эффект свидетеля»).

Другой случай индивидуального влияния, который также должен быть по возможности учтен и изолирован в исследовании, мы обозначим как «статусно-ролевой эффект». Здесь перед нами такой тип межиндивидуального влияния, когда оно, например, детерминировано профессиональной принадлежностью исследуемого, его положением в социальной организации («авторитет власти») или мнением, которое сложилось о нем (феномен Хлестакова), социальными стереотипами реагирования, связанными с его половой или возрастной ролью, национальностью и т. д. Речь идет именно о тех факторах влияния, в которых объединены и тесно переплетены между собой статусные и ролевые характеристики, толкуемые в самом широком смысле, а точнее о действенности тех статусных характеристик индивида, которые обусловлены отведенной ему ролью, и тех ролевых компонентов влияния, которые обусловлены социальным статусом. В исследовании

А. Н. Смирновой была предпринята попытка специально проследить роль индивидуальной и статусно-ролевой обусловленности проявлений самовосприятия студентов в присутствии преподавателя. Метод отраженной субъектности был реализован здесь с применением методики «Личностный дифференциал» (в разработке А. Эткинда). Испытуемые несколько раз подряд оценивали себя по шкалам соответствующего опросника (включавшего названия 21 личностного качества, которые объединены в три категории — «Сила», «Активность» и «Оценка»). В первом случае они должны были ответить, каковы они в своем представлении («Я в своем представлении»); во-втором — каковы они в момент подготовки к экзамену; в третьем — описать себя на вечеринке при встрече с приятелем. Кроме того, по тем же шкалам испытуемые должны были оценить двух преподавателей, указанных экспериментатором. Эти преподаватели поочередно вели семинарские занятия с обследуемыми студентами по одному и тому же учебному курсу. Наконец, испытуемые должны были вновь себя оценить, представив, что они готовятся к сдаче экзамена каждому из двух преподавателей, а также еще раз оценить себя в маловероятной, но все же возможной ситуации: преподаватель — в их приятельском кругу. В эксперименте выявились существенные отличия в самовосприятии студентов в тех случаях, когда они мысленно «проигрывали» ситуацию подготовки к экзамену вообще (перед абстрактным экзаменатором) и к сдаче экзамена конкретному лицу. Этот результат можно было бы объяснить актуализацией представлений, связанных со спецификой учебного материала (который может предъявлять различные требования к способностям учащихся, быть по-разному интересным и т. д.), и подобное влияние, безусловно, имело место. Однако нас здесь интересовал не эффект «абсолютного» влияния конкретного лица в той или иной роли в отличие от эффекта влияния роли самой по себе, а сравнительный «вклад» разных людей, реализующих одну и ту же роль, в самовосприятие других. И действительно, наблюдались обусловленные каждым из двух преподавателей достоверные различия в самоописании студентов как по отдельным шкалам, так и по категориям шкал.

Картина индивидуально-специфического влияния открывается и в сериях воображаемого общения студентов с преподавателями во внеучебной ситуации. Однако направленность сдвигов в проявлениях самовосприятия у студентов в ряде случаев здесь иная, чем в ситуации представляемого учебного взаимодействия. Поэтому можно утверждать, что в эксперименте мы фиксируем эффект взаимодействия индивидуально-специфического влияния и влияния со стороны содержательной специфичности ситуации (ситуативный фактор). Проведенные и планируемые исследования должны раскрыть достаточно полную картину детерминации наблюдаемых сдвигов, в рамках которой только и может быть «локализован» собственно индивидуальный аспект влияния исследуемого на испытуемых¹.

Рельефную картину отличий индивидуально специфического влияния людей и эффектов фасилитации, обусловленных присутствием другого «вообще», открывают исследования И. Г. Дубова. Им был избран классический вопрос, разработанный еще в ранних работах Г. Оллпорта, — о возможной динамике ригидности человека в присутствии другого лица. Однако в данном случае в цели исследователя входила оценка прежде всего характера персонализации одного человека в другом, где мог бы выступить не абстрактно-социальный момент влияния, а влияние индивидуальности первого на проявление ригидности (флексibility) второго. В качестве исследуемых были отобраны выпускники педагогических институтов, которые по совокупности известных и дополнительно разработанных автором исследования тестов оценивались как «гибкие» («флексibility»). Далее по группе исследователь.

¹ В этом же исследовании и в ряде других мы изучаем также и роль индивидуальных особенностей испытуемых в детерминации соответствующих сдвигов

(полезависимость, характер «локуса контроля» и др.), на анализе которых в пределах данной книги мы не имеем возможности специально остановиться.

В итоге была подтверждена гипотеза, согласно которой «гибкие» учителя продуцируют сдвиг в сторону большей гибкости у учеников по сравнению с учителями, не акцентированными по этому качеству. Этот результат опровергает уже начинающую становиться традиционной (в результате исследования фасилитации) точку зрения, согласно которой присутствие другого лица повышает ригидность того, кто непосредственно действует. Эта точка зрения, вполне оправданная в рамках изучения фасилитации как влияния «человека вообще», оказывается ограниченной при интерпретации индивидуально-специфического влияния, реализующего процессы межсубъектного отражения.

Второе обстоятельство, учет которого обязателен при построении интересующего нас класса методик, назовем правилом «идеальной представленности». Суть этого условия состоит в том, что *исследуемый* внутренним образом включен в ситуацию деятельности испытуемого, вступает с ним в идеальное взаимодействие; источником интересующих экспериментатора влияний его на испытуемого является именно интрапсихическая запечатленность и действенность его в испытуемом. В экспериментальной ситуации «работает» не сам по себе *исследуемый* — «работает» его образ в голове испытуемого, интроецированные содержания, субъективации, актуализированные его реальным или воображаемым участием в экспериментальной ситуации.

Реализация указанного методологического условия может быть осуществлена двояким образом. В первом случае *исследуемый* реально присутствует в ситуации выполнения экспериментального задания испытуемым, однако лишен возможности прямо оказать какое-либо содействие испытуемому. Влияние *исследуемого* идет как бы в обход ситуативно необходимому характеру его активности. Так, в одном из экспериментов испытуемые «отличники» своими ошибочными действиями (при решении задач «четыре точки»), отнюдь не стремясь оказать помощь слабоуспевающим, тем не менее повышали уровень креативности последних. Отмеченное методологическое требование, таким образом, реализовывало технику «иррелевантных» воздействий. Во втором случае *исследуемый* физически отсутствует в экспериментальной ситуации, однако как бы вводится в круг переживаний испытуемого (предъявляются его фотография, голос, его символические замещения вводятся в материалы проективного теста и т. п.). Этот вариант (например, исследование А. В. Воробьева) создания эффекта присутствия может быть назван техникой символической репрезентации *исследуемого* испытуемым.

Только что сформулированные правила построения экспериментальной ситуации, воплощающей принцип отраженной субъектности, а именно правила «индивидуальной специфичности» и «идеальной включенности», совместно расслаивают ситуацию исследования на два «яруса». Первый из них — это «ярус» заданной испытуемому деятельности. Испытуемый выполняет деятельность, степень осуществимости которой объективно не зависит от индивидуального своеобразия *исследуемого*; это задачи, которые могут быть выполнены самим испытуемым либо совершенно самостоятельно, без какой-либо ориентировки («оглядки») на *исследуемого*, либо — на основе сотрудничества с последним, однако в тех пределах, в которых необязательны какие-либо проявления индивидуального своеобразия *исследуемого*, а достаточно лишь его способности справиться с требованиями чисто делового общения в пределах, отведенных ему ролью. Второй «ярус» активности — это собственно «личностное» идеальное взаимодействие испытуемого с *исследуемым*. Переход испытуемого на этот второй «ярус», выход его в слой идеального взаимодействия с другим объектом как носителем индивидуально своеобразных черт, является в определенном смысле «надситуативным», т. е. осу-

ществляется над порогом требований ситуации, предъявляемой испытуемому непосредственно. Существенно важной чертой экспериментальной ситуации является также и тот факт, что «надситуативно» здесь не только идеальное движение испытуемого к *исследуемому*, но и «исходящее» от *исследуемого* воздействие на испытуемого, так как оно (что уже отмечено нами) выходит за пределы социально предписанных или стереотипных форм взаимодействия между ними.

Надситуативный характер идеального взаимодействия между исследуемым и испытуемым открывает нам, таким образом, особую феноменологию активности личности, характеризующую уровень его отраженной субъектности в жизни других людей.

Отраженность субъекта в пространстве. «Я сам». Начнем с вопроса, который, согласимся, напрашивается: «А разве отраженность как момент существования субъекта в самосознании не есть то же самое, что *Я сам!*» Или — тот же вопрос, но сформулированный иначе: Поскольку отраженность есть *инобытие* чего-либо в чем-либо, то что прибавляет частичка «*ино-*», когда мы говорим об *инобытии* субъекта в сфере/?сал? Разве, например, «я» как субъект самосознания (а мы сейчас рассматриваем этот сложный случай, абстрагируясь от других форм субъектности) не является в то же время и своим объектом, который, таким образом, именно бытийствует, а не «*инобытийствует* во мне?»

Написав это, я вдруг живо представил себе возможную реакцию Иоганна Готлиба Фихте, если бы он был рядом и услышал сей зловерный вопрос. Представил, и — вздрогнул. (Только, пожалуйста, не иронизируйте! Дело, надеюсь, не в мании величия автора, а в подлинном и несомненном величии Фихте, который, в своем стремлении быть понятым современниками, обеспечил себе эффект чуть ли не осязаемого присутствия у читателей, обращающихся к его трудам 200 лет спустя после их написания). Так вот, я действительно вздрогнул, — и было от чего! В «Ясном, как солнце, сообщении, широкой публике о сущности новейшей философии» Фихте, в воображаемом диалоге с упорствующим в своих сомнениях Читателем, которого философ пытается «принудить к пониманию», со всей определенностью высказывает следующее:

«Автор. А теперь мысли, «я». Ты можешь, без сомнения, и здесь осознать в себе мыслящего и мыслимое. Распадается ли и здесь для тебя (как в случае с восприятием внешнего предмета — В. П.) мыслящее и мыслимое, должны ли оба также и здесь быть чем-то не тождественным

Читатель. Нет; именно, поскольку я мыслю себя самого, я есь мыслящий, ибо в противном случае я бы не мыслил, и в то же время и мыслимое, ибо в противном случае я бы не мыслил себя, а какой-нибудь предмет вроде книги».

В этом диалоге с обещанной ясностью выступает центральный тезис философии Фихте: тождество сознающего и сознаваемого *Я*. И в этой связи, не абсурден ли — в свете учения Фихте — вопрос об инобытии субъекта самосознания в сфере самосознания (в сфере *Я сам*)? — Нет, опасения по этому поводу напрасны. Нет, если учесть, что сам Фихте различает всеобщее *Я* наукоучения, о котором шла речь в приведенном фрагменте, и особенное *Я* индивидуума, подчиненное психологическим закономерностям.

Наш тезис состоит в том, что субъект самосознания может выступить в своей отраженности, — обретая свое инобытие в сфере *Я сам* (сюда входит все то, что рефлексивно я могу отнести к самому себе, пережить как «я», то есть содержание моего самосознания). Иначе говоря, предполагается, что субъект самосознания может вести как бы двойную жизнь: открытую для себя самого и, до поры до времени, — скрытую; последний произволен от первого и действует как бы исподволь.

При исследовании этого явления был использован метод, разработанный мною и названный «методом негативации». Суть его в том, что субъект выполняет парадоксальную инструкцию: ему «просто» предлагают «не думать» (по аналогии с

тем, как знаменитый Хаджа Насреддин предлагал своим недругам «не думать о желтой обезьяне»). Не разрешено думать о каких-то конкретных событиях или запрещено думать «вообще», регламентируются воспоминания пережитого или образы будущего, ощущения, возникающие «здесь и теперь», и желания человека, то, что находится «вне» субъекта или «в нем самом».

Если правомерно говорить о «юношеских мечтаниях» в науке, создание такого метода и его испытание относилось к числу моих наиболее ранних мечтаний. Мне повезло: я обсуждал перспективу создания и использования этого метода с П. Я. Гальпериным, Н. Н. Непомнящей, Ф. Д. Горбовым. . . К этому времени у меня имелись уже определенные результаты. Мне казалось, что метод негативации может быть использован как техника диагностики и коррекции. Многократное повторение процедуры позволяет выявить невротические фиксации личности — «о чем мы думаем, когда не думаем ни о чем»; исследуя время, необходимое испытуемому для того, чтобы осознать свою мысль, можно заключить, казалось мне, о глубинных индивидуальных особенностях человека (например, о его тревожности или гипнабельности), а исследуя откликаемость на искусственно вводимые помехи — об избирательности произвольного внимания. С другой стороны, на основе исследования негативации, могли быть предприняты формирующие эксперименты по преодолению невроза навязчивых состояний, развитию креативности (преодоление стереотипов), овладению вниманием (произвольная отстройка). Наконец, мне казалось, **что** метод негативации — один из ключей к изучению **cogito**. Увы, эксперименты, заключающие в себе звено «интроспекции» (здесь она была налицо), по тому времени «лицензированию» не подлежали (если обратиться здесь к фразеологии нашего времени). Прошло 17 лет, и этой темой заинтересовалась моя будущая аспирантка Е. М. Черепанова. Мы продолжили эксперименты и получили факты, освещенные в совместных публикациях, и в частности, в статье «Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания» («Вопросы психологии», 1987, № 5). Диссертация Е. М. Черепановой, однако, не была принята ни одним из ученых советов психологических учреждений Москвы; — позже защита состоялась, но защищалась уже совсем другая работа. (Аналогичные трудности, насколько мне известно, были и с диссертационной работой одной из моих первых испытуемых в экспериментах «негативация», психолога А. Ч. , которая через несколько лет после наших экспериментов с нею предприняла глубокое исследование, решавшее, как нам кажется, противоположную задачу: произвольного представления значимых и незначимых людей, образ которых должен был быть актуализирован в памяти испытуемого. «. . . По-моему, это интроспекция, а ведь мы с тобой боролись с нею всегда», — сказал, в ходе обсуждения, один авторитетный ученый. «Боролись — и напоролась», — отвечивал другой. Тему чуть не закрыли, однако усилиями третьего ныне весьма известного автора, ее все-таки удалось отстоять. . .). Приведем некоторые данные, полученные при использовании метода «негативации»:

1) Каждый испытуемый характеризуется индивидуально-своеобразным интервалом времени, в течение которого, как ему представляется, он «не думает» (интервал субъективного отсутствия мысли);

2) Экстравертированные испытуемые значительно дольше переживают «отсутствие» мысли, чем интравертированные; содержания их сознания в интервале субъективного отсутствия мысли также оказываются различными.

3) Между возникновением мысли и ее осознанием существует отчетливый интервал времени, в течение которого испытуемые не осознают присутствие мысли в своем сознании

(«я думал об этом, но заметил, что думаю, только потом» и т. п.). Существует индивидуальное своеобразие в том, как долго испытуемые не фиксируют возникновения собственных мыслей;

4) Многие испытуемые не замечают парадоксальности ситуации, в которых они

средствами мысли пытаются отвлечься от мысли (человек, например, говорит себе: «Я ни о чем не думаю, я ни о чем не думаю и т. п.» — ему не приходит в голову, что он думает, что ни о чем не думает; или например: «. . . Пел песенку, песенка закончилась, и тут появилась мысль об этом» и т. п.);

5) Удалось выявить индивидуально-своеобразные средства саморегуляции, посредством которых люди достигают состояния субъективного отсутствия мысли (релаксация или, наоборот, напряжение, ритмические действия, проговаривание детских считалок, концентрация внимания на чем-то ином, осуществление ритуализированных действий);

6) Осознание собственных мыслей (*cogito*) как неустранимый спутник мышления появляется лишь в подростковом возрасте.

Итак, мысль о собственной мысли, и в частности, мысль о себе как мыслящем не совпадает во времени с появлением самой этой первоначальной мысли. Перед нами, таким образом, три феномена:

1) появление мысли, несмотря на инструкцию «не думать»;

2) отсутствия мысли о появившейся мысли;

3) появление (отсроченное осознание) мысли о первоначально появившейся мысли, вопреки все тому же запрету. Почему же мысль — появляется, появившись, не осознается, а потом все-таки становится фактом сознания?

Желание испытуемых выполнить инструкцию точно (то есть «ни о чем не думать») не может служить объяснением ни появления мысли: запрет есть запрет, — ни игнорирования мысли: ведь потом эта мысль будет осознана, — ни последующего осознания этой мысли: ведь в точности та же инструкция неукоснительно выполнялась, в то время как испытуемые все-таки думали, сами не замечая того (у некоторых испытуемых интервал субъективного отсутствия мысли занимает минуты (!)).

Объяснение первого феномена мы усматриваем в том, что картезианская формула «*cogito ergo sum*» («мыслю, следовательно, существую») поддается инверсии и не может не быть инвертирована, а именно так: «существую, следовательно, мыслю» (заметим, что у самого Декарта «мысль» объединяет в себе также и чувства, и желания, и волевые импульсы. . .). Существование человека неотделимо от его мышления. Человек может ставить перед собой и решать вопрос: «быть или не быть», но он не может не думать, — не волен решать, «мыслить ему или нет». Не случайно поэтому М. К. Мамардашвили подчеркивал праздность попыток усматривать в знаменитом картезианском изречении формулу «если. . . , то. . . ». Второй феномен — еще одно свидетельство присутствия в сознании области «актуально сознаваемого» и «предсознательного». Присутствие неосознаваемой мысли при этом можно сравнить с замаскированными объектами в рисунках для детей, скрытой стороной объемного предмета, который мы видим всегда лишь частично (кто сказал, что наше сознание подобно плоскости и что в нем одни объекты не могут заслонять собой другие?) или, наконец, с голографическими объектами, каждая часть которых в свернутой форме содержит в себе все целое. Поэтому нет необходимости «локализовать» неосознанные мысли в «подвалы» сознания (или, как прежде говорили, мыслить их как «неосознаваемые функции ВНД» — будто бы все другие психические содержания имеют иное местожительство). Третий феномен представляет для нас наибольший интерес, так как именно здесь становится *видимым* субъект самосознания, который до сих пор не обнаруживал себя явным образом. Но прежде, чем он с очевидностью выступил в сознании, он успел заявить о себе объективно: сделав *необходимым* акт сознания субъектом первоначальной мысли. Что же, как не отраженность субъекта, имевшего опыт самосознания, вырисовывается за этим фактом? Мы представляем ситуацию таким образом: до определенного возраста жизни личности (эмпирически мы фиксируем степень подросткового возраста) индивид многократно осуществлял акты саморефлексии (акты *cogito*),

действуя вполне сознательно. Схема «Я мыслю, что мыслю» закрепились и превратилась в установку сознания, имеющую неосознанный характер. Однако, в отличие от других установок, имеющих принципиально бессознательный характер, эта присутствует в предсознании. Специфика ее также в том, что, будучи рефлексирована, она **сливается в переживании** с самоощущением человека как субъекта актуального самосознания, — субъект *признает* себя в своем отражении. Восстанавливается единство самосознания.

Необходимо отметить, что до сих пор мы говорили о самом **феномене** отраженности, рассматривая его в экспериментальном плане, а также гипотетически. Мы обсудили реальные и предположительно имеющиеся формы отраженности личности как единомножия субъектов в таких сферах, как пространство витальности, социокультурное пространство, пространство сознания других людей и сфера «Я сам». И только теперь можно поставить вопрос о самом стремлении человека «быть отраженным», — иначе говоря о мотивации воспроизводства своей субъектности в мире.

Принцип осмысления происходящего, который я предлагаю испытать при интерпретации стремления субъекта быть отраженным в таких сферах бытия человека, как его Жизнь (Витальность), Культура, Значимые другие, Я сам, — состоит в том, что его «отраженность» в этих мирах подкрепляется возможностью достичь объединения между собой — как становящимся субъектом и собой — в своих отражениях.

Шаг за шагом рассмотрим сказанное. Стремление к тотальной отраженности субъекта есть то же самое, что и его потребность «существовать во всем» («существование» — включает в себе, как мы помним, единство представленности в себе и представленности в другом). Но откуда, спрашивается, у субъекта эта страсть к своей тотальной продолженности и представленности? Я могу дать только один ответ: всепроникновение, существование во всем как цель его устремлений есть свойство самой его мысли, — переплавляющей в себе все и становящейся всем. Возьмем, в качестве, своего рода, «тест-объекта» (или, скажем так, «формулы для медитации») фразу: «то, о чем я мыслю сейчас». Вдумаемся, вчувствуемся в эти слова. И тогда мы заметим: что-то движется в поле нашего зрения, в нашем внутреннем созерцании. Что же там движется? А это — мысль о предмете. А это — сам предмет моей мысли. Они чередуются, забегают вперед друг другу, заслоняют собой друг друга. Убедитесь еще раз! Мысль о предмете — она только что была перед нами! Но вот — ее уже замещает предмет! И он, — вы заметили? — вновь обращается в мысль. Нескончаемые, пульсирующие взаимообращения мысли и мыслимого!

Итак, если человек мыслит что-либо в мире, то мысленно он погружает этот предмет в мир; если при этом он мыслит *себя*, то в мысли он *проникает* собой мир, обретает в нем свою отраженность. Поставим, однако, более сложный вопрос, касающийся именно *субъектной* отраженности человека в мире. Отражаться в мире в качестве субъекта означает для мысли об этом акте нечто большее, чем вторжение в мир только в мысли. Ибо отражаться вообще — это воспроизводиться в своих существенных определениях. А существенное определение *субъекта* есть его трансценденция, выход за границы предустановленного, — в частности, выход за границы мысли как таковой. Поэтому субъект здесь выходит в мир буквально: то есть — воплощаясь.

Существовать, однако, не есть лишь «отражаться». Существовать для субъекта — это единство: Субъект, каков он сам по себе, в своем становлении, и — Отраженный Субъект; существовать, следовательно, значит также и *возвращаться к себе*, объединяться с собою.

Рассмотрим эти взаимопереходы: «виртуальный субъект» (субъект в его становлении) — «отраженный субъект» — «возвращенный субъект» на материале анализа системы «индивид» — «другой индивид».

Порождая себя как субъект, индивид вместе с тем производит себя как личность.

Поэтому первым определением личности и является самополагание как преодоление индивидом внутренних ограничений движения его деятельности. И, следовательно, на ставший уже традиционным вопрос «с чего начинается личность?» — можно ответить: с преодоления, с выхода за пределы приспособления, с надситуативной активности. Но таково лишь начальное, «стартовое» определение личности. Оно характеризует акт движения индивидуальной деятельности как бы изнутри: через соотнесение исходных и последующих определений данной деятельности. Пока здесь еще не выявлено, что могло бы означать это движение при взгляде на акт самополагания извне — с позиций других людей, «ближних» и «дальних». Между тем, понятие «самополагание» имплицитно содержит в себе также и этот момент: полагание того, что находится вне субъекта, принадлежит к категории «Не-Я». Так, самоопределяясь, устанавливая границы своего Я, своей индивидуальности, своего места в жизни, человек неотвратимым образом обуславливает изменение жизненных миров других людей. «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», — этот принцип человеческого существования в мире может быть осмыслен и так: «Обществу не дано освободить себя оттого или иного индивида, живущего в обществе»; самоопределение одного человека прямо или косвенно порождает возможности самоопределения других людей. Но это значит, что индивид объективно производит и свое особое системное качество — «быть значимым другим для других людей», — производит свое «бытие-для-другого». Потребность и способность самополагания как производства себя для другого образует специфически личностный уровень проявления надситуативной активности индивида. Чем же объясняется его устремленность к этому?

Человек, если иметь в виду даже самые ранние ступени его исторического развития, есть, как известно, существо социальное. Социальность, будучи родовым признаком человека, трактуется обычно как зависимость человека от общества, как производность индивидуального бытия человека от бытия других людей. Но это, конечно, составляет лишь одну из характеристик человека как существа общественного. Действительной конституирующей чертой человеческого сообщества является полная и всесторонняя взаимозависимость между образующими ее индивидами, такого рода связь между ними, когда каждый одновременно и обусловлен в своем существовании и развитии сообществом окружающих его индивидов и вместе с тем сам обуславливает своими действиями существование и развитие других людей. Таким образом, общество в новом своем определении может и должно быть понято только как совокупность таких индивидов, существование которых неотделимо от их взаимного «для-других-бытия», от актов «производства человека человеком». И тогда наряду с образом человека как субъекта присвоения опыта других людей вырисовывается и другой возможный образ человека, выявляющий его подлинное своеобразие и глубокое отличие от всех других живущих на Земле существ. Оно заключается в существовании процессов обучения, внутри которых по преимуществу и функционируют процессы взаимного научения индивидов. Человек при таком взгляде выступает не только как перенимающий опыт других людей и, в частности, опыт предшествующих поколений, не только как обучающийся. Научение, сколько бы сложно оно ни было, не составляет отличительного признака человеческого индивида. Иное дело — способность обучать, то есть направленно транслировать тот или иной опыт другим индивидам. Но трансляция родового опыта от поколения в поколение — отличие от всех других живущих на Земле существ. Оно заключается в существовании процессов обучения, внутри которых, по преимуществу, и функционируют процессы взаимного научения индивидов. Человек при таком взгляде выступает не только как перенимающий опыт других людей и, в частности, опыт предшествующих поколений, не только как обучающийся. Научение, сколько бы сложно оно ни было, не составляет отличительного признака человеческого индивида. Иное дело — способность обучать, то есть направленно транслировать тот или иной опыт другим индивидам. Но трансляция родового

опыта от поколения к поколению не составляет еще прерогативы человеческого сообщества. Так, если иметь в виду не столько путь биологического наследования (врожденные безусловно-рефлекторные реакции, программы инстинктивного поведения), сколько процессы передачи родового опыта в непосредственном взаимодействии между особями, то можно найти соответствующие примеры «обучения» у многих представителей животного мира. Яркое подтверждение тому — «игры животных». Нет необходимости специально подчеркивать тот факт, что в этих «играх» предметом трансляции ни в коей мере не является индивидуально-уникальный опыт особи, осуществляющей «обучение». Как будто бы исключение из этого правила наблюдается у антропоидов. Достаточно кому-то в стаде найти правильное решение какой-либо хитроумной проблемы, поставленной экспериментатором, как очень скоро то же решение дают и другие особи. Но здесь, конечно, никакого обучения нет. Налицо лишь факт подражания, которое в данном случае является научением без обучения. Человек, и только человек, передачу благоприобретенный собственного опыта превращает в акт действительного обучения. Человеческое общество определяется прежде всего тем, что составляющие его индивиды обучают, и лишь при учете этого обстоятельства человеческое общество должно быть понято как объединение индивидов, присваивающих опыт друг друга (то есть обучающихся). Таким образом, сложившаяся практика: раскрывать «социальность» лишь в аспекте присвоения — должна быть переосмыслена. Социальность как специфически человеческое начало в человеке определяется не столько его способностью к научению (накапливанию человеческого опыта, который как бы оказывается потом у человека в рюкзаке за спиной), сколько его способностью творить и направленно транслировать инновации собственного опыта другим индивидам. Социальность субъекта, таким образом, выносится вперед, оказывается на острие активного участия человека в жизни других людей. Ту же мысль можно выразить и иначе, согласно расхожей формуле: «Человек есть дитя прогресса», но рано или поздно «дитя» вырастает, и плохо, если ему суждено остаться «вечным студентом». Сущность индивида как личности в том, чтобы производить новое и, творя, передавать созданное другим людям. Исторически сложилось так, что творчество и «учительство», первоначально слитые, лишились этой непосредственной связи друг с другом. Но в личности порождение нового неотделимо от общения как условия передачи другому этого нового. Личность — это человек-творец и вместе с тем человек-учитель. Личностное, то есть «человеческое в человеке», определяется его способностью быть значимым другим для значимых других. Но это в свою очередь означает: передать другим людям то, что ценно для них и к чему сам индивид при частей именно как субъект. Творчество (в широком смысле) выступает здесь как условие становления индивида личностью, полагания и идеального продолжения себя в других.

Но этим определяется и особая потребность человека: потребность быть *личностью* — потребность *персопализации*¹. Эта потребность может рассматриваться как базисная потребность человека, лежащая в основе таких явлений, как мотивация достижения, аффилиация, альтруизм, эмпатия и т. п.² *«Мы осознаем всю ответственность предлагаемой постановки потребности индивида «быть личностью» рядом с узкоиндивидуальными (витальными) потребностями в качестве базальной (хотя и не единственной) мотивации человеческого поведения».*

¹ Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью. Вопросы философии, 1982, № 3.

² Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии. М., «Педагогика», 1984, С. 241-255.

Однако — «... нет оснований упрекать нас в том, что многообразие мотивов

выводится из одной потребности. Не следует забывать, что отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношение между сущностью и явлением. . . Поэтому открывающаяся в поведении личности многоликая система мотивов богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая ее сущность»².

Механизм формирования потребности персонализации в онтогенезе пока неизвестен. Может быть предложена лишь следующая гипотетическая схема объяснения генезиса этой потребности транслировать другому инновации собственного опыта. К числу сложных врожденных реакций человека относится подражание — произвольная имитация действий другого индивидуума. Закрепление в человеческом сообществе реакции имитации может быть связано с необходимостью осуществлять ориентировку в поведении друг друга, выполнять то, что ныне называется актами «социальной перцепции». Известно, что перцептивные акты строятся на основе уподобительной активности; есть факты, подтверждающие гипотезу, выдвинутую нами совместно с М. В. Бороденко, что положение об уподобительности правомерно и по отношению к процессам межиндивидуального восприятия³. Естественно предположить, что построение образа значимого другого человека выступает в качестве самоценной активности индивида и, следовательно, что сама по себе адекватная подражательная реакция может осуществляться «бескорыстно», то есть не требовать для себя какого-либо дополнительного «подкрепления».

¹ Петровский А. В. Цит. произв., С. 247. ² Там же. С. 248.

³ Бороденко М. В. Уподобительная активность личности как механизм социальной перцепции. VII Всесоюзный съезд общества психологов СССР. Активация личности в системе общественных отношений. М., 1989. С. 9-10

Данное предположение, как нам представляется, согласуется с воззрениями Б. Ф. Поршнева, который считал подражательную реакцию врожденной (не поясняя, впрочем, необходимость ее порождения в филогенезе). Далее, можно утверждать, что если первые проявления неординарного (то есть заключающего в себе те или иные новые в глазах окружающих людей моменты) поведения могут производиться вне всякой связи с другим индивидом, безотносительно к другому, то на основе подражательных реакций этого другого индивида они превращаются в предмет направленной трансляции. Действительно, проследим, что происходит после того, как другой индивид повторил действия первого. Если такой акт воспроизводства осуществляется в условиях контакта с первым (а подражание предполагает ситуацию контакта), то первый индивид, в силу действия того же механизма подражания, повторяет действия второго индивида, а значит, выполняет свои же собственные действия; только «отраженные» в поведении другого. Человек парадоксальным образом превращается в имитатора самого себя. Он подражает своим подражателям, реализуя то, что может быть названо «кольцом самоподражания». Наконец, поскольку сама реакция подражания филогенетически зафиксирована как безусловная (А. В. Бандура, Б. Ф. Поршнев и др.), она выступает как своего рода подкрепление, мотивационная поддержка рождающейся инструментальной реакции, — конструирование нового, из случайного момента жизнедеятельности индивида превращается в предмет направленного действия, возвращающегося к себе в общении. Творчество и общение выступают теперь в качестве взаимообусловленных ориентации субъекта, приобретающих силу стремления.

Проследим, что происходит во взаимодействии ребенка и взрослого на ранних стадиях онтогенеза. Речь должна идти именно о взаимодействии, а не только об ответных действиях ребенка. Пользуясь преимуществами взрослого, попробуем за-

метить, как мы сами реагируем на первую детскую улыбку, первые «жесты», первые слова ребенка.

В недавних исследованиях было показано, что ребенок, улыбаясь, как бы «рассчитывает» на ответную улыбку, а если этого не происходит, переживает фрустрацию¹. Как поступает взрослый, видя, как ему улыбается ребенок? Попробуем представить, что же здесь происходит. Может ли взрослый «устоять» и не ответить улыбкой? Видя улыбку взрослого в ответ, ребенок улыбается вновь и т. д. Кольцо самоподражания замыкается. Улыбка ребенка, таким образом, «социальна» не только в том отношении, что она представляет собой произвольное подражательное действие, но и в том, что ребенок направленно использует ее в качестве способа получения ответной улыбки (повторяемой в новой улыбке). Она имеет для него инструментальный характер побуждения взрослых к общению. Ребенок теперь улыбается непосредственно данному взрослому, его улыбка приобретает адрес.

Нам представляется важным отметить, что вообще многие, первоначально импульсивные акты ребенка пролонгируются взрослыми. Еще одним примером может служить хватательное движение руки ребенка, не достигающее цели. Рука взрослого преодолевает необходимую дистанцию до предмета (фрагмент продолженности) и сжимает предмет (фрагмент воспроизводства), и только после этого желанная вещь оказывается в руке у ребенка. Ход освоения предметного действия ребенка разделяется, таким образом, на ряд этапов: собственное движение (выступающее как инициативное, «подхватываемое» затем взрослыми), продолжение и частичное воспроизведение его взрослыми, подражание взрослому, оказывающееся, по существу, опосредствованным «самоподражанием». Та же закономерность проявляется в области становления развернутых речевых высказываний: ребенок произносит слово, взрослый повторяет его и достраивает до фразы, на основе чего у ребенка постепенно складывается в ответ на вновь произнесенное им «пусковое» слово — необходимость продуцировать тот или иной ситуативно адекватный вариант предложения. Подобная разделенность активности между ребенком и взрослым в ходе обучения отмечалась еще Л. Н. Толстым. В психологии идея разделения функции между ребенком и взрослым и постепенного «вращения» первоначально разделенной функции в психику ребенка впервые была четко сформулирована Л. С. Выготским.

¹ Б а ж е н о в а О. В. Экспериментальное исследование отношения младенцев к общению в норме и патологии. — В кн. : Проблемы медицинской психологии. М. , МГУ, 1980. С. 70.

Современную реализацию этой идеи мы встречаем в целом ряде глубоких и оригинальных исследований (В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, В. В. Рубцов, В. П. Панюшкин и др.). Подчеркнем, что если речь идет именно о начальных стихийных формах научения ребенка, а не о его целенаправленном обучении, то начало этого пути интериоризации составляет активность самого ребенка, которая воспроизводится в своих существенных чертах взрослыми и в этом воспроизведении возвращается ребенку; и тот, в свою очередь, повторяет действие вслед за взрослым, привнося что-то свое; взрослый подхватывает и т. д.

В проведенном под нашим руководством исследовании С. Г. Максимовой (1993) показано, что познавательная активность детей при выполнении ими заданий, допускающих как «творческий», так и «нетворческий» уровни выполнения, существенно выше при использовании взрослыми таких приемов, как «эхо-реакция» (повторение слов ребенка), чем в случае обычных для воспитателей: оценок, советов, наставлений и т. п. ($P < 0,025$).

Порождение себя как субъекта в этой цепочке выступает как *самоценная* активность индивида. Действуя, он получает возможность как бы увидеть себя в

зеркале воспроизводящей активности другого. Ответное подражание последнему осуществляется непосредственно, — ведь это, по существу, подражание самому себе, своему собственному действию, отраженному в другом человеке. В этом-то и заключается механизм подкрепления мотивационной поддержки субъект-порождающих актов. Они возвращаются к себе, и само возвращению — в актах подражания другому — выступает как своего рода вознаграждение за выход в область неизведанного и непредрешенного.

Существенно, что правило взаимоследования распространяется, по-видимому, лишь на такие действия, которые представляют собой отклонения от стандарта, превосходят норму и т. п. В ведущихся нами совместно с А. Д. Грибановой исследованиях волевого поведения детей замечено, что ребенок уклоняется от имитации действий взрослого, когда тот демонстрирует ему образцы волевого поведения, требуемого ситуацией (в экспериментах по известной схеме *насыщения*). Эти результаты аналогичны фактам из работ Е. В. Субботского, который предлагал взрослым на виду у детей осуществлять акты про-социального поведения: дети игнорировали их в качестве образцов. В случае же неординарных (выходящих за границы требуемого) проявлений активности других людей такое поведение «подхватывается», что мы наблюдали в специальных исследованиях, посвященных этому вопросу, совместно с А. Н. Скрягой (один испытуемый на глазах у другого по просьбе экспериментатора выполнял «немотивированно» рискованные действия, что в последующих сериях вело к пробуждению склонности к риску у тех, кто ранее был свидетелем этого). Заразительны, таким образом, примеры не любого, а именно надситуативного поведения.

В отличие от прагматических актов, награждением здесь является само вознаграждаемое действовање, и на вопрос: «зачем человек поступает так?» следует ответ: «чтобы вновь поступать так же!» Таким образом, смысл порождения себя как субъекта заключается именно в том, чтобы существовать в этом качестве впредь, возвращаться к себе, выходя за пределы себя. (Видимо, в этом разгадка заповеди, кажущейся парадоксальной:

«И нужно ни единой долькой / не отступаться от лица,/ но быть живым живым и только, / живым и только — до конца», — Б. Пастернак. (Первые строфы содержит в себе как бы некое отрицание заключительных двух строк, но противоречие, конечно, мнимое: речь идет о равенстве себе в своей неповторимости).

Предположим, однако, что человек не встречает поддержки в лице другого, активность первого не воспроизводится, не воссоздается другим человеком. Кольцо самоподражания, таким образом, разомкнуто. И тогда на первый план выступает новая форма активности. Имеются в виду действия (предметные, коммуникативные), которые нацелены на стимуляцию резонансных проявлений активности другого лица. В этом случае мы и говорили выше о персонализации как особой форме активности человека. (Другим лицом, опосредствующим этот возврат к себе, может быть и *идеальный другой*, — в виде вполне конкретного лица, с которым первый вступает в мысленный диалог, или так называемого *обобщенного другого*). Процессы персонализации так же самоценны, как и процессы порождения индивидом себя в качестве субъекта. Так же как и последний, они замкнуты на себя, — возвращаются к себе по восстановленному с их помощью кольцу самоподражания.

Такова гипотетическая модель становления тенденции персонализации на ранних этапах онтогенеза. Но особенности онтогенетического развития правомерно рассматривать как своего рода аналог закономерностей филогенетического развития человека'. Среди предпосылок становления человека в филогенезе могут быть выделены следующие: чрезвычайная вариативность поведения особей («незаданность», «размытость» видоспецифических программ и высокая имитативность, подражательность поведения, стимулом к которой является отклонение поведения особи от сложившихся групповых стандартов). Эти предпосылки могут быть названы, соответственно, факторами вариативности и

группового запечатления. Если индивидуальная вариативность поведения составляет потенциал развития сообщества, то групповое запечатление есть путь фиксации наиболее значимых для развития форм. Групповое запечатление должно быть понято не как социальный отбор в духе неоламаркизма, а как воспроизведение вариаций в поведении какого-либо одного члена сообщества актами со стороны других членов сообщества. Если первые проявления индивидуально своеобразного поведения на виду у других не заключают в себе момента направленной трансляции, то на основе подражательных реакций других особей они теперь «транслируются». Здесь — то же кольцо самоподражания (через другого). Таков «старт», таково возможное филогенетическое начало возникновения самого общества.

На ранних стадиях общественного развития существование людей в той мере обеспечивалось сообществом, в какой они сами обеспечивали существование сообщества; то новое, что составляло акт их индивидуального достижения, формируясь в условиях непосредственного взаимодействия индивидов, естественным и необходимым образом превращалось в достижение всего сообщества, так что о каком-либо «отчуждении» результатов индивидуальной деятельности от производителя здесь не может быть и речи.

¹ Отметим, что направленная передача индивидуального опыта есть, вероятно, первый инструментальный акт, в котором другой индивид есть орудие первого (насколько нам известно, только в человеческом обществе другой человек может быть орудием деятельности первого).

Инновации, разумеется, складывались благодаря индивидуальным проявлениям активности отдельных индивидов, но уже в момент своего возникновения благоприобретения индивидуальной деятельности выступали для их носителей как «части» общего *блата*.

Исходный вопрос, таким образом, не в том, почему эта необходимая и естественная связь человека с человеком теряет силу закона вместе с развитием человеческого сообщества. Ответ на этот вопрос нужно искать в процессах общественного развития, в исторически складывающихся и преходящих антагонизмах, в характеристиках того общественного строя, который порождает и культивирует конкуренцию и сопутствующие обособление и противопоставление людей друг другу. Только в условиях свободной кооперации людей становится не только возможным, но и внутренне необходимым для всех членов сообщества такой способ существования, когда новоприобретения индивидуальной деятельности свободно оцениваются индивидом с точки зрения их возможной общественной значимости. И свободно предоставляются в распоряжение окружающих. Иначе говоря, только и отдельных социальных общностях, в подлинных коллективах, которые отличаются как от несложившихся, «диффузных» групп, так и от сложившихся, так называемых «корпоративных» групп, — только в группах этого высшего уровня развития мы должны сталкиваться с феноменами естественной и необходимой трансляции собственных достижений индивида другим членам группы, т. е. с условиями внутренне обязательной (т. е. свободной) персонализации.

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия¹. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает.

¹ Здесь и далее использованы материалы вышеназванной статьи «Индивид и его потребность быть личностью» (Петровский А. В. и Петровский В. А. Вопросы философии, 1982, № 3).

Вспомним слова А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру. . . , доколь в подлунном

мире жив будет хоть один пиит». Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности.

Разумеется, личность может быть охарактеризована только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения: как обнаруживающаяся и опосредуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого. Определяющей характеристикой личности является ее активность, которая в интраиндивидуальном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний, то есть в феноменах «надситуативной», «сверхнормативной», «надролевой» активности; в интериндивидуальном плане — в поступках, социальных актах; в метаиндивидуальном плане — в деяниях. Понятие «деяние» используется здесь в смысле, близком к его гегелевской трактовке: *«Деяние — это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно,, что воля признает своим»**.

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и, в частности, в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность — его «личность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности.

В этой связи можно отметить развиваемый А. Г. Асмоловым системно-деятельностный подход, позволивший автору предложить плодотворную концепцию социогенеза личности¹.

¹ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.

В рамках этой концепции личность трактуется в аспекте преодоления субъектом отживающих свой век норм и традиций, шаблонов и ролей, предписанных ему обществом. Здесь нам открывается богатая феноменология в собственном смысле индивидуальности как особой формы и ступени развития личности («Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают»)². В данном случае характеристика субъекта как носителя социально-неадаптивных тенденций сочетается с идеей продуктивной включенности его в развитие человеческого общества. Ценой собственного благополучия, как показывает автор концепции, личность обуславливает движение социального целого.

Продолжая наш анализ, отметим, что если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с нею в условиях деятельностного опосредствования людей (радиация может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, элементарной частице, которая, пронизывая любую, сколь угодно плотную среду, не производит в ней никаких — ни полезных, ни вредных — изменений. Безличность — это характеристика индивида, безразличного для других людей; человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение и тем самым лишает его самого личности. Напомним также, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик — *«через других мы становимся самими собой»*, как об этом писал еще Л. С. Выготский.

В единстве с потребностью персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально

генерированная, собственно человеческая способность, «быть личностью».

¹ А с м о л о в А. Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования. Вопросы психологии, 1986. № 1. С. 28-40.

² А с м о л о в А. Г. Там же.

Как всякая способность, она прежде всего дана субъекту в своей исключительности как индивидуальное своеобразие, выделяющее его среди окружающих и, в известном смысле, «противопоставляющее его другим людям как возможность передать, адресовать им свою неповторимость, особенность, непохожесть. Очевиден драматизм судьбы человека, который в силу внешних условий и обстоятельств лишен возможности реализовать свою потребность в персонализации. Но бывает и так, что у человека вообще атрофирована или сведена к минимуму способность быть личностью, либо она приобретает откровенно уродливые формы. Человек, который чисто формально выполняет свои обязанности, который устраняется от общественно полезной деятельности, который проявляет равнодушие к судьбам людей, в большей или меньшей степени утрачивает способность быть идеально представленным в делах и мыслях, в жизни других людей. Последовательно придерживаясь принципа: «Я сам по себе — я вас не трогаю, и вы меня не трогайте, я яркая индивидуальность, и меня с собой не равняйте», такой человек, в конечном счете, деперсонализируется, перестает быть личностью. Парадокс: человек подчеркивает свою «самость», он индивидуалистичен, что называется, «до мозга костей», и он же тем самым лишается в глазах других индивидуальности, теряет «свое лицо», стирается в сознании окружающих, не внося в них сколько-нибудь значимых вкладов.

Но, помимо индивидуальной способности персонализации заключено и всеобщее. Оно проявляется в передаче элементов социального целого, образцов поведения, норм, психологических орудий и вместе с тем собственной активности субъекта окружающим людям.

Все сказанное позволяет содержательно охарактеризовать активность личности со стороны производства индивидом нового, которое превращается в достояние общества; здесь перед нами особый синтез надситуативной активности (как тенденции движения индивидуальной деятельности) и персонализации, синтез в широком смысле творчества и общения. Индивид, таким образом, достигает своей представленности и продолженности в других людях своими специфически субъектными чертами, полагает себя как отраженный субъект.

Приобретая свою отраженность в людях, человек всегда выступает *в целом*, воспроизводится в своих витальных, предметных, коммуникативных и даже когитальных определениях, хочет он того или нет. Образ человека в сознании другого «голографичен» — под разными углами зрения в нем человек раскрывается в многообразных жизненных проявлениях своей субъектности.

Думается, под тем же углом зрения, хотя, возможно, на основе других, пока неисследованных, психологических механизмов, могут быть объяснены импульсы человека отражать себя в качестве субъекта в таких его сферах, как витальность, социокультурное пространство, самосознание.

Охватывая моменты полагания, отражения и возвращения своей субъектности индивидом в их взаимопереходах мы, по существу, вторгаемся в область психологии *развития личности*.

ГЛАВА 13

.....

ГЛАВА 14

Идея развития личности высказывалась в психологии многие десятилетия назад, и сейчас уже трудно, да и вряд ли возможно указать точную дату и авторство. «Личность существует в развитии», «личность — развивающаяся система», «вне развития нет личности» — эти и подобные им утверждения прочно вошли в язык науки; для одних исследователей — постулат, для других — лозунг, для третьих — дежурная фраза, они относятся к числу как будто бы неоспоримых истин, и мы не встречаем, до поры до времени, какой-либо концепции, опровергающей или оспаривающей их правомерность. Между тем, как это уже неоднократно бывало в психологии, ее постулаты рано или поздно превращаются в проблемы, объяснительные принципы — в предметы исследования, привычные представления — в поводы для сомнений.

Психология подобна Сатурну, пожирающему своих детей. Один за другим ставятся под сомнения сами факты существования особых реалий, соответствующих основным понятиям и категориям науки.

«Внимание»? — **О «Несуществовании внимания»** пишет Н. Рубин.

«Воображение»?—А чем, собственно, «воображение» отличается от мышления? (Мне достоверно известно, что при подготовке первого издания учебника «Общей психологии» (М., 1970), его редактору и одному из авторов, А. В. Петровскому, довелось полемизировать с некоторыми соавторами, считавшими излишним подготовку главы «Воображение» как отдельной, не совпадающей с главой «Мышление»).

«Мышление», «образ», «психика», «сознание»? - *«... Мыслительные процессы в действительности являются моторными навыками гортани»; «Вся доктрина центрально-возникающих образов в настоящее время является очень ненадежно обоснованной. . .»; «Если это верно, а я не вижу, как это можно отрицать, образ становится психической роскошью (даже если он действительно существует), без своего какого-либо функционального значения. » «Будем ли мы включать в психологию мир чистой психики, используя термин Йеркса? Признаюсь, я не знаю. Планы, которым я оказываю большее предпочтение в психологии, практически ведут к исключению сознания в том смысле, в каком этот термин используется психологами сегодня» (Д. Уотсон. Психология с точки зрения бихевиориста.).*

«Активность»? — «Нет активности, есть только реактивность» (Н. Корнилов); см. также наше описание «защитных механизмов» функционирования российской психологической мысли, спасавших и одновременно топивших категорию активности.

Список «исчезновения» может быть продолжен. Случалось, что и сам **предмет психологии** перемалывался в дискуссиях. О мимовольном «исчезновении» такой фундаментальной категории психологии, как **«деятельность»** я писал в этой книге. . .

Что же касается **«развития личности»**, то эта категория также, в какой-то момент, разбудила аппетит всепоглощающего сомнения.

«Со всех сторон я слышу: человек. . ! Личность. . ! Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше», — говорил о себе Г. П. Щедровицкий в завизированном лично им интервью (см. «Вопросы методологии», 1-2, 1994, с. 9). Развивается не личность, развивается мышление — этот тезис, то в мягкой, то в более резкой

форме, высказывает Г. П. Щедровицкий в своих ранних и поздних произведениях. Чтобы усомниться в том, что личность именно *развивается*, есть достаточно глубокие основания. Как минимум одно отличительное обстоятельство выделяет **развитие** в особую категорию явлений. Это - «самодвижение». Сошлемся здесь на известные схематизмы Г. П. Щедровицкого из классической книги «Педагогика и логика».

В этих удивительных по своей простоте схемах заложены основания для постановки сногшибательного вопроса: «А развивается ли личность?»
Кощунственное сомнение возникает в связи с тем, что без другого человека никакого собственное развитие индивида, очевидно, не происходит (представим себе младенца вне человеческого сообщества); но этот другой воздействует «извне», и, таким образом, личность ребенка—вроде бы! — «не самодвижется», а движима внешними воздействиями! Правомерно ли в таком случае описывать ее как развивающуюся?

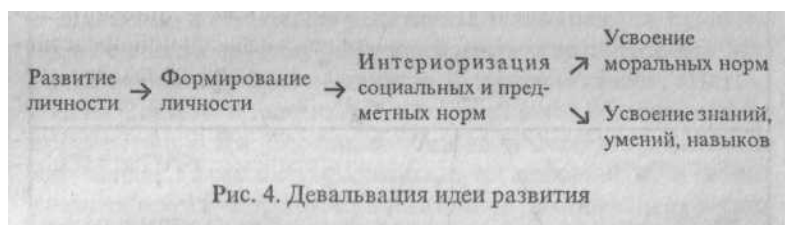
Ответ: правомерно! — но только при определенной трактовке личности, когда она определяется как «единомножие» ипостасей, одна из которых заключается в идеальной представленности и продолженности человека в других людях, его идеальном бытии в них. Человек «включен» в другого человека и через эту включенность развивается как личность. Развитие, таким образом, совершается во «внутреннем пространстве личности» (как сказал бы, возможно, Э. В. Ильенков), — но не «подкожно», а в пространстве связей индивида с другими людьми. Здесь перед нами жесткая альтернатива: *либо* личность есть такая органическая целостность, которая существует не только в самом индивидууме (о личности которого идет речь), но и в других индивидуумах, в виде его идеального представительства в них, *либо* личность не развивается, ибо вне значимого другого, реализующего «деятельность развивания» (В. И. Слободчиков), никакого развития нет и не может быть. Не только без «значимого другого», но и без «значимости себя для другого» невозможно развитие личности.

Подобная трактовка развития личности может быть проиллюстрирована фрагментами работ, которые проводились автором, его коллегами и сотрудниками в разные годы (1980-1995).

Постановка проблемы развития личности в дошкольном и младшем школьном возрасте

(методологические заметки):

1) Отбрасывая парадигму ЗУН, дошкольные работники оказались в положении героя пословицы, которому посчастливилось-таки срубить сук, на котором сидел. Долой ЗУНы! — Что вместо?

Декларации о развитии личности как альтернативы — неутешительны, пока не определено, что именно вкладывается (помимо приличествующего пафоса) в это понятие, что есть образование под этим новым углом зрения, и как обеспечить распространение вызванной данным переосмыслением инновационной волны.

До сих пор остается неопределенной логика множественных редукций, которые претерпевала идея развития личности в ходе ее адаптации к нуждам традиционной образовательной практики (рис. 4).

При подмене идеи «развития» идеей «формирования» очевидным образом выпадает

момент спонтанности, рост личности интерпретируется как управляемый извне (что, конечно, абсурдно и противоречит самой сути развития личности как ее самодвижения). Сведение процессов формирования личности к интериоризации социальных и предметных норм элиминирует витальные и экзистенциальные отношения; космичность бытия человека, его слитность с природой, микрокосм его самости — все это упраздняется во имя правилосообразного поведения. Завершающий шаг в этих подменах — переход к «школьной» доктрине развития как усвоения того, что когда-нибудь пригодится в жизни; при этом не остается места ни духовности, ни душевности.

2) В самом общем виде «развитие личности» есть становление особой формы целостности или, как говорил Флоренский, «единомножия», включающего в себя четыре формы субъектности: субъекта витального отношения к миру, субъекта предметного отношения, субъекта общения, субъекта самосознания. Иначе говоря, развиваясь как личность, человек формирует и развивает свою собственную природу, присваивает и созидает предметы культуры, обретает круг значимых других, проявляет себя перед самим собой.

Сказанное, в свою очередь, означает, что человек вступает в мир четырех «миров»: «Природа», «Предметный мир», «Мир другого (других)», «Я сам» (В. А. Петровский, 1987). Есть два утверждения, описывающие взаимоотношения между этими «мирами». Первое из них — вполне тривиально: оно заключается в том, что любой объект на земле или на небе входит, по крайней мере, в один из «миров».

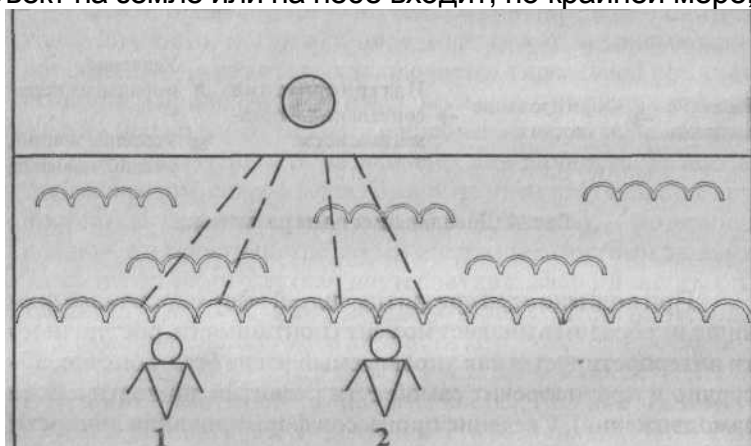

Рис. 5

Второе — менее очевидно, и оно состоит в том, что любой объект входит в *каждый* из четырех «миров». Представим себя ночью на морском берегу. Луна. Лунная дорожка на воде, (см. рис. 5).

Что же дано нам в созерцании? «*Природа!*» — Да, несомненно. Но, с другой стороны, перед нами то, что мы называем: «морской берег», «луна» и т. п. — иначе говоря, природа дана нам сразу как *Человеческая природа* («*Предметный мир*»). Художники, говорил Сомерсет Моэм, научили нас видеть мир. А сколько всего лунных дорожек на воде? (представьте себе, уже в зрелом возрасте я задал себе этот вопрос). Очевидно столько — сколько людей на берегу, у каждого — своя. («*Мир другого*»). И, наконец, попробуйте доказать мне, что то, что я вижу, не есть «комплекс моих ощущений»! Природный мир. Предметный мир, Мир другого, Мир моего самосознания, — все это грани Единого Мира, и каждая соприкасается с каждой. Философский камень, думается мне, имел бы форму тетраэдра.

Но мало признать единство. Важно подчеркнуть и отличие каждой из граней. *Пространство* и *Время* каждого из миров специфично. «*Расстояния*» в физическом мире и на шахматной доске — несравнимы. В «*Мире других*» представления о «далеком» и «близком» релятивны, и изменяются, буквально, от одного к другому («*Муравей и стрекоза поспорили. Муравей сказал: «До леса — далеко». Стрекоза сказала: «Нет, — совсем близко!» Кто прав?*). А в мире «*Я сам*», если вспомнить аргументацию Дж. Беркли, вообще не существует расстояния «до меня». То же

можно сказать и о специфике протекания времени в этих «мирах». Следовательно, и «движение» в каждом из «миров» специфично. И это — только один из аспектов сравнения этих «миров»!

Заметим также, как изначально значимы для человека, даже самого маленького, каждая из четырех граней Универсума. Развитие личности — есть ценностное и инструментальное освоение этого Универсума. Чисто метафорически, — расширение круга «свобод» проникновения в эти миры: познавательного, действенного, эмоционального. Индивидуальное развитие — лишь один из «полюсов» развития личности. Другой полюс — предствленность человека в жизненных мирах других людей. Поэтому, все еще не покидая области метафор, мы говорим о таком расширении круга индивидуальных свобод, которые ведут к расширению круга степеней свободы другого человека. Смысл этого замечания в том, что если мы хотим описать развитие личности, мы должны учитывать два момента: что значит тот или иной признак для индивидуума и что он может означать для других.

В поисках определенности, размышляя о критериях развития личности, мы столкнулись с особой реальностью, которая потребовала специального обозначения. Мы остановились на слове «устремления», хотя, быть может, найдутся и другие слова для описания того же самого. Напомним, что, дружно ниспровергая ЗУНЫ, мы выкачали из содержания образования очень многое, и образовался вакуум. И на вопрос «а что развивать у детей?», мы могли давать только частичные ответы. Один ответ — развивать способности детей (подход Л. А. Венгера); шире — транслировать инструменты жизни, создавать фонд «могу». Таково, кстати, нетрадиционное понимание обучения, намеченное в нашей Концепции дошкольного воспитания. Другой ответ на вопрос о направленности образования — это приобщение ребенка к кругу общечеловеческих ценностей, — таково и нетрадиционное понимание воспитания (то есть создание фонда «хочу»). Не видятся ли вам тут основания для поиска такой формы активности, в которой «хочу» и «могу» выступали бы совместно, поддерживая друг друга и переходя друг в друга? Такую искомую форму активности мы и обозначили как устремление¹.

Вслушаемся в слово «устремлен». Устремленный человек знает, чего он хочет, располагает определенной схемой действия и, кроме того, действует, а не просто грезит. Быть устремленным — это значит располагать возможностями, которые прорываются вовне. В устремлениях проявляется именно избыток возможностей, а не их дефицитарность. Здесь главное — само действие. Оно самоценно и включает в себе возможность самовоспроизводства.

Когда человек вовлекается в игру, это означает, что у него рождаются устремления, а они выражаются в том, что когда возникает возможность нового поворота в игре, то эта возможность переживается как влечение к продолжению. То же можно, например, сказать о любви как устремлении к общению, ориентированному на продолжение, и притом самоценному, то же — и о творчестве, и о познании и т. п.

Устремления — это направленность человека на продуцирование таких действий, процесс осуществления которых сам по себе переживается как наслаждение, здесь сама возможность действия превращается в побуждение («могу» превращается в «хочу»), а удовлетворение желания действовать, очевидно, порождает рост возможностей действия (рис. 6), при определенной организации среды — в широком смысле слова — устремления приобретают качество трансфинитности — не только самоценности, но и неограниченной воспроизводимости.

¹ Термин «устремление» автор предложил в совместной работе с Л. М. Клариной (1990).

поэтому и стратегии психолого-педагогических исследований ребенка и взрослого в образовательном процессе.

В то время как в современной дидактике остается неопределенным разрыв между мотивационной и инструментальной компонентами образования, обращение к «устремлениям» (самоценным формам активности детей) позволяет наметить способ их синтеза. Собственно образовательный процесс в этом случае выступает как развитие интенций детей в сфере познания, переживания, действия.

В *познавательной сфере* нам приоткрывается целый спектр самоценных процессов продуцирования ребенком представлений о мире. На первый взгляд, это, столь привычно звучащее для психологов и педагогов, — «децентрация», «категоризация», «понимание» и т. д. Однако они рассматриваются нами (в плане порождения и оценки) как устремления, а не просто способности. Например, мы не удовлетворяемся констатацией того, что ребенок под давлением взрослого способен осуществлять акт децентрации: нас интересует «самочинное» проявление этой способности ребенком. Так, в исследовании С. В. Зайцева специально рассматривался вопрос о привлекательности мысленной децентрации у старших дошкольников. В ситуации выбора между возможными способами описать один и тот же предмет в недоступном для прямого наблюдения ракурсе 83% детей 5-6 лет предпочитали связанный с децентрацией путь решения. О мере устремленности детей к реализации интеллектуального напряжения, выраженной и децентрации, свидетельствует независимость проявления этой тенденции от ряда ситуативных факторов, в том числе и от сложности самой задачи. Любопытно, что достижение верных результатов во многих попытках не снижало интереса детей к деятельности, а всякий полученный в ходе ее осуществления результат рассматривается ими как промежуточный. В работе Е. Г. Юдиной исследовался феномен предметного понимания как реконструкции содержания некоторого целого (сюжетная ситуация) по его элементам. Предметная ситуация была искусственно разделена экспериментатором на пространственные или временные фрагменты, по которым-то и могла быть восстановлена ситуация в целом. Необходимость в восстановлении именно целостности ситуации, т. е. догадки о том, что здесь было, каков смысл происходящего, что означает те или иные фрагменты внутри целого, не подчеркивалась. «Понимание» интерпретировалось как восстановление целостности при учете всех элементов, потенциально образующих связное целое. Поскольку восстановление целостности не предъявлялось испытуемому в качестве задачи, понимание в этих условиях выступало как проявление самоценной активности — как устремление. Выяснилось, что около 30% детей пытались добиться понимания ситуации, хотя «фрагменты» были таковы, что они либо чрезвычайно затрудняли восстановление целостности, либо делали связную интерпретацию ситуации невозможной.

Основания для операционализации идеи «устремлений» содержатся в методе надситуативной активности. Принцип «надситуативности» применительно к исследованию устремлений реализуется в организации таких экспериментальных ситуаций, в которых перед испытуемым в самом процессе его действия открывается шанс приобретения нового опыта, избыточного по отношению к исходным требованиям ситуации. «Новый опыт» здесь — это новые возможности познавать, переживать, действовать.

В *эмоциональной сфере* критериальной для нас является, прежде всего, эмпатия как устремление, т. е. активная сопричастность другому в его переживаниях. Этому посвящены работы Л. П. Стрелковой, которой удалось на основе разработанной и тщательно апробированной ею методики диагностировать понимание детьми эмоциональных состояний других людей и развивать эмпатию именно как устремление. Но проблема, поднимаемая Стрелковой, шире: здесь и порождение новых эмоций, и развитие выразительных средств (трансляция своих эмоций другому), и все это — как самоценные формы активности.

Критерии развития *произвольности* в поведении детей (тематика давняя — от Выготского) также рассматривается в этом новом ключе. Исследования Н. Я. Михайленко охватывают детей 4-6 лет и посвящены нормативной регуляции поведения в аспекте обращенности к игровым правилам. Рассматриваются правилотворчество в игре и правилосообразное поведение. Экспериментатор провоцирует возникновение «разрывов» в протекании игровой деятельности, которые могут быть преодолены, когда ребенок открывает для себя и своих партнеров новое правило игрового взаимодействия. Вполне достаточно «изобрести» всего одно правило, чтобы вести игру. Однако дети не ограничиваются нахождением одного правила и придумывают еще; в подготовительной группе — в среднем! — продуцируется три правила (два явно избыточны), в лидеры изобретают до семи (!) новых правил. Кроме того, выясняется, что дети склонны неукоснительно следовать своим правилам, в то время как «задаваемые» исполняются более формально. «Нарушителями» своих правил оказываются всего 5% детей. Санкции к нарушителям изобретенных правил столь строги, что дети сами исключают их из игры. Ценность следования правилу, таким образом, оказывается не менее высокой, чем ценность самой игры. Мы оказываемся свидетелями не только способности, но и устремленности детей к правилотворчеству и правилосообразному поведению.

Другой аспект произвольности — независимость поведения детей от взрослых. В исследованиях А. А. Рояк детям предлагалось расположить в порядке возрастания привлекательности картинки, выполненные другими детьми. При этом воспитатель сам устанавливал свой порядок привлекательности. Было «подстроено» так, что это был перевернутый ряд детских предпочтений. Среди десятков воспитателей был найден «демократ». Казалось бы ситуация «давления». Во многих подобных же экспериментах была показана глобальная конформность ребенка. Но здесь всего 1/3 детей повторила воспитателя, да и то, в основном, те, кто сам был не тверд в рисовании. Независимость, по-видимому, определяется стилем общения воспитателя с ребенком, в данном случае отличающимся от авторитарного. Исследования продолжаются при использовании проективных рисунков, с разными возрастными детьми, в зависимости от различных стилей общения. Особый интерес представляет превращение независимости как способности ребенка в потребность, т. е. рождение независимости как устремления.

Специфика разрабатываемых нами заданий для детей заключается в том, что они не только позволяют диагностировать самоценные устремления детей в сфере познания, переживания, действия, но и могут быть использованы в качестве «порождающих». Корпус таких развивающих заданий образует диагностическую основу личностно-ориентированной дидактики. Содержание образования в этом случае выступает как своего рода выращивание самоценных интенций детей, таких как рефлексия, децентрация, категоризация, понимание (схватывание целого), расширение территории Я, риск, «вчувствование», независимость, правилотворчество и преодоление образцов и т. д.

Условием превращения специфических процедур исследования самоценных интенций ребенка (отчасти эти процедуры были проиллюстрированы здесь) в инструмент выращивания этих устремлений является изменение форм и содержания общения воспитывающих взрослых с детьми.

4) Суть образовательного процесса согласно личностно-ориентированному подходу заключается в порождении человека как субъекта активности в единстве четырех ипостасей: вхождение в мир природы, в рукотворный мир (мир предметов человеческой культуры), приобщение к миру значимых других, возникновение самосознания человека. Возникает специфическое качество «субъектноети» в сфере проявлений витальных, предметных, коммуникативных отношений человека к миру и самоотношекий субъекта (рефлексия, самополагание).

«Воспитывать» — для нас — это значит приобщить к ценностям постижения, действия и переживания (ценности Истины, Творчества и Любви). В свою очередь,

эти ценности специфицируются в соприкосновении с мирами «Природы», «Культуры», «Значимых других», «Я сам».

«Обучать» — это значит порождать средства (в широком смысле слова — способности) освоения универсума в, четырех его ипостасях.

И наконец, поскольку речь идет об общечеловеческих ценностях и адекватных им средствах, исходным центральным пунктом всего образовательного процесса в рамках личностно-ориентированной дидактики становится для нас исследование и построение общения ребенка и взрослого. «Общение» понимается здесь в самом широком смысле — как производство общего во взаимодействии между взрослыми и детьми: к процессу выработки общего, общечеловеческого, причастен и сам ребенок, «человек среди людей». В общении, таким образом, раскрывается то, что уже изначально свойственно человеческой природе ребенка (например, пробуждение априорных форм познания).

Целостность воспитания и обучения выражается в становлении *устремлений* — самоценных и ненасыщаемых форм активности человека с ее четырьмя сферами — Природой, Культурой, Миром значимых других, Миром «Я сам». Именно в устремлениях ценностный и инструментальный аспекты образования переплетаются и проникают друг в друга, позволяя ощутить их единство. В познании это — построение категориального образа мира, творческое воображение, поиск неизвестного и парадоксального, децентрация и т. д. При организации произвольного поведения это — целеобразование, поиск средств, контроль над исполнением, оценка результатов. При осуществлении эмоциональных контактов с миром это — вчувствование, выявление значимости событий, самовыражение и т. п.

Рассматривая теоретическую модель построения инновационного процесса, мы говорили о трансфинитности устремлений. Смысл трансфинитности мог бы быть прояснен при анализе любого из видов активности в сфере познания, действия и эмоционального освоения мира. Так, развитие категориального видения (в категориях бытия, становления, ничто, начала, явления, сущности, движения и т. п.) не может быть исчерпано ни одним из обозримых содержаний. Всегда есть как бы зазор между их абстрактностью и возможным конкретным наполнением. Поэтому категориальное видение мира включает в себе импульс к постоянному выходу за пределы данного. Точно так же неостановимо воображение. Оно заключается в «способности видеть целое раньше его частей» (Давыдов В. В. , 1986); но поскольку целое всегда больше суммы своих частей, сколь бы дифференцировано оно ни было в дальнейшем, оно предопределяет импульсы к бесконечному познавательному творчеству. Что же касается трансфинитности поиска неизвестного и парадоксального, то она вытекает из идеи Яна Амоса Коменского, который рассматривал познание как движение от мнения, то есть мнимого знания, к истинному, то есть ученому, незнанию, или предельно достижимому знанию о своем и общечеловеческом познании (Бим-Бад Б. М. , 1990).

Аналогично могут быть рассмотрены устремления в сфере действия (неограниченность целеполагания, совершенствование средств, углубление форм контроля, расширение спектра оценок).

Поясняя смысл трансфинитности эмоционального освоения мира, нельзя не обратить внимание на то, что сфера возможных эмпатических переживаний безгранична, что источники переживаний собственного *Я* и возможности его отражения в других динамичны и многообразны.

Нам представляется, что уже в дошкольном возрасте может рождаться трансфинитность устремлений. Но для этого, например, в познавательной сфере, необходимо развивать естественно присущие ребенку элементы категориального видения мира (мы исходим из того, что ребенку уже в момент рождения присущи первичные «есть», «нет», дифференцировка качеств вещей, переживание пространства и времени и пр.). Мы побуждаем ребенка к *открытию* того, что есть «что-то еще», что выходит за пределы известного. «Категории» не могут быть

исчерпаны ни одним из обозримых эмпирических содержаний. Отсюда и беспредельность выхода за пределы освоенного. Мы начинаем работу с детьми «с самого простого» — с категорий бытия, ничто, становления («есть», «нет», «и есть и нет»). Для детей это осмысление «есть», «нет», переходов «есть — нет». Проиллюстрируем это на примере работы с категориями «есть» и «нет»¹. Задача: обратить внимание детей на факты существования и несуществования различных объектов в разных сферах действительности.

¹ Совместная разработка с А. М. Кларпмой.

Этапы ознакомления с категориями «есть» — «нет»:

I этап. Чувственно-данное существование объектов.

Примеры: предметы живой и неживой природы (сфера «Природа»); предметы быта, технические устройства, предметы искусства, звучащая речь и т. п. (сфера «Рукотворный мир»); отношения принадлежности вещей «что есть у тебя? у всех нас? у Пети есть, а у тебя нет?» и т. п. (сфера «Другие»); свои ощущения, желания, воспоминания, мысли, сновидения, фантазии, их содержание в данный момент (сфера «Я сам»).

II этап. Эмпирически проверяемое (операциональное) знание о существовании объектов.

Примеры: части предметов, закрытые другими предметами, а именно: корни растений, земля под снегом, другая сторона предмета — мы ни один предмет не видим целиком, хотя бы одна сторона предмета закрыта, но она есть (кубик, шарик и т. д.) и можно убедиться в этом; задача на экстраполяцию движения предметов, движущихся или останавливающихся в тоннелях, подземных ходах и т. д. («где сейчас есть крот, шарик, машина и т. д. ?») — сфера «Природы»; игры типа «Гоп-гоп», прятки, «Колечко» и т. д. (догадаться, где скрыт, спрятан предмет — «где он сейчас есть, где его нет»), фокусы, вопросы типа «что есть в каждой книге, стихотворении, песенке, фильме и т. д.», «можно ли сказать, что скульптура (картина, игрушка и пр.) с чего-то начинается? чем-то заканчивается?», загадки — сфера «Рукотворный мир»; у разных существ разные жилища, разная пища, разные способы передвижения, разные языки общения: у одних есть одно, у других есть другое — у каждого есть что-то свое, своеобразное, но нечто общее есть у всех (у всех есть жилища, все едят, передвигаются, общаются и т. д.) — сфера «Другие»; у каждого есть много мыслей, он может вспомнить много всего еще — сфера «Я сам».

III этап. Умопостигаемое существование объектов.

Примеры: вопросы типа «есть ли начало/конец у времени, у пространства? есть ли конец движения этого шарика, если ничто не сопротивляется его движению?» — сфера «Природа»; любой отрезок (угол, окружность и т. д.) можно делить бесконечно долго, сколько угодно и никогда не удастся поделить до конца; бесконечный ряд чисел, прямая линия и т. д. (ситуация типа «Встаньте в круг! Где начало у нашего круга?», вопросы типа «Где начало у нашего кружочка?»); много начал (и здесь, и здесь. . .) — это все равно, что нет начала и т. д. — сфера «Рукотворный мир»; у живых существ (кошек, собак, может быть, даже у насекомых) есть ощущения — например, боль — сфера «Другие»; у каждого из нас есть что-то, чего мы не знаем о себе (вопросы типа «Что ты знаешь о себе? А еще что? А еще что-нибудь есть, чего ты о себе не знаешь?») — сфера «Я сам».

На всех этапах освоения категорий «есть» и «нет» воспитатель, разбирая примеры, ставит акцент не столько на содержании того, что существует или не существует, сколько на самих «есть» и «нет» (эти слова подчеркиваются интонацией, жестом).

5) Может быть предложена совокупность, а точнее, система развивающих заданий, содействующих становлению познавательных, волевых, эмоциональных устремлений детей в четырех сферах действительности, о которых шла речь выше. Таковы:

• «Фонарик» (задания, ориентированные на выявление и развитие устремлений

детей к пониманию как «схватыванию целого»).

• *Альбом с «размытыми» изображениями* (задания, выявляющие и стимулирующие устремленность детей к перцептивному поиску и категоризации впечатлений), аналогичные задания: «*Замаскированные человечки*», *проективной стимульный материал* (Роршаха, Хальцмана и др.).

• *Картинки из серии «Невозможное»* (задания, вызывающие интерес к парадоксальному).

• *Двойственные картинки* (задания, актуализирующие тенденцию к разнообразию, смене впечатлений, открытости новому опыту).

• «*Оборотная сторона Луны*» (задания, выявляющие и развивающие устремленность к децентрации).

• *Калейдоскоп* (задания, предоставляющие ребенку возможность самостоятельно обогащать круг своих впечатлений).

• *Путешествие в микромир/космос* (задания, проявляющие и стимулирующие тенденцию к расширению и уточнению картины мира).

• «*Наступить на горизонт*» (задания, проявляющие и стимулирующие устремленность детей к видению границы и выходу за нее) и др.

Перечисленные задания сфокусированы в основном на познавательных устремлениях детей. Могут быть предложены задания, нацеленные на развитие волевых и эмоциональных устремлений. Однако независимо от «фокусировки» каждое из заданий затрагивает целый спектр устремлений. В некоторых же случаях предлагаемое задание в равной мере может стимулировать развертку познавательных, волевых и эмоциональных устремлений, и поэтому — выступить в качестве проективного приема диагностики устремленности ребенка. Это такие задания, как, например, «*Танцующий страус*». В этом задании используется игрушечный страус — на ниточках, с помощью которых можно управлять его движением. Здесь можно наблюдать целое созвездие устремлений: познавательных — как же у страуса получается двигаться так?; эмоциональных — наслаждение от неожиданных положений и «па»; волевых — ребенок может приближаться к «вершинам мастерства» кукловода!

б) Основная идея построения личностно-ориентированной дидактики состоит, таким образом, в *сочетании* тех принципов организации образовательного процесса:

- создание *предметных* условий для развития самоценных форм активности обучающихся (развивающие задания, располагающие к самостоятельному открытию, приобретению нового опыта),
- построение *коммуникативных* условий поддержки самоценной активности со стороны воспитывающего взрослого.

Выше были описаны новое содержание и новые формы педагогической работы с детьми и воспитывающими взрослыми. Заметим, однако, что при традиционном различении процессов «обучения» (предметный аспект) и «воспитания» (коммуникативный аспект), инновации в области содержания образования могут проектироваться как самостоятельный ряд, отделенный от инноваций в области общения воспитывающих взрослых и детей. Личностно-ориентированный подход предполагает синтез.

Условия подобного синтеза мыслятся следующим образом. Перед учащимися (воспитанником) — занимательное задание, создающее условия для проявления самоценной активности. Задача, стоящая перед воспитателем, состоит в том, чтобы, используя примеры эффективного общения, поддержать и развить самоценную активность ребенка. Тем самым достигается искомое взаимопроникновение, синтез процессов обучения и воспитания — построения того, что может быть обозначено словами «личностно-ориентированная дидактика»

Приведем в порядке иллюстрации некоторые развивающие задания и общую схему общения при работе с развивающими заданиями такого типа.

«Фонарик»

Цель: создать условия для проявления устремленности детей к пониманию как «схватыванию» целого.

Комментарий: «понимать» здесь означает переходить от восприятия части к усмотрению целого.

Развивающая ситуация:

А. Темная комната. В руках у ребенка фонарик.

Б. Рисунок, невидимый в целом, но доступный восприятию фрагментарно.

Ход задания:

А. В комнате выключен свет. В руках у ребенка фонарик. Узким лучом фонарика можно осветить лишь фрагменты находящихся в комнате предметов.

Б. Перед ребенком на столе лежит маленький лист бумаги, поверх которого — большой лист с отверстием (просветом, прорезью). Рисунок на маленьком листе фрагментами виден в просвет большого листа. Перемещая большой лист, можно последовательно просматривать фрагменты рисунка.

Слова воспитателя:

Вначале — возможные высказывания: «Видишь, в «окошечке» что-то есть. Ты можешь двигать «окошечко». Пусть в «окошечке» всегда будет что-то видно». Запрещенные высказывания: «Угадай, что изображено», «Там что-то спрятано. Как ты думаешь, что?» и т. п. Эти высказывания должны быть исключены, потому что они противоречат критерию самооценности действий ребенка, его самостоятельности. *По завершении* — возможные высказывания: «Как ты думаешь, что было изображено на картинке? Хочешь еще посмотреть? Хочешь увидеть рисунок целиком? Хочешь еще поиграем в это (в такую же игру)?» и т. п.

Варианты рисунка: сюжетный, изображающий реально существующий предмет, геометрический, абстрактный и т. п.; с прерывистым контуром и непрерывным; с простыми линиями и ветвящимися; сложный для понимания и элементарный; и т. п. Различия в величине просвета; несколько просветов на большом листе.

На что обращать внимание: возвраты к «пройденному», особенно в ситуации «ветвления» и прерывистого контура (в серии Б), импульсивность/планомерность обследования, остановки, полнота прохождения контура, выражено ли в поведении предвидение, спонтанные «открытия» ребенка (ребенок «вдруг» замечает, что изображено).

«Замаскированные фигуры».

Цель: создать условия для проявления и стимуляции наблюдательности у ребенка.

Комментарий: под «наблюдательностью» здесь понимается активное восприятие, устремленность к тому, чтобы обнаруживать неожиданное в известном.

Ситуация: перед ребенком — рисунок с изображением парка (леса, сада и т. п.). В траве, деревьях, облаках находятся невидимые в первый момент звери, люди, птицы — все они замаскированы в основном изображении.

Действия ребенка и взрослого: ребенку предлагается обводить карандашом то, что он видит на рисунке, и называть это.

Слова воспитателя: Возможные высказывания: «Посмотри на рисунок. Обведи карандашом все, что есть на рисунке. Называй, что ты обводишь, вслух».

Запрещенные высказывания: «Посмотри, кто здесь спрятался!», «Ну-ка, погляди повнимательней, кто здесь еще есть!» и т. п.

На что обращать внимание: эмоциональные реакции ребенка в момент обнаружения замаскированных фигур, стратегию действий после обнаружения замаскированного, будет ли ребенок теперь искать замаскированные фигуры или вернется к явному изображению, завершенность в обведении явных и неявных фигур, различия в нажиме и качестве контура.

Рассмотрим формы эффективного общения воспитывающего взрослого с ребенком в ходе выполнения развивающего задания. «На старте» взаимодействия с ребенком диагностируется актуальное эго-состояние ребенка. В случае Естественного Ребенка

достаточно предъявить задание, чтобы ребенок включился в деятельность. В случае же доминирования Родительской инстанции в ребенке (он ведет себя как подчиняющийся или бунтующий Адаптированный Ребенок), следует добиться *переключения*; при этом, сохранив позицию Родителя, воспитывающий взрослый устанавливает контакт с ребенком в канале взаимодействия Родитель — Ребенок, используя ряд техник. Среди них, например, фокусы, осуществление «*магических действий*» (см. технику Ш. А. Амонашвили при начале обучения детей математике; Амонашвили Ш. А., 1988). Для того, чтобы включить канал Родитель — Естественный Ребенок, необходимо произвести перевод ребенка из состояния Адаптированный Ребенок в состояние Естественный Ребенок. Для этой цели воспитывающий взрослый может воспользоваться невербальными сигналами. Результат подобного «перевода» — не только в раскрепощении ребенка, но и в возможности для воспитывающего взрослого актуализировать эго-состояние Взрослый.

Последовательность взаимодействий, о которых шла речь выше:

- ребенок: «Не хочу!», «Не буду!» или «А что мне делать?»;
- воспитывающий взрослый: вместо слов, требующих внимания, невербальный знак, например, стук по столу, удар в гонг, жезлом и т. п. ; затем демонстрация фокуса.

Только теперь ребенку можно предложить развивающее задание, используя канал Взрослый — Ребенок.

Аналогичная структура работы может быть использована в работе с ребенком при доминирующем у него Взрослом. Но в этом случае воспитывающий взрослый на начальной фазе задействует канал Взрослый — Взрослый, опираясь на такие приемы, как загадывание загадок, прохождение лабиринта и др.

При выполнении ребенком развивающих заданий основным каналом взаимодействия воспитывающего взрослого с ребенком является Взрослый — Ребенок. При этом от воспитывающего взрослого требуется гибкость и переключение, отсутствие манипулятивного («игрового») подхода к ребенку. Основной акцент при этом падает на приемы *активного слушания*.

Приемы активного слушания образуют особую категорию организации процессов общения. Другие способы — оценка, советы, интерпретации поведения и высказываний партнера по взаимодействию, — значительно более распространены при общении воспитывающего взрослого с детьми, чем приемы *активного слушания*. Между тем личностно-ориентированная дидактика отдает предпочтение именно последним. Среди приемов активного слушания наиболее эффективными являются: парафраз, эхо-реакция и другие поддерживающие высказывания.

Если соотнести перечисленные приемы организации общения, используя категории транзактного анализа, то становится явным, что приемы активного слушания, в отличие от других, обеспечивают общение в канале Взрослый — Ребенок. Действительно, оценка и совет — это обращение Родителя к Ребенку, а интерпретация — это обращение Взрослый — Взрослый. При этом необходимо отметить, что приемы активного слушания отнюдь не исключают других приемов организации общения. В результате использования приемов активного слушания становится возможным актуализировать эго-состояние Взрослый у ребенка, а это уже, в свою очередь, позволяет эффективно использовать другие приемы.

Установление отношений сотрудничества мы рассматриваем как показатель успешности и, в некотором смысле, завершенности образовательных взаимодействий в рамках конкретного развивающего задания. Теперь, когда воспитывающий взрослый и ребенок оказываются в симметричных позициях, ребенок получает возможность вполне выявить потенциал, свойственный его Взрослому, — самостоятельность мышления, независимость, действенность.

7) Перекидывая мостик между двумя концепциями — «эго-состояний» и «отраженной субъектности», — остановимся на двух важнейших для нас понятиях ТА. Первое — это понятие «интроекция». Исходным для развития понятия «интроекция»

явилось психоаналитическое толкование, заключающееся в «стремлении поглотить любовный объект и идентифицироваться с ним» (Wolman В. В. , 1973); само «поглощение» выступает как способ защиты от любовного объекта, к которому индивид испытывает амбивалентное (двойственное) отношение. Теоретики ТА, начиная с Берна, принимают этот термин шире: интроекция как механизм психологического поглощения другого человека включается тогда, когда имеется недостаток контакта с ним или когда отсутствует возможность разрешить актуальный конфликт (Erskine R. e. a. , 1988). Кроме того, они считают, что далеко не всегда такой механизм является патологическим и что это — механизм формирования эго-состояния Родитель.

Р. Эрскин определяет эго-состояние Родитель как «интроекцию личности, совокупность мыслей, чувств, поведенческих проявлений, даже физиологии и телесных ощущений значимых других людей» (Erskine R. e. a. , 1988).

Рассматривая категорию Родитель, как она трактуется в современных разработках по трансактному анализу, можно видеть определенную противоречивость и недостаточность в дефинициях ключевых терминов. Рассмотрим, к примеру, только что приведенное определение Эрскина. Согласно этому определению любые проявления значимого другого должны быть автоматически отнесены к инстанции Родитель. Из этого следует, в частности, противоречащий здравому смыслу вывод, что младенец, который, безусловно, является «значимым другим» для своих родителей, будет «записан» в них как Родитель. Точно так же остается недостаточно проясненным понятие «интроекция».

С другой стороны, в рамках концепции «отраженной субъектности», охарактеризованной в гл. 1 в преломлении к задачам *диагностики*, остается недостаточно выясненным смысл основных понятий этой концепции в контексте психологии общения и, в частности, в рамках ТА модели, понятий, значимых в плане *построения* развивающих взаимодействий воспитывающих взрослых с детьми.

Нетрудно заметить взаимообогащающий характер сопоставления двух концепций. Намечая синтез двух концепций, сформулируем здесь ряд основных положений.

1. Каждое из эго-состояний может опосредовать процесс межиндивидуального отражения — выступить своего рода переводящим устройством, «конвертором» (от лат. *conversio* — обращение, превращение), «переносящим» другого человека из пространства реального бытия в пространство его идеального бытия в личности отражающего.

2. Отражается личность в целом, со всеми тремя эго-состояниями, независимо от того, какое эго-состояние актуализировано у отражаемого в момент осуществления отражения.

3. Одним из основных факторов, определяющим характер «конверсии», является качество контакта между отражаемым и отражающим, что может быть, впрочем, не более, чем субъективный феномен — эффект восприятия ситуации отражающим.

4. Отражение выступает в качестве источника динамики (достройки, соотнесения, обогащения) эго-состояний отражающего.

Рассмотрим процессы конверсии с позиции Ребенка, Взрослого, Родителя.

1. Когда конвертором выступает Ребенок, в результате рождается ассоциированный Родитель. Другой человек при этом переживается как источник влияния, которому подвержен отражающий. Здесь еще сохраняется возможность различения между *Я и не Я*, но другой человек переживается в своей неотделимости от *меня*, что, на наш взгляд, соответствует категории «интроекция». Переживание другого человека как силы, подчиняющей *меня*, свидетельствует об актуализированности другого в качестве Родителя. Вместе с тем, переживание неотделимости от другого, переживание другого как силы, действующей внутри *меня*, — симптом ассоциированности с *моим* Родителем. Идет, таким образом, достройка Родительской инстанции. Описанный механизм отражения — конверсия со стороны

Ребенка — имеет место в случае недостатка контакта у отражающего с отражаемым. В этом случае Ребенок преодолевает дистанцию с другим, «поглощая» другого и превращая его в идеального Родителя. При этом надо учитывать, что недостаток контакта может существовать лишь в субъективной картине ситуации взаимодействия в глазах отражающего. Объективно же это может быть нормальной ситуацией заботы и позитивного воспитания.

Во взаимодействии воспитывающего взрослого и ребенка эффект интроекции — одностороннего запечатления значимого другого в эго-состоянии Родитель — проявляется в таких феноменах, как эффект «ореола роли»: переоценки негативных проявлений воспитывающего взрослого ребенком и смешение существенного и малозначимого в проявлениях активности воспитателя (согласно экспериментальным данным А. Б. Николаевой).

II. Когда конвертором выступает Родитель, порождаются формы эго-состояния Ребенок. Одна из форм означает растворенность другого во *мне*, в *моем* Ребенке. Отражая другого, *я* не замечаю границы, отделяющей его от *меня*, его Ребенка от *моего* Ребенка. Он дан *мне* в ощущениях *моего* собственного *Я*. Здесь мы имеем дело с тем, что обозначают термином «фиксация». Другой вариант конверсии со стороны Родителя — отстранение другого как значимого существа: *я* упраздняю его как субъекта. «Упразднение» подразумевает ряд противопоставлений, осуществляемых Родителем: другому человеку отказывают в праве на собственное мнение или принятие ответственности, в понимании ситуации и т.д.; он воспринимается как неуправляемая, не имеющая никакой внутренней логики и порядка в себе сила и пр., то есть низводится до эго-состояния Ребенок; но это — отчужденный Ребенок, — «не Я». Родитель-конвертор оттесняет, таким образом, другого человека на самые архаичные, бессознательные уровни своего Ребенка. Мы имеем дело еще с одним механизмом психологической защиты — вытеснением. Обе формы отраженности другого человека с позиции Родителя роднит то, что такое отражение имеет место в случае, если отражающий переживает избыточность контакта с отражаемым. Понимая «контакт» как соприкосновение эго-состояний вступающих в взаимодействие людей, избыточность контакта мы определяем как невозможность дать адекватный ответ на прикосновение другого — невозможность осмыслить его воздействия, проявить участие, дать необходимый другому эмоциональный отклик.

2. Рассмотренные выше формы отражения ведут, по существу, к устранению воспитывающего взрослого как значимого другого (или значимого другого как воспитывающего взрослого). Таковы, в частности, последствия симбиотических отношений между воспитывающим взрослым и ребенком. Другим случаем является устойчивое восприятие ребенком воспитывающего взрослого исключительно в качестве игрового партнера (в случае если воспитатель ранее неоднократно принимал на себя роль Ребенка — наблюдение Н. А. Коротковой).

III. Когда конверсию осуществляет Взрослый, мы получаем такую форму отражения, которая может быть названа «идеальный значимый другой» (В. А. Петровский, 1992). Перед нами — диалогическая форма представленности. Взрослый отражающего наделяет значимого другого также чертами Взрослого; это происходит независимо от того, какие эго-состояния актуализированы в данный момент у другого. Происходит подтверждение или авансирование другого человека такими чертами, как ответственность, свобода, независимость и т. п. Конверсия «во Взрослого» обусловлена не только тем, что отражающий, реализуя черты, присущие его Взрослому, способен взглянуть на мир с позиции другого, отбрасывая предрассудки, иллюзии и пр., но и тем, что отражающий полагается на силы роста другого, свои собственные «вклады», возможности развивающих взаимодействий и т. п. Механизм такого рода конверсии включается в случае оптимального для отражающего уровня контакта со значимым другим.

К построению модели развития личности в переходном возрасте¹

Необходимость разработки критериев развития личности подростка стоил перед исследователем задачу построения целостности теоретической модели развивающейся личности, что является обязательным условием поиска конкретных параметров и процедур оценивания. Задача эта в современной психолого-педагогической литературе не решена и даже, по существу, не поставлена. Настоящая статья посвящена конструированию одной из возможных моделей развивающейся личности при переходе от детства к взрослости.

Под *теоретической моделью* какого-либо объекта мы понимаем систему взаимосвязанных гипотез, которые в составе той или иной теории воспроизводят логику функционирования данного объекта. Иначе говоря, выступают как объяснительные по отношению к его эмпирическим обнаружениям. На основе модели только интерпретируется некоторый известный круг явлений, но и дается прогноз относительно возможных проявлений моделируемого объекта. Исследователь, таким образом, расширяет свои эвристические возможности, проводя рассуждения «на модели» и принимая ее (условно и временно) за моделируемый объект с тем, чтобы предвосхищать его вероятную динамику.

К сожалению, в возрастной и педагогической психологии принцип теоретического моделирования развит крайне бедно (за вычетом, пожалуй, великого исключения из этого общего правила в виде генетической эпистимологии Жана Пиаже). Существующие «стадиальные» психологические обобщения при всей их изоциренности в значительной мере описательны и, как правило, не ориентированы на теоретическую имитацию *необходимого характера* соответствующих эмпирических обнаружений личностного роста субъекта. В этом отношении показательна в целом интересная и в дидактическом отношении полезная книга В. Ф. Моргуна и Н. Ю. Ткачевой. Авторы, оперируя большим массивом информации и проявляя значительную изобретательность в схематизации материалов, накопленных трудами многочисленных психологов, не вычленяют какой-либо особой логики в этом материале, — логики, которая бы обладала объяснительной силой. Наведение «порядка» извне — в целях схематизации и дидактики — задача в высшей степени полезная и важная, но она составляет лишь первый предварительный этап распознавания внутренней логики, внутреннего порядка в изучаемой группе фактов.

Необходимо сделать еще одно разъяснение. Мы выделяем задачу построения теоретической модели реально происходящего, а не моделей подходов к изучению происходящего, иначе говоря, моделей методологии психологического исследования и интерпретации фактов развития. Учет этих моделей — «парадигм» также составляет важное методологическое условие решения указанной проблемы. Однако построение собственно теоретической модели развития — совершенно особая задача, не сливающаяся с методологической проблематикой, хотя и базирующаяся на ней.

Среди методологических предпосылок построения интересующей нас модели отметим следующие. Область определения критериев развития личности и выделения соответствующих модели есть область «интра»-, «интер»- и «мета» - субъективных проявлений индивидуальности. Специальный анализ показал, что в центре внимания исследователей должны быть не сами по себе особенности общего психологического развития (такие как, например, особенности восприятия, памяти, мышления и т. п.), не сознание и даже не самосознание как таковое, а характер включенности психических процессов, состояний, свойств индивидуальности, в контекст реализуемых ею отношений и связей. Следовательно, оценку развития личности следует строить на фундаменте таких категорий анализа, которые шире классических категорий индивидуальной психологии. Лишь в этом случае личность откроется как надиндивидуальное образование. Между тем, именно такой путь исследования и диагностики уровня развития личности до сих пор был закрыт для анализа. На этом широком пути исследованию подлежат:

1) Соотношение содержаний самосознания подростка и его (подростка) идеальной

представленности в жизнедеятельности других людей;

2) Этическая оценка актов взаимодействия в системах «подросток — подросток», «подросток — взрослый», «подросток — младшие дети».

3) Определение меры ответственности (предвидения и контроля) подростка за результаты и последствия своих поступков.

Специальную цель исследования составляет анализ потребности «быть личностью» — потребности персонализации (под потребностью персонализации подразумевается потребность быть идеально представленным и продолженным в других людях и в себе как в «другом», что обеспечивает индивиду переживание социальной значимости или, как мы говорим, своей «личности»). Важность исследования в направлении отмеченной цели продиктована тем, что возрастная динамика этой потребности (условий ее актуализации, способов удовлетворения, эффектов реализации), по видимому, обуславливает своеобразие соответствующих возрастных этапов. Именно в связи с разработкой этой проблемы нами и была намечена теоретическая модель развивающейся личности на этапе перехода от детства к взрослости.

" Фрагменты статьи из сборника: «Проблемы мотивации общественно полезной деятельности школьников». М, 1984, С. 36-45.

Логические контуры этой модели были заложены в наших предшествующих разработках. Возрастное развитие описывалось в виде чередования фаз, каждая из которых характеризовалась специфическим процессуальным наполнением основных «целей», «средств» и «результатов» жизнедеятельности субъекта, в которой порождалась его способность «быть личностью». Уточненным в новой модели является то обстоятельство, что потребность и способность «быть личностью» оказываются соотношенными в пределах одной модели. Отчетливее выступает и деятельностная обусловленность связи между способностью и потребностью «быть личностью». Более жестко в новой модели прослеживается *необходимость* чередования фаз личностного развития. Так, категория «результат» естественным образом соединена с категорией «источник развития». В новой модели мы, таким образом, приходим к следующей наиболее абстрактной схеме описания развития: . . . — (РЕЗУЛЬТАТ) ИСТОЧНИК — ЦЕЛЬ — СРЕДСТВО — РЕЗУЛЬТАТ (Источник)— . . . взамен прежней: ЦЕЛЬ — СРЕДСТВО — РЕЗУЛЬТАТ (см. рис. на стр. 262). Каждая фаза развития характеризуется своеобразным единством перечисленных моментов, которое отличает ее от другой фазы развития. В то же время опорные категории РЕЗУЛЬТАТ — источник, ЦЕЛЬ, СРЕДСТВО не только содержательно специфичны, но и инвариантны относительно различных рассматриваемых звеньев онтогенеза.

Источник личностно образующей формы активности описывается нами на всех анализируемых фазах онтогенеза единообразно: как противоречие («расхождение», «диспаратность») между двумя Я субъекта. Одно из них — описанное в философской и психологической литературе триединство «Эго», «Я»-«Концепции» и «Самости». В настоящей работе мы будем говорить о ней обобщенно: о *Я в собственных глазах индивида* или еще — «эзотерическое» Я субъекта, не забывая, однако, о его сложном строении. Другое Я — практически еще не открытое и не освоенное в специальной литературе, однако, по видимому, не менее действенное и реальное, чем первое. Это — предполагаемый индивидом образ его Я в глазах другого индивида, других людей, *гипотетическое собственное Я в глазах другого*. Оно может быть также названо «иммерсивным Я» — от «immersio» — погружение, а также — «экзотерическое» Я. Фрагментом иммерсивного Я являются так называемые «ожидаемые» оценки личности в группе (А. С. Буеи), хотя термин «ожидаемые»

и не вполне адекватен: речь должна идти не об ожидаемой оценке, а именно об иммерсивной оценке — усматриваемой индивидом, как бы погруженной в восприятие других людей, оценке его собственного Я. Индивид не «ждет» оценки — она *всегда уже есть* (речь, понятно, здесь не идет об адекватности иммерсивных оценок действительным оценкам, которые дает индивиду та или иная социальная общность).

Как можно видеть, здесь формулируется основная гипотеза, касающаяся *строения сознания* развивающейся личности. Эта, принимаемая нами, гипотеза состоит в том, что в сознании субъекта присутствует особая инстанция — «Я в глазах другого» (иммерсивное Я). И эта особая инстанция обладает регулятивной функцией по отношению к организации собственной активности данного индивида. Принятие этой гипотезы связано со всей совокупностью положений, развиваемых нами при разработке проблемы личности в аспекте персонализации.

Далее предполагается, что, начиная с подросткового возраста и далее, в сознании индивида находит отражение действительное противоречие развития, состоящее в множественности форм идеальной представленности индивида в жизнедеятельности других людей и за этот счет несовпадение Я в собственных глазах и иммерсивного Я индивида. Подчеркиваем, что за этим несовпадением стоят действительные трудности персонализации, подлинная проблемность трансляции себя другому. Это противоречие, будучи переживаемым, есть особое потребностное состояние, которое, в терминах А. Н. Леонтьева, *опредмечивается* в конкретных группах, тех социальных общностях, в которых оказывается индивид, обуславливая появление мотива (или в широком смысле ЦЕЛИ) персонализации. Итак следующая категория, в которой продолжается описание развития, это категория мотива (цели).

Цель описывается в самом общем и широком смысле — как желаемый (потребный) результат активности, как то, что предвосхищается субъектом и направляет его деятельность. В данном случае имеется в виду — побуждение субъекта «полагать себя в другом», «персонализироваться», анализ которого дан нами в совместной с А. В. Петровским статье. Общим для всех рассматриваемых возрастов является стремление индивида быть идеально представленным в других людях согласно своей *собственной мере* — вызывать у других то отношение к себе, которое соответствует его собственному положительному отношению к себе, когда любое свойство характера, интеллекта, физического развития и т. п., в той мере, в какой переживается как обладающее социальной значимостью и ценностью, актуализирует потребность персонализации и «предъявляется» в общении со значимыми другими.

Определяющая цель развития личности — *быть значимым другим для значимого другого (других)*. В теоретической модели должна быть выдержана специфика реализации этой цели на разных этапах онтогенеза. Ее осуществление производится в деятельности и общении, следовательно, необходимо, указать способы (средства) персонализации индивида в значимой социальной общности.

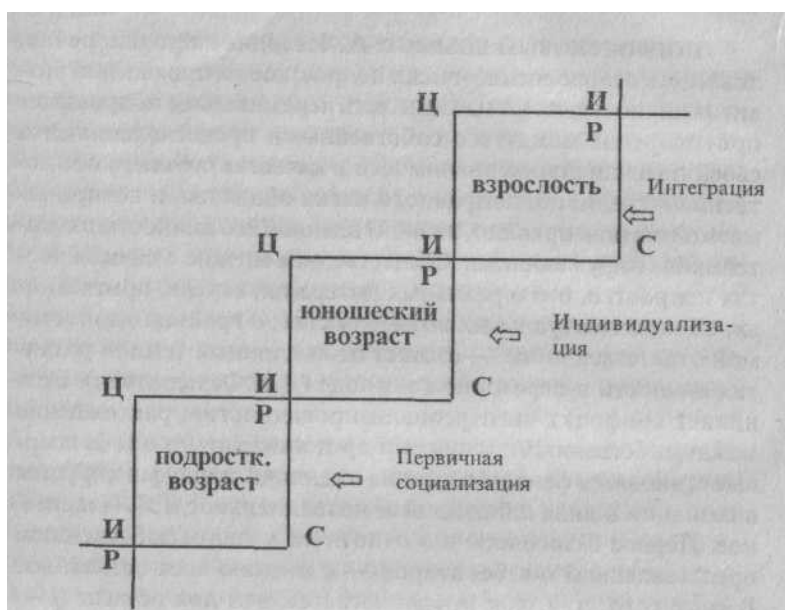
Третья категория — СРЕДСТВО. Этим термином мы обозначаем деятельность и коммуникативные акты, осуществляемые в направлении удовлетворения ведущих побуждений субъекта. Само по себе первое не имеет ценности без второго, что подчеркивает вспомогательный, инструментальный характер этих актов. В качестве таких актов мы предлагаем рассматривать, точнее, включаем в модель, — идентификацию индивида с реальными или воображаемыми людьми, значимыми для той общности лиц, в которой стремится быть персонализированным он сам.

. Наконец, категория РЕЗУЛЬТАТА выступает как итоговая характеристика движения развития на соответствующей фазе онтогенеза, выражающая достигнутый уровень преодоления оппозиции Я собственное и Я иммерсивное. Эта завершающая характеристика является вместе с тем и начальной по отношению к последующей

фазе развития.

С опорой на эти общие черты модели, опишем конкретные гипотетические (модельные) характеристики подросткового и юношеского возрастов и перехода к взрослости.

ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ. А, Исходное противоречие, лежащее в основе специфически подростковых проявлений развития личности, их источник, есть переживаемое подростком противоречие между его собственными представлениями о своей потенциальной значимости в качестве субъекта общественной жизни, полноправного члена общества, и воспринимаемой им (как правило, низкой) оценкой его личностного потенциала окружающими. Общественное мнение о возможностях подростка, о его реальных интересах, вкусах, притязаниях, об интеллектуальных возможностях, о границах допустимой ответственности — отстает от подлинных темпов развития личности в переходном периоде (Д. И. Фельдштейн). Возникает конфликт «неперсонализированности»; расхождение между собственными и чужими представлениями о себе впервые становятся фактом сознания индивида, и оно фиксируется в сознании в виде оппозиции Я потенциальное и Я — наличное. Первое безоговорочно относится к своим собственным представлениям о себе, второе — к мнению всех остальных. В силу того, что, как предполагается, эти два образа Я — собственное и иммерсивное, равным образом и одновременно представлены в сознании подростка, сопоставимы по своей значимости и действенности для него, у подростка возникает внутренний импульс к преодолению подобного противоречия, что и означает актуализацию потребности персонализации. Б. Потребность персонализации, основанная на конфликте неперсонализированности, реализуется подростком через идентификацию с теми людьми, которые, по мнению подростка, достаточно признаны в круге значимых для него других. Заметим, что бытует мнение, будто бы подросток непременно стремится быть похожим на взрослого, «быть как взрослый». По это, в общем случае, не так! Подросток ищет сходства так и с теми, кто *значим* для взрослых, способен оказать *влияние* на них, быть в их глазах позитивно или негативно значимым лицом. «Быть таким, как тот, с кем считаются, или не могут не считаться взрослые!» — характеристика, значительно более близкая подростковому возрасту, чем, возможно, цель «быть как взрослый». В субъективном плане потребность персонализации выступает как мотивация *общественного самоутверждения личности*.

Абстрактная схема описания развития субъекта: И — источник; Ц — цель; С — средство; Р — результат.

Подлинный путь развития личности на этапе подростничества — это

включенность подростка в специальным образом организованную общественно полезную деятельность (Д. И. Фельдштейн), в которой идентификация подростка с общественно признанным лицом (организатор, лидер) осуществляется в форме воспроизводства присущего тому типа активности. Факты такого значимого в аспекте персонализации воспроизводства форм и направленности активности значимого другого, в данном случае, воспитателя, организатора общественно полезной деятельности подростков, со всей наглядностью проявляются при реализации приемов «заинтересовывания» школьников выполнением общественно необходимой, но не привлекательной деятельности. «Прикрепление» подростка к той или иной деятельности оказывается возможным в значительной мере благодаря авторитету того взрослого (авторитету для большинства или для всех), который подает соответствующий пример. Только ли специфически подростковым считать подобный путь вхождения в социально значимую, но непосредственно не притягательную деятельность? По-видимому, — нет, но при анализе юношеского возраста мы сталкиваемся уже с совершенно иной типичной картиной, которую, в известной мере, можно считать перевернутым подобием идентификационной направленности подростков.

ЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ. Здесь вновь воспроизводится расхождение между тем, каков индивид в его собственных глазах и каков он, по его мнению, в глазах окружающих (дуализм эзотерического и экзотерического Я). Кризис «неперсонализованности», послуживший внутренним динамическим фактором развития личности в подростковом возрасте, теперь уступает место новому источнику роста личности. Стремясь «быть собой» в глазах других, доказать свою значимость и для этого отождествляя себя с теми, кто значим, он сам все больше превращается в «другого», и все меньше, глядя на себя со стороны, кажется себе «собой». Обратной стороной успеха в доказательстве своего равенства другим оказывается чувство утраты своего *неравенства* им. Подчеркиваем: речь идет об экзотерическом Я, то есть о том, как представляет данный индивид представление о нем других людей, как реконструирует в своем сознании в ляд, брошенный «со стороны». Что же касается собственного представления о себе, эзотерического Я индивида, то тут чувству самоутраты нет места; наоборот, в собственных своих глазах индивид не только не перестает быть собой, не только не растворяет свое Я в окружающих, но — в самом ходе идентификации с ними — все отчетливее начинает отличать себя от них, открывает свою «неидентичность». Противоречие эзотерического и экзотерического Я выступает теперь как противоречие Я — уникального («оригинального»), фиксируемого в высказываниях вроде: «я не похож на других», «я не такой, как все», и Я — обычного (заурядного) — «я как все». На основе этого остро переживаемого противоречия порождается новая цель, а именно цель персонализации значимых других своим несходством с ними. Однако пока это несходство определено чисто негативобозначения того, в чем именно состоит момент несходства, цель эта не может быть достигнута. Необходимо, чтобы было что-то, чем субъект может себя противопоставить окружающим и тем самым хотя бы временно обрести в их глазах значимость, которая недостижима в случае стертости его индивидуального своеобразия. Он должен быть иным, чем они, «другим» в глазах «другого». Эта задача обесценивает прежнюю подражательную активность. Следы ее, впрочем, еще остаются. Однако, она в этом случае направлена на тех людей из ближайшего окружения, которые сами значимы в аспекте персонализации, а на тех, кто входит в дальние референтные группы подростка. Так, некоторые пускаются на поиск уже *готовых* ролей, которые можно было бы заимствовать где-нибудь в стороне от своей группы общения, с тем, чтобы играть затем «достойную роль» в непосредственном контакте со сверстниками. Отождествление себя с *литературными* персонажами служит той же

цели. Более парадоксальны, но объяснимы с той же самой позиции проявления направленности идентификации, как, например, идеализация заведомо неперсонализированных, «отверженных», «непризнанных», интерес к «антигерою» и т. д. Действительный путь развития состоит, однако, не в утилизации уже имеющихся вариантов и шаблонов поведения личности, а в *идеальном конструировании «своего»* другого, который-то и призван стать образцом для подражания, иначе говоря, объектом аутоидентификации старшего школьника. Построение «своего» другого протекает как отталкивание всевозможных «чужих» Я, как антиидентификация с ними. Естественно обозначить данную ступень личностно образующего движения как ступень *самоопределения личности*, ибо потребность персонализации реализуется здесь, на юношеской фазе онтогенеза, в форме поиска субъектом собственного индивидуального своеобразия, идентификации с таким воображаемым Я, которое является именно своим, исключаящим любое заимствование.

В итоге формируется некий незапланированный РЕЗУЛЬТАТ: индивид не только переживает свое Я как особенное, отличающееся от всех других Я, являющееся другим по отношению к ним всем, но и чувствует себя в какой-то мере отчужденным от значимых других, поскольку его Я конструировалось как открывающееся именно ему, а не другим. Вновь воспроизводится конфликт эзотерического и экзотерического Я, но теперь он конкретизируется как противоборство «экзистенциального» и «отчужденного» Я, что связано с переходом к следующему этапу развития: взрослости.

ВЗРОСЛОСТЬ¹. Внутренним побудительным ИСТОЧНИКОМ развития личности здесь является уже отмеченный нами конфликт «экзистенциального» и «отчужденного» Я (первое соответствует эзотерическому, второе — экзотерическому Я). ЦЕЛЬ — персонализация своими социально значимыми отличиями от других. СРЕДСТВО — построение реалистического идеального Я на основе учета собственных возможностей и стремление быть «на уровне» своего идеального Я, идентифицироваться с ним. РЕЗУЛЬТАТ — противоречие между высоким уровнем общественной оценки (знаемой или ожидаемой) и чувством нереализованности, нередко — нереализуемости собственных идеалов и притязаний.

Если предложенная модель развивающейся личности в общих чертах верна, то необходимые критерии развития личности, отвечающие исходной модели, могут быть выявлены лишь при исследовании того, кто выступает для подростка его «значимым другом», с кем идентифицируется подросток, *какой значимой стороной своей индивидуальности открывается и т. д.*

Если попытаться педагогически осмыслить описанные нами выше особенности развития личности в дошкольном и младшем школьном возрасте, а также при переходе от детства к взрослости, то вырисовываются некоторые общие черты ситуаций, в которых личность ребенка действительно развивается.

Стратегия заключается в том, что воспитывающий взрослый создает совершенно особую развивающую среду. В ней Определенным образом синтезированы («соорганизованы») природные», «предметные», «социальные», «экзистенциальные» образующие жизненного мира ребенка: суть этого синтеза — в создании условий для движения деятельности, и в частности, — активно-неадаптивных действий всех участников образовательного взаимодействия, а также для всесторонней отраженности их субъектных проявлений; пространство витальности, социокультурное пространство, пространство сознания других, пространство самосознания превращаются в зеркало субъектности детей и воспитывающих взрослых.

¹ Данные возрастные этапы не являются предметом специального анализа » настоящей работе. Поэтому мы лишь конспективно намечаем основные характеристики развития личности в период «взрослости».

Предлагаемый нами принцип реализации этой стратегии состоит в акцентировании и взаимосопряжении трех моментов движущейся субъектности: «единичное», «особенное» и «всеобщие» в становлении идеи «Я есть Мир» (человек как причина себя в мире, — «свободная причина»).

Ориентацию на категории «единичного», «особенного», «всеобщего» в становлении личности как единомножия форм субъектности определяют основные черты *личностно-ориентированной дидактики* (В. А. Петровский, 1991). Эти черты должны быть отмечены в порядке естественного развития наших представлений о самоценных формах активности, — познавательных, волевых, эмоциональных устремлениях личности.

Первая проектируемая характеристика личностно-ориентированной дидактики — это культивирование уникального опыта ребенка. Существенно, что здесь такой опыт выступает не только в качестве источника, но и в качестве ценностного горизонта образования. В традиционной педагогике собственный опыт ребенка рассматривается как своего рода «сырье» образовательного процесса, которое должно быть обработано и использовано по законам безлично-всеобщего. Единичное (например, «эйдосы» Гуссерля) никогда не рассматривалось как конечная цель, — всегда лишь в качестве предпосылки, не более. Индивидуальное видение, языки постижений, чувствования, эмоциональные отклики, интенциональность — все подлинно субъективное должно было быть, если и не отставлено (что делалось запросто, см. точные слова, найденные И. С. Якиманской для описания этой традиции полного игнорирования «личного»), то оставлено — лишь для того, чтобы «опереться». Между тем, вершинным для личностно-ориентированной дидактики, как нам думается, должен был бы стать именно такой ориентир, упущенный, или, если прибегнуть к аргументу разработчиков, «ненареченный „классиком“» но уж точно классик педагогической мысли, Герман Гессе творя Касталию, апеллировал ко Всеобщему; нелишне напомнить, что лишь за пределами «педагогической провинции» его Мастер игры соприкоснется с Особенным, так, впрочем, и не успев обрести Единичное. . . Между тем образование, в русле личностно-ориентированной дидактики, могло бы выступить доподлинно как «испытание», «ведение» себя.

Вторая характеристика — это признание ценности обоюдного опыта, ценности «события» (идею «событийной общности» как условия и ценности образования мы встречаем в работах В. И. Слободчикова). Что же является специфическим содержанием событийного, я бы ответил так: особенное, открывающееся в контактах между участниками образовательного процесса. Опыт Особенного, рождающийся при этом, не сводится лишь к предметной стороне отрывающегося. В нем явно присутствует Значимый другой, ощутимо именно присутствие другого («человек это присутствие» — отмечал Хайдеггер). Эффекты присутствия человека в человеке были исследованы в многообразных психологических экспериментах на основе реализации метода «отраженной субъектности» (В. А. Петровский, 1984, 1994). Но что, в таком случае, можно было бы сказать о Значимом другом, если иметь в виду его роль в образовательном процессе? Если иметь в виду все сказанное ранее в этой книге, то ответ очевиден: ценностный акт обретения людьми совместного опыта, достижение резонанса, отраженности. Люди приобщаются друг к другу, постигая единый для всех «предмет», и в то же время они постигают этот предмет, лишь приобщаясь друг к другу. Подчеркну только, что существенно здесь ощущение сопричастности, значимости именно данного круга лиц, очерченность круга. В этом контексте образование должно быть осмыслено как «посвящение».

Третья проектируемая черта — ставка на универсальность опыта. В рамках развиваемой нами системы представлений речь могла бы идти об опыте постижения трансфинитного («актуально-бесконечного»). Классический пример трансфинитного - понятие треугольника, которое не может быть исчерпано, каким бы то ни было конечным множеством эмпирических треугольников. Бесконечность здесь дана в

понятии сразу и вся. Определяя ценности личностно-ориентированного образования, мы задаемся вопросом о переживаемости трансфинитного, о форме и условиях его чувственной данности. Замечено, что на мгновение, как бы вспышками, нам открывается бесконечное в его полном объеме (Б. Г. Кузнецов). Но что предшествует этому и что здесь зависит от нас? Традиционные стратегии образования ориентированы на развитие у детей компетентности в сферах «конечного» и «эмпирического» познания и практики (парадигма ЗУН). Разрабатываемая нами стратегия исследования и конструирования образовательных заданий адресована Всеобщему, — представленному в движении категорий «бытие», «ничто», «становление», «качество», «количество», «мера», «возможность», «действительность» и т. д. Рождается особая область психологических и педагогических исследований. Исходные ее «предметы»: свобода, бессмертие, совершенство. Образование под этим углом зрения выступает как «обращение».

Объемлющим принципом построения личностно-ориентированной дидактики, на наш взгляд, могла бы выступить до сих пор еще не осмысленная психологами гегелевская идея «Идеи»: единства мысли и мыслимого, шире — субъективного и объективного в динамике их превращений друг в друга. Единичное, Особое и Всеобщее раскроются тогда нам в своей равноценности, взаимности переходов.

Объектом ведущихся разработок является, таким образом, возможность построения личностно-ориентированной дидактики как системы условий самоиспытания человека в его субъектности, вовлеченности в мир значимых связей с другими людьми и обращенности к бесконечному.

На этом пути личность должна выступить перед нами в своей свободной причинности.

Глава 15. Идея свободной причинности в психологии личности

Идея «свободной причинности» (то есть возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) по своему историческому «возрасту» ровесница самой философии, в которой она с такой настойчивостью и страстностью отстаивала себя. Независимо от того, склонялись ли философы к признанию свободы или объявляли ее иллюзией, постулировали ли ее существование или выводили, «ощущали» ли ее как данность или видели в ней идеал, — будет справедливым сказать, что идея «свободной причинности» неизменно самоосуществляется в философии; присутствие этой идеи в пространстве и времени философской культуры давно уже приобрело, — и здесь мы воспользуемся термином Хайдеггера, — Необходимый характер.

Соответствует ли философской идее «свободной причинности» нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И. Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (однако принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа «свободной причинности» психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию, и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?

Обсуждая эти вопросы, мы опираемся на учение Аристотеля о четырех причинах, концепцию «свободной причины» И. Канта, гегелевскую интерпретацию *causa sui*, концепцию «длительности» А. Бергсона и др. ; мы используем также психологические разработки (в частности, выполненные самим автором), которые представлены здесь академическим и практическим направлениями; наконец, мы исходим из определенной модели соотношения философского и психологического знания.

Рассмотрим подробнее философские и психологические аспекты проблемы, а также пути их искомого синтеза.

ТЕЗАУРУС. Согласно Аристотелю, «причиной называется [1] то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; [2] форма или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы или первообраза (например, для октавы — отношение двух к одному и число вообще) и составные части определения; [3] то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина и отец — причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; [4] цель, то есть то, ради чего, например, цель гуляния — здоровье.» (Аристотель, М., 1971, т. 1, 146). Причина [1] есть «материальная причина»; [2] — «формальная причина»; [3] — «действующая причина»; [4] — «целевая причина». Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что «есть причины по отношению друг к другу (так, занятие трудом — причина хорошего самочувствия, а оно — причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно — как цель, другое — как начало движения» («Хорошее самочувствие — цель, а занятие трудом — начало движения» — комментирует слова Аристотеля В. Ф. Асмус). Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи «возвращения причины к самой себе», ключевой для развиваемой нами трактовки «свободы причинности». Общее определение причины и отчетливо сформулированную дефиницию свободы мы находим у И. Канта. Причина определяется им как «условие того, что случается», а гипотетическое начало причинного ряда, полагаемое существующим, есть свобода — «безусловная причинность причины в явлении». Свободная причина была «локализована» автором «Критики чистого разума» за пределами возможного опыта — области трансцендентального. Обратим внимание ни ту изысканную осторожность, с какой Кант освещает место свободной причинности во взаимоотношениях с элементами опыта. Вот перед нами лишь несколько характерных высказываний: «Никакого ущерба мы не нанесем ему (рассудку — В. П.), если допустим, — хотя бы это было чистой фантазией, — что среди естественных причин есть и такие, которые обладают чисто умопостигаемой способностью. . . » (с. 330); «. . . допустим по крайней мере возможность того, что разум действительно обладает причинностью в отношении явлений» (с. 332); «Следует заметить, что мы вовсе не собирались таким образом доказывать действительность (курсив И. Канта) свободы, как способности, содержащей в себе причину явлений нашей чувственности. . . Это предприятие не могло бы удалиться, потому что из опыта никогда нельзя умозаключить к чему-либо такому, что должно быть мыслимо согласно с законами опыта. . . Мы не собирались доказывать даже и возможности свободы, так как и это предприятие не удалось бы. . . » (с. 336). — Путь искомого обоснования мы встречаем в гегелевском очерке «преобразования необходимости в свободу»; связь между причиной и действием в своей истине, отмечает автор «Науки логики», предполагает возвращение причины к себе (через то, что выступает как ее действие и благодаря чему «в изначальность полагается действие, т. е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией»). Итак, причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой, — в конечном счете, определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именует «свободой»!

Мы видим, таким образом, что обнаруживается совершенно особая перспектива осмыслить причину, открывающую причинный ряд: это допустить возможность «самоопределения» (= «самоосвобождения») причины, возможность возврата к себе самой. Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через сдвое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть — *causa sui* («причина себя») (используя этот термин именно в указанном смысле).

Теперь, после того как намечен (конечно, не более чем намечен!) понятийный аппарат продвижения вглубь нашей проблемы, мы можем поставить вопрос о

способах психологической интерпретации идеи *causa sui*.

CAUSA SUI КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. Философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает нам алгебраическое уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения — четыре «корня» в ответе на вопрос о психологической природе *causa sui*. Согласно принятым нами условиям, «корни» решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам, и каждая — в сочетании с другими — должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение «свободной причины».

Искомое решение может быть найдено в области психологии *Я*. Последнее же мы рассматриваем как единомножие четырех ипостасей: «Имманентного *Я*», «Идеального *Я*», «Трансцендентального *Я*» и «Трансфинитного *Я*». Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и, вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг *causa sui*.

ИММАНЕНТНОЕ Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «материальной причины». «Неуловимая», по всеобщему мнению, материя *Я* как бы соткана из мгновенных состояний *Я*, непрестанно обновляющихся во времени и в этой подвижности содержащих а себе нечто общее, — «претерпевающее», что рефлексивируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе *претерпевающим* изменение). Имманентное *Я* существует, таким образом, в *настоящем* пространстве и времени. — Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные Имманентному *Я*, со всей отчетливостью выражены Б. Пастернаком: «*И нужно пи единой долькой не отступаться от лица, но быть живым, живым и только, живым и только — до конца*». Имманентное *Я* есть *Я* становящееся, заключающее в себе «единство возникновения и прохождения» (в терминах гегелевской философии). — Имманентное *Я* «принадлежит», таким образом, парадоксальной реальности «Вот-сейчас-бытия» — реальности, на которой, безусловно, держится мир и которая никогда, как таковая, не дана нам в своей непосредственности. Ощущение парадоксальности усиливается, если заметить, что «вот-сейчас-бытие» заключает в себе образы Прошлого и Будущего (и даже Настоящего), и, таким образом, последние даны нам в чем-то таком, что нам не дано, — существуют в несуществующем! Выход из этого парадоксального положения заключается в том, чтобы допустить существование чего-то, что могло бы заключать в себе несуществующее, давая ему возможность *быть*. Такое искомое существует в «природе», и точное его имя — «переживание» (к чему мы еще вернемся). — Однако, Имманентное *Я* в момент своего рождения еще не переживается, и в той же мере — не выступает в виде какого-либо образа или мысли. Свойственная нашему сознанию привычка «целеосмысления» всего происходящего (выражающая «постулат сообразности» — В. А. Петровский, 1975) применительно к Имманентному *Я* также должна быть отброшена. Имманентное *Я* полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некой точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы «застаем» Имманентное *Я*), — а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиции, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему имманентное *Я* есть столь же и *сокровенное Я* человека. — В истории психологии возникали понятия, выражающие, по крайней мере частично, существо Имманентного *Я* (или отдельные его «измерения»). Это такие понятия как «детерминирующая тенденция» (Н. Ах), «порыв» (А. Бергсон), «поток сознания» (У. Джемс), «промежуточные переменные» (Э. Толмен), «настроение» (В. Басов), «схема» (У. Найсер) и др. Пожалуй, наиболее интересна для нас, в качестве обобщающей, категория

первичной установки Д. Н. Узнадзе, но она, к сожалению, по сей день остается заслоненной телеологием прилежного изучения феноменов «*фиксированной установки*» (в связи с чем, наряду с термином «первичная установка», мы будем использовать также термин *интенция*, подчеркивая, впрочем, что речь здесь о внецелевых интенциях индивидуума). То общее, что роднит все отмеченные выше понятия, включая «первичную установку» — это детерминирующая роль неуловимого “здесь-и-теперь”. Такую форму причинности мы называем синхронической; мгновенные состояния *Я*, внутреннее устройство которых определяется действием синхронической причинности и (осуществляющей синтез импульсов, интуиции, помыслов предчувствий), воссоединяются во времени, или, как говорил А. Бергсон, проникают друг друга, что и образует диахронический материал *Я*. Таким образом, движущаяся волна новизны, обусловленная действием синхронической причинности, диахронически выявляет устойчивость *Я* в процессе его постоянного самообновления.

ИДЕАЛЬНОЕ Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «*формальной причины*». Идеальное *Я* образуют представления человека о самом себе. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в *идеальном* пространстве и времени, и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности (даже тогда, когда он конструирует образ себя в настоящем). Таков взгляд человека на свое физическое *Я* (экспериментальные исследования показывают, насколько зависим образ собственного физического *Я* от установок личности); здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения (вспомним о лопатинском «внутреннем человечке»); в Идеальном *Я* конструируется также образ себя как мыслящего («мыслящая вещь» Декарта); и, наконец, Идеальному *Я* принадлежат образы того, как человек переживает себя, — возможность длить свое бытие, воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным — подлинный источник целеполагания (в нашей трактовке «цель» есть образ возможного как прообраз действительного — В. А. Петровский, 1992). В исследованиях, специально посвященных этому вопросу, мы показывали, что в деятельности человека порождаются избыточные возможности действия (целевые перспективы, выходящие за границы первоначально поставленных частных целей). Новоприобретенные возможности отягощены внутренним ограничением, заключающимся в том, что это пока еще только возможности (граница здесь положена самой идеальностью их); но, становясь предметом рефлексии, они приобретают силу побуждать активность («мотив границы»). Психологической категорией, отвечающей детерминизму возможным как *таковым*, является *надситуативная активность* (В. А. Петровский, 1975, 1977).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «действующей причины». Таково наше мыслящее, — вне-находимое и вне-временное, — *Я*. Вне-находимость означает, что нечто находится (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его, как такового, никогда не было; вне-временность — значит, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное *Я*, таким образом, существует в *условном* пространстве и времени. — Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие; и — будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание {«*Мысль изреченная есть ложь*» — Тютчев). Вюрцбургцы и их последователи после открытия безобразности мысли не пошли дальше (а переживаема ли мысль? а вербализуема ли? а установочна ли?). Мысль, как таковая, не существует «где-то» (попытку буквально поместить-подвесить мысль в реальном пространстве мы встречаем в работах В. В. Налимова). — По отношению к *значению*

чувственных предметов справедлива формула: «значения — сверхчувственны». Но что значения суть, как не кристаллизации мысли? — Мысль — есть, когда ее замечают. Но ее замечают, когда она уже есть. Мысль не существует «до», но она и не рождается «в ходе» (в рефлексии мы схватываем ее как уже родившуюся). Хотя Мысль, как таковая, вне-находима и вне-временна, ее чувственная запись — своего рода письменное послание нам — существует в пространстве и времени. — Скрытая работа мысли по преодолению границ не означает, что «кто-то» (представление о «мыслящем») «производит» мысль. Когда мы утверждаем, что, осмысливая свои границы, индивидуум неизбежно порывает с ними, и что в этом проявляется скрытая работа его мысли, мы новее не хотим сказать этим, что «кто-то» в нем как бы подталкивает его к этому. «Мыслящий» есть чувственная метафора самой мысли о мысли. Парадокс, однако, состоит в том, что представление о некоем субъекте, который, так сказать, «производит» мысль, при всей его, казалось бы, неадекватности существу происходящего, рождается не без участия самой мысли. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение (свидетельство о рождении, как известно, выдается после рождения, хотя дата, отмеченная на нем, совпадает с моментом рождения). «Я мыслю» (когито) означает, что ни, сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем производит эти представления без какого-либо мысли-производителя инкогнито. Представление о тайном «поставщике» мысли есть чувственный след и знак мысли, появляющиеся на свет в ходе самого мышления, — спутник мысли, которого нередко ошибочно принимают за поводыря. Правда, спутник этот нередко вырывается вперед, как бы показывая мысли: «Я существую», но в то же время старается придерживаться мысли, потаенно зная, кто тут ведет. Подлинным основанием мысли, ее источником, является сама мысль: без мысли о мысли есть, может быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действию, — нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя, — «думу думает». . .). Мысль, мыслящая себя, и есть — трансцендентальное Я. Именно оно ведет в запределье, будучи действующей причиной в составе *causa sui*. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что то же самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить. — Действие мысли заключается, таким образом, в том, чтобы раскрывать перспективу быть, по словам Гегеля, у себя, сохранять себя при себе где бы то ни было, — виртуальную (тут же и воплощаемую) возможность всеохватного присутствия в мире. Но это становится достижимым лишь на ступени целевого состояния Я. — Психологическим эквивалентом философской трактовки мысли явилась бы категория собственно мысли, психологически еще, увы, не осмысленная.

ТРАНСФИНИТНОЕ Я. Ему соответствует *causa sui* в значении «целевой причины». — Таково переживание безграничности своего существования в мире. Опираясь на представления Г. Кантора, трансфинитность вообще можно определить как присутствие актуально-бесконечного в сознании (В. А. Петровский, 1995). В данном случае речь идет о полноте «присутствия» (М. Хайдеггер) человека в мире. Это — переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие), — «*Зачем считать меня? Я был и есть и буду, //жизнь — чудо из чудес, и на ладони чуду //один, как сирота, я сам себя кладу. . .*» — (Аре. Тарковский), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себе *немыслимое*. За этот счет, например, только в переживании истинно существует геометрия невозможного (психологически,

кстати
сказать, совершенно не освоенная), объекты парадоксального знания.
«Немыслимость» несуществования мысли в любой точке пространства и времени —

также переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие от мысли, как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени и удостоверяющей себя в этом посредством «свободного выбора», переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания — это философия не выбора (зачем выбирать, если весь мир — мой, если альтернативы суть знаки друг друга?). Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют *совершенное* пространство и время; в нем-то и пребывает наше Трансфинитное Я. — Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть, или, иначе говоря, — невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). — Актуальная бесконечность — пленительна и капризна. Она существует вспышками, открывается на мгновение. Будучи дана разом, она открывается лишь на раз. В этом, как мы отмечаем, обратная сторона актуальности открывшегося; переживания оплачивают своей скоротечностью вечность, живущую в них. Трансфинитное Я, как переживание актуальности бесконечного, сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное Я, освобожденное (или еще свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг *causa sui* оказывается замкнутым. Психологическая трактовка Трансфинитного Я, как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории *переживания*.

CAUSA SUI В ПРОЕКТИРОВАНИИ. Выдвигая положение о том, что Имманентное Я, Идеальное Я, Трансцендентальное Я и Трансфинитное Я суть психологические «корни» решения философского уравнения о *causa sui*, мы с самого начала рассматривали их в качестве возможных формообразований свободной причинности. Но существует ли, или, точнее, может ли быть проложен путь превращения этой возможности в действительность?

Заметим, что последовательно проводимая эмпирическая точка зрения ведет к *отрицанию* свободы. Устами своего героя Б. Скиннер в книге «Walden Two» выражает эту мысль так: «С помощью /питательной научной разработки мы управляем не итоговым поведением, а намерением вести себя — мотивами, желаниями, склонностями. Любопытно, что в этом случае никогда не возникает вопроса о свободе» (разрядки Скиннера). Заметим, впрочем, в тени здесь остается вопрос о происхождении самих управляющих импульсов (кто или что управляет ими, уж не лучи ли?).

Практическая же психология, в лице авторитетных ее представителей, *постулирует* свободу. Приведем всего только две выдержки. Вернер Эрхард: «Ты Бог в своем универсуме. Ты есть причина. Ты притворяешься, что ты не причина, чтобы играть. И ты можешь вспомнить, что ты есть причина, в любой момент, когда захочешь. . . » Вильям Шутц: «Я (универсальное я) выбираю всю свою жизнь и всегда выбирал. Я выбираю свое поведение, свои чувства, свои мысли, свои болезни, свое тело, свои реакции, свою спонтанность, свою смерть» (Цит. по В. Шутцу). Постулирование свободы, впрочем, для этих психологов есть результат рефлексии их действия в мире, производная от их личного *опыта*. Каким же образом могло утвердиться подобное мировоззрение (мироощущение, миродействие)? Кроме того, какими могли бы быть условия выращивания подобного же у других людей? В этом пункте мы сталкиваемся с необходимостью соотнести внеэмпирический и эмпирический моменты.

Будущая трансфинитная психология — это психология синтеза опытной и внеопытной форм познания-ведения мира, взаимоопосредствования трансцендентального и эмпирического. В этом контексте действительность

свободной причины заключается для нас в самой *идее Я как causa sui*, единящей в себе Имманентное Я, Идеальное Я, Трансцендентальное Я и Трансфинитное Я (см. рис. 7). Осмысление этих граней Я в качестве «причины себя» предполагает, в свою очередь, что каждая из них отражается в каждой другой и через свою отраженность возвращается к самой себе (выступая, таким образом, в своей самообусловленности).

Практическое решение этой задачи мы видим в разработке проекта возможного синтеза идеи Я как *causa sui*, — в контексте психологии, психотерапии, образовательной практики. Предполагается, что достижение этого возможно на основе выполнения психологией трех взаимосвязанных задач: 1) психологической интерпретации гегелевской «идеи» как воплощающихся и взаимопроникающих: интенций, образов, мыслей, переживаний (им соответствуют: Имманентное Я, Идеальное Я, Трансцендентальное Я, Трансфинитное Я); 2) реализации системы экспериментального исследования проявлений Я-ипостасей субъекта; 3) проектирования условий синтеза идеи Я как *causa sui* в контексте психологии, психотерапии, образовательной практики (здесь может быть показана продуктивность и, вместе с тем, односторонность представленных психологической практикой принципов «высвобождения» субъектности: они акцентируют либо Имманентное (в гештальттерапии), либо идеальное (в интенсивной психотерапии, логотерапии), либо трансцендентальное (в психоанализе, процессуально-ориентированной психотерапии), либо Я-трансфинитное (духовные практики, ЛСД-терапия и др.); при этом должны быть рассмотрены пути возможной «сборки» подходов, позволяющих человеку осмыслить свое Я как *causa sui* (придать ей статус *идеи*); и наконец, уже сейчас могут быть приведены техники актуализации идеи Я как *causa sui* в работе с детьми (техники стимуляции взаимопереходов в системе «виртуальной», «отраженной» и «возвращенной» субъектности; — см. об этих понятиях — В. А. Петровский, 1993).

ЛИЧНОСТЬ КАК РАЗВИВАЮЩАЯСЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Теперь мы можем еще раз вернуться к вопросу о том, что составляет психологическое содержание целеполагания, свободы, целостности, развития, — как атрибутивных характеристик личности человека.

Целеполагание. Основу целеполагания составляет процесс познания человеком спонтанно складывающихся в ходе его действия образов возможного будущего. «Образ возможного», как бы заряжен движением и в определенных условиях переходит в действие; в момент этого превращения «образ возможного» выступает как Цель, — совершается акт целеполагания. В субъективном плане «образ возможного» дан человеку в переживании «Я могу»; именно это переживание непосредственно переходит в действие в случае, если отсутствует сопоставимое по силе противодействие со стороны «нельзя», «должен», «боюсь» и т. п.

Свобода. Таков совершенно особый акт целеполагания, когда целью человека становится полагание себя как причины изменений, привносимых в мир. Целеполагание здесь выступает как самополагание человека. Существуют такие формы активности, в которых момент свободы выступает явственно, — это проявления активной неадаптивности человека: предпочтение действий с непредрежденным исходом, мотива-ционную основу которых образует сама непредрежденность (например, в актах m-адаптивного риска человек остро переживает свою причинность по отношению к возможному действию; «острые ощущения» — это острота самопереживания человека в момент выбора и самого действия). Активно выходя в область непредрежденного, человек принимает на себя ответственность за исход, проявляя тем самым свою «причинность» в качестве субъекта действия (свое авторство); соотнося задуманное и осуществленное, человек устанавливает состоятельность своего бытия как субъекта; в актах подобного соотношения рождается его «рефлексивное Я» («Я в себе и для себя» и «Я в другом и для другого»).

Целостность. Она — в переживании самоотжественности человека, когда он

выходит за границы предустановленного. Единство между различными гранями бытия человека достигается тем, что в актах самоотрансцендентности он свободен от диктата особенных потребностей своих, которые могут противостоять друг другу; выходя за границы изведенного и предрешенного, он как бы оказывается на «ничьей земле», которая со временем становится достоянием всех.

Развитие. Становится яснее ответ на шокирующий вопрос: «Развивается ли личность?» (Г. П. Щедровицкий) Развитие есть самодвижение; если мысленно отбросить активные действия другого, то феномен развития человека становится необъясним; следовательно, должна быть признана активность «другого» как органически включенная в процесс развития первого; но в этом случае сомнительной представляется идея самодвижения развивающейся личности и, следовательно, самой возможности ее развития). Ответ состоит в том, что человек имеет свое бытие в другом человеке, — «инобытийствует» в нем, — и через свою идеальную представленность и продолженность в другом человеке развивается как личность. Развитие, таким образом, совершается «во внутреннем пространстве личности», но это — пространство его связей с другими людьми (интер-индивидуальное, а не интра-индивидуальное «пространство жизни»). Осознавая себя в другом, как бы возвращаясь к себе, человек никогда не может добиться тождества с самим собой, отраженное его Я не совпадает с ^-действующим. В то время как активно-неадаптивные действия (^-действующее) строятся без прототипа и открыты пока неизвестному будущему, в воспроизведениях своих (отраженное Я) они достраивают себя до степени завершенности и, тем самым, «теряют» себя в них, противоречат себе; сущностное в личности человека (быть первопричиной активности) вступает в противоречие с существованием (быть отраженным в других людях и в себе самом). Субъективно это противоречие переживается как сомнение в подлинности себя в качестве причины, что побуждает к поиску новых возможностей самополагания, — новых актов свободы. В этом порождении себя как субъекта, отражении, и — вновь — порождении совершается развитие личности, — самодвижение человека как субъекта активности.

Проблема, которой посвящена эта книга, столь же нова, сколь и вечна, это — проблема личностного в человеке, или, как говорил Л. С. Выготский, «человеческого в человеке». Речь здесь шла о таких проявлениях активности, в которых человек выступает со стороны своей субъектности, — как свободное, ответственное существо, целеполагающее, целостное, развивающееся. . . Образ личности как субъекта активности, конечно, не является исключительной собственностью психологов, психологической мысли; таково представление о личности в философии, социологии, педагогике. Литература, политика, искусство, да и сам язык обыденной жизни «личностное» не отделяет от «субъектного». Мы встречаем слово «личностное» и у Гегеля, и у Достоевского, и в том, и в другом случае речь идет о субъектности, первопричинности человека по отношению к его деяниям и помыслам.

В пределах настоящего исследования не рассматривается генезис идеи «личностности» в истории культуры. Тут потребовались бы и философские, и историко-психологические, и культурологические разработки. Нас интересовал, прежде всего, вопрос о том, насколько конкретному человеческому индивидууму дано обнаружить в своем поведении или в ментальных проявлениях это особое качество «быть субъектом». Иначе говоря, состоятельна ли формула: личность — это субъект, если областью ее приложения считать не столько сферу общественного сознания (в небе которого парит этот «конструкт»), сколько сферу реальных жизненных проявлений человеческого индивидуума, или, как говорят, «эмпирического индивида».

Остановимся на основных положениях работы. Наш *первый тезис* состоял в том, что существующие в современной эмпирической психологии личности схемы анализа не позволяют во всей полноте выразить существо субъектности человека как самодействующей причины в мире. В поле нашего внимания оказывается доминирующая ориентация в понимании истоков человеческой активности, особая

методологическая предпосылка ответа на вопрос о субъектности человека. Слово, выражающее суть этого подхода: «сообразность» — «соответствие чего-то чему-то». Мы говорим о «постулате сообразности», подчеркивая, что он присущ коллективному бессознательному исследователей: это принятое на веру убеждение в том, что всегда может быть найдена некоторая Цель, в соответствии с которой приводится все совершаемое человеком или совершающееся в нем. То же самое можно выразить и по-другому, говоря об адаптивности в самом широком смысле этого слова, о стремлении человека элиминировать все, что не относится к Цели. Эта общая телеологическая предпосылка не сформулирована, она как бы является сама собой понимающейся. В сознании же исследователей она манифестирует себя в гомеостатических, гедонистических, прагматических и других концепциях и версиях происходящего, — в зависимости оттого, как понимается эта «изначальная Цель».

Имеются ли прецеденты взаимной критики позиций друг друга у носителей этих концепций и версий? Да, имеются. Но они не затрагивают главного, что объединяет их все — стремления указать изначальную Цель, чтобы затем вывести из нее или свести к ней все, без исключения, факты поведения и сознания человека. Сообразуемость с этой Целью принимается за критерий совершенства взаимоотношений человека с миром.

Наш тезис состоит в том, что в рамках постулата сообразности упраздняется понимание человеческого индивида как субъекта активности.

Второй тезис состоит в том, что отрицание постулата сообразности, обусловленное его несостоятельностью, также как и признание его, дискредитирует идею субъектности или, по меньшей мере, заставляет в ней усомниться. Для отрицания постулата сообразности есть не только внешние, но и внутренние основания. Особая работа была направлена на обоснование того, что ни гомеостатическая, ни гедонистическая, ни прагматическая разновидности постулата сообразности не могут постоять за себя, и, более того, как бы *сами* свидетельствуют против себя, «снимая» себя изнутри («гомеостатический» человек, стремясь к душевному равновесию, расплывается за него уязвимостью; «гедонистический» человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; «прагматический» человек, о котором Берн говорил, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело, упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже). Кроме того, когда мы под этим углом зрения исследуем витальные контакты с миром, предметную деятельность, общение, самосознание человека, оказывается, что и они в телеологическом отношении также не безупречны: постоянная трансценденция, выхождение за пределы себя!

Мне, по этому случаю, всегда казалась правомерной аналогия с легендарным универсальным растворителем, который, как хорошо известно, «растворяет все», и поэтому его не в чем хранить. Таким образом, открывается целый класс явлений неадаптивности, — расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами.

Мы пытались показать универсальность явлений неадаптивности как выхода за границы предустановленного. И что же — удалось ли спасти тем самым идею субъектности? — Ни в коей мере, наоборот! Она вновь под ударом. Ведь отказ от идеи целевой регуляции также ведет к упразднению идеи субъектности: свобода подменяется зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы, целеполагание обесценивается, целостность утрачивается, развитие сводится, в сущности, к дрейфу. Итак, утверждение неадаптивности в противовес сообразности, фиксация внимания на фактах неизбежного, неустранимого выхода за границы предустановленного — не приводит к реабилитации идеи субъектности, а, по-своему, содействует ее разрушению.

Третий тезис: альтернативу адаптивной и неадаптивной моделям понимания

человека образует взгляд на него как «активно-неадаптивное» существо, свободно и, вместе с тем, ответственно выходящее за границы предустановленного. Речь идет о возможности совершенно особого целеполагания, когда человек знает, что результат его активности может оказаться иным, чем желаемый или должный, но именно возможность иного определяет выбор действия. Речь идет о том, что человек как бы предпринимает собственную волю, то, что фактически предпринять не может, и ради этого готов пойти на известные жертвы. Тем самым зависимость от обстоятельств оборачивается зависимостью от воли действующего.

Автором был разработан метод, названный методом виртуальной субъектности. Конструируемые или отбираемые для исследования случаи, когда человек мог совершенно добровольно подвергнуть себя испытанию, что не вытекало из требований ситуации и вообще находилось вне русла заданного. Таким образом, обстоятельства наблюдения или эксперимента содержали в себе возможность фрустрации тех или иных потребностей человека, будь то наслаждения, душевное благополучие, выгода, успех. А деятельность, которая задавалась, могла быть любой: познавательной, выполнением сенсомоторных тестов и т. д. Человек в таких условиях ответственен за выход в область непредрежденного, и эта ответственность — своего рода плата за свободу, которой он при этом пользуется.

Реализация этого метода позволила очертить класс явлений активной неадаптивности человека — в его жизнедеятельности, духовно-практической («предметной») деятельности, деятельности общения, деятельности самосознания; таковы — бескорыстный риск, презумпция существования решения, неподтверждение прогнозов окружающих относительно собственного поведения и другие. Свободно и, вместе с тем, ответственно принимая непредрежденное, человек испытывает себя в своей первопричинности, полагает себя как субъект.

Четвертый тезис: полагая себя как субъект, человек обретает свое существование в других людях и себе самом, свою идеальную представленность и продолженность.

Фундаментальное различие в этой книге проводится между моментами самополагания и существования человека как субъекта активности; последнее предполагает возможность воспроизводства человека как субъекта активности в жизни

других людей и его собственной. Ведь «существовать» — значит, обретать представленность в чем-то, в широком смысле, — свою отраженность. Рассмотрены такие формы его отраженности, как инобытие субъекта в пространстве витальности, социокультурном пространстве, пространстве сознания других людей, в пространстве самосознания человека.

Автор предлагает специальный метод исследования эффектов идеальной представленности человека в других людях и себе самом — метод отраженной субъектности, воплощенный в многочисленных методиках. С опорой на этот метод установлен класс ранее неизвестных феноменов: возрастание оригинальности мышления в присутствии творческой личности, изменение уровня бескорыстного риска при актуализации образа рискующего человека, возрастание флексибельности учащихся в присутствии «гибких» учителей. Феномены отраженной субъектности не исчерпываются эффектами репродукции. Охарактеризованы и парадоксальные формы идеального участия одного человека в жизни другого: изменение порога возникновения зрительных иллюзий в присутствии значимого другого; стимуляция слабыми учениками сильных в решении задач на сообразительность; изменение типа и направленности фрустрационного реагирования при актуализации образа другого. Кроме того, установлены факты несовпадения личностных влияний в общении с ролевыми и, в частности, эффект обезличенного влияния роли («эффект нейтрин»).

Рассматривая феноменологию отраженной субъектности, можно прийти к общему выводу: отраженная субъектность выступает как субъектность самого отражения. Бытие одного человека в другом — активно.

Пятый тезис: полагание и воспроизводство человеком себя как субъекта образует единый цикл самоценной активности. Предполагается гипотетическая модель воссоединения эффектов самополагания человека, как выхода за границы предустановленного, его отраженности в других и себе самом.

Уже сейчас мы располагаем экспериментальными данными, собственными, а также других исследователей, для того, чтобы сформулировать гипотезу о существовании «кольца самоподражания» во взаимодействии человека с другими людьми. Отражая свою отраженность в них, человек как бы возвращается «к себе», обретая себя как причину себя, утверждаясь в своей субъектности. В переходах виртуальной, отраженной и возвращенной субъектности человек выступает как личность — свободная, целостная, развивающаяся.

ЧАСТЬ II

Феномены субъектности (работы разных лет).

Идея неадаптивности, образующая новую парадигму в понимании, теоретико-методологическом и экспериментальном рассмотрении психологии личности, была впервые высказана автором в статье, подготовленной в 1974 году для журнала «Вопросы философии» (см. второй раздел данной части) и опубликованной в 1975 («Вопросы психологии», № 3, «К психологии активности личности»). В 1981 году в работе «Предпосылки психологии личности в свете идей Л. С. Выготского» (см. раздел 5 данной части) была сформулирована идея персонализации — идеального бытия индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других индивидов. В 1985 году предложен способ ее экспериментального исследования, получивший название «метод отраженной субъектности». В дальнейшем указанный теоретический подход рассмотрения личности получил продолжение и развитие в трудах: А. Г. Асмолова, А. Д. Воробьева, В. Г. Грязевой, И. П. Гуренковой, И. Г. Дубова, Е. И. Кузьминой, В. К. Калининко, А. Б. Николаевой, А. А. Огнева, А. И. Панкина, А. В. Петровского, М. В. Фроловой, Я. Б. Шараги и др.

Во вторую часть книги включен ряд работ, явившихся поворотными пунктами развития основной идеи автора (сюда вошли его собственные работы и работы, написанные им в соавторстве). Представляются особо ценными диалоги с сотрудниками, осуществлявшими экспериментальные разработки проблемы, без чего не могли быть написаны не только разделы второй части книги, но и вся она в целом.

Присутствие группы как фактор индивидуальной деятельности.

В последнее время в советской психологической науке получило всеобщее признание положение о социальном генезе индивидуальных форм деятельности человека. В этом смысле углубленный анализ всякой деятельности должен приводить исследователя к системе интерперсональных связей и отношений, в которых открывается источник конкретных форм активности каждого человека. Вместе с тем, социальное окружение человека играет неодинаковую роль в организации деятельности субъекта на разных этапах ее развития. Если в начале освоения деятельности социальная среда непосредственно включается в структуру самой деятельности и определяет ее характер, то на последующих этапах ее место в деятельности изменяется. Так, всякий процесс присвоения деятельности имеет своим субъектом поначалу не отдельного человека, а, по крайней мере, двух лиц: обучающегося и обучающего; по мере освоения данной деятельности наступает такой момент, когда происходит ломка старой системы интерперсональных взаимосвязей и, в итоге,

отдельное лицо становится самостоятельным носителем деятельности. Это и означает, что период освоения этой деятельности завершен, она выступает теперь в своей зрелой форме. Кстати, не в этом ли коренятся возрастные кризисы, обнаженно проявляющиеся в случае отсутствия корректирующего педагогического воздействия? К примеру, после того как основные цели учебной деятельности у младшего школьника относительно достигнуты (сложилось теоретическое отношение к действительности, освоены общественно выработанные способы интеллектуальной деятельности, приобретено критическое отношение к суждениям и оценкам людей, возникла способность к рефлексированию и т. д.), намечается ломка старой системы интерперсональных взаимоотношений, в которых прежде единственно и было возможно присвоение и использование накопленных обществом интеллектуальных структур.

¹ Данная работа впервые была опубликована автором в сборнике «Социально-психологические аспекты общественной активности личности» — Ярославль, 1975.

Как побочный продукт этого процесса у подростка может появиться негативизм, уклонение от «излишних» контактов со взрослыми, разнообразные «смысловые барьеры» и т. д.

Однако, рассматривая зрелые формы деятельности, мы должны признать, что в ее структуре сохраняется генетически запечатленная разнонаправленность отношений субъекта. Позиция, занимаемая человеком в работе, как бы формирует две ориентации. Одна из них относится непосредственно к условиям работы, к задачам деятельности, другая — к тому лицу, которое либо реально соучаствует в деятельности (наблюдает за ней, контролирует, оценивает ее), либо «идеально» присутствует в ситуации как скрытый «наблюдатель» (в виде самонаблюдения, самоконтроля, самооценивания и пр.)¹.

Постоянная ориентация субъекта на реально присутствующее или идеально представленное лицо, несущее в себе функцию контроля, не просто сопутствует или аккомпанирует действию человека. Она активно включается в систему отношений личности к выполняемой деятельности и опосредует ее течение.

Особенно остро ориентация на «значимого другого» должна выступать в ситуации внутригруппового взаимодействия. Здесь действие каждого человека попадает как бы под двойной контроль: со стороны «внутреннего» и «внешнего» соучаствующих наблюдателей. Следовательно, оправдана попытка экспериментально проследить те изменения деятельности субъекта, которые вносятся в нее в связи с ориентацией личности на непосредственно групповое окружение. Два примера могут проиллюстрировать сказанное. В экспериментах Мёде изучалось изменение чувствительности к боли под влиянием коллектива¹.

¹ Положение о том, что во всякой деятельности могут быть выделены в качестве двух абстрактных моментов предметно-ориентированные и общественно-ориентированные отношения, развивается в ряде работ Л. Н. Леонтьева.

Испытуемые подростки подвергались действию электрического тока — сначала индивидуально, затем в соревновании друг с другом. В ситуации соревнования школьники были разбиты на пары, обладающие близкими порогами болевой чувствительности. Выносливость к боли в ситуации внутригруппового взаимодействия заметно повысилась. Особенно резкое увеличение толерантности (в среднем на 37% к исходному уровню) наблюдалось, когда каждый из испытуемых мог выбирать партнера по своему желанию.

Второй пример дает работа И. В. Мирошниченко и И. С. Фроловой, проведенная на маленьких детях. Наблюдалось поведение детей в возрасте от 3 до 7 лет при стоматологических процедурах. Лечение детей из одной группы проводилось в изоляции от других детей — в одиночку, во второй группе испытуемых лечение проходило в присутствии небольшой группки детей. В последнем случае значительно сокращалось количество реакций страха. Лечение 14 детей, начатое в коллективе, далее было продолжено в условиях изоляции. Плач, нежелание лечиться,

напряженность в кресле, замкнутость часто сопровождали процесс лечения даже тех детей, поведение которых в коллективе было спокойным. Авторы делают вывод, согласно которому стрессовые воздействия стоматологического характера, судя по поведенческим реакциям, могут резко ослабляться.

В приведенных примерах изменение поведения человека определялось непосредственно групповым давлением. Так, в исследовании Мёде испытуемые находились в положении жесткой конкуренции друг с другом. В другой описанной экспериментальной ситуации дети могли свободно выражать свое мнение друг о друге: «упреки в трусости, насмешки, полное игнорирование, а реже — попытки успокоить, — вот то отношение, которое было во всех группах к боязливым детям», — указывают авторы. Таким образом, социально одобряемый способ поведения оказывался заранее заданным, направление волевого усилия однозначно определялось группой, допускавшей лишь один должный вариант поведения. Естественно, возникает вопрос о том, как будет вести себя человек, когда группа непосредственно не принуждает его к определенному способу действия, а ситуация содержит в себе несколько конкретных путей реализации цели.

¹ Эксперимент излагается по книге: Г. Г и б ш и М. Ф о р в е р г . Введение в марксистскую социальную психологию. М. , 1972.

Наша общая гипотеза состояла в том, что ориентация на непосредственно групповое окружение и в этом случае вносит существенные изменения в систему отношений субъекта к выполняемой деятельности. Характеризуя отношения человека к условиям его деятельности, будем разграничивать в дальнейшем два типа таких отношений. Условимся говорить о наличии «прагматической» позиции субъекта по отношению к условиям деятельности, если его активность непосредственно подчинена тем объективно поставленным требованиям, которые предъявляются к данной деятельности и определяют ее специфичность.

Наряду с деловой позицией, мы будем различать также и «квазипрагматическую» позицию, при которой активность субъекта находится лишь в косвенной связи с основными условиями деятельности. «Прагматическая» позиция субъекта выражается в стремлении во что бы то ни стало добиться практического достижения цели, степень приближения к которой служит главным мериллом успешности действий. Всякая «прагматическая» позиция исходит из заданных условий деятельности и согласуется с ними. Когда мы говорим о «квазипрагматической» позиции, мы имеем в виду, что это — позиция, возникающая у субъекта по поводу первоначально заданной деятельности, в связи с ней. Для «квазипрагматической» позиции индивида симптомами являются концентрация внимания на средствах деятельности в частичном отвлечении от сути задачи; желание открыть «тайный смысл» деятельности; фиксация на ее побочных деталях; намерение «выйти за рамки привычного»; а также чрезмерная рефлексия, надстраиваемая над процессом работы. Таким образом, «квазипрагматической позиции» присуща тенденция к снятию исходных условий деятельности, как бы «расфокусировка» их, соскальзывание. Внутри конкретной деятельности проявления «прагматической» и «квазипрагматической» позиций могут сочетаться и накладываться друг на друга, деятельность в целом может тяготеть либо к одному, либо к другому полюсу.

Нами было разработано особое экспериментальное задание, которое содержало в себе возможность проявления как «прагматической», так и «квазипрагматической» позиции в работе. Нас интересовало, какой путь достижения цели будет преимущественно предпочитаться испытуемыми в зависимости от наличия или отсутствия лиц-наблюдателей в экспериментальной ситуации. Эксперимент проводился в форме соревнования между испытуемыми по точности работы на специальном экспериментальном приборе. В ходе опыта нужно было набрать как можно больше очков—такова была прямая экспериментальная инструкция. Она

должна была вызвать у участников **соревновательный** мотив. Однако та же ситуация, как предполагалось, могла вызывать у испытуемых и другую мотивацию — желание рисковать. Соревновательный мотив и мотив риска находились в противоречии друг с другом: нужное количество очков могло быть набрано и без риска, вопреки риску.

Суть экспериментального приема, предложенного нами, заключается в следующем. Эксперимент состоит из серии последовательных испытаний. В каждом из них испытуемый выбирает по своему желанию очередную цель из предложенных в эксперименте и стремится как можно успешнее ее достичь. Причем выбор одних целей связан для него с реальной и ощутимой угрозой наказания, даже если ошибка незначительна, в то время как выбор других целей представляется либо менее рискованным, либо совсем безопасным. В отличие от ситуаций обычного риска, в которых сближение с опасностью подкрепляется возможностью получения высокого выигрыша, в нашем эксперименте намеренно исключены какие-либо формы вознаграждения или поощрения испытуемых в случае предпочтения ими опасного пути. Часть испытуемых в эксперименте действовала наедине с экспериментатором, другие — в присутствии 2-3 наблюдателей — сверстников одного с ними пола, которые молча следили за действием своего товарища. Экспериментальная ситуация была построена таким образом, что наиболее выгодные условия для достижения цели резко отличались от тех условий, где могла бы проявиться тенденция к риску. Таким образом, сами обстоятельства деятельности испытуемых предполагали конфронтацию двух возможных позиций в работе: направленности на достижение зачетных очков («прагматическая» позиция) и намерение действовать в зоне риска, которое никак не вознаграждалось и не поощрялось экспериментатором («квазипрагматическая» позиция). Введение группового фактора, как мы считали, должно было определить предпочтительность поведения по «прагматическому» и «квазипрагматическому» типу разрешения экспериментальной ситуации¹.

В эксперименте участвовали 80 человек²: 40 мальчиков и 40 девочек. Они были распределены по 4-м экспериментальным группам, каждая численностью в 20 человек. Первая экспериментальная группа: мальчики, работающие без наблюдателей, с глазу на глаз с экспериментатором. Вторая экспериментальная группа: мальчики, работающие в присутствии наблюдателей. Число наблюдателей — 3 человека. Третья и четвертая экспериментальные группы: девочки, действующие соответственно без наблюдателей и в присутствии наблюдателей.

Рассмотрим некоторые данные, полученные в эксперименте при сравнении работы двух групп испытуемых — действовавших индивидуально, без наблюдателей, и тех, кто проходил испытание открыто на глазах у сверстников того же пола. В протоколах каждого из 80 испытуемых было отмечено по одному наиболее «рискованному» выбору. Были рассмотрены среднее арифметическое и медианное значение этих выборов в двух больших группах испытуемых — тех, кто действовал без наблюдателей, и тех, кто проходил испытание открыто, на глазах у сверстников. В последнем случае в целом по группе наблюдалось падение тенденции к риску: средние арифметические «опасных» выборов для испытуемых, работавших в одиночку и в присутствии группы, были соответственно равны: М без набл. = **55,1**; М в присутствии набл. = 51. Однако, если рассматривать эти данные с учетом пола испытуемых, то нужно отметить противоречивость сдвигов в тенденции к риску в зависимости от фактора присутствия или отсутствия группы наблюдателей. У мальчиков под воздействием группы наблюдается резкое падение «квазипрагматической» тенденции, у девочек — незначительное ее возрастание.

¹ Подробное описание методики исследования и способы количественной оценки полученных результатов см. в статье автора «Тенденция к свободному риску и самоутверждение личности» (сб. «Личность и коллектив» под ред. проф. А. В. Петровского, М. 1974).

² Эксперимент проводился в лагере комсомольского актива Костромской области «Комсорг».

Чем можно было бы объяснить данное расхождение в работе мальчиков и девочек? Как показывают наши наблюдения, содержание деятельности, предложенной в эксперименте, обладало различной значимостью для испытуемых разного пола. Так, для испытуемых девочек предложенное экспериментальное задание, как правило, не выступало работой, в которой могли бы проявиться какие-либо важные для них качества. Совсем другая картина реакций на эксперимент наблюдалась у группы юношей. Как правило, они воспринимали ситуацию, как такую, в которой действительно проявляются важные для них способности и деловые качества. Юноши настаивали на том, чтобы им непременно сообщили результаты их работы и работы товарищей, остро переживали неуспех, настойчиво стремились выяснить, на определение каких качеств нацелена экспериментальная процедура. Течение эксперимента было предельно собрано и т. п. Таким образом, полученные факты мы можем интерпретировать как следствие различной значимости деятельности и приходим к следующему выводу. В обстоятельстве различной значимости деятельности наличие группового фактора укрепляет «прагматическую» позицию и вытесняет «квазипрагматическую». При меньшей значимости деятельности контакт с группой наблюдателей приводит к усилению «квазипрагматической» позиции за счет ослабления позиции «прагматической».

Личность как субъект активности

. . . В настоящей статье выделено понимание личности как подлинного субъекта активности — в противовес тем представлениям, в которых личность сводится лишь к тому «внутреннему», сквозь которое преломляются внешние воздействия, падающие на индивида. В этой связи интересно обратиться к рассмотрению одной из форм активности, по существу, не привлекавших к себе внимание психологов — активности, возникающей в ситуации потенциальной опасности при условии предоставления субъекту свободы действий. В этих обстоятельствах иногда наблюдается своеобразное явление — человек может испытывать острое влечение к опасности и даже предпринимать на первый взгляд ничем не оправданные попытки сблизиться с опасностью. Подмеченная и неоднократно описанная в художественной литературе¹, она не получила научно-психологического освещения. Трудности интерпретации этой «немотивированной» активности очевидны.

Проследивая историю форм деятельности субъекта, в ее становлении можно выделить три последовательных этапа: функционирование, или жизнедеятельность особи как предпосылка деятельности; деятельность как условие — В «Гранатовом браслете» Куприна читаем: «. . . Анна . . . быстро подошла к самому краю обрыва, отвесной стеной падавшего глубоко в море, заглянула вниз и вдруг вскрикнула в ужасе и отшатнулась назад с побледневшим лицом. — У, как высоко! — произнесла она ослабевшим и вздрагивающим голосом. — Когда я гляжу с такой высоты, у меня всегда как-то сладко и противно щечочет в груди. . . и пальцы на ногах щемит. . . и все-таки тянет. . . тянет. . . » А. И. Куприн. Собр. соч. , т. 4, 1958.

Героям произведений Лермонтова, Гоголя, Достоевского также известно чувство неодолимой тяги к опасности.

выживания субъекта; активность как высшая форма развития деятельности. Рассмотрим их последовательно.

Первое и простейшее проявление жизни — **функционирование** живых существ — может быть описано в плане взаимодействия субъекта с объектом, в ходе которого обеспечивается целостность присущих субъекту телесных структур. Рассматриваем ли мы растительные формы жизни или жизнь высших млекопитающих, в том числе и человека, требование поддержания и воспроизведения основных структурных особенностей строения живого тела лежит в самом фундаменте существования субъекта. Функционирование опирается на возможности непосредственного взаимодействия субъекта с его окружением. Отсюда основное ограничение, присущее функционированию как элементарному жизненному отношению: внешняя среда лишь

постольку включается в цикл функционирования субъекта, поскольку возможно непрерывное возобновление телесных структур субъекта в прямом контакте с агентами окружающего. Отлучение живых тел от источников их существования оказывается губительным, так как наличие одной лишь способности к функционированию еще не достаточно для преодоления возникших барьеров.

Следующая ступень в развитии жизненных процессов, обозначаемая как **деятельность**, снимает ограничения, присущие предшествующей ступени. Посредством деятельности субъект получает возможность достичь предмет, прежде удаленный от него, но необходимый для его функционирования. Деятельность расширяет жизненную сферу субъекта, и, таким образом, происходит преодоление исходной зависимости возможности выживания субъекта от конкретных состояний непосредственно окружающей его среды (наличия и отсутствия в ней питательных веществ, благоприятных температурных условий и т. д.). Преодоление расстояний в поисках пищи, бегство или нападение на врага, строительство жилищ и т. п. биологически ценны лишь постольку, поскольку ведут к целесообразному результату — возобновляют возможность нормального функционирования особи, защищая коренные интересы целостности субъекта. Оторванные от своих непосредственных результатов, все эти акции потеряли бы свой приспособительный смысл. Таким образом, в цепь прежде непрерывно чередовавшихся друг за другом моментов функционирования особи вплетаются теперь такие процессы, которые сами по себе не обладают биологической целесообразностью, но обеспечивают возможность для фундаментальных отправлений субъекта, реализующих его целостность. Деятельность здесь оказывается, по существу, замкнутой на функционировании субъекта, всецело определенной его простейшими интересами. Высвобождая субъекта из-под власти ближайшей к нему среды, она сама выступает как ограниченная — на этот раз со стороны функциональных запросов особи, «пекущейся» о своей целостности.

В ходе борьбы за существование способность к деятельности становится решающим условием выживания. Вместе с ростом тех преимуществ, которые обеспечиваются деятельностью, возникает настоятельная необходимость к воспроизводству этой жизнотворной способности. Деятельность, таким образом, становится не столько способом реализации жизненных отправлений субъекта, который словно дар природы присущ особи, сколько самостоятельной целью и особым проявлением жизненных сил.

В то время как специфические структуры деятельности, «врастая» в субъекта, становятся необходимым условием, а в дальнейшем и признаком его бытия, возникают и новые, вспомогательные формы взаимодействия с миром, нацеленные на обеспечение и поддержание самой возможности деятельности субъекта. Эти новые формы движения складываются внутри предшествующих деятельностей и могут внешне совпадать с ними. Поиск, преодоление препятствий, борьба за новые территории и т. д. и т. п. — одним словом, все те процессы, которые составляли своеобразие деятельности, в отличие от простого функционирования организма, исключаются теперь из контекста непосредственного жизнеобеспечения субъекта. Перерастая в деятельность, носящую самоподчиненный характер, они становятся тем, что может быть названо активностью субъекта.

Итак, третья ступень в развитии жизненных отношений субъекта — активность — понимается нами как присущая субъекту самостоятельная форма. В цепи функционирования различные деятельности субъекта, преодолевая сопротивление среды, решали каждый раз частную задачу приспособления. Однако, в ходе их внутреннего движения, порождалась новая «сила», направленная против каких бы то ни было ограничений в сфере существования субъекта. Активность и есть выросшая из отдельных приспособительных деятельностей субъекта специальная деятельность по снятию наличных ограничений вообще. Таким образом, те существенные черты деятельности, которые были скрыты прежде в ее прагматической направленности,

выступают теперь в своей особенной форме — в форме активности субъекта.

Итак, преобразование среды, как внутренний момент любой деятельности, превращается в самостоятельную деятельность, ту, которая утратила прямую связь с функционированием субъекта. Следовательно, в активности происходит как бы двойное освобождение субъекта — от состояний ближайшей к нему среды и от его же собственных простейших потребностей. Деятельность в этом новом качестве — как активность, посредством которой субъект устанавливает свое господство над миром и над самим собой — сравнительно поздний продукт развития деятельных отношений субъекта, специфичный лишь для человека. Продолжая известное высказывание Энгельса, можно сказать, что, несомненно, всякое живое существо обладает «самостоятельной силой реакции», но далеко не для всякого живого существа активность выделяется в самостоятельную форму его бытия.

Естественно, лишь в ходе экспериментальных исследований могут быть найдены убедительные подтверждения выдвинутой гипотезы. Результаты одного из таких исследований, предпринятого нами, приводятся ниже.

• • •

Данные, свидетельствующие о существовании особого вида активности человека в обстоятельствах, сопряженных с опасностью, были получены нами экспериментально.

Выбор ситуации опасности для изучения феноменов активности, разумеется, не случаен: с одной стороны, именно в этих условиях человек чувствует себя наиболее стесненным и движения, воспроизводящая и расширяющая его способность к деятельности в предметной среде.

ограниченным в действиях; именно здесь появляется естественное желание поскорее оставить столь неприятную ситуацию, решительно и бесповоротно порвать с нею. Вместе с тем, в этих побуждающих человека к бегству условиях создается принципиальная возможность противопоставить «детерминизму среды» — «свободную волю» субъекта, и пробуждается вдруг острое ощущение собственного бытия — «экзистенции», столь характерное для «пограничных» ситуаций.

При планировании экспериментов следовало учесть очень важное обстоятельство. Если в ситуации что-либо **прямо** угрожает субъекту, то единственным предметом наблюдения становится совокупность реактивных процессов, типичных для состояния стресса, названного Г. Селье «общим адаптационным синдромом». Нас же интересовала **активность** субъекта, выходящая за рамки простой адаптации к ситуации. Поэтому элемент опасности был введен в контекст деятельности испытуемого **неявно**, а именно, таким образом, что ситуация могла выступить в равной мере как угрожающей, так и совершенно безопасной для человека в зависимости от проявлений его активности.

Опишем более подробно экспериментальную ситуацию.

Испытуемому сообщается, что он будет участвовать в эксперименте, выявляющем способность к точной оценке скорости движения объекта и к принятию решения в условиях неопределенности (истинные цели исследования испытуемому неизвестны). Перед испытуемым — экспериментальная панель с прорезью круговой или линейной формы. Там перемещается объект слежения — «цель». Основная деятельность испытуемого — это наблюдение за движением цели с попытками точной остановки цели в том или ином участке прорези. Сама по себе остановка цели не вызывает затруднений — для этого нужно всего лишь нажать на специальную кнопку. Однако весь смысл задачи в том, чтобы остановить цель точно и своевременно. Здесь основная трудность. Дело в том, что вся прорезь разбита на две части: в одной из них цель перемещается открыто для восприятия испытуемого, и от испытуемого требуется лишь прослеживание движения цели и оценка ее скорости; другая часть прорези закрыта и представляет собой своеобразный тоннель. Остановка цели должна быть произведена как раз в тоннельной части прорези. Так что, останавливая цель, испытуемый действует во многом наугад. Какова же задача,

стоящая перед испытуемым? Он должен экстраполировать движение цели и, уловив момент, вовремя остановить ее в заранее выбранном месте тоннеля. Очень важное условие его работы заключается в следующем: в некоторой части тоннеля остановка категорически запрещена и наказывается. Следовательно, все действия должны быть рассчитаны таким образом, чтобы не допустить нежелательной остановки цели в запретной зоне. Ясно, что чем ближе к этой зоне выбирается место остановки, тем больше шансов попасть в эту зону, тем значительно больше риск наказания. Главное в этой ситуации то, что **испытуемый сам выбирает** место будущей остановки цели и может «заказать» любую мишень по желанию. Совершая рискованный выбор, испытуемый не получает при этом каких-либо поощрений или вознаграждений со стороны экспериментатора («в эксперименте нет «хороших» или «плохих» мишеней. Изучается только точность Ваших реакций»).

Таким образом, создавалась ситуация «бескорыстного» риска. Соответствующий ей тип поведения интересно соотнести с поведением в условиях обычного риска. Когда говорят о риске, имеют в виду склонность субъекта сближаться с опасностью ради достижения наиболее предпочтительных целей. При этом наиболее значимая для личности цель лишь внешним образом относится к риску как способу ее достижения. Так, намерение врача подвергнуть больного опасной операции и его цель помочь больному, если рассматривать их по отдельности, не обнаруживают между собой внутренней связи. Лишь в силу сложившихся обстоятельств цель деятельности врача оказывается заданной в таких условиях, которые требуют поведения, сопряженного с риском. Именно в этом плане риск рассматривался большим числом зарубежных исследователей (Mittenecker, Krammel, Gora, Willnauer, Klebelsberg и многими другими). На наш взгляд, существуют и другие формы риска, внутренне связанные с выдвиганием цели¹. В этом случае стремление к риску выступает либо как «чистое» побуждение навстречу опасности («риск ради риска»), либо в другой сложной форме.

---

¹ См. две наши работы: «Экспериментальное исследование риска как тенденции личности». Материалы IV всесоюзного съезда общества психологов, Мсцнисреба, Тбилиси, 1971; и «Поведение человека в ситуации опасности (к психологии риска)», Новые исследования в психологии, № 1, 1974.

В этом последнем случае, желая рискнуть, человек склонен мотивировать свой риск величиной будущего выигрыша, хотя подлинная основа действия — «влечение к опасности» — может не осознаваться.

В наших экспериментах предпочтение испытуемым рискованных мишеней не давало каких-либо внешних преимуществ в сравнении с нейтральными вариантами. Таким образом, создавались условия, в которых побуждение к риску выступало как проявление относительно независимой активности субъекта.

Как мы и предполагали, в этих условиях действительно наблюдались случаи «бескорыстно» рискованных действий, причем далеко не все те испытуемые, для которых это было характерно, могли впоследствии объяснить предпочтение одного варианта поведения другим. Сближение с опасностью, таким образом, выглядело как «немотивированная», «спонтанная» активность субъекта.

С помощью описанной экспериментальной процедуры нами были получены следующие факты:

1) Изучалась зависимость между уровнем стресса и тенденцией к «бескорыстному» риску. В качестве стрессора, то есть того наказания, которое угрожало испытуемому в случае ошибочных действий (попадание в запретную зону), использовался звук различной интенсивности. Увеличение интенсивности звука четырьмя ступенями с 90 по 120 дБ приводило к учащению случаев рискованных выборов (рассматривались 4 группы испытуемых — девушек в возрасте от 18 до 25 лет численностью по 25

человек в каждой группе).

2) В других экспериментах¹ рассматривалась тенденция к спонтанному риску в зависимости от пола испытуемых. Всего было две группы испытуемых разного пола по 40 человек в каждой. В группе юношей риск был значительно выше, чем в группе девушек.

¹В. А. Петровский, сб. «Проблемы психологии личности», М., МГПИ им. В. И. Ленина, 1974; «Тенденция к свободному риску и самоутверждение личности» и в сб. «Вопросы психологии личности и коллектива», Курск, 1974: «Присутствие группы как фактор индивидуальной деятельности».

Однако, присутствие лиц-наблюдателей того же пола и возраста, что и испытуемый, резко снижало проявление риска у юношей в сравнении с тенденцией к риску у девушек в аналогичных условиях. Следовательно, «бескорыстный» риск есть, по-видимому, нечто иное, чем то, что обычно называют «мальчишеским» самоутверждением с характерными для него чертами демонстративности.

3) Свободное сближение с опасностью, не побуждаемое никакими посторонними стимулами, наблюдалось во всех экспериментах, независимо от модальности стрессора — испытуемые рисковали как при условии наказания физическим раздражителем (резкий звук стрессовой силы или электростимуляция), так и при санкциях социального порядка (категорический запрет, угроза снятия с соревнований как «несправившихся» и т. п.).

4) К числу «бескорыстно» рискующих по нашим данным можно отнести приблизительно до 20% всех испытуемых. Однако общее число всех рискующих, а также выраженность тенденции к риску значительно возрастает, если объектом исследования становятся лица, профессиональная деятельность которых включает в себе элемент опасности. Об этом свидетельствуют данные, полученные по нашей методике при исследовании электриков-монтажников высоковольтных сетей, работающих на высоте до 10 м над железнодорожным полотном. За редкими исключениями, все они хотя бы однажды в эксперименте выходят в зону повышенного риска и для большинства из них характерны многочисленные попытки действия в этой зоне¹.

5) Что же касается соотношения между «бескорыстным» риском и риском, имеющим прагматическую ценность, то здесь были получены следующие данные: в условиях маловероятно го успеха (повышенного риска) преимущественную роль в детерминации риска играет выявленная нами спонтанная активность субъекта навстречу опасности. Практически все те испытуемые, которые рисковали в условиях обычного («мотивированного») риска, оказались в числе проявивших тенденцию к «бескорыстному» риску; но далеко не все те, кто проявил влечение к опасности, рисковали затем в условиях мотивированного риска.

¹Работа МПС, проведенная И. В. Ривиной (НИИ гигиены железнодорожного транспорта).

Таким образом, тенденция к бескорыстному риску является необходимой предпосылкой принятия рискованного решения (в условиях маловероятного успеха). Однако эта тенденция не является достаточным условием обычного риска, так как последний определяется, по-видимому, еще и такими факторами, как заинтересованность в успехе и субъективной оценкой возможности успеха (гипотетический фактор «везения»).

6) В наших экспериментах не было установлено какой-либо связи между выраженностью тенденции к «бескорыстному» риску и наиболее близким, как это принято считать, «референтом» риска — мотивацией достижения (представленной по Хекхаузену двумя группами мотивов — «надеждой на успех» и «страхом перед

неуспехом»). Этот факт дает нам основание говорить об относительной независимости «спонтанной» активности риска как феномена мотивационной сферы личности.

7) «Немотивированное» сближение с опасностью наблюдалось в самых различных обстоятельствах деятельности испытуемых — при условии соблюдения основной схемы эксперимента: при решении задач на слежение за движущимся объектом, при черчении линии по памяти без дополнительного зрительного контроля, при воспроизведении промежутков времени определенной длительности и т. д.

Наметим общие подходы к рассмотрению «спонтанной» активности в ситуации опасности, позволяющие понять полученные нами экспериментальные факты. Возможны три направления интерпретации феноменов активности человека: на уровне активности индивида как целого, на уровне функционирования отдельных его подсистем и, наконец, на уровне проявления индивидом свойств более широкой (социальной) общности, к которой он принадлежит.

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит следующая методологическая предпосылка: представляется, что многообразные формы активности субъекта едины в одном — их «внутренняя» цель и «конечное предназначение» состоят в том, чтобы обеспечить поддержание и воспроизводство индивидуальной целостности субъекта как высшей ценности его бытия. Эта теоретическая установка, приобретая статус постулата, далеко не всегда осознается теми, для которых подобный способ мышления является привычным. Сфера применимости данного принципа при анализе психологических факторов и закономерностей как будто бы не знает исключений, возможности его приложения выглядят бесспорными. И в самом деле, на первый взгляд кажется самоочевидным то, что всякий акт деятельности, устраняя, например, диссонантные отношения индивида со средой, соотнося его с предметом потребности, предостерегая к будущим воздействиям среды и т. п., всегда преследуют некую полезную цель, ведущую к наиболее благоприятным для субъекта условиям его жизнедеятельности, отвечает исключительно адаптивным задачам. Все, что угрожает благополучию (нарушает гомеостазис), расценивается как вредное, нежелательное, и потому те действия индивида, которые устраняют возникший «разлад», представляются естественными и единственно оправданными. Когда же наблюдаются «немотивированные» действия, то они выглядят или следствием всякого рода «отклонений» субъекта от нормы, или результатом «ошибок» в работе, которые, в свою очередь, объясняются неподготовленностью деятельности, малой информированностью, отсутствием достаточной прозорливости, «незрелостью» и т. п. или, наконец, действием какого-то скрытого мотива, который, наряду с другими, также преследует задачу обеспечения «гармонии» индивида с внешней средой. Понятно, обсуждаемый нами принцип освещения психологических явлений — который мог бы быть условно обозначен как «принцип сообразности» — легко распространяется и на анализ тех действий, которые продиктованы, казалось бы, исключительно внешними требованиями и выглядят строящимися на иной основе — в соответствии с чужими интересами, по чужой воле. Здесь сторонникам «принципа сообразности», конечно, не составит труда вывести поведение человека из его автономных устремлений, разве что более глубоких и существенных. И в самом деле, ряд действий, не обладающих непосредственно побудительной силой, может быть направлен на сохранение индивидуального существования, имущественного положения, сохранения престижа и пр. Ориентируясь на «принцип сообразности», исследователь будет пытаться во всяком действии человека, в том числе и действиях «не по своей воле», раскрыть глубоко спрятанную, но вместе с тем интимно-индивидуальную мотивацию. Что же касается внутренних проявлений активности, таких как установки, эмоциональные сдвиги, целостные или фрагментарные психические состояния и т. д., то и они в конечном счете, согласно скрытому велению «принципа сообразности», отвечают

задачам индивидуального приспособления, хотя и менее доступным для прямой интерпретации способом. Так, отрицательные эмоции «нужны» для того, чтобы указывать на незаконченность действия или на его неадекватность исходной программе; сон «нужен» человеку для того, чтобы просеивать текущую за день информацию и отбирать полезную; сновидения — для того, чтобы давать «разрядку функционально напряженным системам головного мозга» или, если иметь в виду его роль в «филогенетическом прошлом», — для «физиологической мобилизации организма в условиях внезапно возникшей во время сна опасности», для «закрепления опыта повседневной жизни» (по И. Е. Вольперту) и т. д. Если же что-либо трудно или невозможно объяснить по «принципу сообразности», то соответствующее явление рассматривают либо как болезненное, т. е. случайное для человека как вида, либо провозглашают уходящим из жизни человечества как лишнее, ненужное (смелость отдельных авторов распространяла действие того, что мы назвали «принципом сообразности», даже на эмоции, ср. : «эмоции — цыгане нашей психики» (Джемс)¹.

Разумеется, трудно найти исследователя, который открыто защищал бы узко прагматическую направленность психических процессов. Однако наиболее распространенная и как будто бы бесспорная позиция авторов отвечает именно парадигмам «принципа сообразности».

¹ Чувство вины или мучительное переживание ностальгии отнюдь не патологические и тем более не рудиментарные явления. Вместе с тем, было бы явной натяжкой искать в них какой-либо индивидуальны ю-приспособительский **СМЫСЛ**.

Мы не предполагаем подвергать сомнению само действие «принципа сообразности» — необходимость адаптивных поведенческих актов очевидна; однако была бы неправомерна и его чрезмерная абсолютизация. Для нас несомненно наличие таких процессов, в которых намечается выход за рамки «принципа сообразности». Этот взгляд вытекает из представления об активности как тенденции к снятию наличных ограничений деятельности; в данном случае активность выступает как преодоление частных интересов субъекта, тех, которые подчинены узкопрагматической задаче приспособления.

• • •

Парадоксально, но факт: «принцип сообразности» выявляет свою недостаточность при интерпретации таких фактов активности субъекта, по отношению к которым, казалось бы, его объяснительная сила должна была бы проявиться в наибольшей мере. Имеются в виду именно особенности психических проявлений субъекта в ситуации потенциальной опасности. В ответ на сигналы предвидимой угрозы у человека возникает — предваряющее реально-практическое сближение с объектом угрозы — своеобразное состояние, которое можно было бы назвать «психологической прикованностью» к опасности. Возникает чувство беспокойства, смутного страха, тревоги; навязчиво всплывают мысли о возможной встрече с угрозой; несмотря на реальную отдаленность от источника опасности, нередко человек ощущает ее пагубное действие, чувствует себя «открытым» перед лицом опасности, находящимся «на волосок» от нее. Чем же обуславливается это состояние? Действием каких механизмов можно объяснить его возникновение?

Хорошо известно, что в ряде жизненных ситуаций требуется повышенная осторожность, осмотрительность. В этих обстоятельствах как собственные действия человека, так и окружающие его объекты оцениваются преимущественно со стороны их опасности или безопасности, в то время как прочие свойства объектов оттесняются на задний план. Человек выглядит как бы «процеживающим» всю поступающую к нему информацию с целью идентификации сигналов угрозы. По отношению к подобной пристрастной позиции субъекта все текущие стимулы дифференцируются на нейтральные и потенциально опасные. К последним относятся

все те объекты, которые содержат в себе возможность неблагоприятных последствий для субъекта при прямом контакте с ними. Отвечая разным мотивам субъекта, эти объекты могут выступать в неодинаковом качестве — равно как нейтральными, так и имеющими смысл угрожающих (ср. , так называемая «опасная бритва» в зависимости от повода восприятия способна выглядеть предметом повседневной необходимости, рискованнейшим из орудий бритья, опасной игрушкой для детей и т. д.) Функция предвосхищения возможной угрозы реализуется особой активностью субъекта, скрытой от самонаблюдения и открывающейся ему в форме беспокойных переживаний лишь тогда, когда в сферу отношений субъекта включается потенциально опасный объект. Эта активность и есть то, что лежит в основании так называемой «диспозиционной тревоги» или «тревожности» личности. Последняя, однако, представляется обычно в виде внутренней призмы, преломляющей поступающую извне информацию. Однако, задача состоит в том. Чтобы понять тревогу не как «диспозиционную систему реагирования», а как особую активность — активность, ведущую поиск скрытой опасности.

Позволим себе привести пример, иллюстрирующий сказанное. Прохожий заключает о возникновении пожара в городе, заслышав воющие звуки сирен и разглядев вдали красные блики машин, мчащихся по улицам. До этого момента вся огромная работа по своевременному выявлению возможных источников беды — противопожарный контроль, инспектирование, дозор и пр. остается практически вне поля зрения горожан. Отсюда даже может возникнуть беглое впечатление, что вся деятельность пожарных служб сводится лишь к реакции на уже возникший пожар, или, по большей мере, к формированию готовности к оперативным действиям.

Тревожность — распознающая активность субъекта. Деятельно-пристрастная ее позиция состоит в том, чтобы присваивать объектам, «безобидным» на вид, но в действительности опасным, статус «неподлинности», обнажая заключенную в них угрозу. Активный характер тревожности проявляется также в том, что ее «кругозор», зачастую, распространяется далеко за рамки наличной ситуации, переноса субъекта как в будущее, так и в прошедшее. Когда-то пережитая обида может требовательно возвращать к себе мысли человека, а возможные трудности переживаться столь же остро, как и сегодняшние. Как видно, здесь нет той независимой от субъекта «стимульной ситуации», которая бы действовала через внутреннюю призму тревоги. Скорее тревожность, как потаенная активность субъекта, привлекает к себе объект. В этой же связи любопытен житейски известный, а так же специально отмеченный рядом зарубежных психологов факт о том, что люди не избегают передавать тревожные, хотя иногда и нелепые слухи. Одна из предлагаемых интерпретаций этого явления состоит в том, что содержание слухов позволяет реализовать внутреннее напряжение, вызванное смутной тревогой. Тревожность, как видно, «ищет» подтверждения во внешних событиях, не столько преломляя, сколько притягивая к себе зримые сигналы беды.

Изолированно взятая поисковая активность тревоги еще недостаточно интенсивна — если, конечно, иметь в виду норму, а не болезнь! — для того, чтобы стать переживаемой и, тем более, осознанной субъектом. В качестве ее подспорья должен выступить внешний объект — носитель потенциальной опасности. Он заключает в себе как раз те признаки, которые способны быть «ключевыми» для придания тревоге чувственно-конкретной формы. Резонируя в них, активность тревоги усиливается, становится способной достичь порога переживания и далее сознания. Прибегнув к метафоре, скажем, что невидимые лучи тревоги, отражаясь от потенциально-опасного объекта, окрашиваются в его цвет и, став зримыми, возвращаются назад, к субъекту. Что же касается человека, то он нередко испытывает чувство беспокойства, тревоги, страха тогда, когда его внутренняя активность тревоги уже вывела его на объект, могущий причинить вред. Потому-то и кажется всегда, что вещь страшит, в то время как, бывает, она светит лишь отраженным светом.

Тревога, как поисковая активность субъекта, позволяющая своевременно

обнаруживать в окружающем мире потенциально-опасные объекты, — мощный механизм, выработанный для реализации фундаментальной потребности субъекта в самосохранении. Однако, помимо той функции, которую выполняет активность тревоги, обслуживая интересы субъекта, она, как, можно полагать, и всякая активность, интегрируемая на уровне целостного субъекта, обладает известной автономией, выступает также и «для себя». С наглядностью об этом свидетельствует факт возникновения состояния «психологической прикованности» к опасности, способного вступить в прямой конфликт с требованиями «принципа сообразности». Проникающая сила опасности, распространяющаяся под влиянием поисковой тревоги субъекта, ограничивает жизненное пространство индивида, затрудняет нормальную жизнедеятельность, а принимая застойный характер, может вести к развитию невротических, навязчивостей, психосоматических расстройств. Наличие «психологической прикованности» может быть оправдано с точки зрения задач адаптации лишь тогда, когда человек с необходимостью должен вступать в единоборство с опасностью. Тем более резко контрастирует с «принципом сообразности» тот факт, что состояние «прикованности» может быть обнаружено в условиях фактической свободы самоопределения субъекта в ситуации потенциальной опасности, как это случилось в организованной нами экспериментальной ситуации, где ничто не могло воспрепятствовать воле субъекта избежать встречи с опасностью и необходимость какой-либо борьбы с угрозой была исключена. Следовательно, не существовало каких-либо рациональных оснований для переживания состояния «психологической прикованности». Однако, вопреки разумной оценке, убеждавшей в отсутствии реальной угрозы, ситуация выступала в переживаниях субъекта как стрессовая. Все это свидетельствует в пользу существования особых — частично-неадаптивных — тенденций, навязывающих субъекту «свое» видение ситуации. Как произвольные по способу своего возникновения, эти тенденции могут вступать в противоречие с ведущими целями и мотивами деятельности. С содержательной стороны они характеризуются фиксацией сознания субъекта на «стрессогенных» элементах среды, а с динамической — длительностью и устойчивостью. В предположении о существовании таких тенденций мы опираемся на многочисленные факты, полученные в работах, посвященных проблеме психического стресса. В них, в частности, указывается на тот объективный вред, который может быть принесен человеку вследствие «предстрессовых» реакций. Отмечается, что сила прогнозируемой неприятной эмоции часто намного превышает силу реальной, период же вегетативной подготовки к встрече с неблагоприятным воздействием далеко выходит за биологически полезные пределы. Таким образом, предстрессовая реакция в ответ на сигналы ожидаемой опасности «не вписывается» в контекст биологически целесообразных реакций, но частота и распространенность таких, неоправданных с точки зрения целей жизнедеятельности субъекта, реакций свидетельствует о том, что они не должны быть списаны за счет случайных «издержек» в работе других подсистем организма. Следовательно, в самом индивиде существует некий относительно-автономный «источник» активности, стимулирующий непрерывное поступление сигналов об опасности и обгоняющий сиюминутные нужды индивида в плане его адаптации к среде. Здесь, можно полагать, проявляется действие одной из мотивационных, как бы мы назвали «заинтересованных» подсистем субъекта, способных включаться даже в ответ на незначительные импульсы отвечающих им модальностей. Имея свой оптимум активации, «заинтересованная» подсистема тревоги постоянно стремится к его поддержанию, стимулируя весь организм к действиям, направленным на соответствующий предмет. Отсюда такие столь типичные для состояния «психологической прикованности» процессы, как произвольная фиксация внимания человека на «стрессогенных» элементах ситуации, переживание особой «близости» к опасному краю, устремленность ассоциативного потока на объект, причиняющий беспокойство, насильственное представление о характере

последствий в случае столкновения с источником угрозы и т. п. Таким образом, именно тревога как обобщенная, неподконтрольная активность субъекта, обусловленная действием относительно-автономной мотивационной подсистемы, лежит в основании того сложного психического настроя, который выше был назван нами состоянием «психологической прикованности» к опасности.

Разумеется, первая и естественная реакция человека (как и всего живого) в ответ на сигналы угрозы — это стремление к безопасности. Здесь, несомненно, «принцип сообразности» вступает в свои права: всякое реальное неблагополучие субъекта или даже намек на неблагополучие должны быть устранены в той мере, в какой позволяет данная ситуация. Состояние «психологической прикованности» к опасности травмирует индивида. Следовательно — как того требует «принцип сообразности» — оно не может не стимулировать индивида к поиску выхода из положения, в котором он оказался.

Хорошо известны две такие формы реакции на опасность, как агрессия и бегство. Каждая из них по-своему мобилизует импульс к безопасности: агрессия — через уничтожение источника опасности; бегство — через устранение самой возможности столкновения с угрожающим объектом. Если сигнал угрозы невелик, наблюдается агрессивное поведение, если же интенсивность угрозы значительна — бегство. Таким образом, и агрессия и бегство представляют собой реакцию на уже известный уровень опасности.

Определенность степени ситуативной опасности — в какой-то мере льгота, предоставленная природой животному миру: эволюционно фиксированные эталоны опасности позволяют практически безошибочно идентифицировать уровень наличной угрозы и в соответствии с ним принимать решения о нападении или бегстве. При всем различии этих двух форм ответа на опасность, обе они реализуют цели индивидуальной адаптации особи, отвечая ее фундаментальным потребностям. Преодолевая опасность, животное как минимум сохраняет свою жизнь — при бегстве, или — в случае успеха, при агрессии — возвышается над другими, расширяет территорию своего обитания, отвоевывает самку и т. д. Оба варианта поведения, так называемые «пассивно-оборонительная» и «активно-оборонительная» унитарная реакция, преследуют прежде всего задачи индивидуального приспособления и в значи-к'льной мере могут быть описаны в терминах «принципа сообразности».

Но, как показывают наши исследования, описанные адаптивные варианты поведения не исчерпывают всего спектра реакций субъекта на опасность. Существует, как мы полагаем, третья форма ответа на опасность, специфичная для человека. Ее можно было бы назвать актом **конфронтации** с потенциальной опасностью. В ходе активного противостояния опасности субъект получает возможность выхода за рамки угрожающей ситуации (но не через бегство!), преодоления опасности (но не через физическое уничтожение ее источника!). На чем же основан «целительный» эффект активности навстречу опасности? Здесь мы в самых общих чертах попробуем раскрыть логику конфронтации как способа борьбы с угрозой.

Для того, чтобы субъект чувствовал себя вне угрозы, объект должен выступить перед ним как носитель особого свойства — свойства «быть безопасным». В чем же заключается это свойство и каким образом оно может быть выявлено субъектом? Для ответа на этот вопрос вкратце дадим необходимые пояснения к интуитивно очевидному понятию *опасность* (и, следовательно, попытаемся раскрыть симметричное ему понятие о *безопасности*). Тот объект опасен, взаимодействие с которым нарушает благополучие субъекта, вызывая как физические, так и психические травмы субъекта. В том случае, если при взаимодействии субъекта с объектом последний не влияет на жизнеспособность субъекта, не ограничивает его жизнедеятельность и т. д., то объект безопасен.

Фактически решение вопроса о том, опасен объект или нет, в конечном счете определяется тем, совместимы ли субъект и объект в пространстве и времени,

сохраняется ли в ходе этого взаимодействия присущая субъекту целостность. На этот критерий стихийно и ориентируется субъект, сближающийся с опасностью. Выходя «один на один» с опасностью, он устанавливает меру своей совместимости с нею, или, что то же самое, степень проявляемой безопасности объекта. В том случае, если допустим контакт с «подозреваемым» объектом (без ущерба для субъекта!), то, следовательно, объект безопасен; контакт оказался невозможен — значит, объект не только потенциально, но и актуально опасен. Известно, что лишь посредством деятельной, практической активности людей свойства объектов из «заданных» становятся «данными» субъекту. Сближение человека с опасностью — своеобразная «тестовая» или, точнее сказать, постигающая активность субъекта, завершающаяся — в случае успеха предпринятой акции — выявлением в объекте свойства «быть безопасным».

Каков же конкретный психологический механизм преодоления потенциальной опасности при конфронтации с угрожающим объектом? Непосредственно данное субъекту **переживание** опасности есть та чувственная форма, в которой перед субъектом выступает **сигнал** о возможных последствиях встречи с угрожающим объектом. Этот сигнал об опасности — единственная реальность, открытая субъекту в объекте до непосредственного взаимодействия с последним. Она-то и воспринимается субъектом как сама опасность, хотя фактически может быть установлена лишь в ходе деятельности. Если сигнал о событии расходится с содержанием самого события и этот факт открывается в деятельности, то он, по существу, утрачивает свою сигнальную функцию. С этой точки зрения, сближение субъекта с опасностью представляет собой активность, направленную на расщепление первоначально неразличимых субъектом **сигнала** об ожидаемых свойствах объекта и **реальных свойств** объекта — источника воспринимаемой угрозы. В результате переживания опасности утрачивает свое сигнальное значение, и, таким образом, происходит психологическое устранение опасности. Следовательно, смысл активности индивида навстречу угрозе заключается в том, чтобы «обезопасить» потенциально опасный объект, разрушив сигнальную связь между предметом опасений и образом этого предмета в переживаниях субъекта. В этом и состоит суть «третьего» пути борьбы с потенциальной опасностью.

Как уже было отмечено, другие адаптивные реакции субъекта (агрессия и бегство) возникают в ответ на вполне определенный уровень угрозы. Чем проще степень организации среды обитания и, следовательно, чем более ранней является эволюционная ступень в развитии форм жизни, тем, видимо, должна быть выраженнее дихотомия агрессии или бегства в поведении особи. Наоборот, усложнение среды, разрушение былой однозначности сигнальных связей во взаимоотношениях субъекта со средой, расширение круга новых агентов среды, еще не представленных в опыте субъекта, приводят к тому, что «биполярная» дифференциация поведения субъекта в условиях угрозы становится явно недостаточной для разрешения задач индивидуального приспособления. Отсюда — появление третьей формы — конфронтации с опасностью. С другой стороны, претерпевает изменения и исходная нацеленность самих адаптивных процессов. На уровне общественного субъекта — личности — они защищают и утверждают в субъекте его собственно человеческую природу.

«Индивидуальный» уровень рассмотрения активности субъекта, всецело подчиненный «принципу сообразности», способен объяснить лишь стремление субъекта к обретению чувства безопасности. В частности, и способ конфронтации выступил перед нами как своеобразный метод, позволяющий субъекту доказать безопасность противостоящего ему объекта. Однако та форма, в которой проявляется индивидуально-приспособительная активность субъекта, в данном случае вступает в явные противоречия с самими основами «принципа сообразности». В самом деле, почему наблюдается предпочтение сближения с опасностью, то есть значительные трудности, в то время как существует заведомо более надежный вариант действия — в

ситуации тревожной неопределенности уход от опасности? Рискованные действия требуют от человека несравненно больших усилий, чем бегство, так как преодоление комплекса «прикованности» достигается здесь лишь в самый момент столкновения с опасностью, то есть в условиях предельного обострения исходной напряженности. Почему же преодоление «психологической прикованности» достигается столь дорогой ценой? С нашей точки зрения, принципиальное решение этого вопроса возможно лишь со стороны рассмотрения человека как общественного субъекта, то есть через анализ проявляющихся в нем свойств более широкой социальной системы. Таким образом, мы переходим к анализу интересующего нас явления на уровне личностного подхода к активности субъекта.

«Субъект, вступая в обществе в новую систему отношений, обретает также новые — системные — качества, которые только и образуют действительную характеристику личности»¹. Выдвинутое А. Н. Леонтьевым представление о личности как системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства охватывающей субъекта метасистемы, отвечает фундаментальному положению Маркса, согласно которому всякий акт деятельности субъекта есть «проявление и утверждение» общественной жизни. Однако общественные отношения, объективно реализуемые в деятельности людей, обычно скрыты для них их же собственными интересами и целями, вытекающими, казалось бы, из самих недр индивидуального бытия. Отсюда, в частности, настоятельная необходимость подчеркивать тот факт, что «деятельность порождается обществом» (А. Н. Леонтьев), в противовес эмпирическому истолкованию связи человека и общества как двух «взаимодействующих» агентов. Маркс, давая определение абстрактного труда, писал о том, что этот труд *«выступает, в сущности, не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы как простые органы этого труда»* (разрядка моя — В. П.)² Подобно тому, как «всеобщечеловеческий» труд непосредственно дан субъекту как его собственный, реализующий его индивидуальную природу (и лишь на известной ступени развития общественного производства становящийся отчужденным и противопоставленным производителю), так и в повседневной деятельности субъект склонен усматривать исключительно индивидуальные, как бы почерпнутые в себе самом мотивы. Абсолютизация факта принадлежности индивидуальных мотивов субъекту затмевает перед ним его же собственную общественную природу. Существуют ли, однако, такие формы деятельности субъекта, в которых бы непосредственно проявлялись метасистемные признаки субъекта, открывались бы заключенные в нем общественные свойства? Здесь мы наметим лишь самую общую схему рассмотрения этой проблемы. Внутри всякой совместной деятельности людей - вне зависимости от ее конкретных особенностей и форм, будь то производственный труд или борьба со стихией индивидуальные усилия отдельных исполнителей ее необходимо подчинены общей для всех цели деятельности.

— ¹ Леонтьев А. Н. Деятельность и личность. Вопросы философии, №4, 1974 ² Маркс К., Энгельс Ф. Поли. собр. соч., т. 13, стр. 17.

Индивид здесь — лишь момент коллективного субъекта активности, что и образует исходный пункт для социального определения и самоопределения личности. В зависимости от конкретного решения вопроса о том, позволяют ли индивидуальные качества данного человека выступить ему в роли носителя целей и задач **совместной** деятельности, появляется возможность судить о мере присвоения индивидом его социального качества. Следует иметь в виду, что процесс становления социального качества конкретной личности есть процесс двусторонний. Во-первых, в нем индивидом присваиваются цели совместной деятельности, которые не даны, но заданы ему самим характером общественного производства. Во-вторых, в том же процессе происходит преодоление («отрицание», «снятие») таких

потребностей, побуждений, целей людей, в которых они предстают как отдельные («абстрактные») индивиды. Лишь на этом пути потенциальное бытие общественного субъекта выступает перед своим «природным» носителем как его собственное социальное качество.

Следовательно, способы преодоления частных интересов людей, присущих им как изолированным индивидам, становятся предметом всеобщего интереса. Так возникают образцы специфически социального типа поведения и примеры «над-индивидуальных» личностных качеств: «воля», «свобода», «альтруизм» и пр. В каждом из них социальное начало выступает в своем деятельностном оформлении, а не только как мыслимая, лежащая по ту сторону наблюдения и чувственной достоверности реальность. Таким образом, индивид приобретает возможность непосредственно «измерять» свое социальное качество, пробуждая дремлющую в себе особую активность, отрицающую его абстрактно-индивидуальную природу. Лишь в результате этой «снимающей» активности общественное начало субъекта, которое до сих пор представлялось существующим в нем лишь потенциально, выступает теперь в своем зримом и чувственно-данном виде.

Таково **объективное** содержание процесса присвоения индивидом его общественной сущности в форме единичных индивидуальных актов — общественная по своему существу активность облекается в форму индивидуального «самоутверждения» личности. **Субъективно** же актам самоутверждения (самоопределения) личности, через преодоление ее абстрактно-индивидуальной природы, придается форма «надындивидуального» требования. В частности, и явление «немотивированного» риска может быть понято как активность по преодолению природных границ индивидуального «Я». Действительно, в условиях опасности «естественная» реакция человека может принуждать к бегству (имеющиеся методы исследования, в том числе и наши экспериментальные данные, позволяют судить о скрытом присутствии таких произвольных реакций). Однако тенденция субъекта проявлять в себе признаки метасистемы диктует противоположный способ преодоления «психологической прикованности к опасности». В ответ на переживаемые состояния беспокойства, страха, в которых сказывается «телесная» природа субъекта, индивид как социальное существо, осуществляя **переход** в метасистему, мобилизует усилия на устранение «чуждых» ему реакций. Преодоление первичной реакции избегания и выступает в форме активности навстречу опасности.

Таким образом, присвоение «чистого» социального качества как противоположности «натуральному» и «естественному» в человеке, с нашей точки зрения, может объяснить сам факт существования таких действий субъекта, которые в ряде случаев прямо противоречат «природным» тенденциям индивида. Активность, следовательно, выступает в качестве особой деятельности субъекта по преодолению заключенной в нем абстрактно-индивидуальной природы и утверждению его общественной сущности.

В настоящей работе¹ сделана попытка очертить две парадигмы психологического анализа деятельности — морфологическую и динамическую, — сложившиеся в русле общепсихологической теории деятельности [12].

В последнее время проблема деятельности является объектом оживленных и полных полемического накала дискуссий. И это не удивительно: сейчас вряд ли удастся отыскать психолога, который бы в той или иной форме не касался проблемы деятельности, не давал бы ту или иную трактовку категории деятельности. При всей разнородности мнений, высказываемых при обсуждении современного состояния проблемы деятельности, их объединяет одна общая черта. Она заключается в том, что наиболее четко выделившиеся в советской психологии концепции деятельности рассматриваются как *окончательно* сложившиеся и доведенные до своего логического финала системы, т. е. системы, в которых уже проставлены все точки над *i*. Поэтому-то

обычно, анализируя эти системы, будь то общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева или концепция С. Л. Рубинштейна, начинают перечислять, что в них не сделано. Являются ли, однако, в действительности эти системы, и в частности общепсихологическая теория деятельности, о которой далее пойдет речь, чем-то окончательно сложившимся и доведенным до своего логического финала? Нет! На наш взгляд, дело обстоит совершенно противоположным образом. Эта теория представляет собой пока еще только каркас здания объективной психологической науки. Выступая в форме такого каркаса,

¹ Доклад А. Г. Асмолова, В. А. Петровского, прочитанный на симпозиуме «Деятельность и личность» V Всесоюзного съезда психологов (1978).

она задает дальнейшее направление движению психологии, сама постоянно изменяясь и преобразуясь в процессе этого движения. Возможно, что выросшая из этой концепции теория деятельности в ее развитой форме будет так же походить на сегодняшнюю, как, говоря словами Л. С. Выготского о психологии грядущих дней, созвездие Пса походит на собаку — лаю-иквотное [7]. Но в ней будут жить принципы, заложенные

теорией деятельности уже сегодняшнего дня, и в этом-то и заключается суть дела.

Контуры общепсихологической теории деятельности были намечены в исследованиях Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия в те дни, когда молодая советская психология, пройдя между Сциллой психологии сознания и Харибдой (тхевиоризма, встала на путь самостоятельного развития. Именно в то время, в начале 30-х гг. , в нашей психологии утверждается принцип деятельности как ведущий методологический принцип анализа психических явлений и дается определение категории деятельности. Деятельность определяется процесс реализации жизненных отношений субъекта в предметном мире и как источник саморазвития субъекта, причем акцентируется и «работает» в конкретных исследованиях прежде всего первая часть этого определения. Следует особо подчеркнуть, что одновременно с введением чисто **методологического** принципа деятельности сама деятельность становится предметом конкретных исследований в работах харьковской группы психологов (А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, П. Я. Галь-перин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко и др.).

Эти исследования разворачиваются преимущественно в рамках морфологической парадигмы анализа деятельности. То, что мы условно обозначили *морфологической парадигмой*, анализа деятельности, предполагает рассмотрение деятельности и как некоторой инвариантной системы и выделение относительно устойчивых единиц, которые образуют эту систему. Следуя логике исследования, задаваемой морфологической парадигмой, исследователи должны были раскрыть некоторые инвариантные для каждой деятельности единицы, т. е. те предметные и структурные моменты, которые образуют «тело» той деятельности. Эта цель и была достигнута в целом ряде фундаментальных экспериментальных и теоретических работ.

Здесь нет необходимости останавливаться на этих ставших уже классическими работах, и поэтому мы позволим себе дать лишь краткую характеристику выделенных в них структурных единиц деятельности.

В деятельности субъекта были выделены такие предметные моменты, как мотив, понимаемый как предмет потребности, цель и условия осуществления действия. Структурные моменты деятельности получили, как известно, свою специфическую характеристику при соотношении их с мотивами, целями и условиями осуществления действия. Так, процесс, рассмотренный со стороны мотива, получает свою

специфическую характеристику в качестве особенной деятельности; со стороны цели — в качестве действия; со стороны условий осуществления действия — в качестве операции. Четвертый момент психологического строения деятельности — это «исполнительные» психофизиологические механизмы, реализующие деятельность [12].

Подобное описание деятельности как относительно инвариантной системы, конечно, нельзя считать завершенным. Возможной перспективой дальнейшего исследования деятельности в рамках морфологической парадигмы является членение деятельности на все более дробные единицы, т. е. путь анализа микроструктуры деятельности. Этот путь мы обнаруживаем в известных исследованиях В. П. Зинченко и его сотрудников, доказавших необходимость введения такой важной единицы анализа деятельности, как функциональный блок [9], [10].

Итак, при анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются следующие структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; операция, соотносимая с условиями осуществления действия; функциональный блок, соотносимый с объектными свойствами условий, и психофизиологические реализаторы деятельности.

Иная картина и иные единицы анализа выделяются при исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы. *Динамическая парадигма* анализа деятельности предполагает выявление специфики тех моментов, которые характеризуют собственно динамику, движение самой деятельности и ее структурных образующих. Единицами, характеризующими движение самой деятельности, являются *установка*, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, и *надситуативная активность*. Содержание этих единиц, их место в процессах реализации и преобразования деятельности, а также настоятельную необходимость введения этих единиц в контекст анализа предметной деятельности мы и попытаемся сейчас показать.

Вначале мы остановимся на характеристике такой единицы анализа движения деятельности, как установка. В настоящей статье понятие «установка» впервые будет рассмотрено

В качестве необходимого условия выделения динамической парадигмы психологического анализа деятельности¹. Вопрос о роли установочных явлений с необходимостью встает при и (учении деятельности, как только мы начинаем рассматривать движение самой деятельности и пытаемся понять причину ее относительной устойчивости в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих движение деятельности, естественно вытекает из представлений о природе движения. Ведь в движении предметной деятельности, как и во всякой форме движения всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности, возникающая в самом процессе деятельности. Стабилизаторы деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению направленности движения, в своеобразной «инерции» деятельности. Без таких стабилизаторов деятельность просто не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение. Она была бы подобно флюгеру и каждое мгновение изменяла бы свою направленность под влиянием любых воздействий, обрушивающихся на субъекта. Мы еще раз подчеркиваем, что стабилизаторы всегда присутствуют в движении деятельности, непрерывно «цементируя» это движение и фиксируя его направленность. Они всегда есть, хотя внешне могут не проявлять каких-либо самостоятельных признаков своего существования. Дело том, что стабилизирующие моменты движения деятельности остаются скрытыми до тех пор, пока развертывающаяся деятельность не сталкивается с тем или иным препятствием.

¹ О некоторых теоретических и историко-психологических предпосылках введения понятия «установка» в контекст психологии деятельности и в особенностях установок см. [1], [2], [3].

Но стоит какому-либо препятствию вырасти на пути движения деятельности, и тенденция к сохранению направленности деятельности тотчас даст о себе знать. Различные проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Дон-Кихот, начитавшийся рыцарских романов и постоянно ожидающий встречи с великанами, принимает за великанов ветряные мельницы и нападает на них. Африканец, впервые приехавший в Лондон, ошибочно думает, что все полицейские дружелюбно настроены по отношению к нему, так как принимает знак остановки — правую руку полицейского, поднятую ладонью вперед навстречу движущемуся транспорту, — за теплое приветствие. Большинство фантастов, по привычке считающих разум исконной привилегией человека, придают в своих рассказах обитателям других миров человеческий облик. Из всех этих примеров явственно следует, что тенденция к сохранению направленности движения деятельности имеет две стороны: во-первых, она является необходимым внутренним моментом движения деятельности, обеспечивающим его стабильность, устойчивость; во-вторых, она же обуславливает консервативность, ригидность деятельности, проявляясь в том, что субъект становится как бы «слепым» к любым воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции.

Само собой разумеется, что между абстрактным положением, констатирующим наличие подобных стабилизаторов в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того, чтобы через эту пропасть перекинуть мост, нужно было рассмотреть то, как представления о стабилизаторах деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях они предстали перед исследователями.

В нашей работе было показано, что наиболее устоявшееся описание тенденции к сохранению направленности движения, или готовности действовать в определенном направлении, выражено в понятии «установка» и его многочисленных аналогах. Установочные явления хорошо известны в психологии вообще, и особенно в советской психологии, благодаря классическим работам Д. Н. Узнадзе [24] и его учеников [13], [14], [21], [26]. Ни одна другая школа в мировой психологической науке не внесла столь значимого вклада в изучение многообразных установочных явлений, как школа Д. Н. Узнадзе. Поэтому, для того, чтобы конкретизировать представления о стабилизаторах деятельности, мы прежде всего обратились к теории установки Д. Н. Узнадзе. Прделанный нами с позиций общепсихологической теории деятельности анализ представлений об установке в школе Д. Н. Узнадзе, а также различных проявлений установки в исследованиях зарубежных психологов привел к разработке гипотезы *об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности* [1], [2], [3], [4]. В чем суть этой гипотезы?

Согласно этой гипотезе, содержание, функции и феноменологические проявления установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. В соответствии с основными структурными единицами деятельности выделяются уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установок. Установки каждого из этих уровней обладают рядом характерных особенностей.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень *смысловых установок*. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к определенной деятельности в целом. Смысловая установка цементирует

направленность отдельной деятельности, феноменально проявляясь в ее субъективной окрашенности, «лишних» движениях и смысловых обмолвках. Типичный пример смысловой обмолвки описан З. Фрейдом, приведшим случай, когда пациентка, рассказывая об очень близком человеке — своей тетке, постоянно называла ее «моя мать», не замечая при этом обмолвки [25]. Смысловые установки относятся к глубинным образованиям мотивационной сферы личности. Их изменение всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта. В этом заключается кардинальное отличие смысловых установок от таких субъективных образований на поверхности сознания, как отношения в смысле В. Н. Мясищева, значащие переживания Ф. В. Бассина, которые могут быть изменены непосредственно под влиянием вербальных воздействий.

На другом уровне, на уровне действия, функционируют *целевые установки*. Критерием для выделения этого уровня установок является наличие цели действия. Целевая установка представляет собой готовность, вызванную предвосхищаемым осознаваемым результатом, и определяет устойчивость протекания действия. Из-за того, что стабилизирующая функция целевой установки непосредственно не проявляет себя до столкновения действия с препятствием, в психологии нередко смешивают установку и направленность, тем самым растворяя эти понятия друг в друге. Между тем установка есть самостоятельный, не перекрываемый направленностью момент регуляции действия. Об этом красноречиво свидетельствуют такие факты проявления целевой установки, как феномен Зейгарник (тенденция к завершению прерванного действия) и системные персеверации.

Опускаясь на еще более низкий уровень деятельности, мы обнаруживаем факты проявления *операциональных установок*. Под операциональной установкой понимается готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе учета условий наличной ситуации и вероятностного прогнозирования изменения этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях.

Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от того значения, которое объективировано в предвосхищаемом условии. Говоря о «значении» условий ситуации, мы имеем в виду представление А. Н. Леонтьева о том, что эти условия несут в себе внешние схемы поведения — общественно выработанные способы осуществления деятельности, ценности, предметные и социальные нормы. Именно в значениях содержатся те готовые формулы, «образы» способов действия, о которых писал Д. Н. Узнадзе [24] и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться «связи времен». Эти значения, будучи представленными в образе предвосхищаемого условия ситуации, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим к «отношения» в смысле В. Н. Мясищева, «значащие переживания» Ф. В. Бассина, которые могут быть условием ситуации разрешения задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции, посредством которой может быть достигнута цель действия. В повседневной жизни операциональные установки проявляются в привычках, стандартных ситуациях, определяя работу «привычного», по выражению Д. Н. Узнадзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установка, а актуализируется уже ранее выработанная установка на эти условия [13].

Феноменальные проявления установок этого уровня наиболее детально изучены в экспериментальной психологии. Так, фиксированные установки, выработанные посредством классического метода фиксации установки Д. Н. Узнадзе, по своему деятельностному рангу относятся именно к операциональным установкам. Операциональные установки проявляются в известных феноменах установочных иллюзий восприятия, в ошибках «ожидания» и «привыкания», наблюдаемых в

психофизических экспериментах [4]. Феномены операциональных установок также обнаруживаются и при решении мыслительных задач. В этой области они открываются перед исследователями в виде феномена «функциональной фиксированности», проанализированного К. Дункером [8], и в стереотипных, ригидных установках — готовности к переносу ранее выработанных способов действия на новые задачи, — исследованных в известных работах А. Лачинса [27].

И наконец, на уровне психофизиологических механизмов установка проявляется в сенсорной и моторной преднастройках, предшествующих развертыванию того или иного действия.

Вглядимся повнимательнее в многоликие проявления установок. Во всех случаях, будь то установки на уровне личности или операциональные установки, об их существовании судят по тем искажениям, которые они приносят в процессы деятельности. Благодаря этой особенности психологи узнали о существовании установочных явлений. Из-за нее в умах многих исследователей установка неправомерно ассоциируется только с фактором, вносящим искажения в разные виды деятельности. Эта особенность установок и обусловила то, что в роли основного принципа, явно или неявно используемого в экспериментальных исследованиях установочных явлений, выступил методический принцип искусственного прерывания, сбой деятельности, например, прерывания деятельности при помощи создания неопределенности предъявляемой стимуляции — вроде пятен Роршаха или дефицита сенсорной информации в психофизических экспериментах на обнаружение сигнала, а также резкого нарушения протекания деятельности. Этот общеметодический прием служит еще одним «операциональным» подтверждением правомерности понимания установки как стабилизатора деятельности.

Исследование уровневой природы установочных явлений и их роли в регуляции предметной деятельности находится в самом начале своего пути. Начинаются поиски методов диагностики и изменения смысловых установок личности. И уже сегодня зону этого поиска можно очертить с достаточной определенностью. Такими методами являются проективные методы (см. [22]) методы социально-психологического тренинга. Ведутся экспериментальные исследования по изучению роли межличностной идентификации в возникновении смысловых установок [5], [6]. В работах Е. Т. Соколовой разрабатываются представления о личностном стиле как системе смысловых установок личности [23]. В недавно завершившемся цикле исследований, проведенных под руководством О. К. Тихомирова, вскрыта сложная взаимосвязь между оценками и установками разных уровней в ходе мыслительной деятельности [11]. Все эти и подобные им исследования и определяют! судьбу дальнейшего развития представлений о разных уровнях установок, стабилизирующих деятельность субъекта и позволяющих сохранить ее устойчивость в бесконечно разнообразном и постоянно изменяющемся мире.

Итак, установка, понимаемая как стабилизатор движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, является единицей анализа *движения* деятельности субъекта. Функциональное значение установок по отношению к деятельности заключается в том, что установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», мешая деятельности вырваться за рамки исходной ситуации.

Другой единицей, вычленяемой при анализе деятельности в рамках динамической парадигмы, является надситуативная активность. Раскроем содержание этой существенно важной новой единицы анализа.

Деятельности субъекта свойственна особая логика движения, заключающаяся в том, что субъект как бы выходит за рамки исходной ситуации развертывания деятельности, т. е. действует — если использовать известный поэтический троп — «поверх барьеров». Понятие «надситуативная активность», без введения которого

невозможно понимание движения деятельности как ее саморазвития, и фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности.

Введение этого понятия [18], [19], [20] потребовало специального рассмотрения проблемы соотношения понятий «активность» и «деятельность» в рамках общепсихологической теории деятельности, выделения и критики некоторых фундаментальных положений эмпирической психологии, соотнесения и, в итоге, обобщения конкретных данных, полученных в разное время разными авторами в ряде экспериментальных работ, в том числе и исследований в области психологии риска, проводимых в течение ряда лет одним из авторов данной статьи ([16], [18] и др.).

С какими же основными методологическими проблемами мы сталкиваемся, подходя к предмету нашего рассмотрения?

В самом фундаменте эмпирической психологии лежит следующая методологическая предпосылка, приобретающая статус постулата, явно или неявно принимаемого исследователями и исподволь ограничивающего движение научной мысли. Это «*постулат сообразности*». Он состоит в том, что субъекту приписывается изначально свойственное ему стремление к «внутренней цели», в соответствие с которой и приводятся все без исключения проявления активности [18], [20]. При этом вся деятельность субъекта оказывается как бы замкнутой на реализации именно этих исходных «целей». По существу, речь идет об изначально адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов субъекта. При этом адаптивность понимается в самом широком смысле, а именно как тенденция субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности тех и только тех его жизненных отношений (побуждений, целей, норм, установок, ценностей и т. п.), которыми определяется *наличный* уровень его бытия.

В зависимости от того, какая из конечных жизненных ориентации принимается за ведущую, выявляются различные варианты «постулата сообразности»: гомеостатический, прагматический, гедонистический. Действие постулата сообразности охватывает при этом не только эксплицитированные в теоретической форме воззрения различных авторов, но и целый ряд бессознательно (или — по М. Г. Ярошевскому—«надсознательно») используемых и глубоко укоренившихся в мышлении стереотипов и схем.

Исходным для исследования явилось положение о том, что развитие человеческой деятельности, ее движение не может быть понято в рамках постулата сообразности, утверждающего адаптивную направленность психических процессов и поведенческих актов субъекта, что, иными словами, деятельности свойственно особое качество, которое состоит в ее способности переходить за пределы функции приспособления субъекта, как бы широко последнее ни трактовалось. В этом особом качестве, как мы предположили, находит свое выражение собственно активность субъекта. Понятие «активность» в наиболее общем плане может быть раскрыто как совокупность обусловленных субъектом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и преобразование деятельности.

Условием определения понятия «активность» в более специальном значении является разграничение процессов осуществления деятельности и процессов движения самой деятельности, ее самоизменения. К процессам осуществления деятельности относятся моменты движения, входящие в состав мотивационных, целевых и операциональных единиц деятельности на данном уровне ее развития и необходимых переходов между ними. Собственно активность, в отличие от процессов осуществления деятельности, образуют *моменты прогрессивного движения самой деятельности* — ее становления, развития и видоизменения [20].

Активность как *момент становления деятельности* обнаруживает себя в процессах опредмечивания потребностей, целеобразования, возникновения психического образа, присвоения психологических орудий; активность как момент развития деятельности — в процессах расширенного ее воспроизводства:

обогащения в индивидуальной деятельности субъекта общественно заданных мотивов, целей, средств исходной деятельности; активность как *момент видоизменения деятельности* характеризуется качественными трансформациями, затрагивающими основные структурные моменты исходной деятельности, а также преодолением связанных с ними установок как инерционных моментов движения деятельности.

Динамическая сторона деятельности, таким образом, не исчерпывается лишь процессами осуществления деятельности и включает в себя моменты движения, охватывающие всю деятельность как предметно-процессуальное целое. Они-то и характеризуют процесс активности субъекта.

. . . Сделаем небольшое отступление и напомним одну правдивую историю о том, как пришел человек за советом к мудрецу и сказал: «Старче! Я нашел секрет чудодейственной смеси. Дашь мне любую вещь и смесь растворит ее!» — «Прекрасно! — сказал мудрец. — Но в чем же ты собираешься хранить свою смесь?» Деятельность человека подобна волшебной смеси: ее не в чем хранить.

Деятельность обладает собственным движением, в котором-то и выступают моменты собственно активности. Но трудность их усмотрения заключается в том, что они, как и установочные моменты, как бы погружены в деятельность, в процесс ее реализации, так что оба понятия — активность и деятельность — выглядят сливающимися друг с другом. Поэтому главная задача исследования заключается в том, чтобы выявить факт обособления активности в самостоятельный момент движения деятельности.

Для этого нужно было поставить испытуемого в условия, позволяющие ему осуществлять акты «надситуативной» активности. Акты надситуативной активности характеризуются следующими моментами.

Во-первых, они избыточны по отношению к ситуативно заданным требованиям, иными словами, протекают над порогом ситуативной необходимости [18], [19]. Во-вторых, они избыточны также и относительно тех «внутренних» мотивов, актуализация которых обусловлена самим содержанием ситуативно-заданных требований. Это отличает акты надситуативной деятельности от проявлений инициативы субъекта в его деятельности. Проявляя инициативу, субъект расширяет и углубляет свою деятельность, производя ее «за пределами требуемого» (по Д. Б. Богоявленской). Отметим, что в этом случае выход за рамки узкоситуативной задачи обусловлен мотивом, возникающим или проявляющимся прежде всего на основе принятия субъектом ситуативно-заданной цели. В-третьих, это такие действия, когда субъект преодолевает ситуативные ограничения на пути движения деятельности, т. е. , иными словами, преодолевает установки, сложившиеся в деятельности, и адаптивные побуждения, обусловленные ситуацией.

В актах выхода субъекта за рамки ситуации через преодоление обусловленных ею ограничений, иначе говоря, в явлениях надситуативной активности, с отчетливостью выступает момент движения деятельности, т. е. то, что мы обозначаем как собственно активность субъекта.

Изучение явлений надситуативной активности проводилось в 1970 г. на материале исследования тенденции субъекта к прагматически немотивированному риску [16]. Для этого была создана особая экспериментальная ситуация, существенная и принципиальная черта которой состояла в том, что прагматически немотивированные действия, выступающие над порогом требований ситуации, неизбежно были направлены на подавление адаптивных интересов субъекта, в данном случае — опасений, обусловленных фактором угрозы.

Станут ли испытуемые преодолевать ситуативные ограничения, пойдут ли на «бескорыстный» риск? Этот основной вопрос и стоял тогда перед нами.

Проведенные эксперименты позволили показать не только существование этого явления и его распространенность (в частности, тот факт, что около половины всех испытуемых из общего числа более 400 человек идет на «бескорыстный» риск), но и

своеобразие проявления риска как феномена надситуативной активности. Было показано, что усиление угрозы в известных пределах не только ведет к снижению проявляемой тенденции к риску, но даже приводит к заметному учащению случаев, так сказать, «немотивированной» активности. Специальные эксперименты показали далее, что рискованные действия, избыточные в рамках принятых испытуемым условий задания, нельзя объяснить проявлением таких черт его личности, как склонность к прагматическому риску, уровень притязаний, стремление самоутвердиться в глазах окружающих. Наблюдавшие в эксперименте проявления риска были «бескорыстны» не только в том смысле, что они не были вызваны ни содержанием экспериментальной инструкции, ни введенным экспериментатором критерием успешности действия, но и в том смысле, что они, по-видимому, не были детерминированы некоторыми прагматически фиксированными «внутренними» переменными — стремлением к выгоде, личному успеху, одобрению окружающих. При этом испытуемые не только выходили за рамки требований ситуации, но и действовали *вопреки адаптивным побуждениям*, они перешагивали через свои адаптивные интересы, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Таким образом, в фактах выхода субъекта за рамки требований ситуации и проявилось то, что мы называем надситуативной активностью субъекта.

В данный момент мы располагаем лишь предварительными гипотезами относительно механизма возникновения надситуативной активности и вероятных форм ее проявления. Здесь мы исходим из того положения, что деятельность не только реализует исходные, но и порождает новые жизненные отношения субъекта, а значит, и необходимость выхода за рамки первоначальной ситуации [20].

Необходимость выхода за рамки ситуации реализуется в различных формах: в форме «потребности в активности» или, если использовать специальное обозначение Узнадзе, в форме «функциональной тенденции», порождаемой именно в деятельности субъекта. Необходимость указанного выхода может проявляться и как мотив деятельности, например «риск-мотив», и как сложившаяся в деятельности готовность субъекта к осуществлению действий, избыточных относительно требований ситуации. Таким образом, необходимость выхода за рамки ситуации обуславливает как бы «сдвиг» деятельности на всех ее специфических уровнях — от мотивационно-потребностных до, возможно, операциональных.

Что же лежит в основе, что служит определяющим условием возникновения необходимости выхода за рамки ситуации? Согласно нашей гипотезе, основу возникновения этого особого нового отношения образуют возрастающие в деятельности потенциальные возможности субъекта; они как бы перерастают уровень требований первоначальной ситуации и, образуя избыток, побуждают субъекта к выходу за рамки этих требований. Формулируя гипотезу об избытке потенциальных возможностей как источнике активности, мы вполне осознаем необходимость специальной концептуализации и операционализации самого понятия о потенциальных возможностях субъекта, что образует линию будущих исследований.

Весьма широк спектр явлений надситуативной активности. Помимо рассмотренного здесь явления «бескорыстного» риска, отметим факты альтруистического поведения и феномены действенной групповой эмоциональной идентификации [15], [17]; процессы порождения познавательной мотивации в деятельности и общении (исследования А. М. Матюшкина и его сотрудников); феномены «сверхнормативности» в коллективной деятельности, выделяемые сегодня в рамках стратометрической концепции групп и коллективов. Все это явления, психологическим ядром которых, по-видимому, и являются моменты надситуативной активности как особой единицы движения деятельности субъекта.

В заключение мы резюмируем основные положения данной работы.

В настоящее время в теории деятельности, разрабатываемой в работах А. Н. Леонтьева и его сотрудников, представляется возможным выделить две парадигмы исследования психологии деятельности: *морфологическую* и *динамическую*.

При анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются структурные единицы деятельности: особенная деятельность, побуждаемая мотивом; действие, направляемое целью; операция, соотносимая с условиями действия, и психофизиологические реализаторы деятельности.

При исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы открывается движение самой деятельности. Это движение характеризуется такими находящимися в единстве и борьбе моментами, как *надситуативная активность* (тенденция, избыточная по отношению к исходной деятельности), порождаемая в самом процессе деятельности и выступающая как прогрессивный момент ее движения и развития, и *установка* (тенденция к сохранению направленности деятельности), являющаяся стабилизатором деятельности, своеобразным инерционным моментом ее движения. Моменты надситуативной активности, нетождественные процессам осуществления деятельности на ее исходном уровне, составляют обязательное условие развития деятельности субъекта, «скачка» к новой деятельности. Установочные моменты, за которыми стоят процессы стабилизации деятельности, не совпадая с ее структурными моментами, образуют неотъемлемое условие реализации деятельности. Установки исходного уровня деятельности и связанные с ними адаптивные интересы субъекта, «барьеры внутри нас», как бы пытаются удержать деятельность в наперед заданных границах, а надситуативная активность — движение «поверх барьеров» — рождается и обнаруживается в борьбе с этими установками. Без введения этих понятий нельзя объяснить ни процессы развития деятельности как ее самодвижения, ни устойчивый характер направленной деятельности субъекта.

Если исследование деятельности в рамках морфологической парадигмы прошло долгий путь своего развития и членение деятельности на структурные единицы относится к капитальным положениям советской психологии, то исследование моментов движения деятельности — надситуативной активности и установки — только начинается, и динамической парадигме анализа деятельности еще предстоит утвердиться как особой парадигме.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А. Г.* Деятельность и уровни установок. — «Психология. Вестник МГУ», 1977, № 1.
2. *Асмолов А. Г.* Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее. — В сб. : Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М. , 1977.
3. *Асмолов А. Г. , Ковальчук М. А.* К проблеме установки в общей и социальной психологии. — «Вопросы психологии», 1975, №4.
4. *А. Асмолов А. Г. , Михалевская М. Б.* От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач». — В сб. : Проблемы и методы психофизики. М. , 1974.
5. *Басина Е. З.* Экспериментальный анализ смысловых альтруистических установок. Дипл. раб. МГУ, 1977. *Басина Е. З. , Насиновская Е. Е.* Роль идентификации в возникновении смысловых альтруистических установок личности. — «Психология. Вестник МГУ», 1977, № 4.
6. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса. 1926. (Из архива Р. Н. Выготской).
7. *Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления. — В сб. : Психология мышления. М. , 1965.
8. *Зинченко В. П.* Методологические проблемы психологического анализа деятельности. — «Эргономика. Труды ВНИИТЭ», 1974, №8.
9. *Зинченко В. П. , Мунипов В. М.* Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности. — «Эргономика. Труды ВНИИТЭ», 1976, № 10.
10. *Клочко В. Е.* Целеобразование и оценка при решении задач. Рукопись,

1977.

12. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
  13. *Надирашвили Ш. А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
  14. *Натадзе Р. Г.* Воображение как фактор поведения. Тбилиси, 1972.
  15. *Петровский А. В.* О некоторых феноменах межличностных взаимодействий в коллективе. — «Вопросы психологии», 1976, №3.
  16. *Петровский В. А.* Экспериментальное исследование риска как тенденции личности. Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.
  17. *Петровский В. А.* Эмоциональная идентификация в группе и способ ее изучения. — В сб.: К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973.
  18. *Петровский В. А.* К психологии активности личности. — «Вопросы психологии», 1975, № 3.
  19. *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность». Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.
  20. *Петровский В. А.* Активность субъекта в условиях риска. Автореф. канд. дис. М., 1977.
  21. *Прангишвили А. С.* Психологические очерки. Тбилиси, 1975.
  22. *Соколова Е. Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.
  23. *Соколова Е. Т.* О психологическом содержании понятия «когнитивный стиль» и его использовании в исследовании личности. — В сб.: Личность и деятельность. (Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов). М., 1977.
  24. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966.
  25. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М., 1925.
  26. *Чхартшвили Ш. Н.* Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971.
- II. Luchins A. S., Luchins E. H.* Rigidity of Behavior. A Vari-ational Approach to the Effect of Einstellung. Oregon, 1959.

Многие годы в философской и психологической литературе высказывается мысль о нетождественности понятий «личность» и «индивид». Как мыслить себе эту нетождественность?

Тезис, который я защищаю, заключается в том, что в отличие от индивида, личность определяется *не непосредственно* производимой человеком деятельностью и ее предметными результатами, а опосредованно — через изменение бытия других людей, с которыми человек вступает в общение и совместную деятельность, что может быть обозначено термином «вклад».

Нетождественность личности и «одушевленного тела», именуемого индивидом, неоднократно подчеркивалась. Высказывалась мысль о том, что личность заключена в «межиндивидуальное пространство» предметных и коммуникативных связей и отношений между людьми. Эта позиция в истолковании личности была названа А. Н. Леонтьевым «коперниканским переворотом» в психологии. По существу, та же позиция с замечательной силой была выражена Э. В. Ильенковым в книге «С чего начинается личность».

Не является ли подобное понимание личности скорее указанием на то, как мыслить сущность личности, и не следует ли поставить специальный вопрос о личности как особом *феномене*? Если подобный феномен существует (его можно обозначить как «личностность» индивида), то в чем заключается и «где» может быть

найден данный феномен?

Выйдем на время за рамки межиндивидуального взаимодействия (за пределы «межиндивидного пространства») и проследим, к каким последствиям для индивидов приводит процесс их взаимодействия друг с другом, попробуем заглянуть в «пространство» бытия каждого о из них с тем, чтобы обнаружить «там» присутствие «другого». «Вклад» (или — «след», или — «отпечаток»), который один индивид привносит в другого, и есть действительный индикатор его (первого индивида) «личности».

—¹ Сообщение на методологическом семинаре в НИИ ОПП, посвященном проблеме деятельности, 1981 год, руководитель В. В. Давыдов,

Если суммировать все реальные и потенциальные вклады, которые индивид вносит в других людей, присоединить к этим «вкладам» те, что он вносит в «себя» как в известном смысле «другого», — то мы получим полное представление о личности как особом феномене, в котором непосредственно обнаруживаются разворачивающиеся в межиндивидуальном пространстве предметные и коммуникативные связи между людьми.

Поэтому, если мы хотим образовать какое-либо суждение о личности, то в качестве логического субъекта суждения будет выступать индивид, а предикат будет как бы распределение между данным индивидом и его (ближним или дальним) окружением. При таком взгляде «личностное» не сводится к индивиду, но и не растворяется в эффектах межиндивидуального общения, так что «личность» подпоручика Кижее — это «квазиличность», ибо понятие «индивид» со свойственным чипом активности

в действительности неотторжимо от понятия «личность».

Отсюда — и особый принцип исследования. Если вы хотите изучить личность испытуемого, то вначале определите других людей, с которыми тот вступает или может вступить в контакт; зафиксируйте далее изменения, произошедшие с ними; и, наконец установите, какой «вклад» внес данный, интересующий нас индивид, в изменения, произошедшие с окружающими. Есть люди, без которых немислимо существование других людей. Есть люди, которые подобно «нейтрину» проходят сквозь толщу окружающих их людей. Эксперимент должен быть направлен на выявление соответствующих эффектов (например, модификация межличностных отношений в группе до и вследствие вхождения в нее новичка, и множество других эффектов подобного рода). Индивид, резко меняющий картину взаимоотношений в группе (социометрические или референтометрические предпочтения, распределение лидерства или конфликтность), выступает в интересующем нас качестве — «личности» (другое дело, что за личность данный субъект). Если допустить, что индивид «нейтрален» в любом контексте социального взаимодействия, то либо перед нами самодовольная не-личность, либо человек, трагически не нашедший себя как личность.

Здесь сразу же возникает особая проблема: отделить влияния, оказываемые статусом или ролью человека или же мнением об этом человеке на других людей, от того вклада, который собственно он сам привносит в окружающих. Так мы вторгаемся в область исследования активности индивида и сталкиваемся поэтому со специфическими процедурами исследования, в частности — с регистрацией выходов индивида за рамки следования ситуативной необходимости. В социальном плане этот выход понимается (или мог бы быть понят) как сверхнормативная, надролевая активность индивида. Только те вклады, которые исходят от самого индивида, то есть связаны с его собственной активностью, а не с его ролью простого агента (социального функционера) в процессах общественного воспроизводства —

связываем мы с понятием личность.

Такое понимание резко меняет онтологическую картину описания личности. Традиционная модель заключается в представлении личности в виде такой модификации состояний индивида, которая обуславливает специфический характер взаимодействия индивида с миром. (В сущности, речь идет о промежуточных переменных в схеме S — R).

Приведенная схема порождает проблематику анализа личности в переходах между субъект-субъект-объектными и субъект-объект-субъектными ориентациями индивида.

Здесь возникает много новых проблем и по-новому формулируются многие старые проблемы: потенциального и актуального в личности; соотношения «в себе», «для-других» и «для-себя-бытия» личности, проблема, выделенная в свое время Л. С. Выготским; персонификации и деперсонификации личности и т. п. .

Формула решения этих проблем должна подчиняться известному диалектическому приему анализа: «отойти, чтобы вернее попасть» (В. И. Ленин). То есть в данном случае—«возвратиться» к индивиду, идя от исследования его действительных вкладов в других людей.

Иная модель заключается в понимании личности как посредника в жизненных отправлениях другого лица, что может быть схематизировано следующим образом:

Если попытаться реконструировать возможные представления Л. С. Выготского о личности, то три идеи должны показаться нам особенно важными.

Первая идея — об активности индивида. Эта идея с особой силой выступила не только в области теоретических конструкций Выготского, но и в построении инструментального метода исследования развития высших психических функций. «Неумение использовать свои естественные функции и овладение психологическими орудиями, — писал он, — существенно определяют весь тип детского развития» [Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. — М., 1960, с. 230].

В поздних интерпретациях и конкретных предложениях инструментального метода Выготского акцентировалось прежде всего конструктивное значение орудия для формирования высших психических функций и фактически не уделялось должного внимания принципу *свободного* обращения индивида к орудию (использование или отказ от знака, форма обращения со знаком). Между тем, в отличие от некоторых современных методов формирования психических функций (алгоритмизация обучения, поэтапное формирование и т. д.), в экспериментальных исследованиях Выготского обращение к орудию, способ действия с ним не предписывался и тем более не являлся сколько-нибудь принудительным. Орудие рассматривалось как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид рассматривался как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося к орудию, в самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо выступала перед исследователем непосредственная, не «нормированная» социумом активность, существенная, как это очевидно, для понимания индивида как личности.

'Работа впервые была опубликована в сборнике «Научнотворчество Л. Г. Выготского и современная психология». М., 1981

Выготский, рассматривая состояние современной ему психологической науки, отмечал, что для нее «остаётся закрытой центральная и высшая проблема всей психологии — проблема личности и ее развития». И далее: «Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка». Именно такой выход содержал в себе предложенный Выготским инструментальный метод,

одной из теоретических посылок которого явился принцип активности индивида: активное вмешательство человека в ситуацию, его активная роль, его поведение, состоящее во «введении новых стимулов». «Человека забыли», — пишет Выготский, критикуя механистическую схему «стимул—реакция» [там же, с. 100]. Идеи Выготского наметили возврат человека в психологию, вплотную подведя к проблеме личности как активного индивида.

Вторая идея — об интериоризации социальных отношений. В аспекте рассмотрения генезиса высших психических функций ребенка эта идея выступила в трудах Выготского прежде всего с безличной, орудийной стороны. Выготский отмечает, что «знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и является, по существу, общественным органом или социальным средством» [там же, с. 198]. Для Выготского, закладывающего основы понимания механизма формирования высших психических функций, было особенно важно раскрыть социальные отношения именно с их орудийной стороны. Между тем в рамках тех же представлений существует возможность разработки, наряду и в связи с проблемой интериоризации орудийных моментов, проблемы интериоризации собственно субъектных (активных, интенциональных) моментов, представленных в социальных отношениях. Акты интериоризации, как отмечал Выготский, совершаются главным образом в процессе общения. Последнее означает, что социальные отношения, оставаясь орудийно опосредствованными, суть отношения *конкретных индивидов* и несут, следовательно, отпечаток их индивидуальности, утрачивая тем самым свой безличный характер. В этих процессах, как мы считаем, происходит перенос индивидуальных и, главное, субъектно-интенциональных характеристик общающихся индивидов друг в друга, своеобразная интериоризация других как субъектов. Не в том ли состоит специфика воспитания, в отличие от обучения, что второе связано с преимущественно орудийным, безличным характером передачи и усвоения социального опыта, а первое — с трансляцией прежде всего субъектных качеств индивидов? Нам представляется, что, если следовать самой логике развертки идей активности и интериоризации социальных отношений, личность выступает прежде всего в качестве своеобразного синтеза собственных качеств данного индивида и интериоризированных субъектно-интенциональных качеств других индивидов (транслируемых в присваиваемых наряду с собственно инструментальными актами). К этому выводу мы неизбежно приходим, если понятие интериоризации мы пробуем брать в полном объеме, а не только в утилитарно-практическом.

Но вместе с тем — и такова третья, подчеркиваемая нами, идея Выготского — формирование личности невозможно без существования в определенном смысле симметричного «представительства» данного индивида в других индивидах, ибо, как отмечал Выготский, «через других мы становимся сами собой». И еще: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет *для других*» (курсив наш. — В. П.) [там же, с. 196]. Поэтому, если мы на верном пути в понимании идей Выготского, личность индивида должна быть раскрыта также и со стороны бытия данного индивида в других индивидах, и для других индивидов. И тогда оказывается, что конкретно охарактеризовать личность — это значит ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) в другом индивиде, но и как он и в ком именно состоит в качестве этого «другого», как бы изнутри определяя чье-либо сознание и поведение.

И здесь, следовательно, перед нами открывается новая проблема: каким образом индивид обуславливает свое «присутствие» в других индивидах. Рассматривая вопрос о том, что представляет собой данный индивид для других и в других индивидах, как вопрос о том, что они представляют для него и в нем, мы в первую очередь сталкиваемся с эффектами зеркала, когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Данная линия исследований превосходно представлена во множестве социально-психологических исследований по социальной перцепции.

Другой путь, практически не проложенный, ориентирует на анализ феноменов и механизмов реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других индивидов. На этом пути исследования бытие индивида для других выступает как относительно автономное (отщепленное, независимое) от него самого. По существу, перед нами проблема *инобытия* индивида, или, в терминах Э. В. Ильенкова, его *идеального бытия*. И речь тут, понятно, идет не только об образе кого-либо в сознании других людей: образ выступает лишь как частный возможный фрагмент представленности. Подлинным эмпирическим референтом идеального бытия индивида являются эффекты преобразования поведения и сознания других людей (что может быть условно обозначено словом «вклад»). Необходимо особо подчеркнуть, что вклады не сводятся к любым, пусть даже существенным с точки зрения одного индивида, изменениям поведения и сознания другого. Это только те изменения, которые существенны для другого, выявляют свою значимость для его самоопределения, для постановки и решения его собственных проблем и задач. При такой постановке вопроса в качестве специального предмета анализа выступает не зеркальный эффект, а эффект присутствия индивида в Зазеркалье общения с другим индивидом.

Но тогда вырисовывается и проблема «возврата» индивиду его инобытия в других индивидах. Эта проблема может формулироваться также двояким образом. В первом случае речь может идти о самосознании, т. е. о раскрытии того, каким он представляется другим в зеркале их сознания и поведения (проблема соотношения реальной, ожидаемой оценки, самооценки и т. д.). Очевиден, кстати, драматизм возможного несоответствия «бытия для себя» и «бытия для других». Второй случай — прослеживание того, как происходит экстериоризация идеального бытия индивида, присутствующего в других индивидах. «Возвращенное» бытие может быть как адекватно, так и неадекватно его действительным вкладам в окружающих, возможен даже факт «возвращения» вкладов совсем не тому индивиду (в гротескной форме это описано в новелле Т. Гофмана «Крошка Цахес»).

И наконец, наиболее интересный и сложный вопрос — о самой форме и механизме идеального присутствия индивида в другом индивиде: мыслить ли его идеальное присутствие как что-то статическое или, может быть, также и в динамическом плане (подобно известному в психологии делению на статическое и динамическое бессознательное). Статическая идеальная представленность означала бы относительно неизменные, не развивающиеся во времени отпечатки, оставленные субъектом в жизнедеятельности другого. Простая аналогия: мы многократно прибегаем к одному и тому же «тексту», который предписывает нам определенную направленность и содержание активности. В таком случае идеально присутствующий в ком-либо индивид выступает, например, в качестве советчика, референта и т. п. Динамическое идеальное присутствие — это как бы вторая жизнь субъекта в другом человеке. Инобытие (идеальная модель) рассматривается как обладающая собственным движением. Иначе говоря, субъект *продолжает* жить в другом индивиде, образуя в нем инстанцию идеально совершаемого движения (измерения), в котором настоящее его инобытие перетекает в будущее.

Хотя обсуждение этих вопросов далеко выходит за рамки избранного нами предмета исследования, своей постановкой они обязаны всему кругу идей Выготского, и прежде всего идее активности, идее интериоризации социальных отношений и идее становления личности в переходах бытия «в себе», «для других», «для себя». Взгляды Выготского вплотную подводят к пониманию личности индивида как особой формы организации взаимной активности, когда реальное бытие одного синтетически связано с идеальным бытием других в нем (аспект индивидуальности) и когда в то же время данный индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект личностности). Проблема соотношения личности и индивида обрела остроту и актуальность в 60-70-е годы в ходе оживленных дискуссий о природе человека. Начиная с этого времени стало очевидно, что природные, органические

стороны и черты индивида выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы. Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное. Несомненное единство, но не тождество понятий «личность» и «индивид» породило ряд вопросов и среди них вопрос о том, что представляет собою это особое системное качество индивида, которое обозначается понятием «личность» и которое оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя — индивида. А. Н. Леонтьев писал: «Личность ≠ индивид; это особое *качество*, которое *приобретается* индивидом в обществе, в совокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*: сущность личности в «эфире» (Маркс) этих отношений. . . личность есть *системное* и поэтому «*сверхчувственное*» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами». И там же: «С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, свойств и состояний человека; это исследование его места, позиции в системе, которая есть система оощсгвенных связей, общений (Verkehr), которые открываются ему; это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им. . . »

Данная работа была выполнена в соавторстве с А. В. Петровским и опубликована в журнале «Вопросы философии» № 3, 1982.

Предложенному А. Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в «новом психологическом измерении», ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного «индивидуально или дифференциально психологического» раздела общей психологии), отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений». С точки зрения концепции деятельностного опосредствования личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи, практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей «сверхчувственны»; они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в системе межличностных связей, шире — в системе общественных отношений.

Как же можно вычлениить собственно личностные характеристики субъекта, которые не совпадали бы с общепсихологической или, точнее говоря, дифференциально-психологической традицией изучения индивида и не растворялись бы без остатка в межсубъектных связях как предмете социально-психологического исследования?

Важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усматривать в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях. В этой связи примечательна запись, которую сделал А. Н. Леонтьев после беседы с писателем В. Ф. Тендряковым 8 августа 1974 года, до настоящего времени не публиковавшаяся: «Я нахожу, имею свое «Я» не в себе самом (его другие находят во мне!), а в других, в другом, вне меня существующем — в собеседнике, в любимой, в природе и. . . в компьютере. . . ».

Итак, прокладывается новый путь интерпретации личности — она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его инобытие в них (и, между прочим, 15 себе, как «другом»), как его персонализация¹. Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» — в тех реальных смысловых преобразованиях, действенных изменениях интеллектуальной и эффективно-потребностной сфер личности другого человека, которые производит деятельность индивида или его участие в совместной деятельности. Инобытие индивида в других людях — это не статичный отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода «продолжении себя в другом». Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) обрести вторую жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения, имеющую свою динамику.

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. Вспомним слова А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру. . . доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается, порождая у них тяжелые переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности, это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и, в частности, в самом себе как «другом», что формирует в других идеальную его представленность — его «личностность», то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности. Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, которая имеет возможность на своих весах эти личностные вклады достаточно точно взвесить. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее собственных личностных характеристик («через других мы становимся самим собой», как об этом писал еще Л. С. Выготский).

Если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с нею в условиях деятельностного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную среду, не производя в ней никаких — ни полезных, ни вредных — изменений. Безличность — это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого «не жарко и не холодно», чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение, не обогащает и не обездоливает их, и тем самым лишает его самого личности.

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид не тождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не осуществившего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазилитность. Разве не обрели личностные характеристики Козьма Прутков и прописанный на 16-й полосе «Литературной газеты» «людовед и душелюб» Евгений Сазонов, за которыми нет реальных людей?

Разумеется, индивид «без личности», как и квазиличность «без индивида» — явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида.

Благотельный для общества в целом процесс не менее благотелен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система «социального страхования» индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе на случай старческой беспомощности, болезни, потери трудоспособности и т. п. внимание, заботу, любовь, жалость. Не следует понимать это узкопрагматически. Полагая свое бытие в других людях, человек не обязательно предвкушает будущие дивиденды; он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, что для других индивидов оборачивается его *деянием*, (хотя не исключена и намеренная, осознанная потребность персонализации).

Социогенная потребность быть личностью существует, разумеется, в конкретно-исторической форме. Действия, которые совершали рабы, не выступали как деяния для их господина, они не имели своей жизни в нем, и потому рабы для него не обнаруживали себя как личности. Если персонализация и имела место, то она была, лишь идеальной представленностью действующей вещи. Римские матроны, как известно, не испытывали чувства смущения, оставаясь обнаженными перед своими рабами; раб, невольник не был персонализирован, а перед вещью стыд бессмыслен. . .

Гипотетическая «социогенная потребность» быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях, жить в них путем поисков деятельностных средств полагания себя в другого человека. Подобно тому, как индивид стремится продолжить себя в другом человеке чисто физически (продолжить род; произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, заложив идеальную представленность, свое инобытие в других людях. Не в этом ли сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации, поскольку оно представляет собой процесс, где человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и за этот счет выступает для них как личность? Потребность «быть личностью», потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида в систему социальных связей и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями, порождаемыми разделением труда в обществе, общественными отношениями, складывающимися объективно, вне зависимости от воли индивида. Стремясь включить свое «я» в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако, удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка, и процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объекта персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный объект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

Реализуя потребность быть личностью и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту «транспортировку» отнюдь не в безвоздушной среде «общения душ», а в конкретной деятельности, осуществляемой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили выдвинутую нами гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в коллективе. В подлинном коллективе как группе высшего уровня развития персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. В группах корпоративного типа каждый стремится быть персонализирован за счет

деперсонализации всех остальных. Это следует из основных положений концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений, направленных на другого. К примеру, альтруистические побуждения, а альтруизм — чистейший случай полагания себя в другом, в зависимости от того, опосредуются они социально ценным содержанием совместной деятельности или нет, могут в одном случае выступать в форме коллективистической идентификации, в другом — как всепрощение, попустительство и т. д. Русский язык хорошо охватывает различия в личностной представленности инициатора альтруистического деяния. В первом случае тот, кому адресован альтруистический поступок, или сторонний его наблюдатель, характеризуя личность, осуществляющую этот поступок, говорит: «добрый человек», во втором: «добренький». Человек, продолжающий свое бытие в другом своим деянием, получает возможность удовлетворить свою потребность в позитивной персонализации, если это деяние в наибольшей степени соответствует содержанию и ценностям деятельности, объединяющим их обоих, и в конечном счете общественным интересам, отраженным в этой деятельности.

В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно, как скрытая мотивация его поступков и деяний, а чаще всего это так и происходит, она выступает как сущностная характеристика, феноменологически представленная в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях мотивации достижений, притязаний, аффилиации, эмпатии и т. п.

Обращение к идее потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять, реинтерпретировать все эти феномены, ввести их в единый теоретический контекст, увидеть за конкретными психологическими явлениями их сущность. Не следует забывать, что отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как формы кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека, по существу, зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности система мотивов — мотивации достижений, дружбы, альтруизма — богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность. В данном случае потребность персонализации выступает как составляющая ее сущность.

Потребность быть личностью возникает на основе социально-генерированной возможности осуществления соответствующих деяний — способности быть личностью. Эта способность, как можно предположить — а речь здесь пока идет только о гипотезах, которые подлежат проверке и нуждаются в подтверждении, — есть индивидуализированное воплощение глубоко воспринятых («интериоризированных») индивидом предметно-социальных норм, эффектов идеальной представленности в нем других людей, также — его собственных «надситуативных» выходов.

Таким образом, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность быть личностью.

Как и всякая способность, она прежде всего дана субъекту в своей исключительности как индивидуальное, выделяющее его среди окружающих и в известном смысле противопоставляющее его другим людям, как возможность передать, адресовать им свою неповторимость, особенность, непохожесть. Очевиден драматизм судьбы человека, который в силу внешних условий и обстоятельств лишен возможности реализовать свою потребность в персонализации. Но бывает и так, что у человека вообще атрофирована или сведена к минимуму способность быть личностью, либо она приобретает откровенно уродливые формы. Последовательно придерживаясь принципа «Я сам по себе — я вас не трогаю, вы меня не трогайте, я яркая индивидуальность, и меня с собой не равняйте», такой человек в конечном

счете деперсонализируется, перестает быть личностью. Парадокс: человек подчеркивает свою «самость», он индивидуалистичен, что называется, «до мозга костей», и он же тем самым лишается в глазах других индивидуальности, теряет «свое лицо», стирается в сознании окружающих, не внося и них сколько-нибудь значимых вкладов.

Но помимо индивидуального, в способности персонализации заключено и всеобщее. Оно проявляется в передаче субъектом элементов социального целого, образцов поведения, норм, психологических орудий и вместе с тем его собственной активности, носящей наиндивидуальный характер, другими словами, столь же принадлежащей данному представителю социальной общности, как и другим ее представителям.

Таковы в общих чертах характеристики потребности и способности быть личностью, выступающие перед нами в неразрывном единстве. Анализ способов и особенностей их реализации открывает путь к построению теории личности, не совпадающей в своих исходных посылах с концепциями психоаналитической, персонологической и других ориентации. Принцип деятельного опосредования, принятый нами, и здесь остается руководящим при теоретической разработке проблемы.

Для становления гипотетико-дедуктивной концепции персонализации индивида необходимо определить совокупность основных гипотез, которые могли бы наметить путь конкретного психологического исследования личности. Так, может быть предложен постулат максимизации, то есть стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами: 1) Любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог бы обрести идеальную представленность. 2) В любой ситуации общения субъект стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее осуществления ведет к поиску новых возможностей в себе самом или в предметной деятельности. 3) Из двух и более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию. Аналогично — предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию. Валентность другого в плане персонализации монотонно растет с ростом ожидаемой адекватности и долговечности персонализации. Третьей переменной здесь является интенсивность потребности в персонализации. Проверка эмпирических следствий из этих гипотез, осуществленная строго экспериментально, поможет очертить контуры будущей теории персонализации, выявить круг возможных областей ее применения (воспитание, управление, клиника и т. п.), осуществить поиск и отработку методик исследования с последующей их стандартизацией для нужд прикладного значения.

Принятие постулата максимизации и проверка связанных с ним теоретических гипотез позволяют построить широкую программу экспериментальных исследований, а также реинтерпретировать значительное число ранее полученных эмпирических данных.

Постановка проблемы. Взгляд на личность сквозь призму таких категорий, как «ролевое» и «субъектное», выявляет свою актуальность, как минимум, в двух отношениях. Если иметь в виду интересы психологии как теоретико-экспериментальной дисциплины, речь здесь могла бы идти о воссоединении двух пока еще в достаточной мере не соотнесенных областей психологического исследования личности. Одна из них включает в себя исследования ролевого аспекта бытия личности, выполняемые в традиции символического интеракционизма. Другая — представлена разработками, выполненными в парадигме субъектности. Складывающийся в последние годы субъектный подход в

психологии личности раскрывается в настоящей работе на основе концепций надситуативной активности и персонализации человека (В. А. Петровский). Субъектность здесь понимается как первопричинность человека по отношению к своему существованию в мире; она представлена такими чертами человека, которые присущи ему внутренне — неотчуждаемы и несводимы к заданности.

Каждая из отмеченных областей исследования обладает явным и не вполне выявленным пока содержанием, но уже сейчас вполне очевидно, что обе тяготеют друг к другу и могут быть обогащены в контакте друг с другом. Отмечая необходимость их детального соотнесения, следует пояснить причины, по которым в течение немалого времени работа такого рода не была предпринята. Период становления и бурного развития символического интеракционизма закончился прежде, чем были опубликованы первые работы, посвященные субъектности человека в его надситуативных и метаиндивидуальных проявлениях, и поэтому авторы этих работ, разумеется, не могли увидеть себя «отраженными» в зеркале интеракционизма.

¹В основу этой работы положена диссертация Л. Полежаевой, выполненная под нашим руководством, на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

С другой стороны, требовалось определенное время для становления круга исследований, посвященных анализу субъектности, чтобы внутри этого круга могли найти форму своей представленности исследования, выполненные в русле интеракционистских ролевых концепций. Вполне допустимо также предположить, что не только хронологические, но и другие факторы могли препятствовать «стыковке» ранее независимых сфер разработок, в том числе различия в этнокультурных традициях зарубежной и отечественной психологии или, например, в степени разработанности каждой из концепций. В то время как интеракционизм, при всех его достоинствах и ограничениях, явлен нам в качестве устоявшейся системы представлений о личности, парадигма субъектности, быть может, в силу своей нераспознанности, пока неустойчива (не так ли — позволим себе рискованную метафору — неустойчив, с позиции вечных льдов, отдалившийся от них айсберг с подводной частью неизвестных размеров?)

Глубинным источником развертки личностной проблематики в психологии, возникновения различий в методологических, теоретических, практико-ориентированных разработках, является противоречие, свойственное самому феномену личности: соприсутствие в нем индивидуальной и общественной образующих. Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивидуальное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество. В сфере психологического знания это противоречие из десятилетия в десятилетие воспроизводится в форме существования двух «психологий» — индивидуальной психологии и социальной психологии личности. Параллельное существование двух психологий личности обуславливает трудности в обретении целостного взгляда, что можно сравнить с известным из психологии восприятия эффектом борьбы «полей зрения» (в данном случае, в поле зрения психологов оказываются: то социальный аспект личности, то индивидуальный, то — вновь социальный и т. д.).

Говоря о соприсутствии в личности индивидуального и общественного измерений, мы опираемся на фундаментальное поножение М. Хайдеггера, согласно которому сущность человека — это его «присутствие» в мире. Применительно к анализу личности это положение должно быть осмыслено как указание, что человек присутствует в мире равным образом в качестве индивидуального и социального существа. Кроме того, сама суть личностного в человеке требует от исследователя сделать еще один шаг анализа, состоящий в том, что изначальная раздвоенность

индивидуального и социального модусов существования как бы возводится в квадрат последующим раздвоением на физическое присутствие и отраженное присутствие человека в мире (В. А. Петровский, 1981; 1984). В итоге подобного «учетверения» проблематика личности оказывается расчлененной, — «четвертованной». Парадоксально, что идея присутствия как путь к пониманию целостности личности в своем собственном развитии содействует распаду образа личности как неделимого целого. Весь вопрос теперь в том, возможен ли синтез.

Эта проблема обсуждается нами на примере анализа двух контрастных подходов к пониманию личности: ролевых теорий (область социально-психологических исследований) и концепций субъектности (область индивидуально-психологических исследований). В поле нашего внимания, таким образом, оказывается человек как носитель роли и человек как субъект; говоря о ролевом аспекте бытия личности, мы имеем в виду не только физическое присутствие человека в качестве носителя активности, но и его идеальное присутствие, «отраженность» в других людях.

Исследуя возможности синтеза концепций, прямо или косвенно ориентированных на решение вопроса о соотношении субъектного и ролевого аспектов бытия личности, прежде всего мы предпринимаем анализ основных идей индивидуальной и социальной психологии личности с целью выявления условий последующей интеграции этих независимых ныне ориентации психологической мысли.

Анализируя психологические разработки, исходящие из примата индивидной «образующей» личности, мы исходим из задачи выявить специфически «субъектное» измерение идей, входящих в состав концепций. Удастся выделить два класса индивидуально-психологических концепций. В одном из них идея «субъектности» представлена имплицитно; в другом — она выражена явным образом.

Имплицитно идея субъектности представлена в таких категориях как «Его» (во взаимодействии с «Id» и «Super-Ego») (З. Фрейд), «потребность в самоутверждении» (А. Адлер), «коренная тревога» (К. Хорни), «архетипы» (К. Юнг), «черты» (Г. Олпорт), «соматотип» (Э. Кречмер, Л. Шелдон), «конституциональные типы» (А. Ф. Лазурский), «акцентуации характера» (К. Леонгард), «доминирующее отношение» (В. Н. Мясищев), «основная жизненная направленность» (Б. Г. Ананьев) и др. Невыявленность в рамках оригинальных психологических концепций статуса идеи субъектности не могла не отразиться на цельности этой идеи; «субъект», угадываемый под покровом рассмотренных категорий, лишь частично выявляет присутствующую ему силу «быть причиной себя», оказывается, таким образом, зависимым, ограниченным субъектом.

Эксплицитно идея субъектности представлена в категориях «идеальный тип индивидуальности» (Э. Шпрангер), «персона» (В. Штерн и др. персоналисты), «рефлектирующее сознание» (КЛсперс), «рост личности изнутри» (К. Роджерс), «поиск смысла» (В. Франкл), «стремление к самоактуализации» (А. Маслоу) и др. Не всегда обозначенная термином «субъектность», это идея фигурирует под именами «Я», «самость», «индивидуальность» и т. п. В авторских интерпретациях исследователей речь постоянно идет об особой целостности, обладающей внутренним образом себя, динамически проявляющейся, растущей, интенциональной. Однако свободное самополагание человека здесь сковано телеологической трактовкой природы человеческой активности (либо за нею стоят врожденные Цели, либо — трансцендентный Субъект, предопределяющий характер осуществляемых выборов) (В. А. Петровский).

Выход за пределы телеологической трактовки предполагает обращение к социальному контексту проявлений активности; социальное здесь выступает как своего рода зеркало индивидуального, и, таким образом, спонтанные проявления активности человека приобретают форму субъектности. Конструктивную роль в анализе этих превращений могли бы сыграть идеи социальной перцепции, «обратной связи» и «возвращенной субъектности» в общении, имеющие особую логику развития в теории и социально-психологической практике (Г. М. Андреева, Л. А. Петровская,

В. А. Петровский). Между тем «социальность» в рассмотренных выше концепциях, как и в других концепциях индивидуальной психологии личности, фактически вынесена за скобки.

Социально-психологические концепции личности, утверждающие примат общественного над индивидуальным, могут быть также подразделены на два класса. Первый из них содержит в себе концепции, в которых идея ролевой «образующей» личности присутствует *имплицитно* и выражается в категориях «подражание» (Г. Тард), «зеркальное Я» (Дж. Мид), «интериоризация отношений» (Л. С. Выготский), «идентичность личности» (не смешивать с «самостью»!) (Э. Эриксон), «отчуждение»¹ (Фромм), «акт» (Л. Сэв), «оперантное обусловливание», «модификация поведения» (Б. Скиннер) и др. Тот факт, что идея «роли» очерчена здесь недостаточно четко, приводит к тому, что «социальное» выступает в данных трактовках либо в качестве глобального, недифференцированного источника влияний на индивида, либо, напротив, осколочно, фрагментарно, — нецелостно.

Эксплицитно идея ролевого в личности представлена категорией собственно «роли», раскрывающейся веером таких понятий как «статус» (R. Linton), «позиция», «экспектации» (Дж. Тернер), «актер», «маска», «сцена», «сценарий», «драматическая метафора» (К. Берк, И. Гофман, Х. Данкен) и др. В отличие от других концепций социальной психологии личности, ролевые концепции характеризуются оформленностью идеи социальной детерминации жизнедеятельности индивида, выступающих в форме весьма детализированных представлений о механизмах целостной регуляции поведения. Вместе с тем, активность человека сводится здесь к заданности, но, в отличие от индивидуально-психологических теорий, в которых телеологическая детерминация имеет внутренний характер, в ролевых концепциях, наряду со всеми другими концепциями социально-психологической ориентации, предопределенность имеет внешний характер. Образ личности, как своего рода марионетки, руководимой социальными ожиданиями и отрабатывающей свою роль перед зрителями — такими же марионетками в спектакле, разумеется, мог бы быть преодолен. Но это потребовало бы обращения к идее индивидуальной детерминации активности, что остается неиспользованной возможностью концепций этого ряда.

При соотнесении индивидуально-психологических и социально-психологических концепций личности в целом обнаруживается, что они скрыто *представлены друг в друге* своими базовыми идеями. Акцентирование социальной и, в частности, роли, составляет условие полноценной развертки индивидуально-психологической парадигмы в освещении феномена личности; однако социальность здесь имеет фоновый характер. С другой стороны, акцент на индивидуальное мог бы содействовать более полной реализации социально-психологической доктрины, но этот план остается невостребованным. Дополнительным ресурсом «самореализации» рассмотренных концепций могло бы выступить различие и соотнесение реального и отраженного модусов существования субъектности и роли. Но раскрытие подлинного потенциала рассмотренных индивидуально-психологических и социально-психологических концепций, по сути, означало бы рождение новой предметной области, — собственно *психологии личности*.

На пути становления этой особой психологической дисциплины может быть выделен класс концепций, в которых намечена идея единства субъектного и ролевого в личности. Примером могут служить работы У. Джеймса, Э. Мейли, Ж. Политцера, Э. Берна и др.; среди отечественных авторов в данном аспекте особо выделяются концепции А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, И. С. Кона, К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Петровского, В. А. Ядова, В. Г. Асеева, О. А. Конопкина, А. И. Крупнова, Ю. А. Миславского, В. И. Слободчикова.

В настоящем исследовании идея единства ролевого и субъектного в личности формулируется *эксплицитно*. Опорной выступает здесь концепция субъектности личности (В. А. Петровский), объединяющей в себе идеи надситуативной активности (В. А. Петровский) и отраженности человека в человеке (В. А. Петровский). В

этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности — ролью, и снятии роли — субъектностью. При этом различаются реальный и отраженный модусы существования как субъектности, так и роли.

Правомерен вопрос: говоря о различии ролевого и субъектного модусов существования личности, имеем ли мы в виду, что они могут быть различены лишь *мысленно*, что различие между ними может выступить в качестве эмпирически фиксируемого *факта*!

Отвечая на этот вопрос, мы предположили, — и такова была наиболее общая гипотеза исследования, — что существуют и могут быть *феноменологически* дифференцированы «ролевой» и «субъектный» модусы существования человека, проявляющиеся в актах межличностного отражения.

Заметим, что «отраженность» при этом мы не сводим лишь к *образу* кого-либо в глазах другого. Чья-либо «отраженность» означает также, что кто-то, явленный кому-либо в образе (осознанном или неподотчетном), *действительно* включен в систему саморегуляции этого другого человека. К феноменам такой действенной включенности можно отнести эффекты межиндивидуального влияния, проявляющиеся в характере самораскрытия людей в общении (в одном случае эффект влияния заключается в том, что человек обнаруживает тенденцию к самораскрытию, а в другом — тенденцию к «уходу»). Мера самораскрытия человека в контакте с другим человеком и послужила для нас эмпирическим показателем качества отраженности последнего в первом.

Под «ролевым» модусом существования личности человека как отраженного понимается его представленность в чьей-либо жизни ситуативно-заданными чертами (статусно-иерархическими, профессиональными и т. п.), что побуждает последнего к ответному — «ролевому» — самопредъявлению первому.

Под «субъектным» модусом существования личности человека как отраженного понимается его присутствие в чьей-либо жизни в качестве особой инстанции его самосознания, переживаемого им как его «Другое Я» («alter ego») и выражающееся в чувстве субъектности.

Итак, эмпирическими референтами «ролевого» модуса существования личности выступили:

—образ другого человека как носителя роли; доминирование в его образе ролевых стереотипов;

—адекватный образу другого ролевой способ самопредъявления; ориентация «на стандарт» в самопредъявлении.

Эмпирическими референтами «субъектного» модуса существования личности в данном случае являются:

—образ другого человека в качестве субъекта; отраженность другого со стороны внутреннеприсущих ему черт;

—адекватный образу другого субъектный способ самопредъявления; аутентичность самопредъявления (внутреннедостоверное самораскрытие).

Имея в виду выделенные эмпирические референты «субъектного» и «объектного» модусов существования человека, мы приняли следующие эмпирические гипотезы-следствия:

—согласно первой эмпирической гипотезе, в ответ на «ролевою» форму представленности других людей индивид реагирует ролевым образом, то есть подстройкой под ролевою стандарт;

—согласно второй эмпирической гипотезе, «субъектная» форма представленности других людей обуславливает проявление субъектности индивида, — аутентичных форм самопредъявления.

Остановимся теперь на результатах проведенного эмпирического исследования.

Экспериментальное исследование «ролевых» и «субъектных» проявлений личности. Среди ролей, «тестируемых» на предмет разграничения «ролевого» и

«субъектного», была выбрана роль руководителя (начальника), так как она вполне отвечала таким существенным характеристикам социальных ролей как конвенциональность, многократность исполнения, личностная значимость и др.

Первая серия экспериментов, условно названная нами «Прием на работу», была нацелена на выявление возможных эффектов ролевого влияния одного человека на другого. Эксперимент проводился на основе метода отраженной субъектности (В. А. Петровский, 1985). Применяемые методики: основная — шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттел

ла, дополнительные — ММРІ (в адаптации М. П. Березина) и СМІЛ.

Объем выборки: 4 группы (95 испытуемых):

I — группа молодых специалистов, выпускников дневных отделений вузов, ранее не работавших на производстве, кроме прохождения практики, возраст 20-24 года, 20 человек;

II — группа руководителей среднего звена, выдвинутых в резерв на замещение высших руководящих должностей, имеющие стаж работы на данном предприятии от 3 до 7 лет, возраст 30-40 лет, 25 человек;

III — группа безработных, никогда ранее не работавших на данном предприятии, но имеющих стаж работы на других предприятиях от 10 до 20 лет, возраст 30-40 лет, 30 человек;

IV—группа работников предприятия, проходивших тестирование в игровой ситуации, во время прохождения учебы, стаж работы от 5 до 20 лет, возраст 25-45 лет, 20 человек.

Процедура проведения эксперимента реализовывалась в ситуации реального приема испытуемых на работу или прохождения аттестации (предполагаемой смены места работы для группы руководителей). Участнику эксперимента предлагалось пройти тестирование по ряду методик (личностных, интеллектуальных и др.), включая опросник 16 PF, согласно стандартным инструкциям. Во время следующего сеанса, через 3-7 дней, испытуемому предлагали вновь заполнить один из опросников (16 PF, СМІЛ или ММРІ), однако, согласно новой инструкции, ему говорили, что результаты тестирования станут известны будущему начальнику; в одном случае испытуемый реально работает под началом этого человека, а в другом ему неизвестно, о каком человеке идет речь: известно только, что в будущем этот человек может стать для него начальником (сходная процедура — «реакция на запрос» — была реализована в рамках исследования отраженной субъектности директора школы в учителях Г. Долинским).

После стандартной обработки двух предъявлений теста определялась значимость различий между результатами испытаний для каждого испытуемого (по критерию Стьюдента, а также по критерию сопряженности Хи-квадрат).

В ситуации ожидаемого оглашения результатов тестирования незнакомому начальнику наблюдалось сглаживание пиков личностных профилей по всем методикам, что подтверждается полученными значениями критерия Стьюдента и критерия сопряженности ($p < 0,01$). В ситуации, когда испытуемые полагали, что результаты тестирования станут известны их непосредственному начальнику (с которым они реально работали в данный момент), картина самопредъявления у них расщеплялась:

— в одном случае наблюдалось сглаживание пиков, как если бы они не знали начальника, которому будут предъявлены их результаты (то есть повторялась уже описанная нами выше реакция на роль начальника вообще). Обсуждая этот факт, можно предположить, что мы столкнулись с особым явлением, которое могло бы быть охарактеризовано как феномен «нейтрино», — безлично-ролевого влияния, которое человек оказывает на окружающих. Обоснование этого предположения требует реализации специальных экспериментальных процедур (что осуществляется на

последующих этапах исследования).

—в другом случае мы наблюдали отсутствие изменений или незначительные изменения в характере самопредъявления испытуемых. Таким образом, создавалось впечатление, что человек-носитель роли не воздействует специфически ни ролевым, ни субъектным образом. Однако, принимая в расчет то, что взаимоотношения с начальником не могут не затрагивать личность подчиненного, мы предположили, что речь в данном случае могла бы идти о личностной значимости начальника для подчиненного, а именно: последний имеет возможность полноценно раскрыться в общении с первым. Правомерен вопрос: не идет ли здесь речь о феномене «alter ego», — отраженное™ другого человека в качестве второго «Я», которому можно раскрыться? Также как и предположение о существовании феномена «нейтрино», предположение об «alter ego» нуждается в дополнительном обосновании.

Во второй серии экспериментов испытуемые проходили тестирование на основе модифицированного варианта пиктограммы. В данной модификации был изменен стандартный набор из 16 понятий; исключены 8 понятий: «печаль», «счастье», «любовь», «вражда», «справедливость», «дружба», «развитие», «подвиг» и включены 4 качественно новых персонажа, не встречавшихся ранее при реализации метода пиктограмм: «друг», «жена» («муж»), «начальник», «Я». При этом процедура обследования была аналогична стандартной процедуре предъявления исходной методики. Анализ результатов проводился применительно к персонажу «начальник». В одном случае испытуемые рисовали предполагаемого незнакомого начальника, в другом — непосредственного, с которым работали в данный момент.

Выявилось, что начальники в глазах подчиненных выступают в двух ипостасях. Это, во-первых, ролевые образы-клише:

- стол (комментарий: «все начальники сидят за столом»);
- телефон («все начальники много говорят по телефону»);
- таблички («у всех начальников на дверях таблички»);

и т. д. и т. п.

Во-вторых, это надролевые (субъектные) образы-символы:

- молния («у него характер, как молния»);
- ракета («он такой же быстрый и стремительный, все успевает»);
- Прометей («думает, что несет людям свет») и пр.

Главный результат сравнения первой и второй серий эксперимента заключался в следующем: если реальный начальник воспринимался безлично, сквозь призму ролевых образов-клише, то именно он вызывал сглаживание пиков личностного профиля у испытуемых в первой серии экспериментов.

Следующая серия экспериментов ориентирована на анализ причин, в силу которых отсутствуют или незначительно выражены сдвиги в самопредъявлении испытуемых при переходе от стандартной серии тестирования (ситуация «один на один с тестом») к модифицированной (предъявление будущих результатов опросов «значимому другому»).

В предварительном опросе испытуемые выполняли специальное задание, направленное на выявление человека, обозначенного нами как «абсолютно значимый другой». В отличие от традиционных схем определения «значимых других», в данном эксперименте моделировались ситуации идеального пиков личностных профилей по всем методикам, что подтверждается полученными значениями критерия Стьюдента и критерия сопряженности ($p < 0,01$). В ситуации, когда испытуемые полагали, что результаты тестирования станут известны их непосредственному начальнику (с которым они реально работали в данный момент), картина самопредъявления у них расщеплялась:

—в одном случае наблюдалось сглаживание пиков, как если бы они не знали начальника, которому будут предъявлены их результаты (то есть повторялась уже описанная нами

выше реакция на роль начальника вообще). Обсуждая этот факт, можно предположить, что мы столкнулись с особым явлением, которое могло бы быть охарактеризовано как феномен «нейтрино», — безлично-ролевого влияния, которое человек оказывает на окружающих. Обоснование этого предположения требует реализации специальных экспериментальных процедур (что осуществляется на последующих этапах исследования). В другом случае мы наблюдали отсутствие изменений

или незначительные изменения в характере самопредъявления испытуемых. Таким образом, создавалось впечатление, что человек-носитель роли не воздействует специфически ни ролевым, ни субъектным образом. Однако, принимая в расчет то, что взаимоотношения с начальником не могут не затрагивать личность подчиненного, мы предположили, что речь в данном случае могла бы идти о личностной значимости начальника для подчиненного, а именно: последний имеет возможность полноценно раскрыться в общении с первым. Правомерен вопрос: не идет ли здесь речь о феномене «alter ego», — отраженности другого человека в качестве второго «Я», которому можно раскрыться? Также как и предположение о существовании феномена «нейтрино», предположение об «alter ego» нуждается в дополнительном обосновании.

Во второй серии экспериментов испытуемые проходили тестирование на основе модифицированного варианта пиктограммы. В данной модификации был изменен стандартный набор из 16 понятий; исключены 8 понятий: «печаль», «счастье», «любовь», «вражда», «справедливость», «дружба», «развитие», «подвиг» и включены 4 качественно новых персонажа, не встречавшихся ранее при реализации метода пиктограмм: «друг», «жена» («муж»), «начальник», «Я». При этом процедура обследования была аналогична стандартной процедуре предъявления исходной методики. Анализ результатов проводился применительно к персонажу «начальник». В одном случае испытуемые рисовали предполагаемого незнакомого начальника, в другом — непосредственного, с которым работали в данный момент.

Выявилось, что начальники в глазах подчиненных выступают в двух ипостасях. Это, во-первых, ролевые образы-клише:

- стол (комментарий: «все начальники сидят за столом»);
- телефон («все начальники много говорят по телефону»);
- таблички («у всех начальников на дверях таблички»);

и т. д. и т. п.

Во-вторых, это надролевые (субъектные) образы-символы:

- молния («у него характер, как молния»);
- ракета («он такой же быстрый и стремительный, все успевает»);
- Прометей («думает, что несет людям свет») и пр.

Главный результат сравнения первой и второй серий эксперимента заключался в следующем: если реальный начальник воспринимался безлично, сквозь призму ролевых образов-клише, то именно он вызывал сглаживание пиков личностного профиля у испытуемых в первой серии экспериментов.

Следующая серия экспериментов ориентирована на анализ причин, в силу которых отсутствуют или незначительно выражены сдвиги в самопредъявлении испытуемых при переходе от стандартной серии тестирования (ситуация «один на один с тестом») к модифицированной (предъявление будущих результатов опросов «значимому другому»).

В предварительном опросе испытуемые выполняли специальное задание, направленное на выявление человека, обозначенного нами как «абсолютно значимый другой». В отличие от традиционных схем определения «значимых других», в данном эксперименте моделировались ситуации идеального взаимодействия с другими людьми, потенциально значимыми по двум критериям, а именно: 1) эмоциональная привлекательность; 2) референтность в жизненно важных вопросах. Существенно, что партнеры по «идеальному взаимодействию» не были, в глазах

испытуемых, облечены никаким статусом власти.

Далее проводились уже описанные выше стандартная и модифицированная процедуры тестирования, причем в последнем случае испытуемый заполнял бланки опросников, представляя, что результаты обследования станут известны «абсолютно значимому другому» (в некоторых случаях речь шла о людях, которым действительно могли быть показаны результаты тестирования). В результате выяснилось, что при условии последующего предъявления результатов тестирования «абсолютно значимому другому» у испытуемых не наблюдалось сглаживания пиков личностного профиля. Таким образом, был установлен факт несовпадения «ролевого» и «субъектного» аспектов межличностной отраженности™.

Закономерен вопрос: «Не означает ли полученный факт, что человек, названный выше «абсолютно значимым другим», не вызывает в принципе никаких изменений у испытуемых?» Чтобы ответить на этот вопрос, была задумана и проведена следующая серия экспериментов, в которой испытуемые выполняли тест Куна (написать за 12 минут 20 определений своей личности: «Кто Я»); вначале мы предъявляли стандартную инструкцию, затем — при условии последующего предъявления результатов самоописания: одна группа испытуемых — воображаемому начальнику, другая — выявленному ранее «абсолютно значимому другому».

При выполнении теста Куна в серии с воображаемым начальником у испытуемых преобладало количество ролевых характеристик самоописания («инженер», «специалист», «высшее образование», «замужем» и т. п.) по отношению к субъектным характеристикам («инициативный», «талантливый», «перспективный» и т. п.). Этот результат может быть соотнесен с ранее полученными данными о стандартизации самопредъявления людей в ситуации ожидаемого оглашения результатов тестирования незнакомому начальнику и, в ряде случаев, реальному начальнику; кроме того — с восприятием последних в ролевых образах-клише. Эти факты, рассмотренные в целом, свидетельствуют о существовании особого явления межличностной отраженности: феномене «нейтрино», — безличноролевого присутствия некоторых людей в жизни окружающих. Итак, ролевая форма представленности одного человека в другом человеке обуславливает ролевую форму ответного самопредъявления.

При выполнении теста Куна в серии с «абсолютно значимым другим» количество ролевых характеристик значительно уменьшалось. При этом число неролевых (субъектных) характеристик самоописания существенно увеличивалось. Этот факт может быть сопоставлен с данными об отсутствии или незначительных изменениях базового профиля личности в ситуации ожидаемого оглашения результатов тестирования некоторым реальным начальникам, а также с тем, что последние воспринимаются в форме символов субъектности человека. Таким образом, отвечая на поставленный вопрос о существовании изменений, производимых значимым другим лицом, мы приходим к выводу о его особом статусе в сознании личности. «Значимый другой» здесь выступает в статусе alter ego, что обнаруживается в тенденции самораскрытия личности (человек открывается другому как себе самому). Итак, мы можем убедиться в том, что субъектная форма представленности человеком другого человека обуславливает субъектную форму ответного самопредъявления.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Существуют способы эмпирического различения «ролевого» и «субъектного» модуса существования личности.

2. «Ролевая» отраженность человека в человеке выступает в феномене «нейтрино»: восприятии другого человека в ролевых образах-клише, ориентации на ролевые стандарты в самопредъявлении, и, таким-образом, ролевая представленность другого обуславливает ролевую форму ответного самопредъявления.

3. «Субъектная» отраженность человека в человека выступает в феномене «alter

его»: восприятию другого человека в символах субъектности, тенденции к самораскрытию, и, таким образом, субъектная представленность другого обуславливает субъектную форму ответного самопредъявления.

Настоящая работа посвящена проблеме самоконтроля, представленного такими проявлениями активности человека, как ответственность за ближайшие и отдаленные последствия собственных поступков, осмотрительность и осторожность, выдержка и самообладание, выверенность практических действий, подотчетность мыслей и чувств и т. д.

Термином «самоконтроль» могут быть/ обозначены особые действия, предметом которых являются собственные состояния и свойства человека, будь то характеристики его как субъекта деятельности, общения или самосознания. Каковы бы ни были конкретные формы обнаружения самоконтроля, центральным его звеном является управление содержаниями собственного сознания, тем, что субъект считает частью своего я.

При этом могут быть выделены два вида контроля над содержаниями своего сознания: **аффективный** и **когнитивный** самоконтроль.² В первом случае предметом контроля являются эмоциональные процессы и побуждения субъекта (чувства и желания). Во втором — его собственные представления и мысли. Явления аффективного самоконтроля в последние годы становятся предметом оригинальных исследований, относящихся прежде всего к проблеме воли. Когнитивный самоконтроль (как и другие проявления самоконтроля) характеризуется единством его волевой и рефлексивной образующей.

—¹ Раздел подготовлен в соавторстве с Е. М. Черепановой и опубликован в журнале «Вопросы психологии» №5, 1987, под названием «Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания».

² Разграничение аффективного и когнитивного самоконтроля в известной степени условно, так как «механизмы когнитивных умозаключений вплетены в саму ткань мотивационных процессов и эмоциональных оценок» [1].

Последняя выступает как *сogito* (мысль о собственной мысли), волевая — как произвольное внимание к содержаниям собственного сознания. Необходимость *сogito*, единства некоторого переживания и мысли о нем, определяется здесь тем, что индивиду приходится проявить волю, подавляя конкурирующие переживания, как бы спонтанно рождающиеся в его сознании [7].

Тот факт, что в состав когнитивного самоконтроля входит мысль о собственной мысли, создает своеобразную в методологическом отношении ситуацию. С одной стороны, самоконтроль в своем рефлексивном звене имеет существенно внутренний характер, что ограничивает возможность исследования его извне. С другой стороны, эта внутренняя сторона самоконтроля непосредственно открыта самому субъекту, i. e. актуально входит в содержание его самосознания. Поэтому, делая предметом анализа мысль о собственной мысли, мы должны воспользоваться данными самонаблюдения испытуемых. Здесь нет и не может быть риска впасть в заблуждения интроспекционизма — «порочной практики психологического исследования» (С. Л. Рубинштейн)¹. Эти данные самоотчета (при правильной организации эксперимента, исключающей намерение испытуемых исказить результаты исследования) вполне сопоставимы по достоверности с той информацией, какую мы имеем в психофизических исследованиях, включающих речевой ответ.

Волевая образующая когнитивного самоконтроля. Впервые контроль и внимание были соотнесены в трудах П. Я. Гальперина. Внимание интерпретируется им как свернутая форма контроля применительно к анализу предметных действий (совершаемых как во внешнем, так и во внутреннем плане). В данном же случае речь идет о действиях, направленных на содержание самосознания субъекта. Особый

вопрос при анализе этих действий связан с их произвольностью. Если контроль над содержаниями собственного сознания произволен, то это означает, что субъект располагает определенной свободой в управлении собой, способен не только действовать в определенном направлении, но и уклоняться от подобного действия (не только думать о чем-то, но иметь также возможность не думать об этом).

¹ Отметим, что одной из принципиальных ошибок интроспекционизма было неправомерное отождествление феноменов самосознания субъекта (основанных на *сogito* и адекватно фиксируемых в самоотчете) и значительно более широкого круга явлений психики, выходящих за пределы возможностей интроспективного исследования.

Без этой способности произвольное внимание выступило бы как неподконтрольная субъекту активность. Поэтому при характеристике когнитивного самоконтроля наряду с сосредоточением внимания можно выделять и отвлечение внимания, возможность которого образует условие произвольности управления субъектом содержаниями собственного сознания.

МЕТОДИКА

При изучении когнитивного самоконтроля был использован прием «негативирующей стимуляции» (В. А. Петровский) и некоторые другие методические средства. Этот прием заключается в создании особой экспериментальной ситуации, в которой от испытуемого требовалось, чтобы, действуя во внутреннем плане, он придерживался определенных ограничений, относящихся к области возможных фиксаций его внимания: требовалось «не думать о чем-то» или, наоборот, «думать о чем-то». Конкретно, в четырех сериях испытуемым предлагалось «не думать ни о чем», «не думать о себе», «не думать о своих желаниях», «не думать о желтой обезьяне», а также «думать о желтой обезьяне и ни о чем более». Некоторым испытуемым требование «не думать» предъявлялось многократно, т. е. при варьировании области «запрещенного» условие запрета сохранялось в каждой из серий. Предполагалось, что испытуемые должны с необходимостью думать о запрещенном, при этом уровень и особенности рефлексии, а также средства управления содержаниями собственного сознания у них будут существенно различаться. В результате появится возможность охарактеризовать индивидуальные особенности когнитивного самоконтроля испытуемых.

В ходе эксперимента регистрировались: время подготовки (настройки «не думать»); время выполнения задания (между условным сигналом «не думаю» и сигналом «подумал»), обозначенное нами как время процесса; отвлекающие содержания «переживания, рефлектируемые как «подумал о . . .», «подумал и другом, отвлекся» и пр.). После каждой серии выяснялось, но испытуемому представлялось необходимым для выполнения задания, что ему удавалось и не удавалось сделать (при подготовке, отвлечении, сосредоточении), придерживался ли "М какой-нибудь определенной стратегии и т. д. Кроме того; фиксировались поведенческие проявления: поза, мимика, жесты, произвольные движения.

Перед началом эксперимента для типологизации индивидуальных особенностей испытуемые отвечали на вопросы личностного опросника Айзенка (вариант Ері). По завершении эксперимента испытуемые отвечали на ряд вопросов: возраст, образование, профессия, состояние физического здоровья, психологические проблемы. Испытуемым предлагался также опросник, направленный на выявление привычных средств саморегуляции в различных сферах деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Экспериментальные данные могут быть сгруппированы и проанализированы в рамках решения поставленных нами задач: анализ динамических и содержательных характеристик осознаваемости субъектом акта организации собственного внимания; анализ волевой образующей самоконтроля; оценка релевантности данных лабораторного эксперимента фактам обыденной жизни.

Анализ рефлексивного звена самоконтроля. Замечали ли испытуемые парадоксальность инструкции «ни о чем не думать» или «не думать о . . .»? Большинство из них считали, что «невозможно ни о чем не думать», что «это никак не получится» и т. п. Однако, после некоторого интервала сосредоточения на цели «не думать» испытуемые обнаруживали в себе способность выполнить задание, о чем тут же подавали условный сигнал. Далее, в течение определенного промежутка времени испытуемые переживали состояние отсутствия каких-либо запрещенных мыслей (побуждений, представлений и т. п.). Эти интервалы субъективного отсутствия мысли хотя и являются индивидуально своеобразными, но достаточно стабильны для каждого испытуемого, что позволяет экспериментатору в тот или иной момент «недумания» прервать эксперимент и расспросить испытуемого о наличии и характере его переживаний к данному времени. В самоотчете обнаруживается присутствие у испытуемых тех или иных субъективных (но актуально не объективируемых, т. е. протекающих дорефлексивно) содержаний, различных по степени предметной оформленности: от неопределенных, недифференцированных чувствований до вполне отчетливых представлений или побуждений к действию (например, «ни о чем не думать»). Таким образом, в составе акта когнитивного самоконтроля обнаруживается факт дорефлексивных содержаний психики, феномен «не мыслю о том, что мыслю». Выделение этого факта значимо для критики картезианской традиции истолкования сознания (косвенно — интроспекционизма) и подтверждения правомерности фундаментального разведения в философии и психологии рефлексивных и дорефлексивных содержаний сознания.

По истечении временного промежутка субъективного отсутствия мысли, т. е. после того, как испытуемый подавал ' сигнал об окончании опыта (это означало, что он подумал о чем-то, выходящем за пределы требования инструкции), экспериментатор выяснял характер отвлечения. Здесь удавалось составить представление о содержании *cogito* и о глубине рефлексии субъекта в условиях управления собственным сознанием. Выделились две группы испытуемых. В одной из групп испытуемые рефлексировали мысли внеположных вещей или своих собственных психических процессов (ощущений, состояний, действий, предстающих как нечто внешнее по отношению к самой мысли). Например, испытуемые, прерывая эксперимент, сообщали, что они подумали о том, что очень захотелось есть, нужно куда-то бежать и что-то делать и т. п. Здесь имела место субъект-объектная структурализация сознания. Испытуемые другой группы замечали мысль о самой мысли, прерывая эксперимент, они сообщали: «Я подумал, что ни о чем не думаю» (субъект-субъектная структурализация сознания). Иногда при этом они вступали в диалогическое отношение с собой. Субъект в качестве осознающего и осознаваемого выступал как целостность.

Экспериментальные данные о существовании и существенности интервала времени, в течение которого субъекту представляется, что он ни о чем не думает, т. е. интервала «субъективной свободы от мысли», а также двух типов: субъект-объективной и субъект-субъективной структурализации сознания, могут быть соотнесены с гипотезами о строении самосознания, которые высказывались в истории философии и психологии. Предлагались различные модели структурирования самосознания и описания того, как в нем соотносятся субъект и объект: их противопоставление, отношение последовательного чередования позиций, различие субъекта и объекта как рядоположенных сторон в самосознании. В настоящее время самосознание понимается как аутокоммуникация, при которой индивид обращается к самому себе как к субъекту [2]. Выявленный в эксперименте феномен субъект-субъективной структурализации самосознания («Я думаю, что я думаю» и т. д.) соответствует именно этой трактовке. Но таков лишь один из эмпирически выявленных вариантов, другой — структурализация самосознания в большой мере соответствует представлениям Л. С. Выготского [5], предложившего иерархическую модель, в

которой субъект осознания является общим для частного — выделяемого в субъекте объекта осознания. Именно с такой феноменологией мы в ряде случаев сталкивались в эксперименте. Когда испытуемые рассказывали, как они пытались воздействовать на собственные мысли и представления, обозначали это как «я заставил себя». Как видим, имеют силу обе онтологические модели структуризации самосознания, однако они свойственны разным индивидуумам.

Общей особенностью организации самосознания у обеих групп испытуемых является дискретность процесса рефлексии собственных содержаний сознания. Процесс самосознания дискретен в том смысле, что субъект то различает в «я» некоторые стороны и может при этом в течение определенно (времени оперировать с ними как чем-то ему противопоставленным, то вновь выступает слитно, как целое, периоды саморазличения перемежаются с периодами целостности.

Анализируя особенности дискретной организации самосознания у разных индивидов: существенные различия между испытуемыми по интервалу «субъективной свободы от мысли», по типу рефлекслируемых содержаний сознания (субъект-субъектный, субъект-объектный варианты структуризации самосознания), по характеру предметного наполнения *cogito* в процессе самоконтроля, можно поставить вопрос о типологическом своеобразии индивидов как источнике выявленных различий.

Таблица 1

Группа испытуемых	Время подготовки (в с)	Время процесса (в с)
Экстраверты стабильные	6,4*	84,6*
Экстраверты нейротичные	18,75*	56,75*
Интраверты нейротичные	11,5*	53,5
Интраверты стабильные	8,6	34,9*

* — уровень значимости по критерию Стьюдента при $p < 0,05$.

Различные группы испытуемых показали характерные результаты по среднему времени подготовки и процесса выполнения задачи в четырех сериях, когда требовалось «ни о **чем** не думать», «не думать о себе», «о своих желаниях», «о желтой обезьяне». В табл. 1 приводятся средние данные по всем j сериям: в зависимости от таких характерологических черт, как I экстраверсия — интраверсия и нейротичность — стабильность. I

Длительность процесса «не думанья» определялась тем, что предлагали императив, предъявленный в виде запрета, глубиной рефлексии собственных действий. Легкость самопроизвольной актуализации содержаний сознания скорее должна 1 быть функцией уровня нейротичности (по определению параметров).

Итак, с максимальной легкостью организовывали собственное сознание стабильные экстраверты, у стабильных интравертов это было связано с наибольшими затруднениями. У нейротических экстравертов среднее по длительности время процесса сопровождалось чрезвычайной длительностью подготовки, что свидетельствовало о максимальных затруднениях при самоконтроле. Эти данные согласовывались с определением факторов Айзенком. Так, автором в факторы экстраверсия — интраверсия заложен параметр «подверженность интроспективным размышлениям», который должен детерминировать поведенческую стратегию саморегуляции. Кроме того, в фактор «нейротичность — эмоциональная стабильность» заложены особенности саморегуляции, в частности для нас были интересны данные, что «у интравертированных нейротистов чаще встречаются дистимические проявления, страхи, фобии и психастенические расстройства. Экстравертированные нейротисты больше дают истерическую симптоматику и показывают более высокую психопатичность и криминогенность» [5; 174].

Детерминированность результатов индивидуальными особенностями подтверждается также при анализе распределения результатов по сериям (рис. 1).

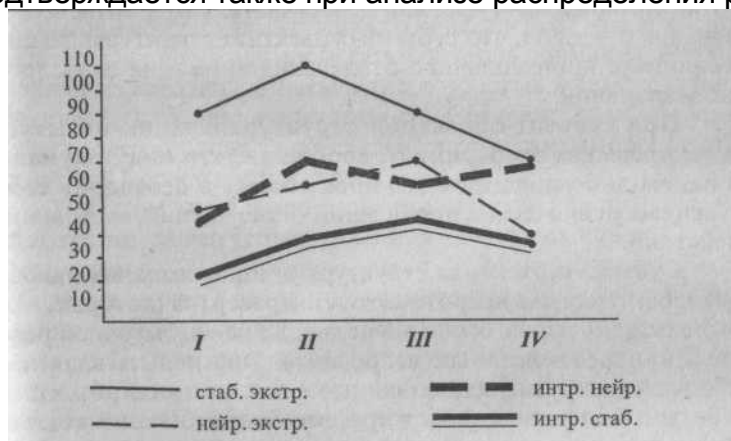

Рис. 1

Рассмотрим некоторые из полученных данных. В I серии, когда требовалось ни о чем не думать, инструкцией задавалась неопределенность содержаний, означенных как нежелательные («подумал о . . .»). В этой ситуации нейротизм оказался фактором, сближающим время процесса у экстр- и интравертов. ВIV серии, когда нужно было не думать о «желтой обезьяне», фактор экстраверсия — интраверсия играл решающую роль в распределении результатов.

Таблица 2

Распределение способов структурализации сознания (в %)

Способ структурализации сознания	Группа испытуемых			
	экстр-стаб.	экстр-нейр.	интр-нейр.	интр-стаб.
S—S	—	—	50,0	15,8
S—O	—	100	50,0	84,2

Высокий уровень нейротизма определил равную склонность у экстр- и интравертов к самопроизвольной актуализации нежелательных содержаний сознания. Тогда же, когда запретный объект задан инструкцией извне, независимость от него связана с экстр-, интра-вертированной ориентированностью индивида.

Другим интересующим нас параметром была глубина рефлексии. Условно можно выделить две группы испытуемых. В первом случае выделялось и удерживалось определенное содержание, выступающее объектом воздействия в деятельности саморегуляции, т. е. имела место субъект-объектная структурализация сознания. В другом — субъект вступал в диалогические отношения с собой типа субъект-субъектных отношений: испытуемые, прерывая эксперимент, сообщали: «Я подумал, что ни о чем не думаю», т. е. субъект в качестве объекта осознания выступал как целостность. Результаты исследования показали, что субъект-субъектная структурализация в процессе произвольного отвлечения внимания оказалось дезадаптивной.

При субъект-объектной структурализации испытуемые, прерывая эксперимент, сообщали, что они подумали о каком-либо предмете, это проявлялось в осознании собственных психических проявлений — ощущений, состояний, действий.

Субъект-субъектная структурализация сознания наиболее характерна для нейротических интравертов (которые, как было сказано выше, особенно подвержены

«избыточной рефлексии», «рефлексивным неврозам»). Они испытывали наибольшие затруднения, связанные с вычленением объекта в себе, как бы проваливаясь в «рефлексивную бесконечность». Как правило, эти попытки устранения субъектной стороны сознания при помощи все большего нагромождения уровней рефлексии в итоге приводили к ярко выраженной агрессии, направленной иногда и на экспериментатора. Испытуемый после краткого времени выполнения задания резко прерывал его и обвинял экспериментатора в том, что «тот дал ему такое глупое задание». Это расценивалось нами как защитная реакция на задание, выполнение которого угрожает целостности «я».

Приведенные (в табл. 2) данные также демонстрируют нам недостаточность рефлексии у экстравертов и избыточность ее у интравертов. Полученные результаты позволили определить задачи и гипотезы следующего этапа исследования — определение возрастных особенностей деятельности саморегуляции в условиях актуального конфликта содержания, определяющих необходимость самоконтроля внимания. Мы исходили из следующей посылки: с возрастом в самосознании усиливается глубина и адекватность. Следовательно, требовалось проверить, повышаются ли возможности саморегуляции и как она меняется структурно.

На этом этапе в исследовании приняли участие следующие группы испытуемых: учащиеся начальных классов — 30, подростки — 29, старшекласники — 24 испытуемых. Было обнаружено, что с возрастом возможности самосознания монотонно увеличиваются (т. е. время процесса монотонно уменьшается). Но при этом уменьшается удельный вес таких стратегий саморегуляции, как неадекватная рефлексия, физическое напряжение. Основной вывод, который можно сделать из приведенных данных: с возрастом увеличивается возможность организации произвольного отвлечения внимания в составе самоконтроля.

Сопоставление способности к сосредоточению и отвлечению внимания на материале заданий «не думать о чем-то» и «думать о чем-то» обнаружило их тесную связь (коэффициент корреляции Спирмена времени одного и другого процесса составляет 0,677, что достоверно на уровне 0,005).

Анализ **волевого звена самоконтроля**, т. е. изучение средств саморегуляции на основе самоотчетов и направленного наблюдения за поведением испытуемых, позволил выделить следующие:

1. *Релаксация* — физическое состояние характеризуется полной расслабленностью, возможна сонливость или даже засыпание во время выполнения задания. Ощущения испытуемых не характерны для других способов саморегуляции («Задание очень легкое, сидеть и не думать очень приятно»; «Можно хорошо отдохнуть»).

2. *Размышление о другом* — смену ментальной доминанты, произвольное переключение внимания на другие, эмоционально означенные объекты, чтобы не думать о запрещенных.

Такой объект выбирается во время подготовки, тем не менее, как бы ни был далек выбранный предмет размышления от избегаемого, ассоциативные цепи приводят испытуемого к нему же.

3. *Образное манипулирование* — испытуемый в собственном представлении прodelывает манипуляции с возникающими помимо его воли мыслями и образами. При этом в умственном плане производятся практические действия.

4. *Физическое напряжение* — локализация его может быть различна, но чаще это мимическая мускулатура лица и рук. Таким способом испытуемый регулирует собственные психические состояния за счет напряжения отдельных групп мышц или причиняя себе физическую боль.

5. *Автоматизированные*, ритмически организованные виды деятельности — испытуемый качает ногой, считает, приговаривает про себя детские считалки и т. п.

6. *Неадекватная рефлексия* — испытуемый совершает запретные действия, не

осознавая их таковыми. Неадекватная рефлексия свидетельствует о недостаточности самосознания при саморегуляции.

Итак, индивидуальные и возрастные особенности испытуемых детерминируют как рефлексивное, так и ролевое звено самоконтроля. Для релевантности выделенных в эксперименте средств контроля за фактом обыденной жизни мы предложили тем же испытуемым опросник, состоящий из незаконченных предложений, относящихся к средствам саморегуляции в различных сферах деятельности. Там были вопросы типа:

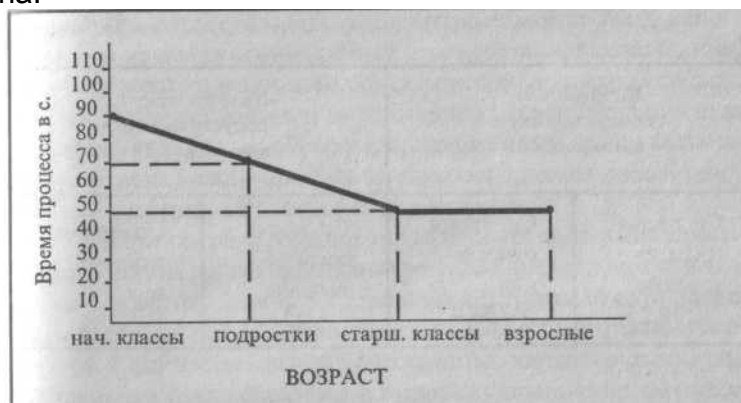

Рис. 2

«Если я не могу заснуть, я обычно. . . », «Если я чем-то сильно встревожен, то, чтобы успокоиться, я обычно. . . », «Если неприятные мысли идут мне в голову, я обычно. . . » и т. п. Ответы показали действительное существование совпадения привычных характерных средств, используемых при организации произвольного внимания в нашем эксперименте и в обычной жизни. Для этой цели на группе испытуемых — учащихся старших классов (17 человек) был проведен тест Бурдона, исследующий продуктивность внимания на монотонном материале, в условиях конкурирующих содержаний; параллельно демонстрировались слайды.

Далее, в специальной экспериментальной серии, данные

о самоконтроле сопоставлялись с особенностями произвольного внимания испытуемого в условиях монотонной деятельности. Результаты показали тесную связь между продуктивностью внимания и способностью к отвлечению и к сосредоточению. Неадаптивные средства саморегуляции использовали 6 человек, из них 5 имеют низкий коэффициент продуктивности внимания (табл. 3).

В результате проведенных исследований мы получили возможность классифицировать выделенные нами средства саморегуляции на адаптивные и дезадаптивные по принципу

(связанности их использования с зафиксированными объективно

Таблица 3

Коэффициент продуктивности внимания 7,25		Коэффициент продуктивности внимания 7,25	
Ср. время сосредоточения 10,25	Ср. время отвлечения 76,9	Ср. время сосредоточения 49,8	Ср. время отвлечения 37,6

психологическими проблемами. Оказалось, что большинство испытуемых, тяготеющих к использованию автоматизированных действий в целях саморегуляции, будучи чаще всего фактически здоровыми, жаловались на легкость образования навязчивостей, суеверность, ритуализацию поведения и др. ; испытуемые,

использовавшие физическое напряжение, оказались склонны к психосоматическим жалобам, испытуемые же, проявляющие избыточную рефлексивность в нашем исследовании, жаловались на избыточный самоанализ и в других ситуациях. Тем самым исследование когнитивного самоконтроля может оказаться информативным в целях психологической диагностики: для нужд психокоррекции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Среди различных форм саморегуляции личности особо выделяется явление когнитивного самоконтроля: целенаправленного управления содержаниями собственного сознания. В настоящем исследовании выделены и охарактеризованы два аспекта когнитивного самоконтроля: рефлексивный и волевой. Рефлексивный раскрывается как *cogito* (мысль о собственной мысли), а волевой — как произвольное внимание субъекта к содержаниям собственного сознания. В последнем выделяются две образующие: сосредоточение и отвлечение внимания.

2. При исследовании самоконтроля может быть использован прием «негативирующей стимуляции», заключающийся в регистрации произвольных фиксаций внимания субъекта

на тех представлениях и переживаниях, которые запрещены инструкцией. Таким образом, предложенный прием выявляет взаимосвязь между произвольным сосредоточением и отвлечением внимания в составе самоконтроля.

3. При сосредоточении и отвлечении внимания процесс самосознания может иметь дискретный характер, когда интервалы рефлексирования собственных содержаний сознания перемежаются с интервалами субъективного отсутствия мысли.

4. Количественные и качественные характеристики этих интервалов взаимосвязаны с индивидуально-типологическими и возрастными особенностями личности.

Характеристики экстраверсия-интраверсия задают особенности рефлексивного компонента при организации внимания в составе самоконтроля, а нейротизм — волевого компонента. Так, акцентуированные экстраверты характеризуются поверхностной рефлексией, а интраверты — избыточной. Обе характеристики в равной мере препятствуют организации внимания в составе самоконтроля. С возрастом возможности саморегуляции внимания повышаются.

5. Особенности выявленных характеристик самоконтроля отражают особенности саморегуляции личности в повседневной жизни, что позволяет использовать данные экспериментальные методики в диагностических целях.

1. *Анциферова Л. И., Величковский Б. М.* Предисловие к кн. Хекхаузена Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 1986. С. 5-7.

2. *Выготский Л. С.* Собр. соч: В 6 т. М., 1982. Т. 1. 487 с.

3. *Герцберг М. О.* Очерки по проблеме сознания в психопатологии. М., 1961. 175 с.

4. *Кон И. С.* Категория «я» в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. №3. С. 25-37.

5. *Неврозы и неврозоподобные состояния / Под ред. Н. Антонова.* София, 1983. 244 с.

6. *Петровский В. А.* Активность субъекта в условиях риска: Автореф. канд. дис. М., 1977. 18 с.

7. *Stout В. В.* Самосознание личности. М., 1983. 284 с.

Переживаемый человечеством информационный взрыв и связанная с ним потребность в разработке эффективных средств обучения постоянно повышают актуальность поиска адекватных педагогических технологий. Но л технологизация неизбежно ведет к унификации педагогического процесса, что, в свою очередь, заставляет искать ответа на вопрос о его сочетании с индивидуальностью — того, кто обучает, и того, кого обучают.

Исходя из идеи порождения человеком себя как субъекта, становления способности самодетерминации личности как об одном из видов самоценной активности (В. А. Петровский), можно предположить, что жесткотехнологизированные

модели обучения содержат в себе возможность восхождения к субъектности человека. Предположение базируется на идее значимости субъектогенеза как стремления человека владеть одной из самых больших для него ценностей — самим собой. Следовательно, можно предположить, что акты субъектогенеза неустранимы в контексте жесткотехнологизированного обучения и возможно такое построение его моделей, в которых акты субъектогенеза выступают как условия реализации педагогического процесса.

1) Для проверки справедливости выдвинутых гипотез были предприняты попытки решить следующие задачи: определить возможности использования феноменологии субъектности в проектировании жесткотехнологизированных по форме и личностно-ориентированных по содержанию моделей обучения;

2) на основе выявленных возможностей разработать жесткотехнологизированную модель какого-либо конкретного учебного процесса;

3) выявить путем эксперимента специфику субъектогенеза в ходе реализации такого учебного процесса;

4) определить условия, в которых формируемые в разработанном учебном процессе навыки становятся операционной базой субъектогенеза.

¹ Термин «субъектогенез» был предложен нашим аспирантом А. С. Огневим как обозначение идеи самополагания себя как субъекта и постепенного развития способности самополагания в онтогенезе (См. предшествующие части данного издания). В данной части использованы материалы совместной статьи, опубликованной в сборнике «Проблемы проектирования образования в работах ИПИ РАО за 1994 год». М., 1995

В качестве примера того, что стандартизация выполняемых действий на этапе обучения требуется в силу объективных причин, была выбрана аутогенная тренировка (АТ). Универсализация приемов обучения диктуется в этом случае стремлением минимизировать вероятность негативных последствий для здоровья обучаемого. При этом выборе также была учтена потребность в создании эффективной технологии обучения АТ как хорошо зарекомендовавшего себя профилактического и лечебного средства психотерапии, более широкое распространение которого сдерживается в том числе и несовершенством существующих методов обучения ее приемам.

Для построения жесткотехнологизированной модели обучения был выбран метод планомерно-поэтапного формирования умственных действий. Параметрическое описание этапов, операционализация оценки заранее заданных характеристик формируемых навыков, изначальная ориентация на кибернетический подход к организации учебного процесса — те основания, которые позволили отнести метод к разряду жестко-технологизированных.

Таким образом, в качестве объекта исследования был определен субъектогенез — становление возможности самодетерминации личности, способности человека быть «причиной себя» (имеется в виду аристотелевское понимание причины: «из чего», «по форме чего», «в силу чего», «во имя чего»). На основе поставленных задач и выделенного объекта предметом исследования было решено считать субъектогенез в условиях планомерно-поэтапного обучения аутогенной тренировке. При рассмотрении первой из поставленных задач были оценены возможности использования метода виртуальной субъективности [1-3], который предполагает создание ситуации с высоким потенциалом проявления субъектности человека. При этом важно, чтобы решаемые проблемы были поставлены самим человеком без принуждения извне. Должны быть созданы условия, располагающие к постановке целей, избыточные по отношению к требованиям конкретной ситуации, побуждающие к действиям над порогом ситуативной необходимости. Кроме того, это

должны быть ситуации ответственного выбора, когда в число возможных последствий предпринятых человеком по собственной инициативе действий входит и фрустрация его потребностей.

В качестве критерия полагания человеком себя как субъекта активности было решено использовать факт принятия на себя ответственности за непредреженный заранее исход своих действий. Это должна быть ответственность, основанная на убежденности человека в своей способности реализовать каждую из возможных альтернатив и возникшая в результате переживания самой возможности осуществления выбора.

Исходя из положения о том, что порождение и воспроизведение себя как субъекта каждым участником общения составляет суть его трактовки как субъект-субъектного взаимодействия, были намечены ориентиры для диалога между участниками учебного процесса. В качестве диагностического признака субъект-субъектного взаимодействия было решено использовать наличие идеальной репрезентации (отражения) его участников друг в друге (как одно из обязательных условий развития личности), сочетающееся с актами субъект-тогенеза.

В качестве шкалы для оценки степени воздействия участников учебного процесса друг на друга были выбраны различные формы проявления отраженной субъектности — бытия какого-либо одного человека в другом человеке [1-3]. На этой шкале начальному уровню воздействия соответствует переживание человеком своей собственной динамики при попытке охарактеризовать личность другого, под влиянием самого факта наличия другого. Средний уровень образуют случаи отражения субъекта в форме интроекта — идеально значимого другого, когда *Я* и *Другой во мне* образуют два самостоятельных смысловых и вместе с тем силовых полюса. Высший уровень воздействия — проявление отраженной субъектности в форме претворенного субъекта, когда *Я* одного становится неотделимым от другого, а оппозиция такому отраженному другому выступает как самоконфронтация, как проявление борьбы с собой.

Психолого-педагогическое проектирование учебного процесса и его анализ могут быть построены на определении сфер актуального субъектогенеза для каждого участника. Это может быть сделано путем выявления актов неадаптивной активности как диагностических признаков субъектогенеза и индивидуализации заданий с учетом результатов такой диагностики. Можно воспользоваться тем, что, например, субъект-тогенез в витальной сфере обнаруживает себя в стремлении человека рисковать своим здоровьем в отсутствии объективной необходимости для этого. В сфере предметной деятельности неадаптивная активность как признак актуального субъектогенеза может проявляться в самостоятельной возгонке уровня трудности задачи, в стремлении по собственной инициативе отыскивать новые решения, в спонтанном обобщении и непрагматической постановке проблемы, в тенденции к автономии при решении задачи. В сфере общения аналогичные свидетельства могут иметь форму стремления выйти за определенные конкретной ситуацией рамки социально-ролевого взаимодействия, в желании по собственному почину взять на себя ответственность за ход переговоров и т. п. В сфере самосознания актуализация субъектогенеза может проявляться как стремление к осмыслению своего поведения, отдельных поступков или всей жизни, как активное самоисследование границ своего *Я* вплоть до возникновения измененных состояний сознания. Определение характера взаимосвязи сферы актуального субъектогенеза и учебного процесса позволяет оценить личную значимость последнего для каждого его участника.

Для организации обучения АТ по методу планомерно-поэтапного формирования умственных действий (вторая задача исследования) была выделена инвариантная основа этого инда саморегуляции. Оказалось, что инвариантом в этом случае является пассивная концентрация внимания на выбранном участке тела и ориентация на чувственный образ желаемого ощущения [4—6]. Примечательно, что традиционно используемые в АТ словесные формулы самовнушения и образные подкрепления в

инвариантную основу не входят. Это всего лишь вспомогательные приемы, облегчающие усвоение инвариантной основы саморегуляции. Их сознательное использование в этом качестве вместе с нейролингвистическими индикаторами субмодальностей позволило усилить индивидуализацию обучения [6].

В результате описания процесса обучения АТ методом планомерно-поэтапного формирования было составлено двадцать шесть учебных карт, задающих операционный состав действий обучаемого [6]. В соответствии с заложенной в разработку схемой управления учением [4] карты содержат задания подготовительного, исполнительного, контрольного и коррекционного характера. С учетом того, что благодаря идее субъектности стремление «быть личностью» описано как, во-первых, стремление быть субъектом своих витальных (в широком смысле) контактов с миром, во-вторых, стремление быть субъектом предметной деятельности, в-третьих, быть субъектом общения, в-четвертых, — быть субъектом самосознания [1-3], подбирались возможные варианты заданий по практическому применению навыков саморегуляции.

В результате решения третьей задачи было обнаружено применение обучаемыми формируемых навыков как операционной основы субъектогенеза во всех указанных выше сферах. Важно отметить, что обучаемые делали это независимо от заданий ведущего занятия.

В качестве примеров использования формируемых навыков в витальной сфере можно указать стремление нормализовать ночной сон («овладеть своим сном, стать причиной нормального течения своего сна»), избавиться от внутреннего напряжения, регулировать пороги болевой чувствительности. В сфере предметной деятельности ту же природу имели попытки повысить результативность труда, профессиональные достижения за счет овладения навыками концентрации внимания, мобилизацией перед выступлениями на спортивных соревнованиях и т. п. В сфере самосознания некоторые обучаемые самостоятельно использовали состояние аутогенного погружения для исследования границ своего Я, для оценок своих поступков, проблем жизни и смерти с новых для них позиций (был даже зафиксирован случай смягчения таким путем остроты танатофобии). К разновидности субъектогенеза в сфере самосознания могут быть отнесены и многократные случаи использовании знаний самого существа АТ для осмысления причин возникновения в прошлом собственной суггестивной зависимости (например, выяснение того, «как и почему на меня оказывали влияние сеансы гипноза А. Кашпировского, А. Чумака», как самому можно добиться погружения в аналогичные состояния без посторонней помощи, как самому научиться выходить из этих состояний и как противостоять подобному воздействию; выяснение сути психологических экспериментов, объектом которых обучаемый стал во время службы в армии). Типичным для проводившихся занятий вариантом проявления отраженной субъектности было переживание своей собственной динамики под влиянием устных самоотчетов других членов группы. Часто можно было слышать замечания типа: «Вот когда он сказал . . . , то я вспомнил (понял, подумал) . . . »; «Да, я вот тоже . . . »; «А у меня . . . » и т. п.

Отражение субъекта в форме интроекта проявлялось реже и временами вызывало негативную реакцию: «Я когда подумаю, что они будут надо мной смеяться . . . »; «Я не хочу, чтобы обо мне сказали . . . » и т. п. Основная масса таких случаев приходится на проявления отражения субъекта, находящегося вне группы, в которой происходит обучение [5]. Обычно в роли такого субъекта выступали осуждающие занятия АТ близкие люди, насмехающиеся над подобного рода практикой знакомые.

Вместе с тем наблюдались положительные с точки зрения эффективности овладения приемами АТ проявления отраженной субъектности в форме интроекта. Так, в одной из групп стремление к совершенствованию навыков саморегуляции и их практическому применению было явно связано у юношей с присутствием на занятиях одной из девушек. Кроме того, неоднократно заявлялось, что к практическому использованию сформированных навыков и вообще к занятиям АТ подтолкнуло

успешное применение приемов саморегуляции кем-либо из группы или человеком, отношения к группе совсем не имеющим («Я подумал, ну если у него так получается, то неужели и я . . .»). Был, например, случай, когда группа из пятнадцати человек организовалась самостоятельно после выступления в телевизионной передаче одного из авторов статьи, после чего ему было заявлено, что он должен провести занятия, так как является их лектором. В этой группе полный курс АТ не был освоен только одним из ее первоначальных членов (примечательно, что оставившая группу девушка на вопрос о причинах своего ухода откровенно ответила, что у нее появился парень и ни о чем другом думать сейчас она пока не может, т. е. причиной оказалось появление «конкуренции» интроекта с большим смысловым и динамическим потенциалом). Был также зафиксирован случай, когда в результате АТ один из занимающихся добился ослабления такой разновидности обсуждаемой формы отраженной субъектности как «раздвоение личности» («Теперь я научился заставлять этого другого во мне молчать. Он как будто стал меня больше уважать и почти уже ушел» — фраза взята из устного самоотчета).

Феномены претворенности Я отражаемого субъекта в Я отражающего часто наблюдалось в форме безотчетного подражания манере рассказывать о своих переживаниях как своего рода «психическое заражение» (вслед за одним начинали теплеть одновременно руки и ноги у других, хотя до оглашения своих результатов первенцем в этом достижении у них теплели только руки; то же относительно порядка возникновения аналогичных образов, а также случаи, когда заявление одного из участников после выполнения шестого по стандартной классификации И. Шульца упражнения АТ о том, что в области лба он ощущал дуновение ветерка, помогало и другим участникам занятия обнаружить в комнате заметный сквозняк, которого на самом деле могло и не быть).

При решении четвертой задачи было установлено, что наиболее продуктивно занятия проходили в тех группах, где ведущий поощрял обучаемых к самодиагностике актуальных для них в данный момент сфер субъектогенеза. При этом внимание обучаемого обращалось на проявления надситуативной активности и предлагалось самостоятельно выявить их смысл. С той же целью в группах обсуждались все случаи практического применения формируемых навыков, когда о них рассказывал кто-нибудь из их членов. Постоянно акцентировалось внимание на удачном включении приемов саморегуляции в повседневную практику.

Наибольший эффект был достигнут в группах, в которых АТ была использована как пропедевтика тренинга общения. Как и во всех предыдущих случаях, участие в этих группах носило добровольный характер, но ведущим занятия они формировались только из числа тех, у кого был явно актуализирован субъектогенез в сфере межличностного общения.

В вводных беседах ведущий сообщал общие сведения о возможностях применения приемов АТ как операционной базы для владения собой в межличностном общении. Участники тренинга уже на начальных этапах обучения АТ активно стремились не только применять полученные навыки, но и постоянно предлагали друг другу свои варианты выработки самообладания в различных критических ситуациях, радовались не только своим успехам, но и достижениям других, выражали не только желание учить, но и учиться у других.

Особого внимания заслуживает тот факт, что на этапе собственно тренинга общения на вопрос о том, как они теперь используют полученные навыки саморегуляции, отвечали, что чаще всего им для обретения чувства самообладания достаточно просто знать, что в критической ситуации им есть чем воспользоваться. То есть, речь в данном случае идет о расширении границ своего Я, состоявшемся субъектогенезе в ходе АТ в сфере самосознания, который повышает субъектогенетический потенциал в сфере межличностного общения.

В итоге проведенных исследований было подтверждено предположение о том, что условием и результатом формирования навыков саморегуляции личности является

субъектогенез — становление способности человека быть «причиной себя». Можно также заключить, что учебный процесс может приобрести статус деятельности независимо от степени его технологизации, если акты субъектогенеза выступают мотивами учения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М. :Изд-во Российского открытого университета, 1992.
2. *Петровский Б. А.* Феномен субъектности в психологии личности: Автореф. на соискание учен. степ. докт. психол. наук. М. : МГУ, 1993.
3. *Петровский Б. А.* Личность: феномен субъектности. Ростов:Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1994.
4. *Огнев А. С, Фролов Ю. И.* Возможности применения метода планомерно-позапного формирования для обучения аутогенной тренировке. Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1992. № 4.
5. *Огнев А. С.* Опыт применения аутогенной тренировки в качестве элемента психологической поддержки в вузе // Тез. докл. Российской конф. «Психологическая поддержка в развитии творческой одаренности личности». Челябинск, 1993.
6. *Огнев А. С.* Использование психосоматической саморегуляции в интеллектуальной деятельности инженерных работников: Учебн. пособие. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. тех. ун-та, 1994.

Согласно деятельностному подходу к проблеме развития психики и личности, движущие силы и направленность психического развития определяются совместной деятельностью ребенка со взрослым. Отношение индивида к «вещам» (объектам окружающего мира) опосредствовано его отношением к людям; отношение к другому человеку опосредствовано отношением к «вещи». Иными словами, можно говорить об единстве и взаимопереходе отношений «субъект-субъект-объект» и «субъект-объект-субъект». Основным условием психического развития в этом случае становится согласующаяся с логикой внешнего объекта, организованная другим человеком (взрослым) и совместно с ним выполняемая деятельность. Направленность развития диктуется закономерностями движения общества в целом. Средства необходимого (согласно задаваемым целям развития) изменения поведения и сознания ребенка распределяются между ним и взрослым.

Становление деятельностного подхода в наибольшей степени связано с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского и разработками в области теории деятельности А. Н. Леонтьева и его последователей. Дальнейшее развитие этот подход получил в рассматриваемой ниже концепции персонализации, разработка которой началась в 1981 г. Эта концепция возникла на стыке общей и социальной психологии и является прямым продолжением сложившейся в середине 70-х гг. теории деятельностного опосредствования межличностных отношений.¹

¹ Раздел впервые был опубликован в книге «Психология развивающейся личности» под ред. А. В. Петровского. М. : Педагогика, 1987.

¹ См. : Психологическая теория коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М. :Изд-во Российского открытого университета, 1992.
2. *Петровский В. А.* Феномен субъектности в психологии личности: Автореф. на соискание учен. степ. докт. психол. наук. М. : МГУ, 1993.
3. *Петровский В. А.* Личность: феномен субъектности. Ростов:Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1994.

4. *Огнев А. С., Фролов Ю. И.* Возможности применения метода планомерно- поэтапного формирования для обучения аутогенной тренировке. Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1992. № 4.

5. *Огнев А. С.* Опыт применения аутогенной тренировки в качестве элемента психологической поддержки в вузе // Тез. докл. Российской конф. «Психологическая поддержка в развитии творческой одаренности личности». Челябинск, 1993.

6. *Огнев А. С.* Использование психосоматической саморегуляции в интеллектуальной деятельности инженерных работников: Учебн. пособие. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. тех. ун-та, 1994.

Согласно деятельностному подходу к проблеме развития психики и личности, движущие силы и направленность психического развития определяются совместной деятельностью ребенка со взрослым. Отношение индивида к «вещам» (объектам окружающего мира) опосредствовано его отношением к людям; отношение к другому человеку опосредствовано отношением к «вещи». Иными словами, можно говорить об единстве и взаимопереходе отношений «субъект-субъект-объект» и «субъект-объект-субъект». Основным условием психического развития в этом случае становится согласующаяся с логикой внешнего объекта, организованная другим человеком (взрослым) и совместно с ним выполняемая деятельность. Направленность развития диктуется закономерностями движения общества в целом. Средства необходимого (согласно задаваемым целям развития) изменения поведения и сознания ребенка распределяются между ним и взрослым. Становление деятельностного подхода в наибольшей степени связано с культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского и разработками в области теории деятельности А. Н. Леонтьева и его последователей. Дальнейшее развитие этот подход получил в рассматриваемой ниже концепции персонализации, разработка которой началась в 1981 г. Эта концепция возникла на стыке общей и социальной психологии и является прямым продолжением сложившейся в середине 70-х гг. теории деятельностного опосредствования межличностных отношений.¹

— Раздел впервые был опубликован в книге «Психология развивающейся личности» под ред. А. В. Петровского. М: Педагогика, 1987.

¹См. : Психологическая теория коллектива.

В этой связи отметим, что в современной психологии происходит интеграция двух генеральных направлений — общей психологии с ее акцентом на генезисе, строении и функционировании индивидуального сознания в предметной деятельности и психологии социальной, раскрывающей деятельностно опосредствованные связи между людьми, в которых проявляются их личности. Сближение общепсихологического и социально-психологического способов мышления в истории советской психологии идет от теории Л. С. Выготского о социо-генезе сознания через разработку общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева к построению теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (А. В. Петровский).

Это необходимое движение теоретической мысли знаменуется соотношением логического, онтологического и методологического аспектов понятий «индивид» и «личность».

Целесообразно в этой связи рассмотреть возможные подходы к выделению предмета психологии личности, который бы не совпадал с традиционным общепсихологическим или, точнее, с дифференциально-психологическим способом описания индивида и не растворялся бы в *межиндивидуальных связях* как предмете социально-психологических исследований.

Понятие «индивид» является базисным для дальнейшего обсуждения проблемы. Под *индивидом* понимается отдельный представитель рода человек. Термином

«индивидуальный субъект» (или просто «субъект») обозначается индивид как элемент социальной системы. Наконец, 6 *личности* индивида («личностном») говорится, когда имеется в виду такое специфическое качество, как его связи с другими индивидами, с социальной общностью, к которой он принадлежит, т. е. его «системное качество»¹.

Различив понятия «личность индивида» и «индивидуальный субъект», мы оказываемся перед вопросом: «Как *личностное* вписывается в сферу бытия индивида?» Иногда этот вопрос формулируется и так: «Где (в каком пространстве) существует личность?»²

---

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. ² Ильенко в Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность? М., 1979. С. 183-237.

Если личность индивида понимается как системное качество, то решение вопроса о том, каким образом это качество соотносится с социальной системой как целым, не может быть однозначным. Прежде всего можно выделить три типа атрибуции (приписывания) личностного аспекта бытия индивида таким элементам социальной общности, как индивиды и предметно-заданные связи между ними.

Интраиндивидуальная личностная атрибуция. Личность индивида при данном способе интерпретации рассматривается как качество, присущее индивидуальному субъекту, как неотделимое от него свойство. *Личностное* оказывается погруженным в непосредственное пространство бытия индивида, а он сам выступает перед нами как единственный носитель своей личности. При данном понимании, когда мы хотим определить индивида как личность, то непосредственно указываем на него, говоря, что он личность. Но такой способ определения открывает широкое поле для многообразных психологических интерпретаций: личность как индивидуальность — индивидуальные различия; историко-культурные аспекты личности как социально предпосланные, заданные индивиду: личность как субъект активности¹ и т. д.

Каждая такая интерпретация означает определенное решение проблемы соотношения единичного и всеобщего в индивиде. При рассмотрении индивидуальных различий акцент делается на нетождественность индивида всеобщему. Напротив, при рассмотрении присвоения индивидом, трансформации и трансляции им элементов материальной и духовной культуры (предметного бытия общественно целого) личность выступает как утверждение индивидом своей общности с социальным целым. Наконец, при рассмотрении индивида как субъекта активности личность выступает вне природной или социально-нормативной ограниченности, как свободное существо.

Во всех случаях соотношение единичного и всеобщего рассматривается во внутреннем пространстве бытия индивида как свойство самого индивидуального субъекта. Однако нетрудно понять, что нельзя с достаточной полнотой охарактеризовать личность, исходя только из интраиндивидуальной личностной атрибуции, необходимо проанализировать актуально реализуемые, предметно развернутые связи между людьми.

---

¹ См.: Петровский В. А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 26-38.

Интериндивидуальная личностная атрибуция. При таком способе интерпретации областью определения и существования личности становится пространство межиндивидуальных связей, т. е. не сам по себе способный к общению и деятельности индивид, а процессы, в которые включены, по меньшей мере, два

индивида. В этом случае личность как бы приобретает собственное бытие, отличающееся от бытия индивида.

В социально-психологическом плане уже сама постановка вопроса о соотношении индивидуально-психологического и социально-типического в личности выявила несводимость *личностного* к интраиндивидуальному. Что такое «коллективистическое самоопределение» — качество личности или групповой феномен? Подобно образам, возникающим при восприятии неоднозначных обратимых фигур («фигура и фон»), изучаемый феномен представляется исследователю то как часть групповых процессов, то как качество личности. Аналогичная ситуация складывается и в связи с другими (личностными? групповыми?) феноменами: коллективистской идентификацией, атрибуцией ответственности, мотивационным ядром выбора в межличностных отношениях, референтностью, авторитетом¹ и т. д.

Решение дихотомии «либо личность, либо группа», как теперь можно заметить, возможно было лишь при условии распространения понятия «личность» на область интериндивидуальных отношений. С точки зрения стратометрической концепции личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи и их носитель — конкретный индивид — практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей сверхчувственны. Они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним несводимы, они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления.

—¹См.: Психологическая теория коллектива.

Но при всем богатстве психологического анализа интериндивидуальная атрибуция как способ интерпретации соответствующего круга явлений имеет свои ограничения и побуждает к постановке новых проблем.

Первое ограничение. Индивиды, о личности которых заключает исследователь, рассматриваются при интериндивидуальной атрибуции как включенные в психологически единую ситуацию — совместной деятельности и общения (психолог левиновской школы назвал бы это общим «полем» или совпадением «жизненных пространств» индивидов). Возникает, однако, вопрос: продолжает ли личность как системное качество взаимодействующих индивидов существовать и за пределами общей для этих индивидов ситуации, за пределами актуального взаимодействия?

Второе ограничение. При интериндивидуальной атрибуции бытие личности развертывается и фиксируется прежде всего в объектной (предметно-вещной или функционально-позиционной) связи между индивидами. Но опять-таки возникает вопрос: фиксируется ли другими людьми и в каких возможных формах субъективное бытие данного индивида?

Третье ограничение. Интерсубъективная атрибуция основывается на неявном допущении тождества социальной активности и эффектов воздействия одного человека на другого. Но это не всегда справедливо. Например, воздействие индивида на других людей, на их индивидуальное развитие, будучи существенно важным проявлением личности конкретного индивида, психологически может быть осмыслено весьма по-разному. Здесь может идти речь как о воздействии, проявляющемся в активности, которая отвечает намерению индивида оказать помощь людям, так и о значимых для определенного лица изменениях, вызванных в нем конкретным индивидом, однако от собственных побуждений этого индивида прямо не зависящих, возникающих как бы помимо и даже вопреки его воле и желанию. Например, ситуация из «Фауста» Гете: «. . Ты кто? — Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»¹. Возможна и противоположная ситуация: активность направлена на других, но эффективность ее приблизительно та же, что у брошенных

на асфальт семян. В этой связи возникает вопрос: не следует ли эффекты воздействий (как позитивные, так и негативные) выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествимых с проявлениями социальной активности воздействующих лиц?

Ответ на три поставленных вопроса дает еще один способ интерпретации личности как системного качества индивида — *метаиндивидуальная личностная атрибуция*. Личность индивида на этот раз выносится за рамки не только индивидуального субъекта, но и актуальных связей этого субъекта с другими индивидами, за пределы совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь личностное погружается в пространство бытия, но не самого индивида, а другого или других. Речь идет о воздействии личности субъекта на другого индивида. Вместе с тем это воздействие является и вкладом субъекта в себя самого как в известном смысле «другого» (сравни: «Личность и есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему «другому» — отношений «Я» к самому себе как к некоторому «Не-Я»²).

Следовательно, такой способ интерпретации личности, каким является метаиндивидуальная атрибуция, предполагает ответ на вопрос как о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) в личности данного индивида, так и о том, каким образом данный индивид представлен в качестве значимого «другого» вначале извне, затем как бы изнутри личности других.

По существу, перед нами новая проблема: чем обуславливается представленность личности в других индивидах. Рассматривая вопрос о том, чем является данный индивид для других и чем другие индивиды являются для данного индивида, мы прежде всего сталкиваемся с эффектом зеркала, когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Данный эффект превосходно описан во множестве социально-психологических исследований по социальной перцепции (в качестве примера можно отослать к работам Г. М. Андреевой и др.). Значительный интерес в этом отношении представляет также анализ феноменов «субъектного» и «объектного» восприятия других людей¹.

¹ Гете И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 2. С. 50. ² Ильенков Э. В. Указ. соч. С. 195.

Особый путь, практически еще не проложенный, ведет к феноменам и механизмам реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других людей. В исследованиях идеальной представленности индивида в других личность в своем «бытии-для-других» выступает как относительно автономная (отчужденная, независимая) от самого индивида. По существу, в такого рода исследованиях решается проблема инобытия индивида, или, точнее, его *идеального бытия*.¹ И речь тут, понятно, идет не об образе одного индивида в сознании другого (образ выступает лишь частным случаем «представленности»), а скорее, об изменении «смысловых образований»³ другого индивида, в которых как бы проявляются эффекты воздействия первого (обозначим эти эффекты термином «вклад»). Необходимо подчеркнуть, что *вклады* — это не всякие, пусть даже и существенные, с точки зрения первого индивида, изменения в поведении и сознании другого, а только те изменения, которые значимы для самоопределения, постановки и решения собственных проблем и задач этого другого. В данном случае анализируется не «зеркальный эффект», а эффект присутствия одного индивида в «Зазеркалье» общения с другим индивидом.

Как следствие такого анализа возникает проблема «возврата» индивиду его инобытия в других индивидах. Эта проблема также может формулироваться двояким образом. Во-первых, речь может идти о самосознании, т. е. о раскрытии того, каким индивиду представляется его роль в сознании и поведении других людей

(проблема соотношения реальной и ожидаемой оценок, самооценки и т. д.). Очевиден, кстати, драматизм возможного несоответствия его «для-себя-бытия» и «бытия-для-других».

¹ См. : Х а р а ш А. У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. № 3.

2См. : Идеальное // Философская энциклопедия: В 5 т. М. , 1962. Т. 2. С. 219-227.

3А с м о л о в А. Г. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. Ms 4

Во-вторых, может иметься в виду то, как происходит экстериоризация идеального бытия индивида в других индивидах. Возвращенное субъекту инобытие может быть адекватным и неадекватным его действительным вкладам в окружающих; возможно даже возвращение вкладов совсем не тому индивиду (в гротескной форме это описано в новелле Т. Гофмана «Крошка Цахес»).

Одновременно с проблемой возврата возникает и более сложный вопрос — о форме и механизме идеального присутствия одного индивида в другом. Мыслить ли это присутствие (подобно известному делению бессознательного на «статическое» и «динамическое») как нечто статическое или же как находящееся в динамике? Статическая идеальная представленность означала бы относительно неизменные вклады субъекта в жизнедеятельность другого индивида. В этом случае инобытие индивида в ком-либо можно сравнить с ролью постоянного советчика, референта и т. п. Динамическая идеальная представленность — это «вторая жизнь» субъекта в другом человеке. Инобытие индивида приобретает как бы собственное движение. Иначе говоря, субъект продолжает жить в другом индивиде, образуя в нем инстанцию идеально совершаемого движения (изменения), в котором настоящее его инобытие перетекает в будущее. Не в этом ли состоит подлинная внутренняя цель общения человека с окружающими его людьми?

Итак, личность индивида может быть осмыслена тремя способами: интраиндивидно, интериндивидно и метаиндивидно. Каждым из способов задается определенный психологический аспект изучения личности. Однако лишь *через единство этих аспектов раскрывается строение и структура личности. Личность индивида, опосредствуемая социальной деятельностью, получает идеальную представленность в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как члене социального целого.* Определяющей характеристикой личности является ее активность, которая при интраиндивидной атрибуции проявляется в выходе за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний, т. е. в феноменах «надситуативной», «надролевой»

активности¹; при интериндивидной атрибуции — в поступках, социальных актах; при метаиндивидной атрибуции — в том, что Гегель называл «деянием»², т. е. в реальных вкладах индивида в других людей.

Предложенный подход через определение предмета психологии личности позволяет, на наш взгляд, вести разработку стратегии психологического исследования личности; достраивается и во многом перестраивается его методический аппарат. При этом перед исследователем не только открываются новые проблемы и не только старые получают иное освещение, но также намечается решение вопросов, стоящих на повестке дня, таких, как соотношение личности и социальной роли; реальная структура личности; потенциальное и актуальное в личности; персонализация (как полагание своего бытия в других) и социализация индивида; индивидуально-типическое и социально-психологическое в личности; самоутверждение и социальное признание личности; «групповое» в личности и «личностное» в групповом и т. д.

При этом определяющий принцип экспериментального решения проблем психологии личности необходимо следует диалектическому приему анализа: через более развернутые формы познать их исходные состояния, т. е. в данном случае

личность исследуется через осуществляемые индивидом в деятельности и общении реальные вклады в других людей и через его идеальную представленность в них.

Рассмотренный выше подход к пониманию психологии личности строится на гипотезе о наличии у индивида особой потребности — быть личностью. Данная потребность (потребность в персонализации) обеспечивает активное включение индивида в систему социальных связей, но вместе с тем она и детерминирована связями как порождаемыми разделением труда в обществе, складывающимися объективно вне зависимости от воли индивида общественными отношениями. Стремясь через активное участие в совместной деятельности привнести свое «Я» в сознание, чувства и волю других людей, приобщая их к своим интересам и желаниям, добываясь в этом успеха, человек удовлетворяет тем самым потребность в персонализации.

¹ См. также: Петровский В. А. Указ. соч.

- «Деяние — это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния было в намерении, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим» (Гегель Г. Работы разных лет: В 12 т. М., 1971. Т. 2. С. 10).

Однако удовлетворение потребности, в свою очередь, порождает потребность более высокого порядка, и процесс оказывается незавершенным, продолжаясь либо в расширении объектов персонализации, появлении новых и новых индивидов, в которых стремится запечатлеться данный индивид, либо в углублении этого процесса, т. е. в повышении значимости своей личности в жизни и деятельности других людей.

Реализация потребности быть личностью, запечатление себя в другом происходят не в каком-то особом мире «общения душ», а в конкретной деятельности, осуществляемой в конкретной социальной ситуации. Именно в такой деятельности формируется способность быть личностью. Способность быть личностью можно определить как способность к осуществлению акта персонализации, объединяющую три конституирующих момента: социально-типический, индивидуальный и всеобщий. Социально-типическое означает соответствие активности индивида общепризнанным и необходимым образцам социальной жизни общества на данном этапе его развития. Индивидуальное указывает на своеобразие системных связей индивида с обществом в целом. Во всеобщем раскрывается готовность индивида к решению социальных задач, порождаемых движением общества вперед.

Каждому из моментов акта персонализации соответствует особый процесс: *адаптация* — присвоение индивидом социальных норм и ценностей, становление социально-типического; *индивидуализация* — открытие или утверждение «Я», выявление своих склонностей и возможностей, особенностей характера, становление индивидуальности; *интеграция* — изменение жизнедеятельности окружающих людей, осуществление вкладов и их принятие окружающими и тем самым утверждение своего инобытия в других людях, становление всеобщего.

Каждый из этих процессов связан принятием индивидом особой цели его жизнедеятельности, выступает как условие достижения такой цели и, наконец, ведет к изменениям, затрагивающим личность индивида. Здесь можно говорить о взаимопереходе в системе «цель — средство — результат». Развитие личности в онтогенезе предполагает последовательное переструктурирование этой системы.

Итак, согласно концепции персонализации в результате социально обусловленного процесса *субъект* оказывается представленным в жизнедеятельности других людей и его личность получает возможность проявиться в общественной жизни. *Потребность индивида в персонализации* — это глубинная и не всегда осознаваемая основа таких неутилитарных форм общения людей, как

альтруизм, аффилиация, стремление к общественному признанию и самоопределению в группе и др. (способность индивида к персонализации проявляется в его деяниях, т. е. в значимых изменениях социального бытия, за которые индивид ощущает свою ответственность перед обществом. Проявляющаяся в актах персонализации *индивидуальность* субъекта есть совокупность социально значимых его отличий от других людей. Полноценное и социально-позитивное проявление указанной потребности и способности индивида возможно в коллективах, тогда как в корпоративных группах и асоциальных общностях деперсонализация большинства — условие для персонализации лидеров.

Введение в научный оборот концепции персонализации связано с разработкой не только понятийного аппарата, но и адекватных принципов и методов изучения психологии личности, поскольку существующий методический инструментарий (опросники, проективные методики и др.) не позволяет охватить в исследовании все три момента акта персонализации. Такие методы должны основываться на *принципе отраженной субъектности*.

Задумываясь над *ситуативными* детерминантами надситуативной активности, мы не можем обойти вопрос об эмоциональном на- ; чале жизнедеятельности человека, — той иррациональной основе, на которой покоится наша непрерывно обновляющаяся беспокойная жизнь. Самый общий ответ, который вытекает из анализа эмоционального фактора регуляции проявлений личности, хорошо схватывается словом «избыточность». Эмоции — *избыточны* по отношению к тому принципу существования человека, который описывается уже знакомым нам словом «сообразность», которое далее может быть раскрыто в терминах «разумность», «целесообразность», «рациональность» и т. п. Сотрудники знаменитого Института «НИИЧАВО» из лаборатории «Линейного счастья» могли бы, бесспорно, поставить диссертательный вопрос о «спрямлении» зигзага эмоций, который, очевидно, в порядке анахронизма, все еще свойствен человеческой особи.

Работая в других научно-исследовательских институтах, автор в разное время и в разных контекстах обращался к проблеме эмоций. Эмоции при этом неизменно обнаруживали себя как фактор неустранимой неадаптивности, адептом которой автор является и человеческий смысл которой отстаивает. Итак: эмоции и неадаптивность. Что есть эмоции в субъектном залоге деятельности человека?

Избыточность, как было только что сказано, есть фамильное имя эмоций в контексте неадаптивности. Мы попробуем удостовериться в этом, рассмотрев, как «работают» эмоции в различных сферах человеческой деятельности. Я остановлюсь на таких новых — для экспериментальной психологии — понятиях, как «эмоциональная сложность», «действенная эмоциональная идентификация», «эмоциональная близость». Степень психологической освоенности этих понятий существенно разная, что, должно быть, вполне естественно в связи с их «возрастом». Понятие действенной эмоциональной идентификации было введено мною двадцать три года назад (ряд диссертаций был защищен в последующем — А. И. Папкиным, М. А. Туревским, В. В. Абраменковой и др.)¹.

Ленинград, 1972 год. Конференция по проблемам общения. Взрыв интереса психологов к проблеме общения. Оказывается, не только «предметная деятельность», но и категория «общение» достойна внимания. Эксперименты в области психологии общения. «Ход» к психологии общения через «совместную деятельность». Лев Ильич Уманский и его сотрудники демонстрируют в тесной накуренной гостиничной комнате привезенную ими диковинную экспериментальную установку — «групповой сенсомоторный интегратор». Оказывается, можно исследовать совместимость людей при выполнении групповой деятельности. Критерием совместимости является) эффективность (скорость и безошибочность) «прохождения» лабиринта группой людей, которые управляют щупом-писчиком, вращая ручками интегратора (для прохождения лабиринта необходимо координировать усилия). Эффективность группы устанавливается «на конкурсной

основе» — какая из них одолеет лабиринт быстрее и безошибочнее. В одной из серий вводится «стрессор» — электростимуляция в случае ошибок. Скажется ли уровень развития группы «как коллектива» на эффективности деятельности?—таков центральный вопрос. . . . Быстро вращая ручку интегратора, пытаюсь сообразовать-ся с пятью другими участниками, а каждый со мной, поскольку очередь терпеть за ошибки всех дошла уже до меня, жду щелчка током. И вот уже «честь» быть наказанным переходит к кому-то другому, и движется так дальше, по кругу. И вдруг я начинаю понимать, что действие, творимое нами, включает в себе что-то другое, несравненно более важное, чем просто «совместимость в деятельности». Понимать, что за фасадом «успешности» деятельности скрывается пласт отношений, имеющих, в сущности, «наддеятельностный» характер.

¹ «Эмоциональная сложность» и «эмоциональная близость» — вместе с попытками их операционализации — совсем «молодые» понятия, если, конечно, иметь ввиду опыт их экспериментального рассмотрения.

Оказывается, когда я жду, что вот-вот накажут меня, ручки интегратора я вращаю быстрее и безбоязненнее, чем в случае, когда наказанию будет подвергнут кто-то другой. И, — соответственно: спортивный энтузиазм улетучивается, когда мне самому уже ничего не грозит, а наказание подстораживает соседа. Итак, можно больше заботиться об интересах дела, когда расплываешься сам, и почти забывать о нем, когда за неуспех надлежит рассчитывать другому! Словом, родилась методика, а сквозь нее проступила проблема «действенной групповой эмоциональной идентификации». Первую публикацию, посвященную этой проблеме, воспроизвожу полностью.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ГРУППЕ И СПОСОБ ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЯ¹

При социально-психологическом анализе групп и коллективов следует различать две стороны внутригрупповой активности: взаимодействие в группе и взаимоотношения в группе. Внутригрупповое взаимодействие понимается нами как совокупность коммуникативных и операциональных связей между индивидами, определяемая объективными условиями жизнедеятельности группы — обстоятельствами ее возникновения, задачами функционирования и возможностями достижения внутригрупповых целей. Категорию взаимодействия, предметом которой являются реально-практические отношения индивидов, одинаково открытые для всех членов группы и концентрирующиеся вокруг ведущей деятельности группы, мы отличаем от категории интерперсональных взаимоотношений в группе. Говоря о взаимоотношениях в группе, мы имеем в виду систему межличностных связей, возникающих в опыте совместного общения и деятельности и определяющихся ценностными факторами, выходящими за рамки непосредственно групповых задач. В сравнении с комплексом внутри групповых взаимодействий, непосредственно данных при наблюдении за деятельностью группы, внутригрупповые взаимоотношения образуют латентную структуру, которая нередко сопротивляется вторжению постороннего наблюдателя.

—¹ К вопросу о диагностике личности в группе (сборник научных трудов АПН СССР, М., 1973).

Поэтому возникают трудности в постановке **объективных** социально-психологических экспериментов, нацеленных на изучение взаимоотношений в группе. По той же причине следует с осторожностью относиться к данным, полученным путем субъективного шкалирования со стороны членов группы, если соответствующим методикам не предпослана необходимая в таких случаях валидизация, которая также вынуждена опираться на объективную информацию о внутригрупповых взаимоотношениях. Возникает вопрос, возможно ли в лабораторных условиях моделирование взаимоотношений в группе, позволяющее реализовать схему объективного эксперимента. Ниже будет предложен

методический прием, который, на наш взгляд, позволяет положительно ответить на поставленный вопрос применительно к одному из важных аспектов межличностных взаимоотношений в группе — к явлению эмоциональной идентификации.

Латинское *identificare* означает «отождествлять». Следовательно, понятие эмоциональной идентификации подразумевает не просто сродственность или же сходство эмоциональных проявлений разных людей; говоря о ней, мы имеем в виду *акт интерперсонального отождествления, в котором переживания других лиц даны индивидам как их собственные*. С термином «эмоциональная идентификация» могут конкурировать такие, как «соучастие», «сочувствие», «сопереживание», «синтонность» и др. Особо подчеркнем, что понятие эмоциональной идентификации относится к числу таких, которые описывают лишь слой взаимоотношений индивидов в группе. Таким образом, использование этого понятия строго специфично. Например, общность эмоциональных установок индивидов по отношению к целям совместной деятельности не следует относить к явлению эмоциональной идентификации, хотя эмоциональные отношения к делу, лежащие в плоскости внутри группового взаимодействия, и эмоциональная идентификация, как феномен взаимоотношений в группе, могут иметь генетическую связь.

Для изучения процессов эмоциональной идентификации может быть предложена следующая методика. В эксперименте используется групповой сенсомоторный генератор, разработанный в лаборатории профессора Уманского для изучения интегративной деятельности групп. Перед испытуемыми ставится задача провести щуп-писчик по S-образному лабиринту | прибора, не касаясь его границ (нарушение последнего условия считается ошибкой в работе). Перед каждым испытуемым ручка управления. Ее вращение вызывает соответствующее перемещение щупа-писчика по лабиринту. Цель может быть успешно достигнута лишь при координированном вращении ручек интегратора, т. е. при согласовании усилий нескольких человек, составляющих экспериментальную группу. Обычно в эксперименте занято шесть-семь человек. Они могут переговариваться, подсказывать друг другу, но не имеют права вращать ручки своих соседей. Работа на интеграторе, как правило, вызывает живой интерес у всех участников и может быть предложена в качестве задания испытуемым разного пола, возраста, образования и т. п. Дополнительно к прибору подключается специальная приставка — электростимулятор, позволяющий «наказывать» испытуемых за их ошибки. Тем самым искусственно создается ситуация стресса, устойчивость к которому помогает дифференцировать группы разного уровня развития. Конструкция интегратора и приставки предусматривает разные условия санкционирования: наказание может осуществляться: 1) интегрально — при ошибке, допущенной хотя бы одним членом группы, «наказывается» вся группа; 2) дифференцированно — «наказание» несут лишь те члены группы, которые допустили ошибку; 3) избирательно в системе «группа-организатор», здесь есть две возможности: либо за ошибочные указания организатора наказывается вся группа, а он — нет, либо за ошибку, допущенную хотя бы одним членом группы, «наказывается» только организатор

С технической стороны наше исследование сводится к тому, чтобы, помимо уже существующих дифференцированных условий введения стресса, ввести дополнительную возмож

—¹ Эти пути санкционирования описаны, например, в работе А. С. Чернышова и В. Я. Коркина (1973).

ность стимуляции, когда кто-либо один в группе наказывается за ошибку любого члена группы. Иными словами, в новых условиях санкционирования, независимо от того, кто ошибся, наказание в группе получает кто-либо один, не обязательно «лидер-организатор». Такой способ наказания можно назвать «парциальным» в отличие от «интегрального» варианта наказания, когда за ошибку, допущенную хотя

бы одним членом группы, наказывается вся группа в целом.

Эксперимент состоит из двух серий: предварительной и основной. В предварительной серии испытуемые знакомятся с условиями работы на интеграторе и совершают несколько проб проведения щупа-писчика по лабиринту. Экспериментатор добивается стабилизации условий работы и переходит к основной серии. Она состоит из двух этапов. В одном из них используется «интегральный» тип санкционирования (кто бы ни ошибся в работе, наказывается вся группа в целом), на другом этапе используется «парциальная» стимуляция (за ошибку, допущенную группой, подвергается наказанию кто-то один). Вместо электрической стимуляции может быть использовано наказание звуком стрессового действия, подаваемого в наушники испытуемым. Перед началом основной серии все испытуемые информируются о наказании в случае ошибки и все испытывают на себе неприятное действие стрессора.

В отличие от экспериментов, в которых изучается эффективность внутригруппового взаимодействия, в данном исследовании используется несколько иная экспериментальная инструкция. Задача, ставящаяся перед испытуемыми, требует от них как можно более быстрого проведения щупа-писчика по лабиринту интегратора, причем необходимость безошибочной работы специально не подчеркивается. Она как бы неявно содержится в самих условиях эксперимента: во-первых, все тренировочные попытки таковы, что у испытуемых складывается установка на быструю и безошибочную работу, которая сохраняется и в основной серии как нечто, что само собой разумеется; во-вторых, угроза наказания в случае ошибки также настраивает испытуемых на точность и безошибочность работы. Однако, «в зачет» входит именно показатель динамичности движения в лабиринте, необходимость же корректной работы подразумевается. Значит, независимо от числа сделанных ошибок, успех гарантируется при достаточно быстром прохождении лабиринта; зато каждая ошибка обходится неприятностью: либо вся группа, либо кто-то из ее членов попадает под воздействие стрессора. Быстрое продвижение в лабиринте рискованно в том смысле, что повышение скорости работы увеличивает вероятность ошибки и, следовательно, возможность наказания. Это обстоятельство и составляет основную предпосылку для будущей квалификации уровня развития эмоциональной идентификации в группе.

Если при парциальном наказании группа работает намного быстрее, раскованнее, чем в ситуации интегрального санкционирования, то мы определяем отсутствие эмоциональной идентификации в группе. В самом деле, неприятности, которым может быть подвергнут партнер по работе в данной группе, практически не берутся в расчет, хотя в итоге «эффективность» внутригрупповой деятельности повышается. Следовательно, налицо неразвитость внутригрупповых взаимоотношений или же их искаженность.

В том случае, если время прохождения лабиринта в ситуации «парциального» наказания приблизительно равно или больше, чем время выполнения задания в серии с «интегральным» наказанием, то это свидетельствует в пользу наличия эмоциональной идентификации в группе. Действительно, несмотря на то, что прямая угроза затрагивает лишь одного в группе, все остальные испытуемые действуют так, как если бы и они подвергались непосредственному наказанию в случае ошибки. Хотя при этом и снижается формальная «успешность» работы, мы должны констатировать высокий уровень развития взаимоотношений в группе — к переживаниям другого относятся так, как к своим собственным. Однако для вынесения окончательного суждения важно установить наличие эмоциональной идентификации группы с как можно большим числом ее членов. Эмпирически можно сократить число серий с «парциальным» наказанием до трех, в качестве «наказуемых» используя лиц с высоким, средним и низким социометрическим статусом.

В качестве дополнительного показателя эмоциональной идентификации в группе

может быть взята разница в числе.

ошибок, сделанных в условиях «интегрального» и «парциального» наказания. Неотрицательные значения этой разницы свидетельствуют в пользу наличия эмоциональной идентификации, заметные отрицательные значения разницы говорят об отсутствии эмоциональной идентификации.

Комментируя возможные пути обработки и интерпретации материала, получаемого с помощью указанного приема, подчеркнем следующее. В данном эксперименте нас не интересуют абсолютные значения времени и безошибочности работы, рассматриваемые сами по себе. Это объясняется тем, что мы не ставим специальной задачи исследовать такие черты внутригруппового взаимодействия, как, например, согласованность действий, стрессоустойчивость, субординационные зависимости и т. д., которые в комплексе составляют то, что можно назвать подготовленностью к совместной деятельности (продуктивное понятие, предложенное Л. И. Уманским). Определяющим для нас являются показатели расхождения в скорости действий, в их безошибочности между двумя основными сериями об «интегральном» и «парциальном» типе санкционирования. Однако превращение методики в стандартизированный диагностический прием исследования потребует введения поправок на абсолютные значения времени и точность прохождения лабиринта.

Таковы общие черты предложенной нами методики. Наметим теперь некоторые гипотезы, возникающие внутри стратометрического подхода, в связи с введением понятия эмоциональной идентификации как феномена внутригрупповых взаимоотношений.

1. Включение индивидов в общезначимую для них деятельность, в ходе которой успешно достигаются поставленные перед группой цели, ведет к эмоциональной идентификации в системе межличностных взаимоотношений. По мере становления коллектива развивается эмоциональная идентификация входящих в нее индивидов.

2. Можно предположить наличие тесной функциональной зависимости между проявлениями эмоциональной идентификации в группе и количеством членов группы. Так, наибольшая идентификация должна наблюдаться в случае небольшого числа участников взаимодействия, при расширении

группы эмоциональная идентификация, видимо, существенно снижается. Однако данная зависимость должна быть характерна прежде всего для диффузных групп и преодолевается в группах типа **коллектива**.

3. Для групп «особого типа» (коллективов) должно быть характерно единообразие эмпирических показателей эмоциональной идентификации независимо от того, распространяется ли наказание на лиц с высоким, средним или низким статусом.

4. Для групп типа коллективов явление эмоциональной идентификации выступает как собственно групповой феномен, преодолевающий «детерминизм» индивидуально-типических черт характера, таких, как, например, агрессивность, тенденция к доминированию, эмоциональная холодность и пр., которые, возможно, могут быть свойственны некоторым членам группы. Эта гипотеза выдвигается в связи с более общей постановкой проблемы «индивидуально-типического» и «социально-психологического».

В заключение отметим следующее. При изучении эмоциональной идентификации предложенным способом снимается часто возникающий вопрос о близости лабораторного варианта деятельности — в данном случае на интеграторе — и той реальной деятельности, в которую вовлечена исследуемая группа в естественных условиях. Он был бы оправдан, если бы изучалось конкретное взаимодействие индивидов в группе. Однако в данном случае изучается феномен взаимоотношений в группе, находящихся в относительной независимости от типа решаемых задач и необходимых форм взаимодействия при их разрешении. Разумеется,

взаимоотношения в группе и внутригрупповое взаимодействие как разные стороны интрагрупповой активности не могут не вступать в особенные отношения друг к другу. Именно эти отношения и образуют конкретное социально-психологическое качество изучаемых общностей.

Эмоциональная идентификация с другими, как видим, может оказаться фактором **деструктивное™ по отношению к деятельности с этими другими**, — взаимоотношения могут взять верх над деятельностью. Руководящая роль здесь принадлежит эмоциям. *Избыточность* их деструктивна, однако выявляет и творит саму *личностность* отношений в группе.

Другие два обозначенных нами понятия — «эмоциональная сложность» и «эмоциональная близость», будут рассмотрены здесь в том контексте, в котором впервые возникли и ныне активно разрабатываются автором и его сотрудниками, — в контексте развития эмоциональной сферы личности.

О РАЗВИТИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ¹

Строго говоря, «эмоционального развития» как такового не существует. Существует лишь эмоциональный аспект индивидуального развития личности. Но не существует также и «индивидуального развития» как такового. Развивается не индивидуальность, а личность. И в ее развитии может быть выделен индивидуальный аспект, а в нем, в свою очередь, — эмоциональный аспект развития. Но и это последнее положение так же может представляться проблематичным. Сомнение в развитии личности в свое время заронил Г. П. Щедровицкий. Развитие, рассуждал он, есть всегда самодвижение. Если что-нибудь является необходимым фактором развития, то оно должно быть включено в круг условий самодвижения. Понятно, продолжал усомнившийся, что другие люди не просто стимулируют личностный рост ребенка, но органически включены в этот процесс (точнее, в ансамбль процессов). Следовательно, эти значимые другие должны быть причислены к источникам самодвижения развивающейся личности. Но развивается-то «сама» личность (иначе это не будет развитием). Следовательно, «другие» должны быть выведены за скобки факторов самодвижения. Но это противоречит идее органической включенности «других» в ход развития ребенка.

Выход из этого противоречия мы видим в том, чтобы понятийно различить то, что может относиться к движению индивидуальности и движению собственно личности. Личность не тождественна индивиду, — отмечал А. Н. Леонтьев, — и эта нетождественность проявляется, в частности, в том, что человек продолжает себя в других людях, обретая в них свою идеальную представленность.

¹ Эта и последующие части «Эмоциональная сложность», «Эмоциональная близость» — впервые были представлены в Концепции Проектирования Эмоциогенной Среды — НИП 1992 года под ред. Л. П. Стрелковой, ИПИРАО.

Его бытие в другом есть его личностность, и, следовательно, только в другом и через другого личность есть то, что она есть. Вначале — еще до своего рождения — человек существует в других как «проект» (первая ступень личностности), после рождения — как налицо существующий значимый другой (вторая ступень), и после смерти — как интроект (третья ступень).

Все эти соображения могут показаться слишком абстрактными, не имеющими прямого отношения к предмету настоящего исследования, однако, как только мы вглядываемся в закономерности динамики эмоциональной сферы личности, мы обнаруживаем феномен присутствия значимых других людей (взрослых, сверстников, сказочных и игровых персонажей) в самой ткани происходящего. Специфическая роль значимых других именно в качестве органического условия самодвижения личности и, в частности, эмоционального аспекта ее развития, должна быть выявлена в дальнейшем, в ходе самого исследования. Однако уже сейчас она несомненна, как

внутренняя детерминанта, а не просто катализатор динамики эмоциональной сферы.

Продолжая анализ, отметим, что эмоциональная вовлеченность человека в социальные контакты всегда опосредствуется когнитивными и волевыми процессами (как, впрочем, и они — эмоциональными). Эмоции производны. Но они и производительны, выступают в качестве активных сил жизнедеятельности человека, его предметных связей с миром, его общений, его самосознания. Производность и, вместе с тем, продуктивная сила эмоций позволяют говорить о собственно эмоциональном аспекте **развития** личности.

Имея в качестве исходной идею развития личности как генерации опыта универсальной ценности (то есть такого опыта познания, переживания, действия, который был бы положительно значим не только для данного индивида, носителя этого опыта, но и для других, **для** всех), мы выделяем два аспекта «эмоционального развития» личности: восхождение человека к эмоциональной сложности и установление его эмоциональной общности с другими людьми.

«Эмоциональная **сложность**» — этот термин мог бы быть замещен более привычным: «богатство эмоционального опыта». Такая замена сделала бы более прозрачной связь выделяемого параметра «эмоционального развития» личности с идеей генерации опыта универсальной ценности (его, напомним, мы рассматриваем как определяющий вектор целостного развития личности): богатство эмоциональной сферы одного человека может быть как бы разделено с другими и, следовательно, может быть «зачтено» индивиду в качестве развитости его собственных эмоций как ценности «для всех». Но, все-таки, мы будем здесь использовать выражение «эмоциональная сложность», чтобы перейти от патетики, заключенной в слове «богатство», к прозаическому, но, в то же время, **операцио-нализируемому** понятию. Для читателя, искушенного в психосемантике, сразу видна параллель между вводимым термином и так называемой «когнитивной сложностью».

«Когнитивная сложность, — отмечают авторы психологического словаря¹, — . . . характеристика познавательной (когнитивной) сферы человека. Когнитивная сложность отражает степень категориальной расчлененности (дифференцированное™) сознания индивида, которая способствует избирательной сортировке впечатлений о действительности, опосредствующей его деятельность. Когнитивная сложность определяется количеством оснований классификации, которыми сознательно или неосознанно пользуется субъект при дифференциации объектов какой-либо содержательной области. Сознание человека неоднородно и в различных содержательных областях может характеризоваться различной когнитивной сложностью (например, высокой когнитивной сложностью в области спорта и низкой — в сфере межличностного восприятия). Операциональным критерием когнитивной сложности может выступать размерность (число независимых факторов) субъективного семантического пространства».²

¹ Психология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 164.

² Субъективное семантическое пространство определяется как «модель категориальной структуры индивидуального сознания, на основе которой осуществляется классификация каких-либо объектов, понятий и т. п. путем анализа их значений» (там же, с. 389).

В этой, достаточно лаконичной, статье о когнитивной сложности суммированы основные характеристики, значимые для определения того, что мы называем «эмоциональной сложностью»: дифференцированность сознания, содействие сортировке впечатлений, зависимость от содержательного наполнения областей, размерность. Только в отличие от когнитивной сложности, выражающей *категориальную* расчлененность сознания, эмоциональная сложность соотносима, скорее, со смысловой дифференцированностью: в обоих случаях речь идет об «избирательной сортировке», но акцент в первом случае (когнитивная сложность) падает на сортировку, а во втором (эмоциональная сложность) — на

избирательность. Здесь уже — не разнесение впечатлений по рубрикам категорий («значений»), а решение вопроса: «что в первую очередь, что во вторую?», «что лучше? что хуже?», «что привлекательнее?», «что во мне отзывается, а что оставляет равнодушным?» и т. п. В то время как эмоция выступает в форме «непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций», «эмоциональная сложность» свидетельствует о числе *оснований* для проявления пристрастности.

Поясним, что мы понимаем под «основанием для проявления пристрастности» (или, что то же самое, под «шкалой предпочтений»). Пусть, например, задача, которую будет решать наш условный испытуемый, состоит в сравнении по привлекательности двух музыкальных произведений: А и Б. Если, положим, испытуемый отдает предпочтение А, то это может означать, что найдено некое общее эмоциональное основание для сравнения А и Б, а это, в свою очередь, значит, что есть что-то общее, присущее как А, так и Б, однако в различной мере, но в большей мере именно А. «В различной мере» здесь означает не только различие, но, возможно, и противоположность (полярность) меры представленности этого основания в А и Б. Так, если кто-нибудь о музыкальном произведении А говорит, что оно «проникновенно», и именно это делает его более привлекательным по сравнению с Б, то косвенно это означает, что столь трудно вербализуемое качество «проникновенности» присуще также и Б, но оно либо в меньшей мере выражено, либо представлено в нем в виде своей противоположности (подобно тому, как в «минусе» всегда заключен «плюс»). Кроме того, свершившийся выбор свидетельствует о том, что все другие возможные основания предпочтения, взятые в целом, менее значимы для индивида при сравнении А и Б, чем данное («проникновенность»).

Вот здесь-то и возникает вопрос о реальном числе оснований эмоциональных предпочтений и, соответственно, о методе выявления «мерности» эмоционального пространства. Существует ли у человека некоторая система (принципы) эмоциональных предпочтений, или, говоря точнее, некоторая система координат, оси которой суть шкалы предпочтительности, и каково количество этих осей? Опишем нашу идею метод?, оценки «мерности» эмоционального пространства, или, — что то же самое, — «эмоциональной сложности».

Но, вначале, — небольшое отступление в область субъективного шкалирования. В психометрике широко распространен прием так называемого «ранжирования», или — упорядочения объектов через сравнение их достоинств. Иначе говоря, цель ранжирования — получить из неупорядоченного множества некоторых объектов {А} упорядоченную совокупность, то есть ряд: $A_1 > A_2 > A_3 > \dots$. Примеры в психологии буквально неисчислимы: это и социометрическое ранжирование, и выстраивание приоритетов личностных ценностей, и упорядочение цветов в тесте Люшера и т. д. и т. п. Обычная процедура «ранжирования» заключается в том, что испытуемый вначале указывает на некоторый объект, который представляется ему наиболее предпочтительным, и этот объект, получая первый ранговый номер, выбывает из совокупности; затем испытуемый указывает на другой объект, самый привлекательный из оставшихся, и тот, в свою очередь, выбывает из совокупности, приобретая второй ранговый номер; далее, из оставшихся, испытуемый выбирает третий объект, и т. д. — и все это повторяется до тех пор, пока из двух оставшихся объектов не будет сделан последний выбор (иногда, например, при социометрии или в тесте Цонди, «идут» как «сверху» — выбор наиболее привлекательных объектов, так и «снизу» — указываются наименее привлекательные альтернативы, от наиболее непривлекательной к наименее непривлекательной). В итоге рождается то, что именуют «ранговым рядом», то есть совокупностью объектов, «ранжированных по предпочтению». Получив такой «ранговый ряд», обычно не задумываются, действительно ли между объектами этого ряда существует отношение порядка (*каждый* предшествующий объект в этом ряду должен быть предпочтительнее

каждого последующего). Иначе говоря, принимается на веру, что процедура последовательного предпочтения объектов из неупорядоченной совокупности соответствует самой идее получения строго упорядоченного множества объектов. Кроме того, неявно предполагается, что «в голове» у испытуемого существует что-то вроде «лесенки предпочтений», соответствующей этому «ранговому ряду»: первым ранговым номерам соответствуют более высокие «ступеньки», и наоборот. Все эти, казалось бы, само собой разумеющиеся и поэтому упускаемые из внимания допущения могут быть легко опровергнуты предлагаемой нами процедурой, которую мы назовем «тестом на транзитивность».

Существо «теста на транзитивность» заключается в следующем. Испытуемому надлежит совершить три последовательных выбора: между объектами А и В, далее между В и С, и наконец, между А и С. В случае, если эти объекты могут быть упорядочены по предпочтительности, между ними должно выполняться отношение так называемой *транзитивности*. Например, если $A > B$ и $B > C$, то $A > C$ (где $>$ отношение предпочтения). Но выполняется ли отношение транзитивности между этими, как, впрочем, и другими объектами из тестируемой совокупности? Заранее предсказать нельзя.

В качестве иллюстрации приведем пример нашего тестирования «на транзитивность» предпочтений среди цветковых образцов из набора известного теста Люшера. В отличие от классической процедуры, описанной нами выше, когда из некоторой совокупности один за другим выбираются объекты, которые оказываются предпочтительнее остальных, мы предлагаем испытуемому сравнивать цвета попарно. Сначала испытуемый, к примеру, выбирает между красным и синим, далее между синим и желтым и т. д. Всего из N цветов может быть составлено C_N^2 пар. Далее мы образуем «тройки». Например, «красный, синий, желтый». Мы знаем, что красный был предпочтен синему; синий — желтому; по логике вещей, мы могли бы ожидать, что красный предпочтительнее желтого. Но это — случае транзитивности предпочтения. Однако на деле оказывается иногда иначе: транзитивность в тройках, как показывает эксперимент, может быть нарушена: положим, желтый будет оцениваться испытуемым как более привлекательный, чем красный. Остается подсчитать число «нетранзитивных» троек. У испытуемого В. П. (автора) транзитивность была нарушена в двадцати одном случае, у испытуемого М. Г. (программист, составивший программу предъявления стимульного материала и последующей обработки) — в девятнадцати случаях, а у испытуемого А. Т. (соавтора по исследованию, о котором речь еще пойдет ниже) — в двадцати семи случаях. Миф о ранговом ряде цветов в тесте Люшера, может, таким образом, считаться разрушенным: никакой линейной цепочки предпочтения (от более привлекательного цвета к наименее привлекательному) не существует.

Феномен нетранзитивности (метафизически-орфоэпический экскурс). Согласно существующим правилам образцового произношения, — что феномен, что феномен, — разницы никакой нет, — одинаково верно. Но в шутку мы их различаем: «нет, это вам не феномен, это вам — феномен!». Этим мы хотим подчеркнуть уникальность явления. Нетранзитивность — не уникальна. Она — из разряда феноменов, не феноменов. В ней, как таковой, нет ничего из ряда вон выходящего. Непоследовательность (выхождение из ряда) никогда не бывает чудом. Скорее наоборот. Совершенный порядок — протivoестественен. Хаос непобедим. Он плещется в сетях человеческого разума и прорывает их. Нетранзитивность есть правило — не исключение. Она, конечно, достойна внимания, но если и есть что-либо поразительное в ней, так это, что она не привлекала к себе должного внимания ни теоретиков, ни экспериментаторов.

Возвращаясь в лоно психологических исследований, естественно поинтересоваться, что, по сути, представляет собой феномен нетранзитивности, какова его психологическая природа?

Отвечая на вопрос о том, что могло бы лежать в основе нарушения порядка

предпочтений объектов в ряду, мы не видим иного пути, чем предположить, что переходя от сравнения одной пары объектов к другой и «выбираясь» из этого ряда (то есть нарушая условие транзитивности), человек смещает критерии соотнесения этих объектов. Старая система отсчета сменяется новой. Сам базис оценивания уже иной.

Иногда старые и новые критерии предпочтения могут быть названы (как бы неуклюже это ни звучало: вспомним, например, — «проникновенность» и далее представим, что этот критерий уступает свое место не более «благозвучному» — музыка «убаюкивает»). Но иногда сменяющие друг друга критерии просто невозможно назвать, как, например, в случае сравнения по привлекательности цветов из теста Люшера. Здесь явно проступает тот факт, что мы имеем дело с эмоциональными (мы бы назвали их — «вкусовыми») критериями предпочтения.¹

Феномен транзитивности. Имея в виду что-либо выходящее за рамки привычного, нередко мы восклицаем: «феноменально!». Ударение на последний слог: «феномен» — озвучивает для нас именно этот смысл удивительности происходящего, наследует интонацию, с какой мы говорим о событиях или явлениях неординарных. Но в чем, собственно, необычайность знакомого еще с дошкольного детства отношения следования: « $A > B > C > D > \dots$ » (A лучше B , B лучше C и т. д.; или A желательней B , B желательней C и т. д. и т. п.)? Восклицательные интонации появляются, если принять всерьез, что речь идет именно об отношении порядка, а оно должно быть транзитивно по определению, и что в данном случае оно выражает собой акты предпочтения человеком одного объекта другому в ситуации многократного выбора на некотором множестве альтернатив. Если мы вспомним здесь одно лишь школьное «больше или равно», то, конечно, никакой особой проблемы, связанной с упорядочением, не останется (если не иметь в виду специальные главы математических разработок). Все объекты

¹ Сказанное, конечно, не должно навести нас на мысль, что нарушение транзитивности — прерогатива «неформализуемых» отношений, хотя область субъективного могла бы раскрыть еще множество примеров такого рода. Вот, однако же, и свидетельство наук так называемых «точных». «Всякое ли множество является упорядоченным? Нет, не всякое. Так, считается, что неизвестно, как можно упорядочить множество всех множеств точек данной прямой» (см. Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, с. 556).

из некоторого множества будут расставлены по ранжиру, что означает не что иное, как «построение по росту в шеренге» (Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939, с. 1213). Кстати сказать, «под один ранжир» — означает «поставить в одинаковое положение, зачислить в одну категорию, пренебрегая индивидуальными отличиями» (там же). Как видим, при отождествлении предпочтения с отношением «больше или равно» картина сравнения уплощается и упрощается: остается один критерий сравнения (построение по росту) объектов заранее деиндивидуализированных (одна шеренга). Ничего подобного на деле, как правило, не происходит. Психологическое ранжирование основано на **множестве** критериев, которые не отнимают, а наоборот, — *усиливают своеобразие у сравниваемого*.

Иначе говоря, **наличие** транзитивности предпочтения отнюдь не означает того, что испытуемый использует непременно один и тот же критерий, лежащий в основе выбора. Приведем пример. Девушку Люсю кто-то предпочтет девушке Свете, а девушку Свету — девушке Тане. Транзитивность предпочтения будет заключаться в том, что девушка Люся предпочтительнее девушки Тани. «Пробежимся» теперь по возможным критериям предпочтения. Люся — блондинка, а Света — шатенка. Обожаю блондинок! Света — начитанна, Таня — нет. Обожаю начитанных! Возвращаемся к Люсе, чтобы сравнить ее с Таней. Цвет волос и начитанность уже не при чем, но темперамент! И вот почему именно Люся! Как видим, за транзитивностью могут вырисовываться весьма различные критерии предпочтения (блондинка, а не шатенка; начитанность; свойства темперамента). При всем различии, не будем

забывать, что эти критерии в данных конкретных условиях выбора оказались вполне сочетаемы. Они не то чтобы содействуют, но, как видно, — не препятствуют осуществлению друг друга. Несколько критериев, последовательная реализация которых сохраняет отношение транзитивности предпочтения, образуют, согласно нашему **определению**, непротиворечивое семейство критериев предпочтений. Оправдания здесь требует только слово «система». Возможны две трактовки этого слова: «система» как последовательность реализаций критериев, и «система» как распределение возможностей извлечения (применения) этих критериев к некоторой совокупности объектов в процессе выбора. Мы предпочитаем вторую трактовку (система как принцип актуализации того или иного критерия в момент предпочтения).

Мысленно объединяя **все** критерии, взаимодействие между которыми обеспечивает транзитивность предпочтений, мы говорим о семействе критериев предпочтений. Каждый раз, в момент выбора, включаются в действие, быть может, не все из этих критериев, а только некоторая их комбинация. Но даже если в ситуации единичного выбора «работающим» кажется только один критерий, объективно мы имеем дело с семейством образующих систему критериев.

Обозначим эту систему взаимодействующих критериев буквой К. Факт транзитивности может быть записан следующим образом:

$$(A \sim K_A) \& (A_i \sim K_{A_i}) \Rightarrow (A_i \sim K_A), \text{ где } \sim \& \sim \langle \langle \rangle \rangle$$

Из того, что A_i превосходит A согласно семейству критериев K , и, аналогично, A превосходит A_w , следует, что A_i превосходит A_w согласно K .

Рассматривая транзитивность и нетранзитивность предпочтений совместно, мы можем ввести некоторые показатели для оценки эмоциональной сложности.

Сила упорядочивания (сила системы критериев предпочтения). Оценим теперь вероятность того, что цепочка, насчитывающая n элементов, оказалась транзитивной в силу *случайных* причин. Вероятность такого события может быть точно оценена:

$$(n-1)(n-2) \dots$$

Если эта цепочка состоит из двух элементов, то вероятность случайности упорядочения равна 1; если в цепочке 3 элемента, то соответствующая вероятность равна $\frac{1}{2}$, если 4 элемента, то — и т. д. Допустим, в результате многократных выборов, испытуемый образовал цепочку предпочтений, насчитывающую 7 элементов. Вероятность того, что транзитивность этой цепочки случайна, равна:

$$\frac{(7-1)(7-2)}{7!} = \frac{6 \cdot 5}{5040} \approx 0,0006$$

Предоставляя читателю право самому подсчитать число нулей после запятой для установления меры случайности такого события (случайного характера транзитивности), мы приглашаем его разделить с нами ощущение «невероятности» произошедшего.

Не чудо ли, что в нашем примере 15 раз сочетание критериев внутри этого семейства «К» обеспечивало направленность предпочтений, противодействуя столь высоковероятному

$$1 \dots f \rightarrow J \text{ давлению случая?!}$$

Вариативность предпочтений субъекта. Семейство критериев предпочтения должно было пятнадцать раз проявить свою силу (каждый раз это могли быть разные комбинации частных критериев), чтобы образовался упорядоченный ряд. Мера неслучайности такого события r^* может быть определена следующим образом:

$$r^* = 1 - (1/n)^{15},$$

а в общем виде:

Величина r^*_n может служить показателем той силы, которая делает семейство предпочтений противостоящим фактору Случая, — способности противостояния Хаосу.

То ощущение чудесности (феноменальности), которым нам хотелось бы

поделиться с читателем, возникает у нас в связи с тем, что способность к упорядочиванию проявляет именно семейство критериев, — в каждом отдельном акте предпочтения актуализирующее некоторую особенную комбинацию частных критериев.

Если каждое нарушение транзитивности означает переход к новой системе критериев предпочтения, то это дает путь определения числа различных критериев, обнаруживающихся при оценке объектов из некоторой совокупности (т.е. нарушениям транзитивности соответствует $t+1$ система). Само собой разумеется, что число различных критериев применительно к одному испытуемому варьируется в зависимости от объема совокупности оцениваемых объектов. В случае попарного сравнения, положим, трех объектов, может выявиться не более двух семейств критериев предпочтения. При оценке множества из восьми объектов (цветовой тест Люшера) — не более четырехсот семидесяти одного. Это должно учитываться при подсчете коэффициента вариативности в предпочтениях:

$$V = \frac{k}{C_n^3 (N-1)(N-2)}$$

где V — коэффициент вариативности; k — число случаев нетранзитивности; C_n^3 — число сочетаний из N по 3.

П

Коэффициент вариативности, на наш взгляд, может рассматриваться как одна из эмпирических оценок уровня эмоциональной сложности индивида, — меры многообразия критериев предпочтения при сравнении объектов из некоторой совокупности (другая оценка — количество различных шкал).

Совместно с О. Митиной автор изучал эмоциональную сложность детей-дошкольников при сравнении по привлекательности сказочных персонажей. Предварительные данные исследования: существует взаимосвязь (положительная) между вариативностью предпочтений ребенка (много различных семейств критериев предпочтений) и тем, насколько популярен¹ ребенок в общении со сверстниками и взрослыми.

¹ «Популярность» здесь означает не только «положительную», но и «отрицательную» статусность ребенка: если ребенка постоянно бранят, если с ним, как говорят, «работают», то он все равно пребывает в центре внимания, — «популярен», как мы говорим.

Рассмотрим теперь другую отмеченную нами характеристику эмоционального аспекта развития ребенка: характеристику достижения им эмоциональной общности с другими людьми.

Эмоциональная общность. Здесь могут быть выделены сразу же два аспекта: способность и потребность ребенка транслировать свои эмоции другим людям (линия развития вербальных и невербальных знаков, выразительных движений и т. д.), что придает эмоции индивида статус всеобщности (значимости также и для других людей), и — эмпатия, — способность и потребность человека отзываться на эмоции другого человека, сочувствовать и сорадоваться, содействовать и т. п. Рассмотрим вначале гипотезу, высказанную В. А. Петровским и М. В. Бороденко об уподобительной активности как механизме перцепции эмоциональных состояний другого индивида.

Идея уподобительной активности как условия чувственного отражения, выдвинутая в трудах А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца, была экспериментально подтверждена рядом классических исследований по осязательному, зрительному, слуховому восприятию физических объектов. Правомерно ли, однако, распространение этого положения на исследования социальной перцепции? В литературе отмечается подражание как своеобразный «коррелят» восприятия эмоции

другого человека (А. И. Тоом, Е. В. Фетисова, Л. П. Стрелкова, А. Д. Коше-лева и др.), однако имитативные реакции в те годы специально не выделялись авторами в качестве самого механизма восприятия.

Приведем здесь некоторые результаты исследования М. В. Бороденко, направленные на проверку выдвинутой гипотезы.

Участники эксперимента — дети трех возрастных групп от трех до пяти лет. В ходе эксперимента детям в течение 1-2 секунд предъявлялись изображения детских лиц, выражающих радость, гнев, удивление и печаль. С помощью специальных инструкций задавался особый контекст ситуации, обеспечивающий дополнительную познавательную мотивацию. Спрашивалось, что чувствует ребенок, изображенный на картинке. Гипотеза заключалась в том, что, если ребенок будет осуществлять мимическое уподобление изображенному на картинке лицу, он будет верно идентифицировать соответствующее эмоциональное переживание.

В результате исследования выделены три группы детей: первая — дети без каких-либо видимых мимических движений мгновенно и правильно опознающие эмоции (как выяснилось позже, дети этой группы характеризовались относительно более высоким уровнем интеллекта — здесь можно предположить интериоризированный характер мимического уподобления). Вторая — дети, осуществляющие самопроизвольное уподобление (полное или частичное), заражающиеся эмоцией и при этом правильно идентифицирующие ее. Третья — дети, не имитирующие и не узнающие эмоции другого. Численное соотношение между уподоблением и опознанием эмоции свидетельствует в пользу выдвинутой гипотезы.

В специальной серии детям предъявлялись рисунки с неопознанными ими ранее эмоциями. Экспериментатор предполагал осуществить произвольную имитацию («передразнить» изображение), и вновь фиксировалась правильность опознания. Дети, первоначально неверно идентифицирующие эмоции, давали правильный ответ; в контрольной серии, даже при условии неограниченного во времени восприятия, и даже рисования картинке, опознания не происходило. Наряду с этим отмечалось, что ригидные мимический позиции лица (искусственно вызванные или естественные — «маска»), а также навязанные неадекватные движения (желания) препятствуют узнаванию эмоций, что также свидетельствует в пользу гипотезы.

Рассмотрим теперь вопрос, касающийся эмпатических проявлений, в которых достижение эмоциональной общности выступает как цель устремлений детей.

В традиционной дидактике, ориентированной на формирование знаний, умений и навыков, проблемы эмоционального взаимопроникновения детей и воспитывающих взрослых не поднимались, да и не могли быть подняты.

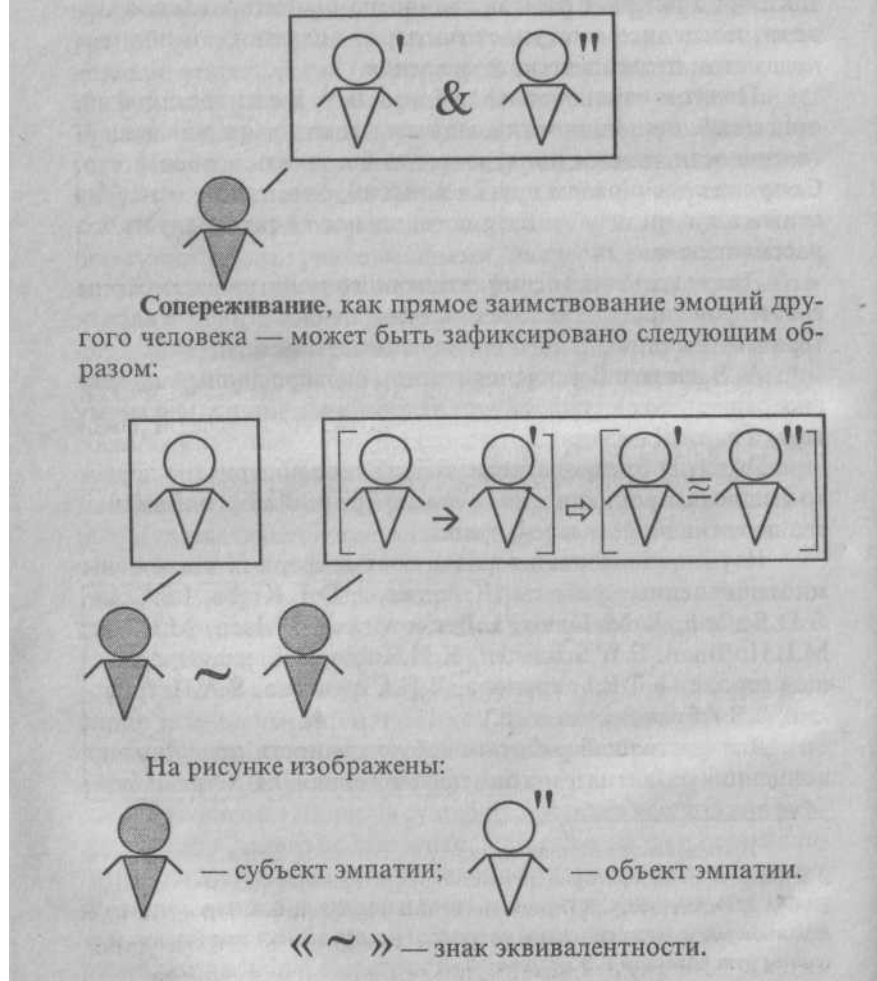
При новом взгляде на сущность процесса воспитания эмоциональное развитие выступает как одна из фундаментальных целей образования. Категория устремлений позволяет наметить основное направление поиска дидактических условий развития личности в целом и эмоционального аспекта развития личности в частности.

Предметом настоящего исследования является развитие эмоциональной соустремленности детей и воспитывающих взрослых.

Разработка этой темы имеет прямое отношение к построению новой программы образования. Если прежде вся образовательная работа с дошкольниками осуществлялась только на фоне эмоциональных воздействий и эмоциональных контактов, то теперь, в рамках личностно-ориентированной модели, последнее выступает на передний план, становится предметом педагогического освоения.

Понятие «эмоциональная близость»¹. В спектре понятий, описывающих эмоциональные аспекты жизни развивающейся личности, данное понятие могло бы занять особое место. Соприкасаясь с рядом других понятий, оно, тем не менее, не сливается с ними и требует специального психологического рассмотрения.

Для выявления специфики данного понятия рассмотрим его на фоне других смежных понятий психологически характерного, эмоционального проявления

личности.

А) Эмпатия. В психологическом словаре данный термин раскрывается как способность человека эмоционально отзываться на переживания других людей.

Эмпатия предполагает субъективное восприятие другого человека, проникновение в его внутренний мир, понимание его переживаний, мыслей, чувств.

Изучению эмпатии в различных ее формах посвящены многочисленные работы (К. Роджерс, D. L. Krebs, I. S. Coke, C. D. Batson, K. McDavis, L. Berkowitz, A. M. Isen, M. Clark, M. L. Hoffman, E. W. Schneider, K. H. Rubin, X. Хекхаузен; в нашей стране — Т. В. Гаврилова, Л. П. Стрелкова, В. А. Петровский, В. В. Абраменкова и др.).

Для настоящей работы особую ценность представляет концепция развития эмпатии, предложенная Л. П. Стрелковой;

—¹Исследование «эмоциональной близости» проводится сотрудниками и аспирантами лаборатории личностно-ориентированной дидактики ИЛИ РАО (Г. В. Негодиной, С. В. Герасимовой, М. В. Фроловой, Е. А. Чурсиной и др.). В данном разделе использованы материалы исследований, выполненных под нашим руководством Г. В. Негодиной.

эмпатия здесь рассматривается в единстве и взаимопереходах «сопереживания», «сочувствия» и «содействия», как особых ступеней ее генеза. Данную модель понимания эмпатии мы принимаем за исходную.

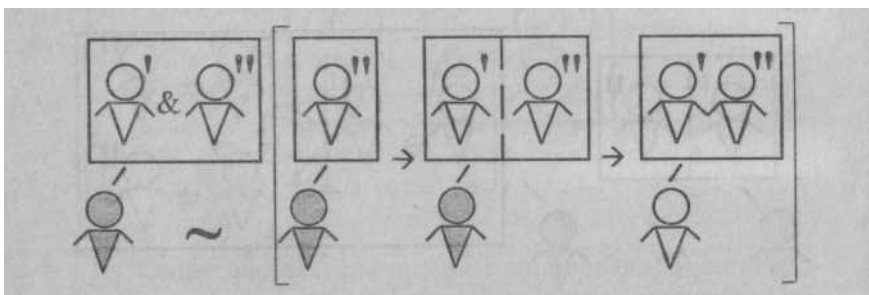
Может быть предложена следующая схематизация ступеней становления эмпатии («визуализируем» термин «эмпатия» обобщенным знаком).

Обратим внимание на то, что субъект эмпатии заштрихован, а объект не заштрихован. Это означает, что субъект эмпатии здесь «физическое лицо», а объект — «воображаемое».

В расширенной схеме мы видим, что субъект воспринимает себя как объект; из этого следует, что субъект тождествен объекту.

Сочувствие, как переживание субъектом иных по сравнению с объектом восприятия

чувств — может быть зарисовано так:

Преемственность между онтологическими картинками эмпатии различных ступеней — очевидна. Например, видно, как противоречие на второй ступени: *Я равен другому и Я не равен другому*, разрешается на третьей ступени движением к единству — рождается новое Я обоих. Так как речь идет о ступенях одного и того же процесса, правомерно введение единого знака для его обозначения, что и было сделано выше. Теперь мы могли бы записать обобщенный знак эмпатии:

Эмпатия образует своего рода базис продвижения к понятию взаимной эмоциональной близости. Переход к последнему не является, однако, мгновенным.

Есть еще, как минимум, одна переходная ступень, которую мы могли бы выделить в рамках проблемы взаимоотраженности людей в общении.

Б) **«Соприсутствие»**. Глубокий анализ феномена «духовное сопричастие» мы встречаем у В. Франкла. В своей книге «Человек в поисках смысла» он пишет: «. . . Лишь в той мере, в какой человек духовно сопричастен чему-то или кому-то, духовной или иной сущности, лишь в меру такого сопричастия человек сопричастен себе. Человек не для того здесь, чтобы наблюдать и отражать самого себя; он здесь для того, чтобы предоставлять себя, поступаться собой, чтобы, познавая и любя, отдавать себя. . . »¹.

Сходное, по-существу, явление описано Э. Берном под термином «близость». Он пишет: «Близость» представляет со-

— ' В. Ф р а н к л. «Человек в поисках смысла». М. : Прогресс, 1990, с. 100.

бой спонтанное, свободное от игр и чистосердечное поведение человека, осознающего окружающее, освобожденно, эйдетически воспринимающего мир глазами неиспорченного Ребенка, который со всей искренностью живет настоящим. . . Эйдетическое восприятие пробуждает привязанность, а чистосердечие мобилизует позитивные чувства.

«Близость», по существу, является функцией естественного ребенка и Естественного Ребенка как функционального типа эго-состояния ребенка. . . Маленькие дети (пока они не испорчены) в большинстве своем предстают существами любящими, а это и есть истинная природа близости. . .

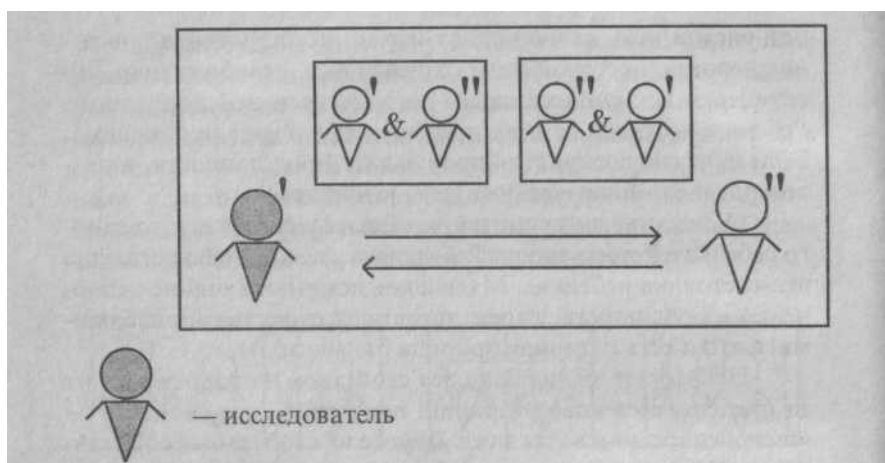
Некоторые люди обладают свойством, которое выходит за пределы всех классификаций поведения. Это свойство — «включенность» в настоящее. Другое их свойство — спонтанность. У них есть нечто куда более ценное, чем игры — близость»¹.

Анализируя явления духовного сопричастия и близости, мы видим, что в них объективно представлен феномен эмпатии. Но речь идет о **взаимной эмпатии** партнеров в общении. А в тех случаях, когда эмпатия свойственна одной из сторон, — это специально подчеркивается. «Известен даже такой феномен, как «односторонняя

близость». С ним хорошо знакомы люди, умеющие пленять своих партнеров, оставаясь при этом невовлеченными»².

Факт взаимной симпатии должен быть осмыслен и символизирован как особое явление на пути к пониманию интересующего нас феномена эмоциональной близости. Для схематизации этого дополнительного момента равенства двух сторон относительно эмпатического процесса необходимо **ввести** третью фигуру в онтологическую картину взаимоотраженности на ступени соприсутствия — это фигура наблюдателя (исследователя), который замечает (фиксирует) равенство двух сторон в отношении эмпатии. Зарисуем сказанное следующим образом:

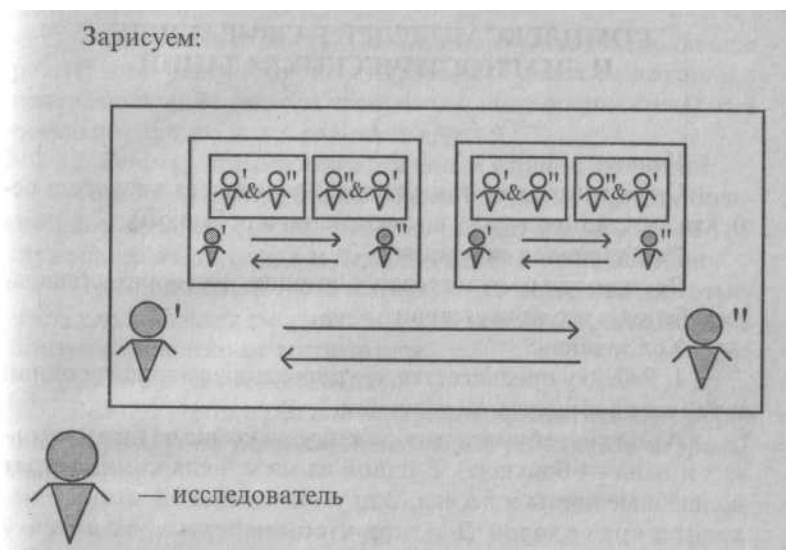
' Э. Б е р н, «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры». Ленинград, 1992, с. 155-156. ' Э. Б с р н, Там же.

Казалось бы, столь сложной и расчлененной моделью исчерпывается становление взаимной отраженности людей в общении. Но это не так, ибо, как уже было отмечено, перед нами важная, но промежуточная ступень становления высшей формы взаимной отраженности.

В) «Эмоциональная близость». Установление этой высшей формы предполагает реализацию своего рода рефлексивной процедуры выхода за пределы себя, подстановки себя на место наблюдателя. Здесь оба субъекта эмпатии (являющиеся, впрочем, одновременно и объектами эмпатии друг для друга) в равной мере выступают как свидетели своей взаимной эмпатии. Например, ребенок не только сопереживает взрослому, но и замечает, что взрослый сопереживает ему и т. п., и, таким образом, чувствует свою представленность во взрослом; точно так же и взрослый здесь не просто осуществляет акт «вчувствования» в ребенка, но и ощущает, что его отношение к ребенку переживается самим ребенком, отражено в нем, открыто ему.

Обозначим сказанное специальным термином «эмоциональная близость». На обыденном уровне оно может быть описано в таких словах, как: я близок тебе, ты — мне, и мы оба знаем об этом.

Онтологическая модель понимания ступеней взаимоотражения требует операционализации. В то время как ступени эмпатического процесса уже выступали предметом экспериментального освоения (я имею в виду, в частности, и свою работу, касающуюся «эмоциональной дентификации»), явление взаимной эмоциональной близости оставалось эмпирически не освоенным (вероятно, потому, что теоретически оно не было достаточно хорошо осмыслено в рамках изучения явлений отраженности человека в человеке). Между тем, прохождение этого пути для построения личностно-ориентированной дидактики от онтологической модели взаимной эмоциональной близости к эмпирическим процедурам представляет собой значительный интерес.

Ниже предлагаются некоторые методические решения, направленные на оценку уровня взаимной эмоциональной близости между воспитывающими взрослыми и детьми и задания по развитию эмоциональной близости.

Цель:

Определить, как присутствие воспитателя влияет на ребенка (дистанция между воспитателем и ребенком).

Развивающая ситуация:

Восприятие воспитателем дистанции, которую соблюдает ребенок в его присутствии.

Ход задания:

1. Ребенку предлагается два рисованных варианта одной и той же воображаемой ситуации.

А) На листе бумаги изображено три комнаты (две маленькие и одна — большая). В одной из маленьких комнат стоят волшебные цветы и леечка. В другой маленькой комнате находится кран с водой. Для того, чтобы набрать воды в леечку надо пройти через большую, пустую, проходную комнату. Ребенку дается в руки карандаш и предлагается взять леечку и пройти через большую комнату к крану с водой. Там наполнить леечку до краев и вернуться обратно для того, чтобы полить цветы. (Карандашом ребенок отмечает свой путь).

Б) То же, что и в варианте «А», но ребенку показывается другой рисованный вариант ситуации. На втором листе бумаги в центре большой комнаты, строго по диагонали между двумя дверьми, нарисовано лицо воспитателя.

Слова исследователя:

Представь себе, что перед тобой на окне стоят волшебные цветочки. Для того, чтобы они расцвели, их надо полить водой. Возьми в руки карандаш, подойди к леечке, возьми ее и нарисуй свой путь карандашом. (Ребенок берет карандаш и рисует свой путь, как он идет за водой).

—А теперь наполни леечку до краев и иди обратно, осторожно, чтобы не расплескать воду. (Ребенок прорисовывает свой обратный путь).

—А теперь полей, пожалуйста, цветочки (при этом воспитатель закрашивает политые цветочки зеленым цветом, но воды не хватает).

— Ах, какая жалость. Сходи, пожалуйста, за водой еще раз. (И здесь ребенку дается второй лист бумаги, на котором в центре большой комнаты изображено лицо воспитателя). Все остальное так же, как в варианте «А».

2, Ребенку предлагается реальный вариант ситуации.

То же объяснение, что и в первом случае, но в центре большой комнаты, строго по диагонали между двумя дверьми на стуле сидит воспитатель и перелистывает или читает книгу.

При проведении этого эксперимента исследователь отмечает, где проходит ребенок: впереди или сзади, и насколько близко или далеко от воспитателя.

На что обратить внимание:

Важно, чтобы в реальном варианте воспитатель не обращал внимания на ребенка, не вступал с ребенком в вербальный контакт.

II

Цель:

Определить, как состояние успеха и фрустрации у ребенка влияет на месторасположение его за столом по отношению к воспитателю.

Развивающая ситуация:

Восприятие воспитателем дистанции, которую соблюдает ребенок в его присутствии при состоянии успеха и фрустрации.

Ход эксперимента:

Ребенку предлагается нарисованная ситуация. На листе бумаги изображен овальный стол. В центре, за столом, сидит воспитатель, обозначенный на схеме знаком «х».

Слова исследователя:

А) Смотри, здесь нарисован стол, за которым сидят воспитатель и детишки из твоей группы. Ты только что пришел в детский сад в прекрасном настроении: тебе хорошо и радостно. Обозначь, пожалуйста, крестиком, куда бы ты хотел сесть?

Б) Ребенку предлагается точно такой же рисованный вариант ситуации.

Слова исследователя:

Смотри, вот точно такой же стол, за которым сидят воспитатель и дети из твоей группы. Ты только что пришел в детский сад. Ты расстроен, у тебя очень плохое настроение.

Выбери, пожалуйста, место за столом, куда бы ты хотел сесть? Обозначь это место крестиком.

2. Ребенку предлагается реальный вариант ситуации, но в несколько иной интерпретации. В центре пустой комнаты с книгой сказок в руках сидит воспитатель. Около двери стоят стульчики. Дети в это время находятся в другом помещении.

Слова исследователя:

— Скажи, пожалуйста, ты любишь сказки? Тогда пойдем в группу, там воспитатель (называется имя, отчество) почитает тебе сказку. Я не буду вам мешать, а ты, когда войдешь, возьми стульчик и выбери для себя любое место, сядь туда, куда тебе хочется.

III. «Цветовое письмо» **Цель:**

Пользуясь цветовой гаммой, определить, как ребенок интерпретирует человека, который его: а) больше всех любит; б) больше всех не любит; в) воспитателя; г) себя.

Развивающая ситуация:

Восприятие воспитывающим взрослым эмоционального отношения к нему ребенка. (Предъявляемое Я).

Ход задания:

На пустом столе перед ребенком раскладывается одиннадцать карточек с изображенными на них разноцветными сердечками: белым, серым (серебряным), желтым, оранжевым, розовым, красным, зеленым, синим, фиолетовым, коричневым и черным. Ребенку предлагается написать цветное письмо человеку, который его: а) больше всех любит; б) больше всех не любит; в) воспитателю и г) себе самому.

Слова исследователя:

— Я хочу попросить тебя написать письмо. Но поскольку буквами ты писать еще не умеешь, то напиши его разными цветами. Посмотри, какие красивые у нас с тобой сердечки:

а) Разложи их, пожалуйста, подряд так, как будто ты пишешь письмо человеку, который любит тебя больше всех;

б) А теперь напиши письмо человеку, который тебя больше всех не любит;

в) И еще я тебя попрошу, напиши, пожалуйста, письмо воспитателю (называется имя и отчество);

г) А теперь, знаешь, кому ты еще напишешь письмо? — Себе самому!

На что обратить внимание:

После того как ребенок написал письма самому любящему и самому не любящему его человеку, целесообразно спросить: «А кому ты написал это письмо? Кто этот человек?» Что делается для того, чтобы воспитателю легче было работать с ребенком и его семьей).

IV. «Цветные кружочки» Цель:

Используя цветовую гамму, определить, как относится ребенок к человеку, который а) любит его больше всех; б) не любит его больше всех; в) к воспитателю, и как он размещает в пространстве эти категории людей по отношению к себе.

Развивающая ситуация:

Восприятие воспитывающим взрослым отношения ребенка и символическую дистанцию, соблюдаемую им по отношению к воспитывающему взрослому.

Ход эксперимента:

На пустом столе перед ребенком раскладывается одиннадцать разноцветных кружочков: белый, серый (серебряный), желтый, оранжевый, розовый, красный, зеленый, синий, фиолетовый, коричневый и черный. Ребенку предлагается выбрать кружочек для себя и положить его на стол туда, куда ему хочется:

а) Выбрать кружочек для человека, который больше всего любит ребенка, и расположить его по отношению к своему кружочку так, как он хочет (после чего этот кружочек убирается и смешивается со всеми остальными);

б) Выбрать кружочек для человека, который его больше всех не любит, и расположить его по отношению к своему кружочку так, как он хочет (после чего и этот кружочек смешивается со всеми остальными);

в) Выбрать кружочек для воспитателя.

Таким образом, постоянно на столе остается лишь один кружочек, которым ребенок обозначил себя.

Слова воспитателя:

— Посмотри, перед тобой лежат разноцветные кружочки. Выбери, пожалуйста, один кружочек для себя, каким бы ты хотел быть кружочком? Положи этот кружочек на стол туда, куда тебе хочется;

а) Теперь выбери кружочек для человека, который тебя любит больше всех, и положи его кружочек по отношению к своему туда, куда тебе хочется.

То же самое в подпунктах «б» и «в».

Помимо этих заданий, детям и взрослым предъявляются задания, позволяющие выявить уровень отраженное™ интересов детей в родителях. Выявляются поведенческие паттерны реагирования взрослого на просьбу ребенка уделить ему внимание, позаботиться о нем и т. п.

Приведем пример одной из таких ситуаций.

Ход эксперимента:

1. Ребенку предлагается несколько блоков зарисованных ситуаций, которые сопровождаются текстом. Слова воспитателя:

Посмотри, пожалуйста, на эти картинки. Вот видишь:

1. 1. Папа сидит в кресле и читает газету.

— Ты строишь домик из кубиков.

— Подходишь к папе и просишь посмотреть.

— Теребишь папу за руку и говоришь: «Ну посмотри, какой я домик построил!»

— Забираешься к папе на колени.

— Обнимаешь его и пытаешься заглянуть в глаза.

Далее те же ситуации (а потом и оригинальные ответы ребенка) предъявляются воспитывающему взрослому. Вначале, однако, он сам описывает свои типичные реакции на запросы ребенка. Теперь остается сопоставить видение ситуации глазами ребенка и глазами взрослого.

Имея в виду эти и ряд других экспериментальных ситуаций, но не углубляясь в детали, приведем лишь самый общий вывод, состоящий в том, что эмоциональная близость (определяемая соустремленностью воспитывающих взрослых и детей к обретению общего эмоционального опыта) не развивается в рамках реализации традиционной модели педагогического общения. Само по себе обнаружение (раскрытие) этого факта — часто источник фрустрации воспитывающих взрослых, и вместе с тем — начало их личностного роста в качестве *субъектов* воспитывающего общения.

• • •

В заключение приведу поразительные слова Хайдеггера о сути того, что мы называем близостью. «Приближать — вот сущность близи. Близость приближает далекое, притом как далекое. Близость хранит даль. Храня даль, близь бытийствует, приближая. Так, приближая, близь сама сокрывается и так, способом, какой подобает ей, остается ближе всего» (Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., 1993).

Осмыслим же актуальную бесконечность эмоциональной общности в ее высшем выражении и спросим себя, возможно и не страшно ли это: не знающая предела соустремленность людей друг к другу?

Значимость изучения развития и патогенеза ишемической болезни сердца (ИБС) обусловлена распространенностью заболевания в развитых странах и неуклонным ростом заболеваемости (Роуз Дж. и др.). Несмотря на обширную библиографию работ, посвященных психологическим факторам, повышающим вероятность развития ИБС, и изучению психологических особенностей больных ИБС (Суслова Е. А.; Храмелашвили В. В., Лебедев В. Б., Jenkins CD.), связи психологических особенностей с развитием болезни остаются неясны (Рожанец Р. В., Копина О. С., Jablen-sky A.).

Распространенная концепция коронарно-склонного типа (типа А) из-за своей неопределенности и разнородности полученных данных (Rosenman R. H., Friedman F., Glass D. S., Jab-lensky A.) отрицается в последнее время многими исследователями, в том числе и одним из ее авторов (Friedman M., Powell L. H.). Это делает актуальным поиск новых аспектов изучения психологических особенностей больных ИБС.

Одно из перспективных направлений исследования — анализ особенностей саморегуляции поведения у больных ИБС и склонных к ней индивидов (Березин Ф. Б., Basu R., Glass D. S., Strube M. J. e. a., Herman S. e. a.). В большинстве работ отмечается неадаптивный характер саморегуляции поведения больных ИБС, однако была отмечена двойственность особенностей их психики: сочетание адаптивных и неадаптивных тенденций. Эту особенность подметила еще F. H. Dunbar, позднее

-----

¹ В основу раздела положена работа В. К. Калиненко, выполненная при нашем непосредственном участии и общем руководстве.

такого рода сочетание адаптивных и неадаптивных тенденций, конфликтующих уровней саморегуляции было описано у коронарно-склонных индивидов и у больных, перенесших инфаркт миокарда, например, сочетание основанной на социально одобренных стереотипах тенденции к активности и личностной тенденции к зависимости и пассивности (Rime M., Vo-namiM., 1979).

Неадаптивность может раскрываться как характеристика активности личности и как характеристика личностной организации субъекта. В связи с первым аспектом представляет интерес исследование такого неадаптивного феномена активности личности, как стремление к риску (Петровский В. А.), который ранее у больных ИБС не изучался. Для анализа соотношения адаптивного и неадаптивного в личностной организации субъекта предлагается трансактная парадигма, дающая возможность выявления радикалов активности (Петровский В. А.).

Для определения особенностей саморегуляции поведения при ИБС использовались две группы методов:

- 1) методы оценки тенденции к риску;
- 2) определение внутриличностных отношений и некоторых других индивидуальных различий.

При оценке тенденции к риску определялся:

а) актуальный уровень тенденции к риску (на момент обследования) — метод рискометрии (В. А. Петровский); эта инструментальная методика позволяет выявить уровень непрагматического (бескорыстного) риска;

б) риск «в ретроспективе» — опросник «Ситуации риска». Этот опросник представляет собой список из пятидесяти ситуаций, предполагающих выбор рискованной стратегии при вхождении в ситуацию (например, «спрыгивать с подножки поезда», «есть пищу заведомо сомнительного качества», «на спор совершать опасные или противоправные поступки» и др.).

По возможности сглажена социальная ценность риска, прагматический характер ситуаций, все ситуации предполагают добровольный выбор риска. Обследование проводилось под видом исследования памяти о собственном поведении. Список ситуаций предъявлялся испытуемому с вопросом: «Вспомните, приходилось ли Вам оказываться в таких ситуациях» (ответы:

да, не помню, нет). Четыре ситуации были предназначены для защиты опросника (например, «переходить улицу в неположенном месте»). Анкеты с ответами «нет» на все четыре ситуации отбраковывались. Затем проводился структурированный опрос по результатам «Ситуации риска». Выяснялось, когда и как часто человек оказывался в таких ситуациях, каковы были его побуждения для включения в ситуацию, каковы были его переживания, успехом или неудачей эти ситуации заканчивались, хотел бы он пережить их еще раз.

В качестве показателя уровня риска в прошлом использовалось число отмеченных испытуемым ситуаций. Для проверки оправданности такого подхода были проведены дополнительные исследования: модификация метода управляемой проекции В. В. Столина и др.

Внутриличностные отношения определялись согласно предложенному автором методу, основанному на развитии концепции трансактного анализа Е. Берне (Петровский В. А.) — методу трансактной реинтерпретации личностных опросников. Суть этого метода заключается в анализе высказываний опросника для определения их связи с трансактными показателями: определении, какие из эго-состояний (Родитель, Взрослый, Ребенок) актуализируются при ответе на конкретное высказывание и на какие взаимоотношения между этими эго-стояниями (или внутри

одного эго-состояния) указывает выбор каждого варианта ответа. Эта методика позволяет определить следующие внутриличностные отношения: «Взрослый-Ребенок», «Ребенок-Взрослый», «Взрослый-Родитель», «Родитель--Взрослый», «Ребенок-Родитель», «Родитель-Ребенок», «Взрослый-Взрослый», «Ребенок-Ребенок», «Родитель-Родитель» — по их гармоничности/дисгармоничности. В данном исследовании использовался транзактно-реинтерпретированный опросник 16 PF Кеттелла, форма В (Т 16 PF).

На контрольной группе испытуемых использовались также следующие методики: опросник Дженкинса (JAS), адаптированный в Каунасском НИИ физиологии и патологии сердечно-сосудистой системы и ретроспективно ориентированный опросник «Склонность к риску» А. Г. Шмелева; использовался также опросник «Потребность в достижении» Ю. М. Орлова. Представленными выше методами В. К. Калинин обследовал 144 человека больных, перенесших острый инфаркт миокарда. Все больные реабилитированы; давность перенесенного заболевания, не являющаяся в пределах данного исследования контролируемой переменной, превышала во всех случаях 1 год. Больные были в возрасте 37-65 лет, мужчины.

Группа больных по профессиональным характеристикам примерно поровну представлена лицами, занятыми в сфере интеллектуального труда, имеющими высшее образование (основная группа), и лицами, занятыми физическим трудом, имеющими среднее образование (дополнительная группа). Основанием для выделения основной группы послужила высокая распространенность ИБС среди лиц интеллектуального труда. В ряде эпидемиологических исследований показано, что заболеваемость ИБС выше в популяциях с характеристиками, соответствующими первой указанной группе и именно в этих популяциях отмечают значимость психологических факторов в развитии болезни (Шхвацабая И. К. Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний). В то же время представляло интерес сравнение по основным показателям групп больных с интеллектуальным (ИТ) и физическим трудом, что послужило основанием для выделения дополнительной группы (ФТ).

Для получения сравнительных данных сформирована контрольная группа в соответствии с характеристиками основной группы больных (ИТ). Ее составили 72 практически здоровых мужчины в возрасте 35-65 лет, сотрудники научно-исследовательских институтов.

Математическая обработка полученных данных осуществлялась на ЭВМ и включала вычисление средних величин, Т-критерия Стьюдента и интеркорреляций по Пирсону.

Для уточнения характеристик экспериментальной выборки и оценки релевантности разработанной методики определения тенденции к риску В. К. Калинин были проведены специальные исследования.

Сравнивая группы больных, отличающихся по профессиональному признаку (физический труд, интеллектуальный труд), можно было ответить на существенно важный для последующего анализа вопрос — о возможности объединения этих групп в пределах единой выборки.

Выявлено, что при определенных чертах сходства (по уровню актуального риска; по данным 16 PF: отличия есть лишь по факторам В — «интеллект» и «Е» — «доминантность»), группы существенно отличаются. Так, группы ФТ и ИТ различаются по данным интеркорреляций рискометрии с другими показателями: в группе ИТ рискометрия не коррелирует ни с одним из них, а в группе ФТ обнаруживается положительная корреляция ($p < 0.05$) с фактором G 16 PF (высоким моральным контролем). Результаты по риску «в ретроспективе» (по опроснику «Ситуации риска») выявляют значительно более низкий уровень тенденции к риску в прошлом в группе ФТ, чем в группе ИТ ($p < 0.001$). Следует отметить, что больные группы ФТ чаще искажали свои ответы в сторону преуменьшения риска и давали больше отказов. По интеркорреляциям опросника «Ситуации риска» между группами ИТ и ФТ также наблюдаются существенные различия. В группе ФТ выявлены

корреляции риска «в ретроспективе» с факторами 1 — «жесткость» ($p < 0.01$) и Q_3 — «высоким самоконтролем» ($p < 0.05$). Можно видеть общность всех факторов, по которым выявлена корреляция с данными о тенденции к риску в группе ФТ, позволяющую заключить, что мы имеем дело с симптомокомплексом, характеризующимся «самопринудительностью» поведения, сопряженного с риском, склонностью к убеждению в необходимости стойко переносить трудности и дискомфорт. Имеющая такую природу тенденция к риску требует дополнительных исследований.

Отмеченное своеобразие группы ФТ не позволяет рассматривать ее вместе с группой ИТ в пределах единой выборки.

Дальнейший анализ будет касаться только группы ИТ, выбранной, как отмечено выше, в качестве основной (в дальнейшем обозначается как «больные ИБС»).

Определяя адекватность методики «Ситуации риска» для оценки уровня риска в прошлом, проведены выборочные исследования, смысл которых заключается в поиске ответа на вопрос: не накладывает ли отпечаток знание о своей болезни на оценку собственной тенденции к риску у больных ИБС? В одном случае группе здоровых испытуемых предъявляли две специально отобранные фотографии мужчин, утверждая, что один из них перенес ИМ; испытуемые должны были определить — кто именно. После этого люди, изображенные на портретах, оценивались ими по опроснику, выявляющему уровень склонности к риску (основанному на высококоррелирующих с рискометрией вопросах 16 PF). Выявилось отсутствие достоверных различий в оценке «инфарктника» и «здорового», свидетельствующее о том, что в обыденном сознании образ больного ИБС не включает в себе совокупность черт, сопряженных с риском. Однако здесь еще остается не выявленным возможное влияние факта собственного заболевания на оценку тенденции к риску в прошлом. Для ответа на этот вопрос была использована модифицированная методика управляемой проекции В. В. Столина. Так же, как и в исследованиях автора, испытуемым предъявлялись словесные портреты двух человек, один из которых соответствовал данным самого испытуемого по опроснику 16 PF, другой содержал в себе противоположные черты личности. Модификация заключалась в том, что перед предъявлением словесных портретов испытуемому показывали использованные в описанном выше исследовании фотографии двух мужчин, утверждая, что это люди, склонные к заболеванию ИБС. Испытуемый должен был далее от имени этих людей ответить на вопросы опросника по определению склонности к риску (модификация опросника В. Шуберта). В результате выявилось отсутствие различий в оценке склонности к риску у лиц, идентичных по предъявленным характеристикам с самим испытуемым и противоположного типа, что свидетельствует об отсутствии связи в сознании испытуемого факта собственного заболевания со склонностью к риску. Кроме того, существенный разброс данных по оценке склонности к риску обоих «подверженных ИБС» позволял заключить о том, что у испытуемых само заболевание ИБС в субъективном плане не выступает как закономерно связанное с риском.

Дополнительные данные для оценки метода «Ситуации риска» дает анализ интеркорреляций этого опросника с показателями других методик. На контрольной группе получена значимая ($p < 0.01$) отрицательная корреляция с опросником Дженкинса, говорящая о связи риска «в ретроспективе» с ко-ронарно-склонным типом (типом А).

Кроме того, в контроле выявлено наибольшее число значимых корреляций показателя опросника «Ситуации риска» с факторами Кеттелла (С — «сила эго», Н — «социальная смелость», Q, — «социальность», Е — «доминантность», F — «динамизм»), т. е. с факторами, очевидно, связанными со склонностью к риску (здесь может быть также применен критерий богатства связей D. C. McClelland для установления валидности теста).

Таким образом, опросник «Ситуации риска» может рассматриваться как

адекватный метод оценки тенденции к риску в прошлом.

Основные факторы, выявленные в ходе исследования в соответствии с задачами работы, могут быть суммированы следующим образом.

Феномен «сохранности» тенденции к риску у больных ИБС. Суть его в том, что больные (несмотря на диктуемую характером болезни необходимость избегать стрессов) рискуют так же, как и здоровые. Об этом свидетельствует сопоставление уровня актуального риска по данным рискометрии у больных ИБС и здоровых. Переживания, связанные с угрозой для жизни во время инфаркта, не исключили из сферы жизненных отношений больного тенденции к риску. При объяснении этого феномена можно предположить, что больные, принимая решения в условиях потенциального риска, сопоставляют возможный актуальный уровень риска с тем, который был присущ им в прошлом.

Феномен «торможения» тенденции к риску у больных ИБС. Исследование риска «в ретроспективе» с использованием методики «Ситуации риска» показало значимо большую тенденцию к риску в прошлом у больных ИБС ($p < 0.01$).

Рассматривая совместно данные рискометрии и «Ситуации риска», мы видим зеркальную картину результатов в контроле и у больных: если в контроле наименьшие значения по «Ситуациям риска» наблюдаются при нулевых показателях, а наивысшие — при средних, то в группе больных, наоборот, высшие значения по «Ситуациям риска» получены при нулевых показателях рискометрии, а низшие — при среднем числе рискованных выборов (для лиц с высокими показателями рискометрии и в контроле и в группе больных характерны высокие показатели «Ситуации риска»). Таким образом, о больных, не обнаруживающих по результатам рискометрии стремления к риску, нельзя однозначно заключить, что они имеют низкую тенденцию к риску; требуется более глубокий анализ тенденции к риску у больных ИБС.

Возможности такого анализа открывает изучение зависимости показателей тенденции к риску от текущего состояния больного — от функционального класса стенокардии. Можно предположить зависимость проявлений стремления к риску от степени стенокардии (в исследуемом контингенте реабилитированных больных высшей степенью стенокардии был III функциональный класс, большинство пациентов было со II классом стенокардии). Результаты анализа подтвердили это предположение. Характерным для больных является различие в этом отношении данных «Ситуаций риска» и рискометрии. Если для «Ситуаций риска» наблюдается большая степень соответствия показателей для всех трех функциональных классов стенокардии, то для рискометрии характерным является большое различие: самые низкие показатели получены у больных с высшей степенью стенокардии (III функциональный класс), несколько более высокие — для средней степени и значительно более высокие ($p < 0.01$) — для больных с наименьшей выраженностью стенокардии. Для группы ФТ данной закономерности не выявлено, что подтверждает выдвинутое выше положение.

Дополнительную информацию дает анализ структурированного опроса по результатам методики «Ситуации риска». Он выявил резкое преобладание ситуаций, значительно отстоящих во времени от текущего момента (типичный ответ: «Такие ситуации были в молодости»), это отмечается для больных с различной степенью стенокардии, хотя некоторое уменьшение от III класса к I и наблюдается (91,85,80% таких ситуаций соответственно). Среди называемых испытуемыми мотивировок такого поведения вторым по частоте ответом после прагматического был ответ: «По глупости». Наблюдается также частое сочетание отрицания ценности рискованного поведения с переживанием чувства внутренней необходимости этого поведения.

Анализ зависимости ответов о мотивировках от степени стенокардии показал, что в то время как все испытуемые с I и II функциональным классом отмечали прагматическую мотивировку, только половина больных с III функциональным классом отметили ее. Зато испытуемые с III функциональным классом чаще

отмечали неадаптивные мотивировки. Таким образом, тяжесть болезни отрицательно сказывается на прагматическом характере мотивировок.

Больные с III функциональным классом стенокардии значительно реже считали рискованное поведение оправданным, однако при этом В. К. Калинин наблюдал «чувство внутренней необходимости поступить так, сделать именно это».

Итак, по полученным данным ясно, что отношение к ситуациям, связанным с выбором риска, зависит от тяжести текущего состояния испытуемого. Больные от I к III функциональному классу стенокардии демонстрируют возрастающее отрицание ценности риска, что совпадает с меньшими показателями рискометрии у них.

Совместное рассмотрение результатов структурированного опроса по «Ситуациям риска» и рискометрии выявило, что испытуемые с нулевыми показателями рискометрии чаще отвечали, что ситуации, связанные с выбором риска, часто встречаются и сейчас. Это может говорить о том, что больные мысленно входят в такие ситуации, проигрывают их, но не реализуют имеющуюся тенденцию к риску, отношение к риску может объясняться действием механизмов психологической защиты.

Выборочное обследование проведено В. К. Калинин на первичных больных ИБС непосредственно после перенесенного ИМ (1,5 месяца и менее). Смысл этого исследования состоял в определении склонности к риску у больных ИБС непосредственно к моменту дебюта заболевания. Был использован прием косвенной оценки склонности к риску на основе высоко-коррелирующих с рискометрией вопросов 16 PF близкими родственниками больных. Результаты этого обследования подтвердили наличие склонности к риску у этих больных, не различающейся по уровню от контроля, что совпало с феноменом «сохранности тенденции к риску» и может свидетельствовать о преморбидности последнего.

Итак, можно заключить, что исходная высокая тенденция к риску стала тормозиться, но при этом продолжала определять переживание связанных с риском ситуаций. Это могло послужить причиной патогенных сдвигов в сердечно-сосудистой системе и повлиять на течение болезни.

Центрация на рациональном отношении к действительности у больных ИБС. Соотношение адаптивных и неадаптивных тенденций в системе саморегуляции поведения у больных ИБС анализировалось как с помощью 16 PF Кеттелла, так и на основе транзактной реинтерпретации этого метода (Г 16 PF).

Группу больных ИБС характеризуют: эмоциональная сдержанность (фактор А-), моральный контроль (фактор G+), практичность (фактор М-) и социабельность (фактор Q₂-), что в целом рисует «портрет» социально адаптированного человека.

Более дифференцированная картина вырисовывается при использовании метода Т 16 PF. При использовании этого метода получены данные, также подтверждающие факт адаптации больных ИБС: по сравнению с контрольной выборкой, более гармоничные отношения «Родитель-Взрослый» ($p < 0.01$) и «Взрослый-Родитель» ($p < 0.05$) — соответствие нормативного и рационального компонентов отношений к действительности; «Ребенок-Взрослый» ($p < 0.05$) — опосредованность аффективного отношения рациональным; «Взрослый-Взрослый» ($p < 0.05$) — конструктивность (при решении жизненных проблем, во взаимодействии с окружающими людьми и т. п.). Эти отношения показывают, что ключевой пункт адаптации больных ИБС находится в эго-состоянии «Взрослый». Подтверждающие достоверность этого вывода результаты были получены в дополнительной серии исследований такой особенности поведения больных ИБС, как выполнение ими диетических рекомендаций. Как показывают наши данные, соблюдение диеты связано с гармоничными отношениями, исходящими из эго-состояния «Взрослый» (гармоничные отношения «Взрослый-Взрослый» и «Взрослый-Ребенок»).

«Конфронтации в системе саморегуляции больных ИБС». В системе саморегуляции больных ИБС выявляются противоречивые внутрисубъектные

отношения. Эти противоречия не затрагивают эго-состояние «Взрослый» и обнаруживаются между эго-состояниями «Родитель», «Ребенок», а также внутри этих инстанций. Конфронтация в отношениях «Родитель-Ребенок» ($p < 0.05$) — нормативный контроль над импульсами: больные ИБС проявляют большую селективность в принятии своих побуждений, цензурируют их.

Конфронтация в отношениях «Родитель-Родитель» ($p < 0.05$) — противоречия в самой нормативной инстанции, конфронтация стереотипов, что может рассматриваться как результат смены системы саморегуляции, опирающейся на сложившиеся стереотипы, на рациональную систему.

Тенденция к конфронтации в отношениях «Ребенок-Ребенок» ($p < 0.10$) — снижение непосредственности самопроявлений, что проявляется в редукции спонтанности поведения.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что больных ИБС характеризует консолидация внутрисубъектных отношений вокруг рационального через ломку стереотипов и подавление спонтанности, непосредственности.

Дополняющими эти результаты могут служить данные об особенностях мотивации достижения у больных ИБС, полученные с помощью методики Ю. М. Орлова (опросника «Потребность в достижении»). Значимых различий между выборками по этому методу не обнаружено, однако найдены отличия по интеркорреляциям. В то время как на контрольной группе значимых корреляций этого опросника с другими переменными не наблюдается, по выборке больных ИБС найдены положительные корреляции с фактором G (моральным контролем) и «Взрослый-Родитель» ($p < 0.01$). Эти данные свидетельствуют о зависимости эффективности адаптации от сознательного принятия «Родительских» норм и стереотипов и ориентации поведения на соблюдение этих норм.

Детерминированность тенденции к риску внутрисубъектными отношениями.

Применение методики Т 16 PF позволило уточнить особенности тенденции к риску у больных ИБС. Проведен анализ трансактности отличий между испытуемыми, показавшими высокий и низкий (нулевой) актуальный риск по данным рискометрии в обеих выборках и между испытуемыми, обнаружившими высокий и низкий риск «в ретроспективе» по данным «Ситуаций риска». Результаты этого анализа свидетельствуют о противоположном характере отношений, по которым отличаются лица с высоким и низким риском «в ретроспективе» и с высоким и низким актуальным риском. Для лиц с высоким актуальным риском поданным контрольной группы, более характерны конфликтные отношения, их неадаптивный характер, чем для лиц с низким актуальным риском: более дисгармоничные отношения «Ребенок-Родитель» ($p < 0.005$) и «Взрослый-Ребенок» ($p < 0.025$); для больных значимых различий соответствующих групп не обнаружено. Для испытуемых, характеризующихся высоким риском «в ретроспективе», наоборот, более характерны гармоничные, адаптивные отношения. Общими в этих группах больных и здоровых были более гармоничные отношения «Взрослый-Ребенок» (больные — $p < 0.05$; здоровые — $p < 0.05$) и «Родитель-Взрослый» (здоровые — $p < 0.01$; больные — $p < 0.10$); различия между выборками больных и здоровых: у здоровых более гармоничные отношения «Ребенок-Ребенок» и «Ребенок-Взрослый» ($p < 0.001$), а у больных — «Взрослый-Взрослый» ($p < 0.05$). Таким образом, высокий риск «в ретроспективе» у больных связан с гармонизацией отношений во «Взрослом», а в здоровых — в «Ребенке». Кроме того, можно отметить большую однородность, меньшие отличия в группе больных ИБС.

По данным, полученным на контрольной группе, с рискометрей оказался значимо связан лишь один трансактный показатель «Ребенок-Родитель» — отрицательная корреляция ($p < 0.05$). По группе больных ИБС эта отрицательная корреляция отмечается, но не на значимом уровне. Однако по выделенной на контроле группе высококоррелирующих с рискометрией вопросов ($r = 0.64$) на выборке больных получена значимая отрицательная корреляция с «Ребенок-Родитель» ($r = 0.429$; в

контроле $r=0.548$ $p<0.01$). Это также подтверждает вывод о большей тенденции к риску у больных, которая, однако, находится в «заторможенном» состоянии.

В целом полученные результаты позволяют уточнить природу феномена «заторможенности» тенденции к риску, сделав следующее заключение: высокий личностный уровень стремления к риску может при определенных условиях (возможно, вследствие «насыщения» тенденции к риску) уменьшаться. Видимо, это уменьшение сопряжено с усилением эго-состояния «Взрослый» и гармонизацией связанных с ним внутриличностных отношений. Однако при этом имеются возможности развития внутриличностных конфликтов, связанных с эго-состояниями «Родитель» и «Ребенок». В результате образования такой системы саморегуляции поведения «тенденция к риску» не исчезает, а «затормаживается» и создаются условия для психосоматической дезадаптации.

Итак, результаты исследования В. К. Калиненко подтверждают представленные в литературе данные о двойственности особенности психики больных ИБС, неоднозначном характере их системы саморегуляции. С одной стороны, особенности больных ИБС свидетельствуют о гармонизации внутриличностных отношений, связанных с эго-состоянием «Взрослый», с другой стороны, обнаруживаются противоречия в системе саморегуляции. Так, в эго-состоянии «Родитель» ведут свое начало неадаптивные тенденции, вызывающие внутриличностные конфликты. Сосредоточение основных конфликтных отношений в эго-состоянии «Родитель» согласуется с литературными данными, полученными в биографическом исследовании (Янушкевичюс З. И. и др.). Если в ранних публикациях по транзактному анализу (Harris T.) имелась тенденция абсолютизировать значение развития эго-состояния «Взрослый» для адаптации индивида, то позднее для интеграции личности необходимым стали считать адекватное развитие «Родителя» (James M.) и «Ребенка» (Clarkson P.) и взаимные связи между эго-состояниями (James M., Jongeward D.), а гипертрофия «Взрослого» стала трактоваться как ведущая к дезадаптации (Jongeward D., Seyer P.).

В этой связи представляется перспективным проведение анализа интеркорреляций транзактных показателей у больных ИБС и здоровых. Опыт подобного анализа показывает, в частности, наличие факта контаминированности «Взрослого» у больных ИБС: подчинения областей «Взрослого» влиянию «Родителя» и «Ребенка» с соответствующей потерей автономности и дезадаптацией. Кроме того, у больных ИБС отмечается положительная корреляция показателей «Родитель-Ребенок» и «Ребенок-Ребенок» ($p < 0.05$), отсутствующая в контрольной группе, из чего можно сделать вывод о том, что у больных ИБС «Ребенок» зависит от гарантируемой ему опеки «Родителя»: защиты «Родителем» «Ребенка». Эти результаты свидетельствуют в пользу предположения E. Verne (1964) о склонности к развитию гипертонии и коронарных заболеваний людей, сверхчувствительных к «Родительскому» влиянию (что соответствует слэнговому — Jerk), характерным для которых он считает противоречие в критических ситуациях между «Взрослым» и «Ребенком», которое ведет к неадекватности поведения.

Таким образом, система саморегуляции поведения у больных ИБС не может быть признана вполне адаптивной. Обнаруживающаяся у них чувствительность к влиянию «Родителя», дисгармоничность отношения «Родитель-Ребенок» и отсутствие единства в «Родителе» ведут к неадаптивным тенденциям, заключающимся, в частности, в конфликте в «Ребенке», гипертрофии «адаптированного Ребенка» и подавлении других компонентов этого эго-состояния, в первую очередь, «естественного Ребенка».

В свете полученных данных могут быть уточнены результаты, полученные бельгийскими исследователями (Rime M., Vonam M.), описавшими особенности саморегуляции у больных ИБС. Согласно этим авторам, коронарным больным присущи два конфликтующих уровня саморегуляции: основной, актуальный уровень, определяющий активность субъекта, сводящийся к ориентации на социальные нормы,

и второй — латентный, или подавленный уровень, определяющий тенденцию к пассивности и зависимости. Хотя эти исследования и не используют трансактный анализ, их выводы можно трактовать в этом аспекте. Они описывают тенденции первого уровня как взрослые (adult-like), а вторые — как инфантильные. Если первый уровень саморегуляции можно объяснить берущими начало в эго-состоянии «Взрослый» адаптивными тенденциями, при этом связанными с ориентацией на «Родителя», то второй уровень саморегуляции можно понять как гипертрофию «адаптированного Ребенка» с сверхчувствительностью к «Родителю».

Результаты исследования могут иметь отношение к описанным в литературе особенностям реагирования коронарно-склонных индивидов на стрессорирующие, неподконтрольные ситуации, например, описанному D. C. Glass (1982) «гиперреагированию с последующим гипореагированием». Опора на «Родительскую опеку», ориентация на высшую систему может объяснить, почему в таких ситуациях эти индивиды оказываются беспомощными, дают неадаптивные реакции, связанные с патогенными сдвигами в сердечно-сосудистой системе.

По данным В. К. Калининко, тип А связан с гармоничными отношениями «Родитель-Взрослый» и «Ребенок-Ребенок» (отрицательные корреляции JAS с этими отношениями по результатам, полученным на контрольной группе, $p < 0.01$). По методике трансактно-реинтерпретированного опросника нельзя различить варианты эго-состояния «Ребенок», однако можно предполагать, что связь показателя «Ребенок-Ребенок» с типом А свидетельствует о связи этого типа поведения с развитием «адаптированного Ребенка». В эту картину вписываются и данные о связи А с риском «в ретроспективе» и с фактором Q, — социальностью ($p < 0.01$). Таким образом, особенности коронарно-склонного типа с точки зрения трансактного анализа можно описать следующим образом: опосредуемая «Родителем» активность, исходящая из «Взрослого», сочетается с чувствительностью «Ребенка» к «Родителю», ведущей к доминированию «адаптированного Ребенка», что приводит к возможным конфликтам в системе саморегуляции поведения (опять мы видим близость этого описания к В. Berne's «Jerk»).

Ретроспективная схема основного исследования не позволяет сделать однозначного и окончательного вывода о преморбидности выявленных особенностей, но некоторые данные, полученные по исследованию тенденции к риску, делают возможным выдвижение гипотезы о влиянии этих особенностей на дебют заболевания.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учитывания специфики внутриличностных отношений при проведении психокоррекционной работы с больными ИБС и мероприятий по вторичной профилактике заболевания.

Итак, мы приходим к следующим выводам.

1. Факт болезни, несмотря на свою выраженную эмоциогенность, не обуславливает снижение тенденции к риску. Уровень проявления тенденции к риску у здоровых и больных не различается.

Специальный анализ показал наличие тенденции к риску у больных ИБС в «заторможенном» состоянии.

3. Анализ результатов исследования тенденции к риску «в ретроспективе» показал большую ее выраженность у больных ИБС, причем наиболее явные ее проявления значительно отнесены в прошлое.

4. Выраженность тенденции к риску оказалась зависимой от текущего состояния больного — функционального класса стенокардии, причем с ее усилением уменьшается проявление тенденции к риску, отрицается ценность риска, но одновременно усиливается аффективное переживание связанных с риском ситуаций.

5. Внутриличностные отношения у больных ИБС отличаются двойственным характером: с одной стороны — центрированность на рациональном отношении к действительности, с другой — конфронтации в системе саморегуляции (подавление импульсивности, снижение спонтанности, дисгар

моничность в нормативной регуляции поведения).

6. Больные ИБС обнаруживают чрезмерную тенденцию к подчинению своего поведения принятым нормам, что может вести к неадаптивным личностным тенденциям.

7. Полученные данные обнаруживают связь выявленных особенностей саморегуляции поведения с коронарно-склонным типом (типом А), что может помочь в прояснении природы этого типа поведения.

При анализе ситуации взаимодействия учителя с учащимися отечественные и зарубежные психологи и педагоги обычно отмечают в качестве важнейшего фактора этого взаимодействия то обстоятельство, что учитель является для учащихся не только источником полезной информации, но и примером, образцом, в той или иной степени определяющим развитие личности каждого ученика. При этом под понятием «пример» они подразумевали влияние индивидуальных личностных качеств учителя на учеников. Существенного основания, оправдывающего использование термина «влияние», авторы, пишущие о «силе примера» учителя, не указывали. Понятие «влияние» суживалось ими до общих слов и представлений о «благотворном влиянии» учителя, между тем как психологическая характеристика соответствующей категории эффектов воздействия воспитателя на воспитанников не вычленилась.

В связи с концептуальной схемой, принятой каждым автором, к главным свойствам личности учителя, определяющим силу его влияния, относились весьма разнопорядковые явления, такие, как авторитет, соответствие роли, эмоциональная привлекательность, эмоциональная устойчивость, высокая активность, сильная воля, социальная смелость, новаторство и т. д. В рамках этих представлений и выполнялась основная масса исследований стиля работы учителя, включающая зачастую, помимо анализа непосредственно личностных качеств, манеру его поведения и приемы воздействия на аудиторию.

¹ Работа была выполнена в соавторстве с И. Г. Дубовым и опубликована в книге «Психология развивающейся личности» под ред. А. В. Петровского. М., Педагогика, 1987.

Несмотря на то, что эти исследования охватывают достаточно широкий спектр вопросов, сконцентрированных, с одной стороны, на устной передаче учителем своим ученикам определенного свода принятых в обществе норм, ценностей и правил поведения, а с другой стороны, на демонстрации учителем соблюдения этих норм и социально одобряемых форм поведения, предмет исследования влияния здесь ограничен рамками нравственного различия личности учащихся.

Рассматривая работы ряда авторов¹, изучающих влияние набора определенных личностных качеств на эффективность учебно-воспитательного процесса, приходится признать, что при всей ценности исследований, в которых была выделена и поставлена эта проблема, попытки углубленно рассмотреть психологический механизм, обуславливающий такое запечатление образа учителя, которое позволяет этому образу в самых разнообразных ситуациях «изнутри» детерминировать поведение учащихся, до сих пор не увенчалось успехом.

Вместе с тем в ходе анализа стало ясно, что эта детерминация связана с факторами более глобальными, нежели необходимость вести себя в соответствии с сообщаемыми педагогом общепринятыми нормами поведения. К сожалению, положение проблемы взаимодействия «личность учителя — личность учащегося» в настоящее время характеризуется, с одной стороны, существованием в достаточной мере декларативных утверждений, с которыми, разумеется, нельзя не согласиться (к примеру: «Нравственные установки учителя оказывают решающее влияние на формирование морального облика ученика»), а с другой — либо заимствованием

неспецифической техники исследования, не позволяющей вскрыть глубинные психологические механизмы описываемого процесса влияния, либо отказом от какой бы то ни было техники вообще. В последнем случае в качестве «ключевого» слова, заменяющего описание конкретных приемов исследования, постоянно употребляется слово «наблюдалось». Во всех отношениях оправданное стремление быть доказательным оказывается методи-

—¹ См.: Гобли Ф. Н. Книга об учителе. М., 1965; Кузьм и на Н. В. Очерки психологии труда учителя. Л., 1967; Щербаков А. И. Психологические основы формирования личности советского учителя. Л., 1967.

чески несостоятельным, поскольку не подкрепляется решениями, которые могли бы оказаться продуктивными для реализации соответствующей методологически обоснованной экспериментальной программы, обеспечивающей требуемое доказательство. Некоторые методологические подходы к изучению личностного влияния были разработаны в исследованиях социальной фасилитации и ингибиции, толчком к широкому развертыванию которых послужила работа Ф. Оллпорта¹, опиравшегося на исследования Н. Трипплетта, А. Майера и других. Ф. Оллпорт, приняв в качестве основной схемы эксперимента выполнение какой-либо деятельности сначала индивидуально, а затем в присутствии других людей, показал, что наличие аудитории усиливает активность испытуемых и увеличивает продуктивность их деятельности, направленной на решение достаточно простых задач, но вместе с тем происходит снижение количества оригинальных решений, сугубо личных ассоциаций и новых идей, т. е. присутствие наблюдателей (в его случае — людей, выполнявших те же самые задачи, но не соревнующихся друг с другом) негативно влияет на качественные характеристики деятельности и позитивно — на количественные. Данные о социальной фасилитации или социальной ингибиции деятельности подтвердились в работах и других исследователей², хотя выводы Ф. Оллпорта некоторыми авторами были подвергнуты критике. Так, Э. Вильямсон³ отмечал статистическую недостоверность данных Ф. Оллпорта, а Дж. Дешиелл⁴ счи-

—¹ См.: Allport G. H. The influence of the group upon association and thought//Journal Experimental Psychology. 1920. V. 3.

¹ См.: Moede W. Die experimentelle Massenpsychologie. Leipzig, 1920; Moede W. Die richtlinien der Leistungspsychologie//Industrielle Psychotechnik. 1927. Bd. 4; Kohler O. Über den Gruppenwirkungsgrad der menschlichen Körperarbeit und die bedingung optimaler Kollektivkraftreaktion//Industrielle Psychotechnik. 1927. Bd. 4; Gates G. S. The effect of an audience upon performance //Journal of Abnormal and Social Psychology. 1924. V. 18; Travis L. E. The effect of a small audience upon eye-hand coordination//Journal Abnormal and Social Psychology. 1925. V. 20; Weston S. B., English H. B. The influence of the group on psychological test scores//American Journal of Psychology. 1926. V. 37.

¹ См.: Williamson E. G. Allport's experiments in social facilitation// Psychological Monographs. 1926. V. 35.

* См.: Dashiell J. F. Experimental studies of the influence of social human adults//A Handbook of Social Psychology. Worcester. Mass., 1935

тал, что повышение эффективности деятельности одних испытуемых и снижение ее у других могут быть обусловлены различиями в степени интеллектуального развития. Кроме того, оба они предполагали, что, находясь в изоляции, человек может вообразить отсутствующий источник социального влияния, и, значит, так или иначе полная изоляция в экспериментах отсутствует. Тем не менее влияние, оказываемое на поведение индивида присутствием других индивидов (или другого индивида) вне обусловленного совместной задачей взаимодействия, было зафиксировано и в более поздних исследованиях. ¹ В то же время практически ни в одной из работ по социальной фасилитации не было предпринято действенной попытки построения модели

межличностного взаимодействия, описывающей механизмы осуществления влияния, которое оказывают окружающие испытуемого наблюдатели. В качестве причин несовпадающих, а зачастую и исключających друг друга данных, полученных в разных исследованиях, назывались самые разнообразные факторы (например, отсутствие внимания, скрытое соперничество и др.), накладывающиеся на влияние окружающих на личность. Однако даже в максимально валидизированных экспериментах постоянно получались несовместимые результаты и делались противоречащие друг другу выводы. Невозможность непротиворечивого объяснения всех зафиксированных фактов социальной фасилитации и ингибиции была обусловлена бихевиористским подходом к рассмотрению указанных явлений, прагматической ориентацией авторов исключительно на изменение продуктивности деятельности испытуемых. Из анализа взаимодействия практически выпадало рассмотрение личности наблюдателя, обычно достаточно знакомого испытуемому и являющегося носителем каких-либо реальных или приписываемых ему личностных свойств. Однако именно учет предшествующего взаимодействия на испытуемого личностных качеств другого дает реальную возможность правильно предсказать и интерпретировать результаты изменения деятельности испытуемого в ситуации присутствия другого по сравнению с деятельностью, выполняемой отдельно.

—¹ См.: Ader R., Tatum R. Free-operant avoidance conditioning in individual and paired human subjects//Journal Experimental Analysis Behavior. 1963. V. 6; Bergum B. O., Lehr D. J. Effects of authoritarianism on vigilance performance//Journal Applied Psychology. 1963. V. 47; Zajonc R. B., Sales S. M. Social facilitation of dominant and subordinate responses//Journal of Experimental Social Psychology. 1966. V. 2.

Кроме того, для исследования социальной фасилитации характерна трактовка влияния одного партнера на другого через изменение продуктивности деятельности последнего, влияния, определяемого мерой достижения первоначально принятых индивидом целей. Здесь следует отметить, что вне предмета исследования остается влияние, связанное с появлением каких-либо новых, дополнительных целей, прямо не относящихся к решению исходной задачи. В противовес этому в экспериментальной работе, о которой далее пойдет речь, исследователей интересовали не предвиденные человеком эффекты его влияния на другого, обнаруживающиеся именно в сфере «незапланированных» проявлений активности последнего. Таким образом, замысел этого эксперимента не совпадает с целями изучения как социального влияния, так и социальной фасилитации, заполняя вакуум, который образовался в настоящее время в области исследования межличностных влияний.

Между тем в исследованиях ряда отечественных ученых уже содержались идеи, являющиеся продуктивными для решения проблемы непосредственного личностного влияния индивида на других людей. Отталкиваясь от традиционной для педагогики точки зрения, что индивидуальные качества могут передаваться тем, с кем он постоянно общается, В. М. Бехтерев¹ переставил акценты, уделив особое внимание значимости этого факта для того человека, чьи личностные качества резонируют в других. Это позволило ему высказать ряд соображений о личности, изменяющей своим существованием других, и социальной жизни в них после физической смерти того, кто вызвал эти изменения. Предпосылки предполагаемого подхода мы находим и у Л. С. Выготского, который писал, что «личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что предъявляет для других»². Позднее факт продолженности личности в окружаю-

¹ См.: Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема//Вестник знания. Пг., 1918. Вып. 2. С. 2-23.

- Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 144.

щих нашел свое отражение в дневниковых записях А. Н. Леонтьева, писавшего: «Личность (. . .), ее коперниканское понимание: я ^{нахож}у свое «Я» не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующим — в собеседнике, любимом, в природе, а также в компьютере, в системе». ¹

Окончательное оформление эти идеи получили в концепции персонализации личности, выдвинутой в работах А. В. Петровского и В. А. Петровского, в которых личность рассматривается как особая форма включенности индивида в жизненный мир других людей, когда вследствие такой включенности происходит значимое для их существования и развития преобразование присущей этим людям системы отношений к миру. Представление о том, что человек продолжает свое существование в другом человеке за чертой межиндивидуального взаимодействия, позволяет выделить ту группу явлений, которые относятся к феноменологии собственно *личности* в человеке. Личность индивида не просто продолжается в других людях, она и есть эта *продолженность*, инобытие человека в человеке.

Один из возможных механизмов межличностного влияния установлен в исследовании, построенном на предположении, что личность, обладающая более ярким проявлением индивидуально-психологических качеств, чем у окружающих ее индивидов, транслирует эти качества в виде не освоенных этими индивидами всевозможных образцов активности, т. е. таких элементов любой своей деятельности, в которых выражаются те или иные присущие ей личностные характеристики. За счет этого на первом этапе у субъектов влияния расширяются соответствующие семантические поля, а затем у некоторых из них происходят и определенные изменения мотивации, что, в свою очередь, ведет к изменению поведения и в конечном счете формированию личностных черт как характерных способов взаимодействия данного индивида со средой.

Речь при этом идет об индивидуально-специфическом влиянии, оказываемом исследуемым ярким индивидом на окружающих. Это влияние проявляется как в целенаправленной деятельности (обучение, воспитательные мероприятия и т. д.),
¹ Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 241.

так и в любых других случаях взаимодействия личности с окружающими ее людьми. Предлагая намеренно или ненамеренно образцы своей активности, личность специфическим образом продолжает себя в **других** людях, осуществляет преобразование их личностных смыслов, поведения, мотивов.

Подобная, существующая повседневно, зачастую не осознаваемая общающимися, но тем не менее приводящая к психологической перестройке окружающих людей, непосредственная трансляция ярких качеств индивида особенно показательно выражена в ситуации педагогического взаимодействия. Здесь следует выделить, по крайней мере, две причины, благодаря которым создаются определенные преимущества в трансляции педагогом своих личностных качеств ученику по сравнению с другими ситуациями межиндивидуального взаимодействия, например с теми, которые складываются в ролевой системе «врач—больной».

Первая из них предопределена нормативно: педагог реализует право передавать знания и осуществлять воспитание. В сознании ученика не возникает по этому поводу каких-либо сомнений, учитель постоянно привлекает внимание ученика, информируя его, передавая ему те или иные образцы активности, контролируя его деятельность. Формирование ученика как личности является предметом деятельности учителя, чего нельзя сказать ни о какой другой диаде, кроме разве что системы «родители—дети» (тоже, по существу, педагогический).

Вторая причина заключается в относительной неразвитости системы собственных ценностей, нормативов, эталонов социального поведения у детей и подростков. Эта система, находящаяся в стадии формирования, недостаточно устойчива по

отношению к будущим, достаточно сильным социальным воздействиям. Можно допустить, что подавляющее большинство представлений о «возможном» и «должном», существующих в этом возрасте, в дальнейшем могут соответственно пересматриваться в соответствии с образцами, вырабатываемыми и приобретаемыми в общении.

В соответствии с вышеизложенным был подвергнут анализу выявленный в указанном исследовании Ф. Оллпорта факт снижения гибкости интеллектуальных реакций личности испытуемого в присутствии наблюдателя, не конкретизированных для отношений «учитель—ученик». В соответствии с необходимостью преодоления прагматической тенденции сосредоточения внимания экспериментатора на изменении продуктивности деятельности испытуемых и игнорировании личности наблюдателя предметом исследования в нашем эксперименте стало влияние личности этого наблюдателя на личностные характеристики испытуемых. В отличие от эксперимента Ф. Оллпорта центральную роль в предложенной нами схеме эксперимента играл наблюдатель с заранее заданными личностными характеристиками. В данном случае это был учитель (иногда заменяемый его портретом или представлением его образа в воображении) с высоким уровнем сформированности личностной флексибельности.

Под личностной флексибельностью (вариативностью, гибкостью) нами понималась носящая положительную нравственную окраску способность индивида легко отказываться от не соответствующих ситуации или задаче средств деятельности, приемов мышления, способов поведения и т. д., и вырабатывать или принимать новые, оригинальные подходы к разрешению проблемной ситуации при неизменных целях и идейно-нравственных основаниях деятельности. Индивида с высокой степенью сформированности личностной флексибельности мы называем высоковариантной личностью, включенной в систему межличностных взаимоотношений. Противоположные характеристики мы относим к личностной ригидности (консервативности).

Личностная флексибельность (соответственно ригидность) рассматривалась нами в данном исследовании исключительно как общепсихологическая характеристика индивида, связанная со стабильностью или изменчивостью индивидуальных параметров деятельности и не зависящая от каких-либо принципиальных нравственных установок рассматриваемой малой группы. Вместе с тем эти установки могут оказывать существенное влияние на принятие решения или вынесение оценок каждым отдельным испытуемым. Степень принятия индивидом ценностных ориентации данной группы зависит от уровня ее развития¹. Описывая индивида в рамках

¹ См.: Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М, 1979.

парадигмы «конформизм — неконформизм — коллективистское самоопределение», можно отметить, что в группах высокого уровня развития индивид будет более легко менять точку зрения и одновременно более упорно стоять на своих позициях в тех случаях, когда считает эти позиции соответствующими нормам и ценностям его коллектива. Здесь общепсихологические характеристики «флексибельность» и «ригидность» имеют другие основания, в силу чего на их основе как бы в снятом виде образуется другая дихотомия (назовем ее условно «принципиальность — беспринципность» или, может быть, «динамическая устойчивость—динамическая неустойчивость» личности), ориентирующаяся на социально-психологические параметры ситуации, в которых решается та или иная задача.

Личностная флексибельность была выбрана в качестве предмета исследования не только в связи с критическим рассмотрением исследования Ф. Оллпорта, но также и в связи с тем, что указанная черта достаточно адекватно выделяется и воспринимается старшеклассниками среди личностных качеств преподавателя,

поскольку является значимой в его педагогической деятельности в школе.

При этом мы учитывали тот факт, что личностная флексибельность непосредственно связана с подвижностью нервных процессов индивида и что добиться каких-либо существенных изменений актуального уровня ее развития достаточно трудно. Относительная стабильность индивидуальных показателей личностной флексибельности явилась дополнительным фактором, обусловившим выбор указанной черты в качестве предмета исследования. Выявленные в эксперименте закономерности индивидуально-специфического межличностного влияния, приводящего к изменению этих показателей, благодаря данному обстоятельству могут быть распространены на трансляцию самых разнообразных личностных характеристик.

Тесты, измеряющие различные параметры исследуемого качества, были ортогонально ориентированы по отношению друг к другу и соответствовали предложенному выше определению личностной флексибельности. Значения корреляций между ними, полученных в пилотажном исследовании и подтвержденных в основном эксперименте, располагались в диапазоне от +0,19 до -0,14.

Исследование проводилось на базе VIII-IX классов средних школ Московской области. На первом этапе были выделены будущие испытуемые из числа студентов выпускных курсов географо-биологического, литературного, математического факультетов МОПИ им. Н. К. Крупской. С помощью экспертных оценок, выставившихся студентами этих курсов по типу социометрической процедуры, основанной на выборе по «заданному качеству», удалось определить лиц, представлявших своим однокурсникам наиболее вариативными. Предполагалось, что эти лица, начав после распределения работать в школах, сумеют в той или иной степени транслировать свои яркие личностные качества ученикам.

Экспертные оценки как критерий «яркости» проявлений исследуемого качества были дополнены рядом тестов, вскрывающих уровень сформированности мотивационных и операциональных компонентов этого качества. В исследовании использовались: вопросник, включающий вопросы, связанные с фактором Q, из А-, В-, С-форм вопросника Р. Б. Кэттелла с добавлением вопросов шкалы «лжи» из вопросника Г. Айзенка на экстраверсию и нейротизм; тесты «Альтернативное», «Головоломка», «Задачи на озарение», «Спичечные задачи-5» и «Следствия» из батареи интеллектуальных тестов Дж. Гилфорда; «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева; а также модифицированный вариант теста на адекватность самооценки С. А. Будасси, последний — для выявления тенденций развития мотивации личности «быть более вариативным».

Как было установлено, соответствие между субъективными оценками флексибельности и результатами тестов достаточно велико. В этой связи следует отметить, что в описываемом исследовании личностные тесты носили вспомогательный характер, поскольку определяющим с точки зрения личностного влияния представляется здесь не столько наличие каких-либо способностей исследуемых к флексибельному реагированию, сколько предьявленность окружающим — и соответственно возможность трансляции — этих способностей. Вместе с тем все отобранные будущие учителя получили и при выполнении указанных тестов достаточно высокие показатели.

Второй этап эксперимента проводился в средних школах Московской области, куда были распределены исследуемые учителя. При работе в классах использовалась батарея тестов, состоящая из методик, которые могли применяться в групповых экспериментах. В нее вошли: «Альтернативное использование» Дж. Гилфорда; модифицированный вариант теста С. А. Будасси, а также разработанный нами тест «Всегда ли?», который представляет собой набор вопросов, начинающихся словами «Всегда ли. . .», и предлагающий к оценке ряд достаточно регламентированных нормативных позиций (например: «Всегда ли следует тщательно обдумывать каждое свое слово?»). При выполнении теста у испытуемых создавалось впечатление, что

экспериментатора интересует их мнение по поводу существующих норм и способов действия. Выбор из набора ответов («всегда», «почти всегда», «не всегда», «далеко не всегда» и «иногда») ответа «всегда» свидетельствовал об абсолютизации испытуемыми существующих норм и способов действия и оценивался как ригидный (при этом предполагалось, что на протяжении эксперимента групповые нормы существенно не изменятся).

Тест «Альтернативное использование» («За три минуты составьте список любых возможных использований пустой консервной банки») позволял определить количество переходов от одного типа использований к другому в заданный промежуток времени, а также общее количество нетривиальных ответов.

С помощью частотного словаря ассоциаций, построенного нами на основе материалов первого и второго срезов (350 испытуемых) путем применения 22 слов-стимулов с требованием отвечать первым пришедшим в голову словом, было подсчитано количество спонтанных ассоциаций, генерируемых испытуемыми, которые можно было признать редкими (вероятность проявления 0,01).

Ранжирование списка из 14 личностных свойств, включающего в себя три характеристики флексибельности (широта взглядов на различные точки зрения, быстрота ориентировки при смене ситуации, умение приходить к разумному соглашению) и 3 позитивно окрашенные характеристики ригидности, при задаче описания испытуемыми «образа Я» и «идеала» дало возможность определить иерархию мотивов и соответственно их динамику в эксперименте. Кроме батареи тестов, учащимся предъявлялся набор оценочных биполярных шкал («подвижный — неподвижный», «переменчивый — непеременчивый», «творческий — нетворческий», «остроумный — неостроумный», «критичный — некритичный», «принужденный — непринужденный», «обычный — необычный»), позволяющих оценивать каких-нибудь лиц, в том числе и исследуемого учителя. Шкалы были составлены отбором из 70 определений личностных качеств с помощью социального эксперимента восьми семантически максимально пересекающихся составляющих понятия «личностная гибкость». Предполагалось, что если с помощью батареи тестов можно выявить изменения когнитивных структур, обуславливающих более или менее флексибельное реагирование, то с помощью шкал можно зафиксировать более поверхностный слой изменений, с которого начинается указанная перестройка когнитивных структур. Изменение масштаба шкал допустимо интерпретировать как расширение смысловых полей, связанных с отображением личностной флексибельности¹.

Оценки по шкалам выставлялись трем учителям, ведущим свой предмет в данном классе уже не первый год. Во втором срезе добавлялась оценка исследуемого учителя. Работа со шкалами велась после выполнения тестов в условиях присутствия учителя в классе (или фотографии на столе). Сдвиги показателей тестов от I ко II срезу были просуммированы по каждому классу отдельно (см. табл.).

В первые дни учебного года 203 школьника восьми VIII-X классов средней школы № 33 пос. Удельная, средней школы № 28 пос. Кратово, средней школы № 11 г. Люберец и средней школы № 1 г. Сходни Московской области тестировались с целью определения уровня развития их личностной флексибельности и сложившейся у них системы оценок этого качества.

Третий этап эксперимента проводился в тех же классах в конце учебного года. Смысл его заключался во введении в той или иной форме в класс во время эксперимента высоковариативного учителя.

¹ См. : Дубов И. Г. , Смирнов Л. М. Способ получения семантически «равноудаленных» шкал (для субъективной оценки качеств личности другого) // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 118-122.

Количество положительных (+) и отрицательных (-)

Форма актуализации учителя	Школа, класс	Вариативный или ригидный по экспертным оценкам	Суммарная оценка учащимися по шкалам	Гилфорда (флексibilität)		
				+	-	
Фотография	33, VIII «Г»	Вариативный	+1,32	+3	-2	
		Ригидный	+0,78	+4	-3	
	28, VIII «А»	Супервариативный	+2,58	+3	-1	
		Вариативный	+1,53	+4	-1	
			Ригидный	+1,25	+1	-2
Присутствие в классе	33, VIII «Б»	Вариативный	+1,93	+8	-8	
	11, IX «А»	Вариативный	+2,45	+9	-5	
Ведение эксперимента	1, IX «А»	Вариативный	+2,65	+12	-6	
Контрольные классы	33, VIII «А»	-	—	+4	-9	
	1, VIII «Б»	-	—	+6	22	

При этом мы исходили из того, что специфическая трансляция учителем в течение года своих индивидуально-психологических качеств учащимся создаст благоприятные предпосылки для изменения уровня личностной флексибельности учащихся при актуализации образа учителя сравнительно с контрольными классами, где повторный срез проводился в условиях, идентичных условиям первого среза. Кроме того, значительный перерыв между сериями был необходим для устранения эффектов научения испытуемых в эксперименте, а также следующего за экспериментом обмена мнениями по его итогам. Во всех случаях во втором срезе предъявлялись те же тесты, что и в первом.

В VIII «Г» классе школы № 33 каждому ученику просто предъявлялась фотография учителя. В VIII «А» классе школы № 28 эта фотография предъявлялась в условиях постоянно произносимой инструкции: «Представьте, что этот учитель находится рядом с вами, смотрит на вас, думает вместе с вами». В IX «А» классе школы № 11 и в VIII «Б» школы № 33 учитель находился во время эксперимента в классе, причем в VIII «Б» он молча ходил между рядами и изредка заглядывал в бланки испытуемых, не проявляя при этом особого интереса. В IX «А» классе школы № 1 учитель, замечая «заболевшего» экспериментатора, вел весь эксперимент.

Следует отметить, что на выполнение тестов каждым конкретным индивидом могла влиять и ситуация определенного соревнования с одноклассниками, и соседи по парте, выступающие в качестве наблюдателей, и присутствие в классе экспериментатора. Но все эти условия были практически идентичны в первом и втором срезах. Единственным фактором, добавленным в процедуру во втором срезе, был «яркий» (т. е. достаточно интенсивно проявляющий характерные для изучаемого качества неосвоенные образцы активности) учитель, и именно только за счет этого фактора можно, как нам кажется, объяснить полученные во втором срезе значимые изменения в соответствующей деятельности испытуемых.

Два класса были использованы в качестве контрольных. Кроме того, для контроля в VIII «А» классе школы № 28 ученики были разбиты на три группы, каждой из которых предъявлялись фотографии разных учителей (супервариативного, вариативного, ригидного). Первый и последний были дополнительно выявлены с помощью описанной выше процедуры. Фотография ригидного учителя предъявлялась и в VIII «Г» классе школы № 33.

Таблица

сдвигов результатов выполнения тестов

Сдвиги по тестам						Соотношение тестов с повышением («+») и со снижением («-»)
Гилфорда (нетривиальные ответы)	Леонтьева (ассоциативный словарь)	Буласси (образ «Я»)	Буласси («идеал»)	«Всегда ли?»		
+1 -3	+6 -5	+6 -3	+7 -4	+6 -3	+5 -1	
+3 -4	+8 -3	+4 -7	+4 -7	+6 -4	+3 -3	
+3 -1	+5 0	+2 -3	+3 -2	0 0	+4 -1	
+3 -1	+5 0	0 -3	+2 -2	+2 -3	+3 2	
+2 -1	+2 -3	+1 -4	+1 -3	+2 0	+2 -4	
+9 -3	+12 -5	+9 -7	+9 -6	+8 -4	+5 0	
+3 -6	+9 -5	+12 -10	+8 -5	+5 -4	+5 -1	
+11 -4	+15 -7	+6 -9	+12 -7	+13 -4	+5 -1	
+9 -2	+6 -15	+8 -11	— —	+10 -7	+2 -3	
+10 -6	+21 -12	+15 -14	+7 -21	+11 -14	+3 -3	

Экспертные оценки коллег и оценки учащихся подтвердили правильность экспертных оценок, полученных исследуемыми учителями в вузе, на первом этапе эксперимента.

В приведенной таблице показано соотношение количества испытуемых, повысивших свою флексибельность при решении тестовых задач во время актуализации образа учителя, и количества испытуемых, снизивших свою флексибельность. В последней колонке приводится соотношение количества тестов, при решении которых флексибельность большинства испытуемых повысилась, к количеству тестов, при решении которых флексибельность снизилась. Ранговые корреляции тестов между I и II срезами колеблются в основном в диапазоне от +0,43 до +0,69, что показывает достаточную устойчивость мест индивидуальных показателей на протяжении эксперимента и может служить критерием надежности полученных результатов.

Из таблицы следует, что представленность высоковариативных учителей улучшает выполнение тестовых заданий испытуемыми, в то время как представленность ригидных учителей (были предъявлены их фотографии) приводит к относительному ухудшению результатов тестов. В контрольных классах не наблюдалось направленных изменений показателей тестов.

Таким образом, нами был установлен факт повышения гибкости мышления учащихся, а также усиления мотивации «быть более вариативным» в присутствии

флексибельного учителя, не оказывающего на них в данной ситуации направленного воздействия. Это явление объясняется, с нашей точки зрения, актуализацией следов индивидуально-специфического влияния, оказанного ранее исследуемым учителем на испытуемых.

Для проверки значимости сдвигов была принята модель, использующая накопление сдвигов по каждому тесту в отдельности. В соответствии с моделью, значимыми ($p < 0,05$) оказываются только сдвиги в результатах тестов, выполнявшихся при непосредственном присутствии учителя. Причем наиболее выраженными эти сдвиги были в классе, в котором учитель во время второго среза сам вел эксперимент, заменяя экспериментатора. Предъявление фотографий в этом эксперименте не дало значимых результатов. На возможное объяснение этого факта наводят результаты эксперимента, проведенного в ГИТИСе им. А. В. Луначарского.

Проведение эксперимента в ГИТИСе было вызвано значительным количеством артефактов, полученных при применении в средних школах описанных выше биполярных шкал. Указанные артефакты, с нашей точки зрения, были связаны с возрастными особенностями восприятия учащимися проявлений изучаемого личностного качества у учителя; эксперимент со студентами по оцениванию знакомых испытуемых индивидов проводился по той же методической схеме, что и в средних школах. Первый раз оценки выставлялись студентами в начале учебного года в присутствии экспериментатора. Второй срез был проведен через полгода. Процедура II среза была идентична процедуре I среза. Единственное отличие заключалось во введении в ситуацию группового тестирования тем или иным способом актуализированного образа высоковариативного режиссера, преподававшего на этом курсе с начала данного учебного года.

Эксперимент проводился на первом курсе актерского и втором курсе режиссерского факультетов ГИТИСа.

Во время I среза студентам предлагалось, во-первых, оценить себя и двоих знакомых людей: отца и мать, а во-вторых, выбрать для оценки любого из носителей следующих ролевых позиций: жену или мужа, любимую или любимого, ближайшего друга или подругу, классного руководителя в школе или старшину в армии. Оценивание проводилось анонимно. Для сравнения результатов первого тестирования с результатами предстоящего повторного студентов просили зашифровать бланки каким-либо девизом и запомнить этот девиз и людей, выбранных для оценивания.

Выбор преподавателей для участия в эксперименте производился на основе экспертных оценок студентов-старшекурсников, выставленных по процедуре, аналогичной той, что использовалась в МОПИ им. Н. К. Крупской. Отобранные на основании этих оценок преподаватели оказались художественными руководителями тех групп или курсов, со студентами которых проводился эксперимент.

Актуализация образа преподавателя во втором срезе достигалась различными способами. В актерской группе режиссерского факультета (9 человек) студентов просили наряду с оцениванием тех же, что и в прошлый раз, людей оценить и указанного преподавателя. Студенты же актерского факультета (13 человек) оценили повторно только тех людей, которых они оценивали в первый раз. Однако исследуемый преподаватель находился в это время в аудитории в непосредственной близости от испытуемых. Режиссерская группа режиссерского факультета (6 человек) выступала в качестве контрольной.

Предполагалось, что оценки, полученные в присутствии преподавателей, должны были «сжиматься» к центру шкал, что можно было бы объяснить расширением смысловых полей, релевантных флексибельности. Это расширение, в свою очередь, связывалось с предъявлением исследуемыми преподавателями не освоенных еще студентами образцов личностной активности в этой области.

Полученные в контрольной группе сдвиги оценок были случайны: количество оценок, сдвинувшихся к центру шкалы, приблизительно равнялось количеству сдвигов

к полюсам. По 8 шкалам в сумме по группе эти соотношения выглядели следующим образом: 5:5,6:4,6:6,4:6,6:5,7:6,6:5,6:6. В указанные соотношения, естественно, не включены оценки, не изменившиеся во втором срезе по сравнению с первым. Их количество равно приблизительно третьей части общего числа оценок. Таким образом, отмеченные сдвиги оценок можно отнести за счет естественных колебаний мнений.

Совершенно иная картина имела место в группе, выполнявшей тест в присутствии высоковариативного преподавателя. Соотношение центростремительных и центробежных сдвигов резко изменилось по большинству шкал. Отдельно по шкалам оно составило: 13:10,22:6,22:8,17:8,20:6,15:12,14:10,12:8. При этом речь идет не о субъективном снижении флексибельности оцениваемых испытуемыми лиц в присутствии исследуемого преподавателя, а об изменении масштаба используемых для оценки шкал. Иными словами, у испытуемых изменились критерии оценки как флексибельности, так и ригидности, к центру сместились оценки не только в правой (положительной), но и в левой (отрицательной) части шкал. Этот факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что присутствие преподавателя, не оказывающего в этот момент направленного влияния на студентов, но транслировавшего им на протяжении полугода не освоенные ими образцы личностной флексибельности, актуализирует следы этого влияния, еще не закрепившиеся в индивиде, на уровне изменений личностных качеств. Мы полагаем, что усвоение неизвестных ранее образцов флексибельного поведения первоначально проявляется именно в ситуативном расширении смысловых полей данного индивида и в соответствующих изменениях критериев оценки флексибельности каких-либо лиц и лишь потом закрепляется в описанных выше изменениях операциональной и мотивационной сфер его личности.

Несомненный интерес представляют также данные, полученные в актерской группе режиссерского факультета. Оценивание наряду с другими людьми высоковариативного преподавателя, использованное как один из способов актуализации его образа в сознании испытуемых, не выявило тенденции изменения оценок в каком-либо направлении, несмотря на то, что исследуемый режиссер практически по всем шкалам получил максимально высокие оценки. Соотношение центростремительных сдвигов с центробежными здесь составило: 5:4, 8:8, 11:9, 10:2,6:4,8:6, 12:12, 11:8. Исключение представляет только четвертая шкала «творческий — нетворческий». На основе этого факта можно предположить, что при подобном способе предъявления испытуемым образа исследуемого актуализируются только его ролевые характеристики (например, для ГИТИ-Са — «творческий»), а богатейшая гамма личностных проявлений, оказавших в свое время значительное влияние на испытуемых, остается за пределами актуализированного содержания.

Описанный эффект, с нашей точки зрения, мог иметь место и при проведении исследования в средних школах, где предъявление фотографии в групповом эксперименте не позволяло учащимся представить личность учителя во всем его многообразии.

Подводя итоги, можно сделать некоторые общие выводы. Выявленные изменения личностных подструктур, наиболее вероятно обусловленные индивидуально-специфическим влиянием личности исследуемого индивида, выражаются: а) в когнитивной сфере — в расширении семантических полей индивида, релевантных флексибельности, и соответствующем изменении критериев оценки им поведения других людей; в повышении гибкости при решении интеллектуальных задач; б) в мотивационной сфере — в повышении уровня мотивации личности «быть более вариативным»; в снижении консервативности ценностно-нормативных ориентации.

Связанные с высоковариативным индивидом изменения уровня личностной флексибельности испытуемых за пределами непосредственного взаимодействия с ним свидетельствуют об идеальной представленности данного индивида, лежащей в основе его *персонализации* в окружающих людях.

В описанном исследовании *реализация принципа отраженной субъектности* позволила выявить тенденции наметившихся личностных изменений испытуемых путем актуализации в их сознании образа индивида, предположительно оказавшего на них влияние, что подтверждает продуктивность предложенной выше экспериментальной схемы.

Среди многих психолого-педагогических проблем творческой одаренности ребенка в качестве приоритетной можно обозначить проблему реализации творческих потенциалов личности. Выявление этой проблемы как приоритетной фокусирует внимание исследователей и практиков на процессе превращения потенциально одаренного ребенка в человека с состоявшейся творческой судьбой, осуществляющего реальные вклады в культуру.

Актуальность обозначенной проблемы обуславливают три феномена. Во-первых, феномен «снятия» одаренности по мере взросления, когда яркие способности оказываются лишь возрастной особенностью и ослабевают с возрастом. Во-вторых, феномен личностной деградации, перерождения творческой судьбы (акцентуация, девиантное поведение, наркомания, алкоголизм и т. п.), истоки которых лежат в детстве и юности. В третьих, феномен неполной реализации творческого потенциала в силу внешних неблагоприятных обстоятельств (особенно актуальных для России, чьи таланты часто реализуются за ее пределами).

Общее направление поисков решения проблемы задано пониманием двух взаимосвязанных тенденций становления творческого человека. С одной стороны, творческая судьба задумывается и осуществляется самим человеком как уникальным автором. Программирование творческой судьбы извне невозможно. Ребенок, получивший в дар яркие способности, может как обратить их в фундамент творчества, так и разменять их на жизненные выгоды. С другой стороны, полноценное развитие творческой личности осуществляется, если социум тем или иным образом подтверждает творческие проявления людей.

¹ В работе воспроизведены фрагменты текста концепции «Одаренные дети: экология творчества» (В. А. Грязева, В. А. Петровский, 1993).

Реализация творческих потенциалов личности возможна в обществе, где творчество принципиально интегрируемо.

Таким образом, для исследователей и практиков общая проблема реализации творческих потенциалов личности может быть конкретизирована в двух взаимосвязанных проблемах:

1. Проблеме созидания личностью себя самой, т. е. проблема формирования самосозидающегося типа личности.

2. Проблеме вычленения и создания параметров природного и социокультурного пространства, которое открывает возможности осуществления творчества, т. е. является экологической нишей для творческой личности.

Эти две взаимодополняющие проблемы и задают предмет исследования, обозначенный как «экология творчества».

Теоретические основы решения проблемы экологии творчества

Определяющими понятиями в исследовании самосозидающейся личности можно считать следующие: тип активности; тип развития; тип организации жизненного времени.

Теоретическим базисом исследования типа активности является концепция неадаптивной активности (В. А. Петровский). Выполненные в рамках концепции экспериментальные исследования описывают феномен адаптивной активности, в том числе феномены прагматического риска, а также альтернативу этому типу активности — неадаптивную, надситуативную активность, в том числе феномены

непрагматического риска.

Неадаптивная активность характеризуется особым процессом целеполагания. Основу целеполагания составляет познание, рефлексия человеком спонтанно складывающихся в деятельности образов возможного будущего. Образ возможного переходит в определенных условиях в действие, выступает как цель. Эта цель обладает определенной избыточностью с точки зрения динамики деятельности, ее породившей, обеспечивает расширение деятельности субъекта. Неадаптивная активность характеризуется предпочтением действий с непред-решенным исходом, выходом за границы известного и предсказуемого. Важный аспект неадаптивной формы активности — осуществление свободы субъекта: в выборе собственных действий, выходе за пределы установленного, предрешенного; человек свободен как от внешней заданности, так и от диктата собственных противоречивых потребностей. Творчество, как научное, техническое, так и художественное, направленное на преодоление сложившихся установок, норм, традиций, непрерывное исследование пределов созидательной деятельности, расширение границ самораскрытия, является неадаптивной активностью личности. В этом неадаптивном типе активности заложено то парадоксальное сочетание риска и непредсказуемости, трагизма и успеха, что определяет развертывание творческой судьбы личности.

В психологических исследованиях факторов процесса творчества и особенностей творческой личности накоплен обширный материал о специфике творческой активности личности. В этих исследованиях найдено множество эмпирических проявлений фундаментального свойства творческой личности — активной неадаптивности. Так, в функциональных концепциях стимулирования индивидуальной и групповой творческой активности в фокус внимания исследователей попадают такие моменты активности, как спонтанная продуктивность, трансценденция личности, рефлексия новых возможностей (У. Д. Гордон, А. Ф. Осборн, М. И. Стейн, С. Г. Айзексен, Д. А. Моффет, У. Д. Шепард, Л. А. Пономарев, Ч. М. Гаджиев). Исследователи проблемы «личности и творчества» в целом подчеркивают приоритет личностных, а не интеллектуальных факторов творчества. Творческую личность отличают смелость, открытость новому опыту, оригинальность, ненасыща-емая познавательная потребность, независимость, гибкость, предпочтение более трудного для себя (Р. Мэй, Д. Г. Янг, Л. Хад-сон, Ф. Барэн, Д. У. Маккиннон, Р. Б. Кеттэлл, Х. Д. Бьючер, Д. П. Сарноф, Х. П. Коул, А. М. Матюшкин).

Хотя большинство психологических концепций связано с парадигмой человека, адаптирующего в обществе, феномен не адаптивной активности на протяжении XX столетия привлекал внимание ученых (гуманистическая психология Г. Оллпорта, А. Маслоу, К. Роджерса). В работах А. Маслоу дается наиболее полное описание типа творческой личности, обозначенного им как «самоактуализирующаяся личность». Э. Фромм анализирует два фундаментальных типа личностной направленности. Личности, ориентированной на присвоение благ, предлагаемых цивилизацией, сливающейся с тем, что она имеет, он противопоставляет тип личности, способной осуществлять собственное уникальное бытие, понять и принять собственную индивидуальность. Осуществление личностью уникального бытия предполагает ее способность к неадаптивности.

Особое место в анализе неадаптивной активности занимают концепции, рассматривающие творческого человека в контексте эволюции культуры. Историко-эволюционный подход к индивидуальности личности, развиваемый А. Г. Асмоловым, позволяет понять «эволюционный» смысл индивидуальности личности, который обеспечивает возможность бесконечно-творческого эволюционирования жизни общества. Наличие избыточных неадаптивных элементов в общественной системе обеспечивает ее саморазвитие при различных изменениях условий существования.

Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева исследует одно из самых ярких явлений неадаптивной активности человека, обозначенное им как пассионарность.

Пассионарность — избыточная форма активности, порождающая жертвенность ради достижения поставленной цели, лежит за пределами инстинкта самосохранения. К пассионариям автор относит и творческих людей, активность которых определяет динамику этноса.

Феномен самодетерминирующейся личности, осуществляющей свое бытие в пространстве культуры, является центральным в концепции логики культуры В. С. Библера. Исследование исторических форм самодетерминации личности, поиски логических оснований для понимания бытия личности в культуре, анализ конфликтов и катастроф бытия личности в XX веке приводят автора к выявлению основных тенденций самодетерминации человеческого бытия накануне XXI века.

Анализируя факторы современного социального развития, А. Н. Уайтхед обращается к идеям — творениям людей, которые направляют движение человечества к цивилизации. Исследование интеллектуальной эволюции персонифицировано и представляет обширный материал длительного процесса «кристаллизации идей», в который творческая личность вносит определенный вклад, расширяя пределы человеческой мысли.

Тип развития личности рассматривается как способ появления новообразований в личности. Психологи, исследующие одаренных детей, в качестве определяющей характеристики описывают у них опережающий тип психического развития как альтернативный другому, запаздывающему, типу психического развития (Н. С. Лейтес, А. М. Матюшкин, К. Тэкэкс, М. Карне). Однако психическое развитие может протекать неравномерно: развитие в сфере специфических проявлений одаренности (через неуниверсальные стадии) может быть ускоренным, а развитие через универсальные стадии может быть ускоренным или не быть таковым (Д. Фэлдмэн).

Среди многих концепций одаренности особым направлением исследований выделяются генетические концепции одаренности. Подчеркивая недостаточность когнитивных теорий одаренности, они рассматривают талант в контексте длительного процесса развития личности. Так, Д. Уолтерс и Х. Гарднер описывают феномен «кристаллизации опыта», возникающий в результате взаимодействия человека, обладающего множественными интеллектуальными образованиями с внешним миром, с той областью, в которой его талант будет проявляться. В результате этого взаимодействия происходит такая перестройка индивидуального познавательного опыта, которая приводит к появлению оригинальных творческих продуктов, произведений собственного стиля. Анализ биографий демонстрирует значительную временную дистанцию между проявлениями таланта в детстве (если таковые имелись) и моментами «кристаллизации опыта». Р. Робинсон с соавтором рассматривает одаренность не как набор неизменных черт, а как индивидуальные возможности активности в культурном пространстве, изменяющиеся в течение жизни. Авторы исследуют несколько направлений развития одаренности в онтогенезе, в т. ч. когнитивное развитие (с предельной стадией «постановки проблем», «формальных операций» по Ж. Пиаже), развитие в доминирующей сфере (до стадии формирования индивидуального стиля), продвижение в области социальных структур (до возможно высшей ступени профессиональной карьеры). Понимание творчества как интерперсонального и мета-персонального процесса дает основание обратиться к некоторым концепциям в поисках инструмента дифференциального анализа типов развития.

Возрастные типы развития описываются в социально-психологической концепции развития личности А. В. Петровского. Каждый возрастной период задается соотношением процессов адаптации, индивидуализации, интеграции личности. Детство — период преобладания адаптации, отрочество — индивидуализации, юность и зрелость — интеграции личности в сообществе. Можно предположить, что возрастные типы развития могут выступать как дифференциальные в пределах одного возраста. Так, например, у одаренных детей процесс индивидуализации проявляется достаточно рано и остается преобладающим на протяжении всей жизни.

А у людей с ярко выраженным типом адаптивной активности процессы адаптации могут сохраняться и за пределами детства как преобладающие.

Конституирование типа развития личности происходит через определение характера противоречий, которые определяют способ появления новообразований личности. Типы развития, описываемые социально-психологической концепцией развития личности через процессы адаптации, индивидуализации, интеграции задаются противоречиями между потребностями личности и требованиями социума. Разрешение этих противоречий и приводит к новообразованиям личности. Именно тогда, когда человек обретает свою идеальную представленность в других и тем самым вносит изменение в их бытие, он развивается как личность (В. А. Петровский).

Анализируя природу творческой одаренности, Д. Янг приводит высказывание о том, что «оригинальность творческого человека — это более явление бытия, а не деятельности». Исследования общей и генетической психологии творческой одаренности приводит к пониманию того фундаментального явления, что именно особый способ бытия определяет уровень уникальности личности, именно он задает границы ее творчества и именно уникальностью бытия оплачена «безграничность» ее творческих возможностей. В этом контексте можно понять определение — метафору творческой одаренности, что приводит Д. Янг: *«Творчество — это не дар,*

Дар дается щедро, бесплатно.

Творчество — это дорогостоящее проклятие,

Оно забирает вас всего,

А затем требует еще».

Подводя итоги теоретическому обсуждению проблемы самосозидающейся личности, можно зафиксировать многопараметрическую детерминацию, обеспечивающую развертывание и реализацию творческой личности, дающую возможность создать собственное творческое пространство:

- неадаптивный, надситуативный характер активности;
- опережающий тип психического развития и преобладание индивидуализации в детстве; спонтанность как тип развития и преобладание интеграции в зрелые годы;
- творческое программирование жизни и путь духовного поиска.

Принцип личностной включенности в решение творческой проблемы, повышение субъективной эффективности каждого участника обсуждает А. М. Матюшкин и анализирует в связи с этим различные виды межличностных взаимодействий (конфликт, кооперация и др.), способствующие порождению проблемных ситуаций. Многие эффекты личностных взаимодействий, эффекты взаимопорождения личностных стилей в творческой деятельности исследованы в работах, основанных не на принципе фасилитации, а на принципе персонализации (В. Г. Грязева, И. Г. Дубов, Е. Ю. Уварина), при котором в фокусе внимания оказываются индивидуально-специфические влияния людей на творческую, интеллектуальную деятельность друг друга. Таким образом, социальной психологией творчества достаточно тщательно исследовано творчество как интерперсональный процесс и выявлены детерминанты реализации творческих потенциалов личности.

Экологический смысл неадаптивной активности творческой личности заключается в выявлении и способности решения наиболее острых кризисных проблем развития человеческой цивилизации. Экологическое равновесие достигается, с одной стороны, при ориентации общества на поддержку творческой элиты и, с другой стороны, сензитивности творческих личностей к глобальным проблемам общества.

Следствием этого положения является целесообразность раннего выявления одаренных детей с неадаптивной активностью, а также развитие и обучение их в направлении возможности решения глобальных проблем современности. При построении программ обучения этого типа детей нужно максимально ориентироваться на сохранение неадаптивной активности во всех ее проявлениях (В. А. Петровский): способности личности к неадаптивному раскрытию собственной

уникальности в художественном творчестве, установки на самоценность познавательной деятельности при изучении научных дисциплин, готовности к непрагматическому риску в неординарных ситуациях жизни, возможности сохранения приоритета духовных, идеальных ценностей при любых обстоятельствах.

Творческий человек осуществляет вклад в культуру, создавая некий продукт— произведение. Через продукт—произведение творец получает возможность трансляции в социальное целое, возможность персонализации — идеальной представленности, продолженности собственной индивидуальности в других людях (А. В. Петровский, В. А. Петровский).

Если люди готовы интегрировать идеи (научные, художественные, философские и др.) творческой личности, тогда персонализация превращается из возможности в действительность. Персональное пространство творческого человека — это пространство людей, в котором он интегрирован как творческая индивидуальность.

Персональное пространство творческого человека активно создается самим же творческим человеком. Соответственно одаренных детей нужно готовить к авторской деятельности посредством языков науки, искусства и др. и к овладению общением как «персонализацией». Подобное общение обеспечивает диалог как источник личностного развития. Общение как «персонализацию» возможно формировать в условиях непосредственного контакта с творческой личностью на территории ее «авторской лаборатории».

Сравнивая разнообразие возможностей, заданных в неоднородном стимульном пространстве, и разнообразие продуктов, которые порождает личность (интерпретация текстов, авторские произведения и т. д.), можно описать специфику ее творческой активности, ее субъективные смыслы, ценности, например, тенденцию к сложности, оригинальности, многозначности. Сравнивая по этим параметрам специфику избирательной направленности, активности, предпочтений творца и его аудитории, можно прогнозировать возможности его интеграции в том или ином сообществе. Теория катастроф, в ее математических и психологических интерпретациях (Р. Том, И. Стюарт, В. И. Арнольд, С. Боулс, Н. Н. Моисеев), описывает динамические состояния систем, которые характеризуются через критические значения по меньшей мере двух переменных процесса. Эти критические значения переменных порождают состояния бифуркации как состояния неопределенности дальнейшей динамики системы и соответственно непредсказуемости результатов процесса. Теория катастроф дает возможность представить как динамику творческого состояния субъекта (процесс творческого мышления и др.), динамику его персонального творческого пространства (эффекты влияния, которые он оказывает на людей), так и динамику процессов природной, социальной, культурной среды, оказывающей воздействие на творческую личность.

Творческие личности обладают, по всей видимости, способностью к достижению катастрофических состояний, продуктивных с точки зрения неожиданности открытий. Особый интерес для исследователей представляют те противоположные переменные творческого процесса, одновременные и предельные значения которых порождают особые значения бифуркации. Это состояние можно определить как гиперфункционирование, учитывая психологические затраты личности на его достижения (В. Г. Грязева). В частности, состояние вдохновения, представляющее расширение спектра сознания человека, создается, по всей видимости, через одновременное достижение предельных значений эмоциональной активации, рационального мышления, сверхчувственного (архетипического и трансличностного) постижения мира. Возникающее состояние характеризуется непредсказуемостью, неуправляемостью процессом со стороны субъекта, а результат этого процесса представляет, с одной стороны, глубинное постижение до сих пор закрытой истины и, с другой стороны, более или менее точное, рациональное ее выражение. Анализ бифуркационных состояний в социальной сфере достаточно сложен и важен (Н. Н.

Моисеев). Неустойчивые, критические состояния социума с непредсказуемыми следствиями достаточно часты для России. Их влияние на субъективные процессы творчества, возможно, состоит в некоторой толерантности и сензитивности субъектов к катастрофическим состояниям. Философский анализ социальной, культурной ситуации в России (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, Н. Н. Бердяев) дает возможность сделать общее замечание о продуктивности применения теории катастроф и к надперсональным явлениям творчества. У моей собеседницы необычная манера слушать. Лицо ее, по мере того как собеседник становится все более и более разговорчивым, приобретает все более простодушное выражение. Появляется что-то детское, — и это расковывает, начинаешь делиться самым сокровенным, еще никому не «выговоренным» . . .

Но тут все резко меняется. Это она задает свой очередной вопрос. Иногда — совсем неожиданный, иногда — напрашивающийся, но всегда требующий размышления. Многие ее вопросы не кажутся новыми только потому, что сам себя когда-то терзал ими.

Разговор записываем на магнитофон, иногда его отключаем, чтобы не переводить пленку, иногда я прошу: «Не для записи! . . .» Вечерние телефонные звонки: «Я бы хотела уточнить. . . Мне тут неясно. . .»

Алла Алова — журналист, имеет немалый опыт общения с теми, чьи профессиональные интересы касаются личности человека. Я читал ее интересные интервью с И. С. Коном, А. Г. Асмоловым, Б. С. Братусем, В. Смеховым. . . Был у нас такой разговор.

— Хорошо с психологами! По крайней мере всегда ясно, о чем они говорят. Беседовала я тут однажды с одним физиком, он заговорил о «сверхтекучести», а я, представьте, не знаю, что это. . . Тогда он мне: «О чем же мы с вами будем дальше разговаривать, если вы не знаете таких элементарных вещей?» Так и ушел. . .

Когда я услышал от нее это, мне стало немножко обидно за психологию — что она такая уж всем понятная, и вдруг мне предоставился шанс «постоять за науку».

— . . . Фамилию этого физика я позабыла, — сказала мне журналистка.

— У вас амнезия на имена?

А что такое амнезия? — спрашивает.

— А это — сверхтекучесть! — позволил себе пошутить я.

Так бы и уйти, не раскрыв!. . . Не ушел.

Мысленные диалоги с Аловой я веду по сей день. Вот кое-что из опубликованного¹ и кое-что из недосказанного.

Реальными и мысленными диалогами с журналистом я хотел бы завершить эту книгу.

Не знаю, сохранился ли бы в памяти тот эпизод со «сверхтекучестью», если бы наше общение часто не возвращалось к одному и тому же пункту — притче о волшебной смеси. Да простит меня тот самый физик, если моя ассоциация по сходству покажется ему слишком далекой!

ПРИТЧА О ВОЛШЕБНОЙ СМЕСИ

— *Вы обещали рассказать мне о чудодейственной смеси, ну, о той, которая растворяет все. . .*

— Эта история, говорят, связана с именем Эдисона. Пришел к нему один человек и сказал, что ему удалось изобрести универсальный растворитель, такую смесь, которая растворяет буквально все. «Прекрасно, — сказал Эдисон, — но в чем вы собираетесь хранить свою смесь?» Я хотел рассказать вам этот занятный случай для того, чтобы пояснить свою мысль: деятельность человека во многом подобна этой

волшебной смеси — ее не в чем хранить. Она движется, выходит из берегов любых целей, намерений, побуждений. В движении она размывает свои собственные черты.

— *Знаете, это довольно абстрактно: «... размывает свои черты...»*

— Вот мы, например, убеждены, что у любой деятельности есть автор («субъект»), что она всегда направлена на ту или иную вещь («объект»), что — вначале сознание, потом деятельность. Кроме того, мы не сомневаемся в том, что деятельность — это процесс и что ее можно наблюдать со стороны, или уж, во всяком случае, «изнутри» — глазами самого человека. Все так и есть, пока мы не принимаем в расчет продвиже-

Алова. За рамками задачи. «Знание — сила». 1986, № 1, стр. 37-38
Алова. Требуется свидетель. «Московский комсомолец». 1985, 301
ние человека к уже принятой цели и отвлекаемся от того факта, что сама деятельность при этом движении развивается. Но если предметом внимания мы сделаем движение деятельности, то тогда вдруг окажется, что все сказанное о ее строении теряет отчетливость, как бы смазывается. Теряет «резкость» автор; ориентированность деятельности на объект уступает место ориентации на другое лицо (деятельность превращается в общение); процесс деятельности распадается на множество ветвящихся и вновь сливающихся «ручeyков—переходов», и слово «процесс», для того, чтобы их все охватить и обозначить, уже не годится; вместо того, чтобы сознание предвляло и направляло деятельность, оно само оказывается чем-то вторичным, выводимым из деятельности. . . И все это в силу тенденций собственного движения, саморазвития деятельности.

— *Если деятельность движется, то, простите за прямолинейность, куда и откуда?*

— Я понимаю Ваш вопрос так: что образует источник этого движения и к каким последствиям оно приводит. На мой взгляд, источник движения деятельности — в ней самой и заключается в несовпадении целей и результатов человеческих действий. Всегда есть элемент несоответствия между тем, к чему стремишься и чего достигаешь; это несоответствие может заключаться не только в неблагоприятных последствиях достижения, но и в том, что результат действия богаче принятой цели. Независимо от того, оказывается ли замысел выше воплощения, или, наоборот, — воплощение превосходит замысел, расхождение между стремлением и эффектами осуществленных действий стимулирует активность человека, движение его деятельности. А в итоге рождается новая деятельность, и не только своя собственная, но, возможно, — других людей. Ведь последствия деятельности затрагивают многих; человек оказывается «отраженным» в жизни других.

— *Но если человек знает заранее, что цель его стремлений и результат достижений не совпадут, то не приведет ли это к тому, что у человека просто пропадет желание действовать?*

Во-первых, сказанное о несовпадении вовсе не означает, что цели не воплощаются в результатах. Речь идет лишь о возможной непредсказуемости последствий деятельности. Во-вторых, и это для нас самое главное: человек может отдавать предпочтение как раз тем действиям, вероятность расчетного исхода которых субъективно уравнивается с вероятностью противоположного исхода; предпочитать именно потому, что хорошо знает об этом!

— *То есть Вы хотите сказать, что человек заранее знает, что действие может закончиться для него провалом, и именно эта возможность подталкивает его к действию? Но ведь это лишено всякого смысла!*

— Я бы мог назвать, как минимум, три побуждения к действию такого рода: стремление к преодолению трудностей, стремление к неизведанному, стремление к

опасности. Действуя в направлении трудностей, неизведанного, риска, люди намеренно ставят себя в условия, которые, возможно, потребуют от них дополнительных усилий. Движение собственной деятельности здесь выступает как особая деятельность, имеющая свой — неадаптивный — мотив.

—*Стремление преодолевать трудности — это я понимаю. Стремление к неизведанному — тут уж мне память подсказывает: «Поэзия вся — езда в незнаемое!..» Но вот тяга к опасности. . .*

—Много лет назад я рискнул, простите за каламбур, заняться риском вплотную. И, просматривая литературу, обнаружил странную вещь. Исследователи были заняты совсем не тем риском. Их интересовал риск мотивированный, риск ради чего-то. У меня же были некоторые подростковые воспоминания, которые в эту схему не укладывались. Знаете, бывает такое ощущение, когда влезать на скалу очень страшно, но не можешь от этого желания отделаться, опасность притягивает, манит. . .

—*Риск ради риска?*

—Вот-вот. Я в детстве даже не мог решить, что же будет считаться проявлением воли: если я страх преодолю, взберусь или если устою перед искушением.

Именно такой риск и стал предметом исследований. Началось все с эксперимента. Вертикальная панель, а в ней вырезан круг. По окружности с постоянной скоростью бегают огонек. Часть круга закрыта, и огонек то в зоне видимости, то скрыт. В скрытой части еще есть «запретная зона», она заштрихована. Задача: когда огонек скрывается, догадаться, где он находится и с помощью специальной кнопки вовремя остановить, пока он не попал в «запретную зону». Если он все-таки туда угодил, испытуемому в наушники подается резкий, неприятный звук — «наказание». А условия этого испытания таковы: чем ближе к «запретной зоне» остановишь огонек, тем больше получишь очков.

К риску стремятся многие, и это естественно. Дополнительные очки подстегивают. Вот он, «разумный» риск — лежит, так сказать, на поверхности.

Но другой, главный для меня риск — самый интересный и непонятный тут скрыт. Как его экспериментально выделить?

Изменяю условия. Никаких очков, никаких стимулов рисковать. За риск ждет только наказание. Казалось бы, останавливай огонек как можно дальше от опасной черты, и все! Так многие и поступали. Но некоторые. . . Они упорно «искушали судьбу» — останавливали огонек у самой черты и иногда получали довольно таки неприятный щелчок.

Неужели это и есть тот бескорыстный, антипрагматический риск? Надо было все проверить. . .

Желание «подыграть» экспериментатору отпадало, испытуемые вообще не знали, что это будет проверка тенденции к риску. Им говорили, будто это тест на реакцию, на способность к экстраполяции.

Может, им хотелось показать свою смелость, а экспериментатор принимал это за «рисковость»?

Снова изменили условия — ввели аудиторию. Да еще какую: испытуемый — это молодой человек, а в свидетели набирают девушек. И что же? Тенденция к риску падает. Нет, и такое объяснение не годится. . .

А если наказание слишком слабо и его никто не боится? Сделали щелчок еще более резким, вообще трудно переносимым. Но это увеличило тенденцию к риску!

Итак все подтвердилось. Риск — тот самый. Очищенный от посторонних мотивов. Причем результаты последнего варианта опыта были для меня неожиданностью — усиление опасности обостряет «склонность к риску».

Теперь предстояло ответить на главный вопрос: почему люди рискуют? Зачем?

Давайте проведем с вами небольшой эксперимент. Пожалуйста, не оборачивайтесь! Не смотрите назад!. . . Конечно, Вы легко справились с моим требованием. Но, не сомневаюсь, что посмотреть-то Вам захотелось!

Разгадку риска на время отложим, а займемся только что случившимся.

Чтобы освоить и осуществить любое действие по требованию, мы обязательно его сначала мысленно «проигрываем». Когда сложился навык, предварительное моделирование ситуации в уме сворачивается, происходит мгновенно, человек действует уже как бы автоматически. Меняется ситуация, необходимо освоить еще какое-то действие — и мы снова начинаем ту же работу, прикидывая наперед все предстоящие операции.

Известно, что в этой репетиции участвуют все психические «службы» организма. Достаточно представить себе, как вы сейчас возьмете в руки стакан, обернетесь, встанете, — и в состоянии «боеготовности» приводятся все соответствующие мышцы, они уже мобилизованы, способны произвести то, что вы себе представили. Это фиксируют приборы.

Насколько такая репетиция видна со стороны, зависит от степени сложности задачи и от умения владеть собой, то есть в каком-то смысле от силы воли. Прежде чем научиться читать про себя, ребенок долго шевелит губами при чтении; порой шевелят губами и люди, ведущие мысленный разговор с кем-то. Тщательно проработав эту проблему, выдающийся психолог П. Я. Гальперин создал очень эффективную систему поэтапного формирования действий: от постепенного освоения каждой операции сначала «на пальцах» — в материальном плане, и только потом, через ряд ступеней — в уме, в идеальном плане. Здесь уже действие выступает в «свернутой» форме.

Так вот, я предположил, что с запретными действиями может происходить то же самое.

Когда нам говорят, что чего-то делать нельзя, мы сейчас же это действие «прокручиваем» и как бы говорим себе: вот этого — понял чего? — делать нельзя. Когда я попросил не оборачиваться, вы мысленно обернулись и именно поэтому! — у вас тут же возникло желание действительно поглядеть назад. Хотя вы же видели, когда входили, — ничего там в углу особенного нет: стол, стулья, стеллажи. . . Я условно назвал этот механизм повтора наяву своего мысленного действия самоподражанием.

Что будет, если человеку сказать: «Смотри в эту точку, а вон в ту смотреть нельзя» и особым прибором фиксировать движение глаз? Испытуемый, сам того не осознавая, будет постоянно поглядывать в запрещенную точку.

Но мы, взрослые, если хотим, конечно, можем противостоять этому искушению. А вот дети не могут. Скажите ребенку до трех-четырех лет: не бросай шарик — и он его тут же бросит. Вы его накажете, и совершенно напрасно. Он ведь не из вредности его бросил — просто мысленно представил себе это действие, а не повторить его в реальности пока не может, потому что мысленный и действительный планы для ребенка еще слишком слиты.

Вот один из наших экспериментов с детьми, проведенных под моим руководством Е. И. Кузьминой. Дети бегают по комнате, играют. Потом мы делим комнату на две части — на пол кладем ленту-границу. И говорим: в ту половину, что за лентой, ходить нельзя, играйте здесь. Знаете, что тогда происходит? Самые маленькие тут же, как по команде, выбегают в запретную половину. Они, как я уже сказал, иначе не могут. А тем, кто постарше, тоже не терпится, но действуют они хитрее. Одни ходят прямо по границе — как Чарли Чаплин в фильме «Золотая лихорадка». Другие одной ногой остороженько ступают за ленту — обследуют запретную территорию. Третьи, самые изобретательные, будто бы нечаянно выкатывают туда мяч и бегут за ним с невинным видом.

Ребенок осваивает запрет, совершая запрещенное действие. И только на десятый или сотый раз он сможет представить себе — и не сделать. Возможно, есть смысл сначала дать ребенку возможность в игре, в искусственной ситуации освоить какое-то действие — что-то сломать, бросить, разбить, разрисовать, — а потом уже запрещать. . .

— *Допустим, механизм самоподражания понятен, но какое он имеет отношение к риску?*

— Когда вы мысленно прикидываете будущее рискованное действие, возникает страх, потому что последствия в случае не «пан», а «пропан» тоже проносятся перед мысленным взором. В этот момент и происходит потрясающе интересная вещь! Страх резко ослабляет самоконтроль, выработанный с возрастом, и вы будто превращаетесь в ребенка, к вам из детства возвращается усиленное, навязчивое самоподражание — подражание своим представлениям. И вы совершаете этот рискованный поступок.

Вот вам исток склонности к риску. И ответ на загадку. Опасность притягивает, манит, а на самом деле притягивает, манит мысленное действие, которое мы на фоне страха не можем не повторить. Поэтому, когда нам не только запрещают что-то делать, но еще и запугивают нас последствиями, часто добиваются как раз противоположного.

Механизм самоподражания, возможно, универсален; я полагаю, он лежит в основе многих вредных привычек. Люди в разной степени склонны к самоподражанию — к подражанию своему мысленному действию, вызванному запретом. Для некоторых запрет — прямое побуждение к поступку. Между прочим, алкоголь превращает мысль и действие в сиамских близнецов; недаром говорят: что у трезвого на уме, у пьяного — на языке. Человек становится тенью своего воображения, контролер в лице воли уже бессилён. Поэтому, кстати, невозможно покончить с пьянством лишь бесконечными призывами «не пей», «не пей», это может оказывать эффект, противоположный цели. Но эту психологическую особенность человек способен преодолеть, справиться с собой. Тут за самовоспитанием — безусловное первенство, нужно только человеку психологически грамотно помочь.

Курение, переедание, вообще несдержанность отчасти можно объяснить эффектом самоподражания. Сейчас врачи нашли так называемую «травматическую болезнь»: с некоторыми детьми постоянно что-то происходит — они падают, куда-то проваливаются, ломают руки и ноги. . . Я убежден, что одна из причин такой болезни — усиленный механизм самоподражания. С помощью специальных тестов можно выделить таких отклоняющихся от нормы детей до того, как с ними что-то случится, и вести с ними особую работу.

— *Странно: механизм один и тот же, по у кого-то он включает тенденцию к риску, которая всегда сопутствует сильному характеру, — альпинисты, горнолыжники. . . А у других место риска получают вредные привычки, которые есть дань характеру, наоборот, слабому.*

— Так и есть. Потому что механизм самоподражания — только «пусковая кнопка», а что она будет запускать, зависит от человека. У алкоголика самоподражание работает постоянно, круглосуточно, и вызвано оно слабоволием. Возможно, само слабоволие — следствие гипертрофированного самоподражания. А возможно, они — напарники, действуют совместно и усиливают эффект. . .

Риск бывает разным, может «сотрудничать» и со слабоволием, и сильной волей. В первом случае человек не устоит перед тягой к самоподражанию, тем более усиленному опасностью, страхом, и его тянет в опасность, как бабочку в огонь. Помните героя романа Достоевского «Игрок»? Он не мог не играть, хотя знал, что проиграется, что вся жизнь его из-за этой игры рухнет. Во втором случае человек всегда, в любой ситуации способен подавить стремление к самоподражанию. Способен и в момент опасности и может отказаться от рискованного действия. Но может и не отказаться — и пойти на риск сознательно. Здесь двухактное действие: самоподражание, импульс к риску — раз, и осознанное принятие решения — два.

— *Получается парадоксальная вещь: чтобы не рисковать, ну мена сильная воля, а чтобы рисковать, она вовсе не требуется. Но трудно представить, что слабовольный, трусливый человек рискнет без мощного стимула съехать на горных лыжах с крутого склона или «выкинуть» еще что-то в этом роде.*

—Сначала страх толкает на риск, но вот очень сильный страх, дошедший до определенной черты, наоборот, сам становится барьером, непреодолимым препятствием на пути к рискованному поступку. А чтобы этот барьер преодолеть, нужна сильная воля.

—Но почему люди с сильной волей рискуют — они же могут с собой справиться?

Если риск привел к травме, моральной или физической, человек впредь рисковать, наверное, не станет. А если наоборот? Рискованный вариант станет еще дороже: преодолен страх, одержана какая-то победа над собой. Тогда опасность начинает притягивать — она обещает огромное удовлетворение, чувство освобождения, катарсис. И в человеке крепнет склонность к риску, риск становится для него самоценностью. Причем повторение пройденного, та же степень опасности катарсиса уже не вызовет. Следовательно, нужно ее усилить; нужны новые, более суровые условия, более трудные рубежи, более отвесные скалы: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал. . . »

—И все-таки одно звено в вашей логической цепочке остается непонятным. Если мы мысленно представляем себе любое действие, почему самоподражание работает именно при запрете? Иными словами, почему сладок именно запретный плод?

—Действие со знаком «надо» мы совершили — пусть только мысленно — и забыли про него. А то, что со знаком «нельзя»? Удерживаемся, крепимся, собираем всю имеющуюся волю. . . Но представлять-то мы его каждый раз представляем, импульсы к действию накапливаются. В результате притягательность этого действия умножается, многократно усиливается — и мы его все-таки совершаем. При этом съедаем уже не одно пирожное, а пять.

То, что цепочка «минусов» оказывается сильнее и приманчивее, чем одинокий «плюс», опять выводит нас за пределы психологии, в область педагогики. Точнее, связывает психологию с педагогикой. Однако, как оказалось, самое интересное ждало меня впереди.

Через исследование риска я вышел к более широкой, фундаментальной проблеме психологии.

Обычно активность человека всем кажется целесообразной, на что-то направленной, предопределенной какими-то готовыми целями, мотивами, стремлениями, побуждениями. Если я не понимаю, зачем кто-то что-то делает, то только от незнания, надо разобраться, и цель обязательно обнаружится. И все мы без конца реконструируем цели друг друга, приписываем друг другу какие-то мотивы, потому что в глубине души убеждены: немотивированных действий не бывает.

Такое упрощенное представление о человеке не чуждо и психологам. Они классифицировали все, казалось бы, возможные мотивы: гомеостатические — человек стремится к снятию напряжения; гедонистические — человек стремится к наслаждениям; прагматические; альтруистические. . . Не находя источника некоторых поступков на уровне сознания, они опускаются глубже, ищут мотивы в подсознании. Ну не может же быть такого, чтобы их вовсе не было, этих мотивов, целей, пусть неосознанных. . .

Но изучая странный риск «низачем», я заметил, человек иногда вообще совершает действия «абсолютно лишние», избыточные относительно всех его уже имеющихся целей, мотивов, стремлений. Эти действия «сверх программы» я назвал надситуативной активностью.

Она обычно направлена в неосвоенную область, неосвоенную настолько, что тут еще нет каких-то предзаданных целей, побуждений. Все это формируется позже «по ходу дела».

Человек сначала действует, поступает как бы бесцельно, «низачем», лишь потом на основе этого неожиданного для себя самого действия оформляется

«ради чего».

—А сама надситуативная активность возникает совсем уж из ничего? Но так же не бывает. . .

—Я думаю, в какой-то момент у нас возникают избыточные возможности, которых значительно больше, чем требует задача. И мы начинаем эти избыточные возможности расходовать, тратить, воплощать — так обнаруживает себя надситуативная активность. Мастерство всегда рождает новые избыточные возможности. В результате деятельность приобретает собственный источник развития, становится самодвижущейся. Деятельность, творчество — перпетуум мобиле. . . Переживание «Я могу» постоянно переходит, трансформируется здесь в переживание «Я хочу», становится реальным мотивом действия. . .

—Но ведь считается так: сначала пойми, чего же ты хочешь, а потом думай, на что способен.

— . . . Вспомним, однако, в это первоначальное «могу». В нем, согласимся, уже представлена идеальная траектория возможного действия, а это, в свою очередь, означает, что в *мысли* это действие уже устанавливается, складывается. Избыточные возможности — своего рода *энергия* предстоящего действия, а вот что именно представляет предмет переживания «Я могу», определяется действием механизма самоподражания, и кроме того, вероятно, еще и многими другими побуждениями-стимулами.

Совместно с психологом А. Н. Скрыгой мы проводили эксперимент по предложенной мною схеме. Вначале у испытуемых фиксировался исходный уровень стремления к риску. Затем мы ставили испытуемых в ситуацию, в которой фактор угрозы отсутствовал, а возможности точно выполнять деятельность росли. Потом мы вновь ставили испытуемых в ситуацию потенциального риска. Оказалось, что, после того как возможности испытуемых выросли относительно первоначальных настолько, что образовался некий избыток, тенденция к риску резко усилилась.

Таково следствие определенного *сочетания* мотивов. И это сочетание, или, скажем так, композиция мотивов, подобно некоторым музыкальным композициям, не отождествима каким-либо одним «мотивом», объединяющим их все; чтобы заранее устранить неясности в данном пункте, я повторю: причина, согласно которой человек действует, конечно же, существует, но это — не «целевая» причина. Вот почему желание рискнуть — вот так «бескорыстно» — кажется человеку чем-то иррациональным, словно бы осталось «что-то», чему нет толкования.

—Но, может быть, дело вовсе не в том, что избыток возможностей рождает стремление к риску, а в том, что у человека возрастает уверенность и он попросту перестает бояться? Сами посудите: раньше он сдерживался, а теперь уже может позволить себе нечто большее. . .

—На этот вполне естественный вопрос отвечают исследования другого нашего сотрудника А. Л. Крупенина. Он придумал весьма остроумный способ повышать уверенность испытуемых относительно точности своих действий в экспериментах по риску. В одной из серий автор вручал испытуемым некий металлический стрелен, уверяя их в том, что это особый прибор — «суггестометр»(!) — посредством которого якобы можно повышать точность своих реакций («суггестометр» через всевозможные передаточные устройства и провода был «подсоединен» к испытуемому; стоит ли пояснять Вам, что этот чудо-прибор — просто штырь, используемый экспериментатором как средство внушения?) В результате выяснилось, что уверенность испытуемых в точности своих действий, как и ожидалось, росла, но само

по себе это обстоятельство отнюдь не отражалось на их склонности к риску.

Очевидно, для того, чтобы влечение к риску, обусловленное действием механизма самоподражания, утвердилось и выступило как подлинное желание рисковать, мало просто уверенности в том, что можно позволить себе рискнуть. Необходимо почувствовать, что ты сам — источник своей способности к риску, и тогда риск для тебя — это способ разведки своих возможностей.

— *Разведка боем?*

— Да. Более того. Само первичное влечение к риску есть результат такой же разведки: запрещено? — а что будет, если? . , опасно? — а насколько опасно? Продвигаясь к опасному краю — пусть мысленно — человек испытывает свою способность *быть*, длить свое бытие, — перед лицом возможной угрозы. Человек здесь *субъект самого себя* — автор себя и властелин над собою.

Свободно и ответственно выбирая непредсказуемое, непредрежденное — человек предпринимает свое бытие как субъекта. Не эта ли наша способность *предпринять непредрежденное* есть самое человеческое в человеке? И не кажется ли Вам, что без этого мы слишком походили бы на роботов, пусть совершенных, с очень тонким, «многоуровневым» устройством, но все же только роботов?

Надситуативная активность — айсберг, и опережающие, забегающие вперед действия — лишь надводная его часть. В это время в человеке происходит колоссальная внутренняя работа: вынашивание и рождение новой цели — и это тоже надситуативная активность.

Согласно многим психологическим концепциям, фундамент личности, все ее цели, мотивы закладываются в детстве, в юности. . . Потом в здании возможны реконструкции, грандиозные перестройки, но все на том же фундаменте. То есть возможна перекомбинация мотивов, какие-то «прячут в чулан», какие-то, наоборот, вытаскивают, но в целом набор-конструктор мотивов не изменяется. Но, думаю, это не так: могут появляться и совершенно новые мотивы, и, подчеркиваю, совершенно новые фундаменты. Правда, вновь явленная цель может быть вовсе не новой для культуры вообще; важно, что она новая для самого человека, что раньше в нем этого совсем не было.

— *Но возможен ведь и другой путь развития личности.*

Скажем, заимствованное у нее имеющихся, бытующих в культуре целей.

Если я беру готовую цель напрокат, то при этом создаю лишь условие, лишь предпосылку развития. Это усложнение, обогащение, «обеспечение» моей личности — называй

те как хотите, — только не развитие в собственном и точном смысле этого слова. Развитие — это самодвижение, когда источник, двигатель находится внутри.

— *Итак, надситуативная активность помогает нам быть людьми, личностями. Вы хотите сказать, что надситуативная активность — это и есть, собственно, личностное в человеке?*

— Это лишь одна «образующая» личности — выход человека за пределы самого себя. Первоначально мне казалось, что и определение личности можно построить, опираясь, в основном, на представление об этом «выходе». . . И все-таки личность человека — это нечто большее.

— *Об одних людях мы говорим «личность», а о других. . .*

— Вот именно! Увы, не о всяком человеке, положив руку на сердце, мы говорим как о «личности». Надситуативность — необходимое, но еще не достаточное условие того, чтобы человек состоялся как личность. Выскажу эту же мысль по-другому: если надситуативная активность — это выход человека в другие миры, то что же это за миры, в которые человек входит? Я думаю, если бы, действуя, даже столь дерзновенно (творя, рискуя, испытывая себя), человек не отражался ни в ком из других людей, то и существование его как личности было бы под вопросом. «Личностность» (слово это мы встречаем у Ф. М. Достоевского)

определяется значимостью его для других людей, и в частности, продолженностью его Я в других. Без жизни в других нет личности.

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО

— *Так вы утверждаете, что личность, или как вы предпочитаете говорить «личностность» человека, может существовать вне его плоти и крови, вне его тела, где-то совершенно отдельно, помимо? И сама по себе? Да еще живет своей жизнью и действует самостоятельно, не спрося разрешения хозяина?*

— Человек ответственен за то, как он живет в других людях. Но в таких литературных фантастических приемах, когда тень или, скажем, нос бросают героя и начинают жить отдельно, есть большая доля правды.

Для наглядности расскажу о двух экспериментах, которые мы с сотрудниками НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР недавно провели сразу в нескольких городах.

Экспериментатор в классе произносит отдельные слова, а семиклассники должны для каждого слова быстро записать слово-ассоциацию. Учитель никакого участия в эксперименте не принимает, сидит себе тихо или прохаживается между рядами. Ученикам заранее дают понять, что листочки с ассоциациями попадут сразу к психологу и учитель их даже не увидит. Опыт повторяется несколько раз, меняются только педагоги. Причем одни учителя, по нашим заранее проведенным психологическим обследованиям, люди творческие, а другие не очень-то. Затем по специальному частотному словарю мы выявили уровень оригинальности ассоциаций. Знаете, что получилось? В присутствии творческого учителя оригинальность ассоциаций резко возрастает.

И второй эксперимент. Школьники должны решить задачу — не списывая друг у друга, не отступая от определенных правил. Хотя сразу понятно, что, отступая от этих правил, решить задачу легче. . . Все взрослые выходят. Только одна деталь — в классе как бы случайно оставляют фотопортрет учителя. опыты повторяются, меняются лишь лица на фото. Так вот, одни портреты никак не влияли на честность учеников. Кто всегда списывает — тот и сейчас списал, кто привык решать сам, да чтоб потруднее было, — решил сам и по правилам. Другие портреты вызывали просто массовое «падение нравов» — даже самые справедливые изменяли себе! Но была и третья группа портретов. При взгляде на них все словно забывали напрочь, что можно судить, и честно пытели над трудной задачей.

. Эти эксперименты, как и многие другие, основаны на методе, который я предложил в связи с разработкой представлений о личности как субъекте «идеальной представленное™» в других людях — отраженной субъектности.

Итак, я утверждаю: «географически ваша личность может быть расположена вне вас, за пределами вашего физического бытия». Где именно? Есть люди, для которых мы значимы. Мы в них производим большие перестройки. Наш образ в их сознании — не просто старая фотография, которая пылится в задних отсеках памяти. Наш образ там действует! Советует, спорит, кого-то защищает, мешает совершить какой-то поступок или, наоборот, на что-то толкает. . . Вот тут и есть главное в нашей трактовке личности: Если активно живущие в других людях образы сложить, если сложить все вклады, значимые изменения, которые мы совершили в других, — сумма и будет являться нашей личностью. Если же человек ни в ком не персонализируется, ни в ком его образ не живет, — этот человек, говорим мы, — безличен.

Существенное в личности, таким образом, выносится на острие активности человека, за скобки его внутреннего мира. Только прочерчивая некоторую траекторию в другом, человек и проявляется впервые как личность и становится впервые личностью. Вот мы говорим о человеке: душевный. Но попробуем отыскать его душевность внутри самого человека. Не найдем! Да и сам человек о себе никогда бы не мог сказать: знаете, я — душевный. . . И дело тут не в скромности, а в том, что душевность есть переживаемое одним человеком бытие другого в нем.

Появляется возможность выявить меру личностности человека, силу его

представленности в других.

Теперь, поднявшись на новую площадку психологического обзора, отыскав истинное, как мы считаем, местонахождение личностного в человеке, исследователь замечает существование особой потребности человека. Все люди, часто того не осознавая, стремятся обязательно присутствовать в других — хоть как-то, хоть в каких-нибудь уголках души. Эта потребность еще в ком-то жить — одна из ведущих, она скрытый источник множества наших поступков, стремлений, чувств.

Вы замечали, в ситуации, когда человек любит, он особенно остро ощущает себя личностью. Мое «Я» резко увеличивается, становится бесконечно большим, потому что оно поселяется в другом человеке. И там, в новом доме, затевает грандиозные перестановки. Оно творит другого человека, перестраивает. А этот другой поселяется во мне. Любовь — великое переселение. И влюбленные — всегда личности. . .

Любимый человек уходит. . . Бросил, значит, забыл; значит, я перестал жить в нем. Границы моего бытия резко сужаются, мое «Я» как будто вообще перестает существовать. И желание мстить, которое иногда возникает, — не что иное, как желание не дать забыть себя, не уменьшиться, сохраниться. Мы это стремление стараемся в себе подавить и лишь недоумеваем: откуда взялись эти «дурные» чувства, как могли возникнуть — ведь наша любовь еще не прошла? Гораздо легче пережить уход любимого человека, если мы знаем, уверены, что нас помнят.

Примерно то же мы испытываем, когда нам изменяют. Измена означает, что в другом человеке рядом со мной поселился еще кто-то, он вытесняет меня, я сам становлюсь меньше, перестаю существовать.

—Алиса в стране чудес то уменьшалась, выпив волшебные капли, то вдруг непомерно выростала, съев волшебное пирожное. А мы в жизни прямо так, без всяких волшебных средств, — становимся лилипутами. . .

—Или великанами. Ревность же — это стремление вернуть себе исходную — на момент любви — величину.

—Получается, любовь — это стремление поселиться в ком-то. Но мне кажется, что все наоборот. Другой поселился во мне, я с ним все время мысленно разговариваю, советуюсь — потому и люблю. Разве те так?

—Замечена интересная закономерность. Как известно, обстоятельства, при которых супруги впервые познакомились, бывают разные. Объектом одного исследования стали пары «спасенный — спаситель» — в прямом смысле этих слов. Допустим, он ее защитил от бандитов или она его, тонущего, вытащила из моря. . . Оказалось, что процент брачных союзов гораздо выше, чем в «нормальной» жизни. Но интереснее другое: кто — спасший или спасенный — обычно был инициатором брака?

—По идее, спасенный должен сильнее любить своего героя.

—А на самом деле предложение делали чаще всего имен но герои, спасители. То есть не те, в ком поселился другой, а те, кто поселился в другом. Вообще, мы любим тех, кому когда-то сделали добро, — в них мы запечатлены в розовых красках, в них лучшая часть нашей личности. В них наш парадный автопортрет. И как же мы не любим, даже ненавидим людей, которым причинили зло. Они, как портрет Дориана Грэя, вобрали в себя худшие стороны нашей индивидуальности. Сказано: мужчина любит женщину за то хорошее, что он ей сделал, и ненавидит за ту боль, которую ей причинил. . .

—Но разве тот, кто в любовной паре главенствует, вы ступает потом инициатором разрыва с тем оке «успехом», что и «ведомый» партнер?

—Мы воплощаемся в другом человеке сообразно своей собственной глубине. Но когда этот колодец вычерпывается, человек остывает. У многих очень быстро

пропадает интерес к другому человеку, потому что собственный их внутренний мир устроен страшно мелко. Просто быстро опустошается. Другой мне неинтересен, потому что сам я неинтересен.

—*Тогда выходит, самые глубокие люди — однолюбы? А как же талантливые, но не постоянные? Каждый из нас таких людей знает.*

—Иногда люди стремятся воплотиться в другом не во всей своей глубине, не во всей своей индивидуальности, а лишь одним фактом — «я талантлив». Убедил в своей одаренности, обозначил в другом свою талантливость — и успокоился. А вообще понять, почему мы хотим воплотиться именно в этом человеке, а не в другом, невозможно, если не знать о механизме персонализации главного: почему мы вообще хотим быть продолженным в других?

За этим стремлением, видимо, стоит наше древнее, изначальное стремление к бессмертию.

—*Обрести чувство бессмертия, продолжая себя в других? Но мне трудно поверить в это! То есть умом я бы еще и могла принять это, но вот чувствами. . .*

—Пожалуй, тут вы правы. Признать идею бессмертия как «бытия в другом» мы можем только рационально. Иногда, правда, в моменты рождения истины, во внутреннем диалоге с другими, нас озаряет, по меткому выражению известного советского ученого Б. Г. Кузнецова, «ощущение бессмертия». Но я сейчас говорю не столько о мгновенном ощущении бессмертия — оно вспыхивает и гаснет, — сколько о постоянном чувстве — предвосхищении: я буду жить после. . . Жить в другом — это, скорее, свидетельство мысли, а не заключение чувств. Для взрослого человека.

Но вот дети. . . Есть такие периоды в их жизни, когда они категорически отвергают мысли о собственной смерти, считают, что будут жить всегда. Именно в эту пору им можно и, быть может, должно прививать идею бессмертия в других. Это такой этап развития, когда не только рационально, но и эмоционально мы в состоянии обрести понимание бессмертия как бытия человека в человеке.

Что же касается потребности в бессмертии как продолженности, то она присутствует почти всегда и во всех нас. В идеале мы хотели бы существовать во многих и многих людях. Но наши возможности здесь ограничены. Поэтому для персонализации я выбираю человека, который представляет для меня всеобщее и, следовательно, как бы соотносит меня с целым миром. И объектом моей любви является такой человек, который воплощает в себе мой идеал как средоточие тех, в ком я мог бы обрести свою продолженность, свое бытие в других.

—*К чему же мы прийти? Очень грустно. . .*

—Что именно?

—*Что мы любим другого человека за то, что мы в нем продолжены — не эгоизм ли это с нашей стороны? Да мы вообще не его любим, а себя в нем! Наш любимый человек — футляр для нашей индивидуальности. . .*

—Я так понимаю, что это уже вопрос ко мне не как психологу, а как к человеку? В принципе, тут мы с вами равны, но я попробую ответить. У вас не вызывает протеста утверждение «человек любит только потому, что он не может не любить»? Ну вот, а я скажу абсолютно то же самое, только другими словами: «человек персонализируется в другом, потому что не персонализироваться не может». Эта потребность — как потребность дышать, двигаться, познавать. И если мы назовем эти естественные потребности корыстными, то и вся наша жизнь — корысть. . .

Другое дело чем персонализироваться человеку. Он, например, может стремиться доказывать, что он лучше всех. Весьма эгоистическое побуждение! И, кстати сказать, страдает от него сам не меньше, чем другие. Я мог бы вам рассказать об исследованиях, в которых зарубежными психологами показано, что в конкурентном

мире у человека развиваются две потребности: одна из них — чтобы его любили, а другая — быть лучше всех. Они абсолютно несовместимы и, сталкиваясь в человеке, ведут к невротическим расстройствам. Но у человека может быть и другая система жизненных ценностей. Например — истина, справедливость. Такой круг убеждений и интересов, когда собственное >7 — не наивысшая ценность. И если человек персонализируется в другом именно этим, можно ли его объявить эгоистом?

— Ну, а с любовью-то как?

— Не стоит вообще в анализе взаимоотношений с любимым человеком мучиться какими-то своими якобы эгоистическими мотивами или приписывать себе самопожертвование ради другого. Ну, как это бывает: «Мне кажется, я сделал это для нее, а на самом деле, если вдуматься, то для себя, тогда то нехорошо, стыдно, ужасно. . . » Если бы мы все делали исключительно «для нее» — разве это была бы любовь? Это была бы жертвенность — при чем тут любовь? В любви вообще не бывает «для нее» и «для себя». На досознательном, чувственном уровне граница между «мною» и «ею» стерта, любовь — это слияние. Полученное целое — это не «я» плюс «она», это не что гораздо нас обоих превосходящее. Когда же мы пытаемся перевести любовь на язык логики, разделяем целое — а вернее, просто рвем по живому — на части, получаем якобы-эгоизм или якобы-жертвы. А это ложь, у любви логика своя. По отношению к любимому человеку я не альтруист и не эгоист. Кто же я? Да очень просто: я ее люблю.

— У вас получается, что если человек ни в чьей душе не поселился, он не личность. А как же люди одинокие, которые не смогли найти близкого человека?

Личность характеризуется не только духовной потенцией, но и способностью эту потенцию реализовать, одарить своим богатством еще кого-то. И люди, не обладающие этой способностью, — как личности, увы, не состоялись. Неумение найти человека, которому ты был бы нужен, — это настоящая беда. Только с ней нельзя смиряться! Надо бороться за себя, что-то предпринимать. Я так говорю: «нельзя», «надо», потому что знаю, какая это проблема для человека, — невозможность ни в ком продолжиться. Не берусь подписываться под строчкой поэта: «одиночество — не горе, одиночество — вина». Но все-таки думаю, что каждый человек несет ответственность за то, использовал ли он все до последней возможности, что бы стать личностью.

И все лее я тут чего-то не понимаю. Синий цвет вовсе не синий цвет, пока его не восприняла хотя бы одна пара глаз, он лишь определенная длина волны. Красивый пейзаж вовсе не красивый, пока его не увидел человек. Везде требуется свидетель.

Но вот человек интересный, необыкновенный в душе, а в душе его никто не заглянул, так сложилось — неужели он не личность?

— Иными словами, может ли человек быть личностью на необитаемом острове?

— Да, или скажем, среди людей, ему чуждых, которые его не понимают и никогда не поймут.

— Да, может. Помните Стрикленда? Герой романа Мозма «Луна и грош»? Современники его не понимали, и он со временем добивается их понимания. Ему нужно было выразить на холсте ту красоту, которую он ощущал в себе, почти не видел, но которая имела какие-то расплывчатые очертания, ускользала от него. Он уехал на Таити, там тяжело заболел, но продолжал искать. И однажды, уже перед смертью, он уловил эту красоту, выплеснул ее и увидел воплощенной. И все сжег. Ему было важно именно самому увидеть эту красоту, за которой он гнался всю жизнь. «Эксперт» жил в нем самом.

Человек может делать вклады в себя, как в другого, может только себя, за неимением другого, переделывать и строить. И тогда перед самим собой, наедине с собой он все-таки будет личностью.

Впрочем, может быть дан и другой ответ. Примете ли вы его или нет — это будет зависеть от того, смог ли я вас убедить в том, что жизнь человека в человеке — это

действительно жизнь, а не отблеск жизни.

—*Как будто бы да. . .*

—Если человек действительно живет в другом человеке, то «быть личностью» это значит быть обращенным также и к нему, живущему в тебе идеально, быть значимым для него. Этого человека нет рядом, или даже нет на свете, но он жив для меня, и я могу чувствовать себя живущим для него. Личность — бытие человека для человека, существующего физически — вне меня, или только идеально — во мне.

В нашем «Я» слито множество голосов. Иногда они распадаются на два или три, с которыми я мысленно советуюсь, спорю. Но чаще всего они смешаны, подобно тому, как в белом смешано множество цветов. Вот только нет такой призмы, которая могла бы полностью расщепить их, дать зазвучать каждому. Психологи, психотерапевты, гипнологи ищут такое средство. В частности, и метод отраженной субъектности может служить той же цели. Иногда удается пробудить некогда звучавшие голоса — те, что требовали от человека чего-то, наставляли его на путь праведный (впрочем, — и на неправедный тоже). Человек следует этим программам, искренне убежден в том, что это именно «он» — автор своих поступков. В действительности же, как свидетельствует опыт психотерапевтов, оказывается, что они некогда заданы ему кем-то. Вообще, когда человек говорит или думает: «это я делаю для себя!» — ему всегда можно поставить вопрос: для кого — в себе — ты это делаешь? — для живущих в тебе отца, матери, возлюбленной?

—*Выходит, одинокий человек не так-то уж и одинок, если у него есть такие внутренние собеседники?*

—Хорошо, если б так, да не так!.. Во-первых, дело тут вот в чем. Полноценно общаться — это значит, что каждое его или ее слово в ответ на мое подтверждает или опровергает мои ожидания. Я должен обязательно знать, ошибался я или нет, прогнозируя реакцию собеседника. Кроме того, я именно стремлюсь удостовериться в истинности моих прогнозов, а это, в свою очередь, значит, что я сомневаюсь в них. Когда мы общаемся с окружающими нас людьми, оба

условия обычно выполнимы. Мы сомневаемся и, в то же время, преодолеваем свои сомнения. Общаясь с «внутренним собеседником», мы, чаще всего, либо тонем в сомнениях и догадках (когда реакция собеседника непрогнозируема), либо движемся по накатанной колее (когда реакцию собеседника, как говорят, можно «вычислить»). В обоих случаях общение ущербно и может вести, как свидетельствуют имеющиеся здесь клинические и экспериментальные данные, к мучительному и непродуктивному «заикливанию». Повторяю, без устранения сомнений нет общения, но и без элемента сомнения подлинной заинтересованности в общении нет. Помните тютчевское: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. . . » А что, если бы мы всегда предугадывали?!

. . . И собеседников себе, пусть неосознанно, подбираем «непрогнозируемых». Так, чтобы была доля возможного несовпадения между словом и его отзвуком. Может быть, это как раз та щепотка соли, которая придает вкус нашему общению. Не отталкивает, а наоборот — вовлекает в общение. Это не значит, конечно, что мы находимся во власти стремления оставаться непонятыми. Наоборот, смысл общения — того самого, которое по словам Экзюпери есть «роскошь», — в достижении предельного соответствия между тем, что открывается мне, и тем, что я хочу приоткрыть для своего собеседника. Просто резонанс, на который я внутренне рассчитываю, должен быть для меня возможен, но не гарантирован. . . Здесь вновь перед нами феномен неадаптивности, только уже в сфере общения.

—*Конечно, интереснее играть в шахматы с реальным соперником, а не с самой собой. Но и здесь есть свои исключения, и, кроме того, возможны неожиданности. Надеюсь выиграть, и вдруг — проигрываю! Может быть, и общение с теми, кто «поселился» во мне, таит в себе нечто подобное?*

—Есть и второе обстоятельство, отделяющее общение во внутреннем плане от общения наяву. И оно, пожалуй, самое важное! Но вначале хочу согласиться с вами. Замечено: люди, оказавшиеся в одиночестве, начинают творить.

Творчество наедине с собой — это, думается, попытка «расторгнуть невидимых собеседников», «услышать» их голоса, дать им разыграть пьесу, развитие которой непредсказуемо. . .

Проведем небольшой эксперимент. Вот «реквизит» опыта: образ небольшой упругой пружины, которую вам придется сжать. Я не оговорился: речь идет именно об образе пружины, а не о физической вещи. Теперь — сам опыт, который потребует минимального воображения. Вы должны мысленно взять эту пружину и представить, что вы сжимаете ее пальцами. . . А теперь, опять таки мысленно, отпустите пружину. Разожмите пальцы. Видите, что произошло? — Она распрямилась. Сама. Без всякой вашей помощи.

Так и другие в нас: живут, действуют, согласно собственной, только значительно более сложной, логике самодвижения. Вспомните какой-нибудь из своих снов, в котором «герои» совершают непредсказуемые или независимые от нашей воли поступки. . .

—И все-таки вернемся к вопросу об одиночестве.

—Сколь бы «гостеприимной» для других людей ни была бы территория моего «Я», сколь бы непредсказуемы ни были их диалоги и действия, ограниченность человека рамками его собственного внутреннего мира — это его подлинная трагедия. Потому что неустранима потребность людей выходить за пределы себя, творить себя для другого, проникать в жизнь окружающих.

«Жизнь ведь тоже только миг,

И только растворение

Нас самих во всех других,

Как бы им в дарение» — писал Борис Леонидович Пастернак.

Входя в жизненные миры других людей, человек дает выход своей активности — той самой «волшебной смеси», которую мы с вами узнавали под разными именами: творчество, познание, риск, свобода, общение.